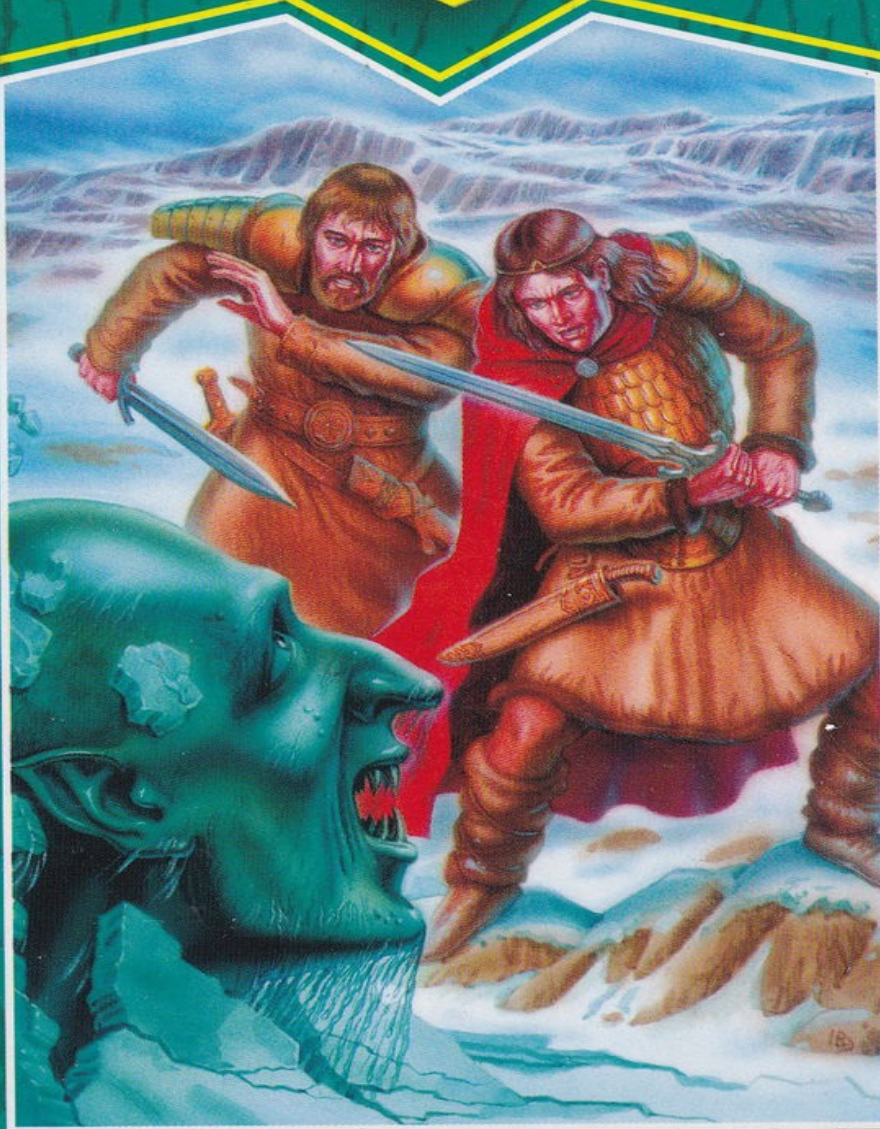
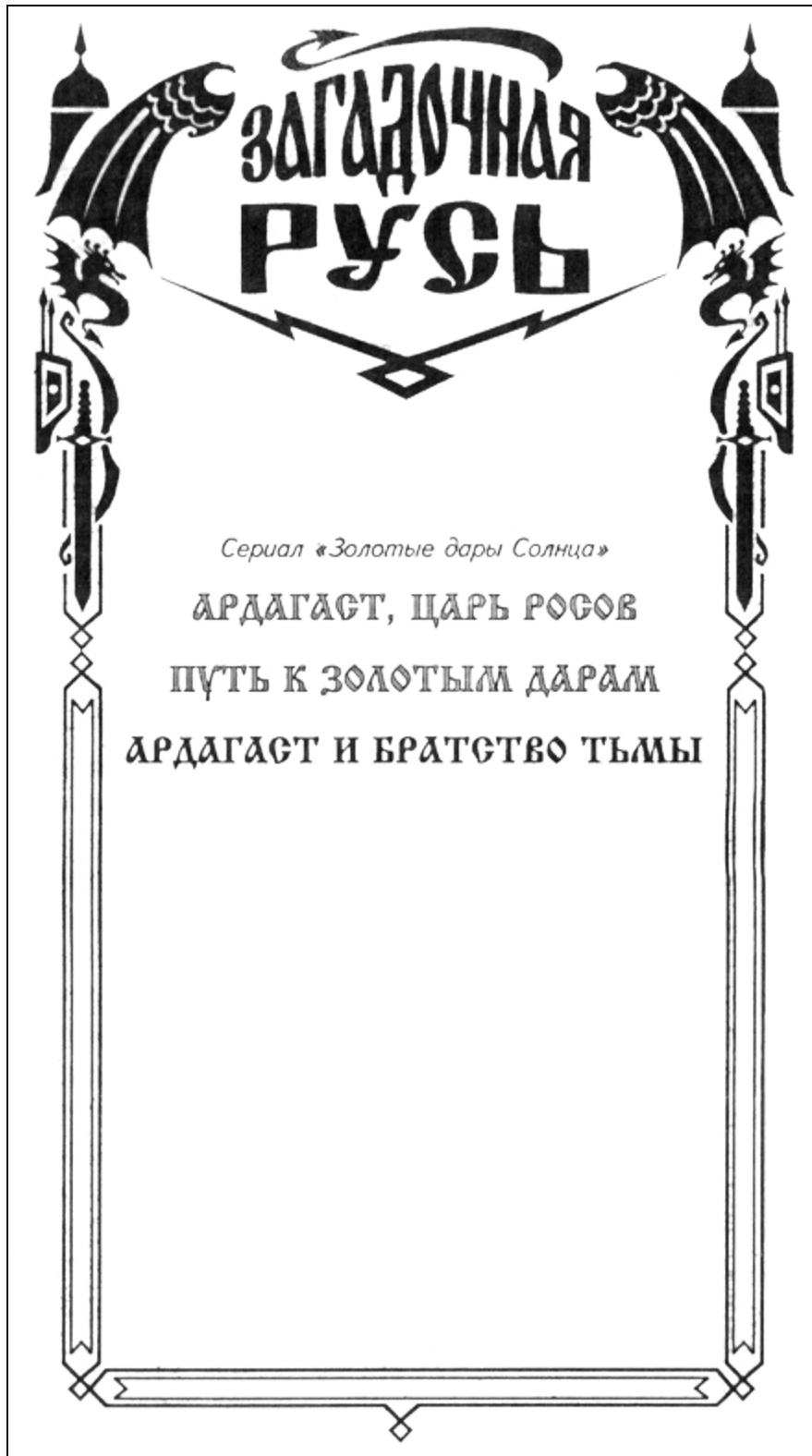

ДМИТРИЙ БАРИНОВ

АРДАГАСТ И БРАТСТВО ТЬМЫ

Могущественный и благородный царь росов Ардагаст продолжает объединять земли северных народов. Встревоженные укреплением варварской державы, ромейские маги, объединившиеся в Братство Тьмы, решают уничтожить её, двинув на восток тёмные полчища во главе с духом безумного императора Нерона...

Ардагаст
и Братство
Тьмы

РОМАН

Полуденная жара царила над городом Эдессой, столицей Осроены^[1]. Притихли торговцы и уличные прорицатели, зазывалы и проповедники, фокусники и сводники. Солнцу-Шамашу здесь повиновались усерднее, чем кесарю Титу, царю царей Пакору и царю Осроены Абгару. Все, кто мог, прятались от зноя за толстыми сырцовыми стенами. Тихо и прохладно было и в доме владельца гончарной мастерской Теренция Максима. Хозяин дома, сидя за столом, внимательно глядел в большое серебряное зеркало, вокруг которого обвивался, держа во рту свой хвост, отлитый из чёрной меди дракон. Над удивительным сходством этого гончара с Нероном посмеивалась вся Эдесса. Но лишь самые посвящённые знали, что в его тело недавно вселилась душа Нерона. Двое из этих посвящённых — Валерий Рубрий, легат Пятнадцатого Аполлонова легиона, и Клавдий Валент, великий маг и иерофант^[2], — сидели сейчас рядом с ним.

Толстое надменное лицо хозяина, обычно отмеченное печатью скуки и презрения к прозе жизни, особенно в захолустном евфратском царстве, оживлялось теперь любопытством. В начищенном серебре ясно, как в окне, были видны поросшие густым, уже убраным в осеннее золото лесом берега двух широких рек. К месту их слияния ехал отряд из полутора сотен всадников. Большинство было в коротких сарматских плащах поверх кольчуг и остроконечных шлемах. Отдельно держались воины с волчьими шкурами на плечах и женщины с распущенными волосами, в кожаных шлемах и панцирях.

— Так это и есть сарматы-росы и венецы? А с ними ещё и амазонки, и оборотни-невры? Занятно...

Маг слегка повёл рукой, изображение словно приблизилось к смотрящим. Стали хорошо видны передовые всадники. Среди них выделялся воин лет тридцати, с золотистыми волосами и лихо закрученными тонкими усами. Рукоять и ножны его меча блестели золотом. Голубые глаза глядели на мир смело, уверенно и весело. Рядом ехала темноволосая женщина в кольчуге, с красивым округлым лицом и раскосыми глазами и два воина могучего сложения: один очень смуглый, с пышными чёрными усами и громадным двуручным мечом, другой — светловолосый, в рогатом шлеме.

— Вот он, Ардагаст, царь росов и венецов, — пояснил Валент. — Это его старшая жена, тохарка Ларишка. А эти двое гигантов — его друзья и лучшие воины, индиец Вишвамитра и гот Сигвульф. В этой шайке есть даже эллин — Хилярх из Кизика, редкостный пройдоха.

— И этот варварский сброд, по-твоему, угрожает моей Империи? Они что, опаснее парфян? Клянусь Юпитером, ты, Левий, на ночных улицах Рима был смелее! — усмехнулся Нерон. Именно он и сделал беспутного юнца Левия бен Гиркана римским гражданином Луцием Клавдием Валентом.

Рубрий поднял седеющую голову:

— В моей храбрости ты, повелитель, надеюсь, не сомневаешься? Так вот, я этого Ардагаста видел ещё мальчишкой. Его ничто не утрашит и не остановит. Теперь он — лучший полководец Фарзоя, великого царя сарматов-аорсов. И добрая половина этого царства — лесные земли, покорённые Ардагастом. Он сам рос только по матери, а по отцу, венецу Зореславу, — потомок скифов-пахарей. И росы, и венецы величают его Солнце-

Царём. Даже покорённые им племена преданы ему...

— Больше, чем римляне мне? Охотно верю. Но чем эти дикие лесовики могут угрожать Риму? Кажется, Левий, твоя магия тебя подводит.

Маг глядел на императора невозмутимо и величаво. Длинные чёрные волосы и борода, обрамляя лицо Валента, делали взгляд его тёмных глаз ещё более проникновенным. Он повёл рукой, и в зеркале появилось простое добродушное лицо одного из всадников, безоружного, в белом плаще, с длинными светлыми волосами и бородой.

— Вот тот, кто сделал этого бродягу Солнце-Царём. Вышата, венецианский маг, лучший во всей Сарматии. Но и сам он — лишь щупальце чудовища, подобного Сцилле, имя которому — Братство Солнца. Это те, кто хочет сделать всех рабов свободными, а имущество — общим.

— Чему-то похожему учил этот рыбак-еврей. Как его... Симон, Пётр? — наморщил лоб Нерон. — Из его приверженцев я сделал в цирке хорошее зрелище для черни. Такая извращённая секта могла и впрямь поджечь Рим.

— Это лишь самые безобидные из тех, за кем стоит Братство Солнца. А в нём собрались сильнейшие маги Империи. И они непрестанно сеют мятежи, заговоры, вздорные и опасные учения. Их глава — Аполлоний из Тианы. Тот самый, что подстрекал Виндекса^[3] к мятежу, помог Веспасиану^[4] завладеть тронном, а теперь наставляет его сына.

— Проклятые колдуны! — Нерон стиснул кулаки. — Да можно ли противостоять им, а, Левий?

— В одиночку — нельзя, — спокойно ответил Валент. — Но я создал другое средоточие высочайшей магии — Братство Высшего Света. Невежды уже успели окрестить его Братством Тьмы. — Он саркастически усмехнулся. — В Свете и Тьме мы разбираемся получше их. Мы постигли, что этот грязный материальный мир, и сами наши тела, и низшие части души — творение злых и глупых богов, которое невозможно исправить. Добро возможно лишь в царстве духовного Света, превыше всех семи светил. А его достигнут лишь духи избранных — что бы ни творили их тела.

— За что я ценю философию, это за возможность не чувствовать себя скотиной, — глубокомысленно изрёк император.

— Так вот, — продолжил маг. — Ардагаст, то есть Вышата, затеял опасное для Империи дело. Есть три могущественных талисмана — плуг с ярмом, секира и чаша, выкованные на небе из солнечного золота. Некогда они принадлежали царям скифов-пахарей и почитались всеми скифами. Чашей Ардагаст с Вышатой уже завладели. А плуг и секира — в пещере у порогов Борисфена^[5]. Если все три талисмана достанутся росам — их царство станет не слабее царства скифов, одолевших Дария Персидского.

Рубрий ударил кулаком по столу:

— Одного моего легиона хватило бы на всё это Ардагастово царство! Если бы Империей правили не Флави, которые боятся хоть кого-то завоевать...

— Вот поэтому Ардагаст с дружиной и отправился преспокойно к истокам реки Ра^[6] за ключом к той пещере — золотой стрелой Абариса, великого солнечного мага. А эта стрела опасна... очень опасна. — Валент улыбнулся с видом факира, играющего с коброй. — Ею некогда завладел Пифагор. И принялся создавать общины, где имуществом владели все вместе, будто дикие венецы или финны. Вот соблазн черни, мечтающей о Царстве Солнца на земле!

— А ведь это солнечное золото пригодились бы Риму больше, чем варварам, — почесал жирный подбородок Нерон.

— Вряд ли. Оно приносит процветание и силу лишь праведному царству.

— Тогда оно точно не для Рима! — расхохотался император. — И вообще не для этого мира.

— И кто решает за людей, что праведно для них? Семеро глупых богов, каждый по-своему. Один из них — Солнце, Аполлон Гиперборейский. Это он шлёт в мир опасные золотые игрушки, морочит людей Огненной Правдой и Путём Солнца.

— Так сможет ли всё ваше Братство Высшего Света сопротивляться ему — богу? — с дрожью в голосе произнёс Нерон.

— Сможет! — Лицо Валента приобрело хищное выражение, он вытянул вперёд пальцы, унизанные перстнями. — Мудрый может подчинить себе магические силы всех семи светил, не связывая себя их законами.

Вот они, эти силы, — в семи перстнях, прозванных невеждами Перстнями Зла! И все они послужат тебе, мой господин и бог, и твоей Империи!

Лицо Нерона сияло самодовольством. Он чувствовал себя владыкой — не таким, каким был, а каким собирался стать: подобным царям-богам Востока.

— А Ардагасту я мешать не буду. Пока что. Пусть достигнет Рипейских гор, одолеет свирепых грифонов и одноглазых аримаспов — стрела всё равно достанется не ему, а другому. Тоже варвару, только более глупому, алчному и властолюбивому. А я позабочусь о том, чтобы золотые дары вызвали в Сарматии лишь новые усобицы.

В глубине лесов, раскинувшихся за Ра-рекой, на поляне сидели у костра угрюмые воины с чёрными медвежьими шкурами на плечах. Среди них выделялись двое самых могучих. У одного из шпанин торчали когтистые медвежьи лапы, второй же выше пояса был самым настоящим медведем, а ниже — человеком. Этих воинов звали Чёрными Медведями и «защитниками леса», а возглавляли их полумедведи — братья Шумила и Бурмила Медведичи. Разбойная эта дружина нещадно мстила росам и всем, признавшим власть росов.

Глаза воинов были устремлены на красивую пышнотелую женщину, лежавшую неподвижно, будто покойница, на ложе из еловых лап. То была сестра Медведицей — колдунья Лаума. Вернее, её тело. Дух же улетел далеко — к удмуртским злым колдунам.

— Загулялся что-то сестричкин дух. Может, не будем ждать да ударим сейчас на Ардагаста? Ночью самое время, — вполголоса спросил брата медвежьеголовый Бурмила.

— Подпалит он тебе шерсть и морду солнечной чашей, так будешь знать, когда ударять... У него теперь людей больше, а стан ночью стерегут волколаки-нуры или Шишок, царский леший.

Вдруг на толстую ветку дуба, нависавшую над поляной, опустились две крупные птицы — ворон и филин. Громко и противно прокричали, а Лаума тут же открыла глаза, приподнялась, потянулась.

— Заждались, братики? Далеко летать пришлось. Удмуртские ведуны слабоваты, и народ их не любит, а волхвы-шаманы со мной дела иметь не хотят, хоть и сами Кереметю-Чернобогу служат. Я и полетела к Саудеву, главному чёрному шаману аргиппеев. Ох и колдун, под стать нашему батюшке Чернобору! И мужик какой! Попасть бы к нему уже в теле... — Она встала, привела в порядок распущенные волосы. — Я по-удмуртски не говорю, так он дал мне двух своих духов. Обернусь сорокой, полечу вещать глупым удмуртам.

— Против росов будем их поднимать? — сказал Шумила.

— Наоборот. Станем говорить, что только царь Ардагаст их от грозной беды спасёт. Он всё лезет кого-то защищать, даже когда не просят. Вот мы с Саудевом и придумали... Такое придумали!

— Так мы ведь тоже защищаем. Все племена лесные, — почесал медвежьё голову Бурмила.

— Защищаем, да не даром. Живёшь в лесу — корми его защитников! Только сейчас, братики, никого не задевайте, ведите дружину мимо удмуртских городков, за Каму. Мы большую войну устроим, а сами в неё не сунемся. Покамест!

Глава 1

БЕСОВО ПЛЕМЯ

За рекой Вяткой дружина росов въехала в сосновый бор. Воздух в бору был удивительно чист и свеж. Словно на берегу моря, сразу подумалось тем, кто у моря бывал, как, например, Хилярх, сын Хилонида, или сам царь, или царский леший Шишок. Воздух бодрил, пьянил. Не зря это место, как вскоре узнали росы, звалось Пьяным бором. Здесь хотелось думать только о хорошем и делать только хорошее. Да и впрямь: ведь не грабить они идут, не жечь, не в полон угонять, а добыть для всего царства росов и венедов солнечное золото. А в нём — фарн, счастье-удача всем добрым людям, которых, что ни говори, в мире больше, чем злых. А что придётся за это золото биться со злобными дураками, людьми и нелюдьми, так на то боги и создали воинов.

Всем было весело, будто в праздничный день. Вишвамитра рассказывал забавные индийские притчи, и хохоту великана Сигвульфа вторил звонкий смех царицы. Гусляр Пересвет наигрывал венедские девичьи песни, и голоса амазонок стройным радостным хором оглашали бор. Воительницы, шесть лет назад переселённые Ардагастом с Кавказа, хорошо освоились на Днепре и даже звали себя уже не эорпата — «мужеубийцами», а поляницами. Лучше всех пели царица амазонок Ардагунда, златоволосая, как и её брат Ардагаст, и чернокудрая Меланиппа, жена Пересвета. Подпевали воительницам даже обычно суровые нуры и их князь-колдун Волх Велеславич, Седой Волк. И впрямь недавно был праздник: середина месяца вересеня^[7], когда змеи уходят под землю, а медведи — в берлогу. Вот бы и Медведичи с их шайкой до весны в землю залегали, добрым людям не пакостили!

Никто даже не удивился, когда на тропе вдруг появились люди в белых рубахах и штанах, серых кафтанах и лаптях. От венедов их отличали только колпаки с меховой опушкой, сплошь рыжие волосы и скуластые узкоглазые лица. Почтенного вида старик протягивал на вышитом полотенце хлеб-соль (знали здесь, похоже, венедские обычаи). Его спутники держали связки соболей и чернобурок.

— Здравствуй, Ардагаст, царь росов! Да хранит тебя Инмар, владыка неба и солнца! — сказал по-сарматски старик. — Народ удмуртов рад видеть тебя на своей земле.

— Здравствуйте и вы, добрые люди! — непринуждённо ответил Зореславич. — Дозволите ли пройти через вашу землю к истокам Ра-реки?

— Дозволим и поможем тебе всем, чем пожелаешь. Уважь только наше бедное племя. Великий старейшина Идна, верховный шаман Акмар и воевода Ядыгар просят тебя и твою дружину в наш стольный город Чеганду!

Высоким правым берегом реки Ра отряд шёл дальше на восток. Страна удмуртов была густо заселена. На холмах возвышались городки, к ним жались сёла, в пойме желтели убранные поля и паслись на обильных лугах стада. Венеды только головами качали, узнав, что здешний народ не додумался ни землю пахать, ни даже лес выжигать и сеять в пепел. Рыхлили землю-матушку мотыгами: не то пашня, не то огород. Больше надеялись на скотину, да на реку, да на лес. А земля-то какая хорошая, плодородная... Венеды или даже мордвины уж нашли бы, что с ней делать. Чудные люди тут живут, чудь, одно слово!

Городок Чеганда стоял на высокой горе недалеко от слияния двух рек. Одна текла с северо-востока, другая — с востока. Вышата с Хилярхом подумали было, что Ра — первая из них. Великая солнечная река течёт с севера, из огромных Рипейских гор — так говорили и греческие книги, и скифские священные предания. Удмурты, однако, сказали, что первая река зовётся Камой и течёт действительно с севера, из глухих Пермских лесов, а есть ли за ними горы — неизвестно. А вот восточная река — это и есть Ра, ещё её зовут Белой рекой, в верховьях же её — высокие горы, и идут они с севера на юг.

— Это горы аргипшеев! Аристей^[8] пересёк их, а Рипей, идущие с запада на восток, преодолел в духе, — сказал Хилярх.

— Эти великие волхвы летают в духе куда хотят, вот и не приглядываются к тому, что на земле. Могли и напутать с горами и реками, — отозвалась лесная колдунья Милана, жена Сигвульфа.

— Ты сама в духе дальше Лысой горы не летала. Не так это легко, как ты думаешь, — возразила ей волхвиня Лютица, супруга Вышаты.

— Возможно, путешествие к Рипеям и Гиперборее, или Белому острову Солнца, следует понимать духовно, — заметил эллин.

— То есть и горы, и остров — на небе. Говорят, и Ра-река с неба течёт. Уж нас троих туда точно не пустят, — взглянула Милана на Вышату с Лютицей. — За то, что учились у Лихослава в Чёртовом лесу.

— Учились, да на лиходеев не выучились, — улыбнулся волхв. — И души наши при нас остались. Значит, есть чему на небо лететь.

За высоким валом городка стояло несколько десятков бревенчатых изб. Празднично одетые удмурты стояли вдоль улицы. Женщины здесь любили украшения ещё больше, чем мордвинки, не говоря уже о скромных венедах. У каждой на груди блестели большие круглые бляхи, а на поясе — громадная пряжка в виде знака Солнца. А ещё были подвески у пояса — утиные лапки, и бляшки на высоких головных уборах, и накосники... Всё, правда, бронзовое; зато ярко начищенное.

На пришельцев жители городка глядели дружелюбно и с интересом, особенно на Ларишку, так похожую скуластым лицом на них самих. Не так уж часто грозные сарматы приезжали сюда с миром... Гостей ждали в детинце^[9], в усадьбе великого старейшины Идны. Простым дружинникам выставили угощение во дворе, а царя с главными сподвижниками пригласили в обширную избу старейшины. И гости, и хозяева расселись на широких полотах, что шли вокруг всей комнаты.

Радужно встретили росов сам Идна — важный толстый старик, воевода Ядыгар — молодой, живой, с хорошо сложенным телом бойца, и шаман Акмар — седой, сухонький. С тщедушным телом и смирным лицом колдуна плохо вязалась могучая белая борода во всю грудь. Чувствовалось, однако, что этот нескладный старичок и есть самый уважаемый из предводителей народа. На его густых белых волосах лежал бронзовый венец с изображениями крылатых быков и сфинксов. Вышата сразу узнал старинную урартскую работу. Той же работы были виденные им в подземельях Эксампея^[10] древние священные предметы, чудом избежавшие хищных рук сарматов.

А на столах чего только не было: белый хлеб, пироги со всякой всячиной, разная лесная дичь, жареная рыба в сметане, крепкий мёд, пиво, солёные грибы... Венеды словно домой попали. А для росов-сарматов нашёлся даже кумыс. Зато о вине здесь ведали лишь понаслышке: греческие купцы заходили только к сарматам.

Хозяева, оказывается, хорошо знали о подвигах Ардагаста, даже о недавних его победах в мордовской земле. Они дружно хвалили мужество росов и при этом жаловались на свою судьбу.

— Когда-то владели нашей землёй и защищали нас скифы, такие же храбрые, как вы. Тех великих воинов давно нет, а нас все обижают — сарматы, аргиппеи...

— Аргиппеи? — удивился Хилиарх. — Аристей и Геродот говорят, что это племя — самое мирное и справедливое на свете и потому считается священным и разбирает споры всех племён.

— Геродота я не знаю, — развёл руками Акмар. — Аристей был великий шаман, но жил давно. Аргиппеев четыре века назад покорили сарматы. Осели, перемешались с ними, даже имя их переняли. Теперь аргиппеи тоже воюют верхом, ходят в набеги. А у нас конная дружина совсем маленькая. И царя вовсе нет.

Ядыгар вдруг вскинул гневный взгляд на колдуна:

— Хочешь сказать, что удмурты — трусы? Или плохие воины? Нет! Был у нас царь Кондарат. Сильный: вместо двери избу каменной плитой закрывал. Одного сарматского царя той плитой убил. Второго за ней в плену держал. У третьего жену похитил, а самого утопил в Ра-реке. — Голос молодого воеводы звучал гордо, глаза возбуждённо сверкали.

— И сам утонул вместе с ним. А второго царя пришлось обменять на наших пленных. Еле Чеганду тогда отстояли, — спокойно проговорил Идна.

— Назови тебя царём, Ядыгар, возгордишься, начнёшь в набеги ходить. А это большой грех — учили нас скифские жрецы, — так же спокойно, хотя и наставительно, произнёс Акмар.

— Скажите лучше — боитесь, что царь выше вас в племени станет, — сказал воевода и взглянул на Ардагаста, явно ища у того поддержки.

— Не мне указывать, кто здесь выше, — покачал головой Зореславич. — Мне подвластны семь племён, и в каждом — князь и старейшины. А выше всех в племени — само племя. Оно выбирает и старейшин, и князя, и меня, царя. Оно же и прогнать может.

— Трудно, верно, собрать семь племён, чтобы прогнать тебя, царь? — прищурился Идна.

Ардагаст не нашёлся что ответить. Царём его поставило вече двух племён — росов и венедов-полян, остальные признали его власть кто мирно, а кто не совсем. А низложить Солнце-Царя, которому сами боги вручили Огненную Чашу Дажьбога-Колаксия... Многим этого хотелось бы. Например, его двоюродной сестре Саузард, дочери убитого им царя росов Сауаспа, и её мужу Андаку. Только вот лесовики не захотят снова быть рабами росов, как при Сауаспе. А росы такого славного и удачливого царя ни на кого не променяют.

— Мы, удмурты, люди тихие, мирные, терпеливые. Зачем нам великие цари и великие войны? — благостным тоном проговорил Акмар.

— Затем, что сами себя защитить не можем! — резко произнёс Ядыгар. — На нас аргиппеи идут, и сарматов на помощь позвали. А всё из-за того, что в нашем святилище на реке Танып нашли труп аргиппея. Будто бы мы его в жертву принесли.

— Не могло того быть! — заколыхал мощной бородой Акмар. — Такая жертва приносится только при самой тяжёлой беде. И жреца для неё могу назначить лишь я, верховный шаман. И приносят её всем племенем: каждый пускает стрелу или бьёт ножом. А тут никто ничего не знает...

— И что же это за бог такую жертву принимает? — спросил Вышата.

— Кереметь, брат Инмара, творец всего зла.

— Так ты что же, чёрный волхв? — с неприязнью взглянула на благообразного чародея Лютица.

— Я волхвованию учился от самого Инмара. Вот его знаки, его духи, — с достоинством ответил тун, указывая на свой венец. — Но говорить могу и с Кереметем и со всеми двенадцатью кереметями.

— Богам Света и Тьмы один жрец не служит. Разве этому вас не учили скифские жрецы Ормазда-Папая? — в упор спросил шамана Вышата.

— Я и не служу богам. На то есть жрецы. Я только узнаю волю богов. — Акмар вздохнул. — Инмар добр, так добр, что только добро и делает. Ему можно даже не молиться — всякому даст по справедливости. А Кереметь зол, суров. Чтобы его умолить — большие жертвы нужны.

— И о чём же вы его молитесь? Чтобы у соседей скотина передохла? — дерзко усмехнулась Милана.

— О злом молятся Кереметю одни ведуны, — замахал руками Акмар. — А мы — только о добром. Чтобы голода не было, засухи, мороза, чтобы скотина не переводилась... Инмар сильный, Кереметь сильный, мы слабые. Всего боимся: хлеб не уродит, скотина пропадёт, степняки с набегом придут...

— Наша нурская земля победнее вашей будет. Только мы не такие робкие, как вы, — усмехнулся в усы Волх Велеславич.

— Вы — люди-волки, мы — просто люди, — возразил шаман.

— Будь мы все храбры, как царь Кондарат... — заговорил Ядыгар.

— ...Нас, может, и вовсе уже не было бы. Видели пустые городища в лесах между Волгой и Вяткой? — сказал Идна и, переглянувшись с колдуном, торжественно обратился к Зореславичу: — Царь росов! На небе сильный Инмар, под землёй — Кереметь, на земле — ты. Защити нас, удмуртов, и мы дадим тебе столько лучших мехов, сколько сам захочешь.

— Собрался нанять нас за меха, словно бродячую дружину, — презрительно произнёс вполголоса Сигвульф.

— Защити нас, — с трудом повторил Ядыгар. — Мы не такие трусы, как ты, верно, подумал. Наше войско уже собралось, но оно почти всё пешее. Против двух орд вряд ли продержится. А сотня твоих дружинников стоит тысячи.

— Царь, ты зовёшься Ардагастом — Гостем Огненной Правды. А она велит сильному не презирать слабого, а защищать его. Этого учения мы ещё не забыли, — тихо сказал Акмар, и в его голосе вовсе не было заискивания.

Взгляды всех обратились к царю росов. А он отпил золотистого хмельного мёда из деревянной кружки, улыбнулся и сказал:

— Ни за какие меха я не стал бы губить своих воинов в ваших усобицах. Я иду за стрелой Абариса. Но к ней ведёт Путь Солнца, а на нём нельзя уклоняться от доброго дела. Значит, с вами мне по пути. Ведь Ра-река ведёт в землю аргиппеев.

— Погоди, царь! — вмешался Вышата. — Кама течёт с севера, не она ли прежде звалась Ра? К тому же я слышал, что перед нами здесь была дружина Андака и Саузард и ушла вверх по Каме.

— Солнце-Царь! — торопливо заговорил Акмар. — Боги тебе предназначили нас спасти. Так сказали три вещие птицы: ворон, филин, сорока!

— Сорока! — фыркнула Лютица. — Нашли вещунью! Наверняка это ведьма Лаума. В

ловушку тебя, царь, заманивают, вот что!

— Ардагаст! Ты раньше лез во все отчаянные дела, искал славы, но теперь-то... Неужели ты не дойдёшь до Солнечной стрелы из-за какого-то аргиппея? Слышишь, пусть они тут сами разбираются! — тихо, но настойчиво проговорила Ларишка, сжав руку мужа.

Тот задумался на миг. Эти добрые и мирные, даже робкие люди напоминали Зореславичу его соплеменников — венедов. Но сейчас он вёл к Уралу не бродячую дружину из кушан и манжар, как девять лет назад, а лучших воинов царства росов. И только боги могли изменить их путь.

Царь произнёс лишь два слова:

— Нужно гадание.

У наплавного моста через Каму выстроились конные дружины Ардагаста и Ядыгара и пешая удмуртская рать. Удмуртские конники были неплохо вооружены по-сарматски, только железные доспехи мало у кого имелись, больше из копытных чешуек. Пешцы же — с одними копьями, луками да топорами. И росы, опытные воины, не глядели на эту лапотную рать свысока, зная, как крепко и умело она будет биться в родных лесах и на валах городков.

Впереди стоял царский конь — золотисто-красной масти, из породы ферганских «небесных» коней, в серебряной сбруе, крытый вместо чепрака шкурой тигра, убитого Ардагастом в Бактрии. Обернувшись к восходящему солнцу, Вышата воздел руки:

— Великий Дажьбог-Хорс! Вот красный конь Солнце-Царя росов. То — твой небесный конь. Укажи ему путь по Ра-реке, Рос-реке^[11] — Путь Солнца!

Все затаили дыхание. Лишь Акмар тихо бормотал:

— Инмар-Небо, Шунда-Солнце, не оставьте народ удмуртов!

Красный диск солнца стоял низко над густыми зарослями пожелтевших камышей, над самым мысом у слияния двух рек, отражаясь в спокойной воде. Конь царя поднял к нему голову, громко заржал и величаво пошёл по мосту. Вдруг перед ним на мосту появился, словно из воздуха или из самого солнечного света, всадник на белом коне, во всём белом. В левой руке у него был ослепительно сияющий золотой щит, в правой — копьё. Мягкий свет разливался вокруг светло-русых кудрей. Росская дружина, сразу узнав всадника даже со спины, разразилась приветственными криками. Нуры встретили всадника дружным воем — как волки вожака. Ведь это был весёлый и отважный солнечный бог, повелитель волков, которого венеды звали Ярилой, а росы-сарматы — Аорсбарагом, Белым Всадником. Он когда-то вёл рать Ардагаста через нурские и северянские дебри, а теперь указывал ей путь к Солнечной стреле.

Следуя за Белым Всадником, царский конь миновал мост, ступил на мыс, прошёл несколько шагов берегом восточной, Белой реки — вода в ней действительно была светлой, серебристо-белой. Конь обернул голову и призывно заржал. А бог-всадник исчез, будто растворившись в свете утреннего солнца, тут же ставшего из красного белым. Удмурты радостно зашумели. Довольны были и росы: неловко ведь было бы отказать в помощи тем, кто так хорошо их принял. Не по-росски это!

Ардагаст, положив руку на золотую рукоять меча, первым двинулся по мосту пешком. Следом Вышата и удмуртские жрецы повели коней для жертвоприношения. Вишвамитре вспомнился обряд ашвамедхи — жертвования коня. Царь шёл с войском за священным конём и покорял все земли на пути, указанном коню самими богами. Только великий царь мог совершить такой обряд. А Ардагаст был всего лишь подручным царём Фарзоя, великого царя

Аорсии...

Войско росов и удмуртов миновало последний удмуртский городок. Правый, восточный берег Ра был высок и лесист, а по другую сторону реки простиралась до самого горизонта степь — бескрайняя, загадочная и опасная. В любой миг оттуда могли вырваться на быстрых породистых конях союзники аргиппеев — восточные роксоланы. Западная ветвь роксоланов, владевшая землями от Днепра до Танаиса, была сильным племенем. Их царь Роксаг — Сияющий Олень, отважный, наглый и удачливый, то подчинялся Фарзою, то воевал с ним.

С востока в Ра впадала речка Гнилой Танып — тихая, заросшая осокой, с мутной водой и топкими берегами. На пригорке стояло святилище — огороженная тыном осиновая роща. На кольях белели коровьи и конские черепа. Лютица покачала головой:

— Ну и место для святилища! Вода гнилая, болото, деревья недобрые... Бесов небось полно?

— Да, — кивнул Акмар. — Отсюда до аргиппеев леса глухие. Много чертей в них: один кривой, однорукий; другой — с копытами, ноги лохматые, людей ест; третий — тоже людоед, с волчьими зубами. В реке — водяной, косматый, один глаз на спине. Злые все, но жертв много не требуют. Вот керемети — тем много надо, особенно самому Луду...

— Защищай ещё чертомолов этих... — недовольно сказал вполголоса дреговицкий княжич Всеслав.

— Давно ли сами такими были? Забыл, какими глазами глядел, когда Ардагаст Чернобожий дуб корчевал? — возразил ему Неждан Сарматич, сын Сагсара.

Оба молодых воина были в числе русальцев — двенадцати лучших дружинников Ардагаста, умело владевших не только мечом, но и волшебным жезлом.

А с востока уже доносилось конское ржание. К Таныпу выходил большой конный отряд. Оружием и одеждой всадники напоминали сарматов, но волосы не падали на плечи из-под шлемов и колпаков с меховыми околышами. Аргиппеи брили голову и за это были от соседей прозваны «плешивыми». Над отрядом колыхался увенчанный бронзовой волчьей головой бунчук с тремя конскими хвостами. Впереди ехал молодой стройный воин в отороченном соболями коротком красном плаще поверх кольчуги. Рядом — женщина в островерхой шапке с роскошным околышем из огненно-рыжей лисы. На груди женщины сверкали бронзовые украшения.

У самой реки предводитель всадников придержал коня и поднял руку в степном приветствии:

— Я Санаг, царь аргиппеев. Кто ты, сармат? На твоём знамени я вижу тамгу росов.

Над росской дружиной ветер развевал красный стяг с золотой тамгой — трезубцем. Зореславич поднял руку:

— Я Ардагаст, царь росов.

— Твои подвиги известны всей степи. Но что ты, враг дэвов и колдунов, делаешь с этими лесными крысами? В этом святилище они убили моего двоюродного брата Сандарза. Если ты и вправду царь Ардагаст, помоги мне покарать это бесово племя. Сожжём их городки, угоним стада, а их самих продадим сарматам!

— Они чтут Небо и Солнце выше бесов и говорят, что не приносили твоего родича в жертву. Я не ищу с тобой войны и хочу рассудить вас по Огненной Правде, если ты не глух к ней. Когда-то вас, аргиппеев, считали справедливейшими из людей.

— Разве ты видел сам, кто убил моего родича?

— Ты этого тоже не видел. Но со мной великий волхв Вышата. Его чары могут раскрыть многие тайны. Но зачем перекликаться через речушку? Зайдём вместе в святилище.

Санаг, явно недовольный, вертел в руках плеть. Но женщина в лисьей шапке склонилась к нему, и царь аргиппеев направил коня в реку. За ним последовали женщина и десяток знатных аргиппеев. Они хотели въехать в святилище верхом, но Ардагаст вошёл туда пешком, и им пришлось слезть с коней из уважения к знаменитому воителю. Вслед за Зореславичем вошли Ларишка, Ардагунда, русальцы, Волх и Вышата с двумя волхвинями, а также Акмар, Идна и Ядыгар.

В священной роще стоял небольшой сруб под крышей из горбылей. Акмар открыл дверцу. За ней был виден чёрный деревянный идол и берестяной короб со священными предметами. Старик воздел руки:

— Этим богом клянусь — мы не приносили Сандарза в жертву!

Санаг указал плетью на чёрного идола, потом на человеческий череп на одном из кольев:

— Каким богом — Кереметем? Убивать без вины и лгать людей учит он.

— Инмар высоко, далеко, Кереметь близко, — вздохнул Акмар.

А Ядыгар зло проговорил:

— Говорят, Кереметь был богом у сарматов. Те его прогнали, а он пошёл по свету с красивым полотенцем и обещал его тому, кто творцу всего зла молиться станет. Дурак удмурт на полотенце польстился...

Ардагаст тем временем глядел на спутницу Санага. Её лицо, на редкость красивое, было совсем не похоже на скуластые узкоглазые лица аргиппеев. Из-под лисьей шапки падали на плечи роскошные золотые волосы. Это лицо и волосы он не мог бы ни с чем спутать. Сразу вспомнились Гиндукуш, Кавказ...

— Вила Злата... пери Зарина! Или как тебя теперь зовут? И когда ты перестанешь по свету бродить?

— Когда вода в реках течь перестанет! — со смехом ответила она. — Или когда ты перестанешь подвигов искать. А зовут меня здесь, как в Гиндукуше: пери Зарина — «золотая». Ты меня никогда не видел лебединой девой? А Санаг увидел. И поймал. А потом ушёл со мной в подводный мир, только заскучал там, да и с царём озёрных дэвов не поладил. Мы и вернулись на землю. Теперь я — царица аргиппеев.

Она кокетливо повела плечами, взявшись руками за окантованные бронзой ремешки, которые шли поверх кафтана, от плеч к поясу, подчёркивая её высокую грудь. Чеканной бронзой блеснул и пояс царицы, а в ушах сияли золотые с бирюзой серьги.

— А как же твой кавказский пастух?

— Он погиб со славой и отомщён. Чего ещё желать лучшему мужчине на Кавказе? А его родичам нужен наш сын, а не я.

Впервые Ардагаст заметил печаль на лице водяной красавицы. Грусть легла и на лицо его сестры Ардагунды. Её сын от Доко, царя зихов^[12], до сих пор воспитывался в племени отца. А её, царицу амазонок, Доко при всех отказался взять в жёны. Что не мешало ему, однако, хвастать всюду родством с Ардагастом.

Зореславич обернулся к собравшимся:

— Скажите мне, как погиб Сандарз?

— Он на охоте отстал от своих. Они нашли его тело в этом святилище привязанным к дереву и утыканным стрелами. Голова была отрезана и насажена на кол, а сердце и лёгкие

вынуты через горло, — сказал Санаг.

— Сколько было стрел? — спросил Акмар.

— Два десятка. Ваших, удмуртских, костяных!

— Мало! Таковую жертву у нас приносят всем племенем. И головы не режут, сердца, лёгких не забирают! — торжественно сказал шаман.

— Зато похоже точь-в-точь на то, чему нас Лихослав учил, — тихо сказала Лютица Вышате.

— Ты — верховный шаман. Хочешь оправдаться — вызови душу Сандарза, пусть она правду скажет! — не сдавался царь аргиппеев.

— Уже искал. Нигде не нашёл — ни в Верхнем мире, ни в Нижнем. Здесь чьи-то чары сильнее моих, — виновато опустил голову старик.

— Эти чары я знаю. И знаю, как их снять, но только на время. Дух убитого заточен в Нижнем мире и повинуется тому, у кого его сердце и лёгкие. Этот дух нельзя даже увидеть без особых заклятий. А чтобы вернуть его сюда хоть ненадолго, мне придётся спуститься за ним, — сказал Вышата.

— Только не вздумай лезть один! — решительно заявила Лютица. — Там всяких нечистых тварей столько — и с Секирой Богов в одиночку не справишься.

— Да уж, в эту крысиную яму — только с кошкой. Большой такой, жёлтой, — усмехнулся волхв.

— Нет, кошкой спущусь я. А Лютица... самой собой^[13], — вмешалась Милана.

— И я пойду с вами, — сказал Акмар.

Но аргиппеи воспротивились:

— Ты, старый мошенник, и украл дух Сандарза. Теперь не улизнёшь ни в теле, ни в духе.

Посреди святилища развели костёр, и трое волхвов принялись плясать вокруг него, напевая заклятия. Вышата потрясал секирой, отмеченной знаками Солнца и Молнии. Это древнее оружие Ардагаст добыл в храме Чернобога на Черной горе в Карпатах, и сама Морана-Смерть убавила тогда грозную силу Секиры Богов. Длинные волосы волхва и чародеек метались по воздуху. Всё выше подскакивали трое, всё быстрее вертелись волчком и наконец упали наземь. Лишь духовный взор Акмара разглядел, как над лежащими телами поднялись три полупрозрачные фигуры — мужчины с секирой, львицы и кошки — и тут же исчезли под землёй.

Довольно долго все стояли молча. Потом над пламенем костра проступила фигура бритоголового узкоглазого человека в аргиппейской одежде. Этот образ тоже был полупрозрачен и колебался, словно марево, но видели его все.

— Сандарз! Скажи, кому я должен мстить за тебя? — воскликнул Санаг.

— Бесову племени! Ведьма-сорока завела меня сюда, а убил Саудев с его родичами. Моё сердце и лёгкие — в пещере аждахи под Чёртовым городком... Сожгите их... освободите меня... — Призрак выговаривал слова медленно, с усилием.

Вдруг земля под костром треснула, и в расселину провалилось всё — призрак, огонь, сам костёр. Осталась лишь яма с дымящими и гаснущими углями. Вышата с трудом поднялся, помог встать волхвиням. Милана достала серебряное зеркальце, взглянула и облегчённо вздохнула:

— Слава Ладе, телесные раны не проступили. Одна тварь всё лицо исполосовала. Ничего, духовные раны долго не болят.

Лютица с помощью мужа перевязывала руку. Для неё духовный бой в преисподней кончился хуже.

В раскосых глазах Санага бушевала ярость, готовая вырваться наружу. Стиснув плеть, он обернулся к своим аргиппеям, но тут Зарина легонько сжала его руку, что-то шепнула и заговорила, обращаясь к росам:

— К востоку отсюда, у Чёртова городка, в Белую реку Ра впадает Чёрная^[14]. Злая река: путь ей проложил чёрный конь, что вырвался из Нижнего мира. На ней живёт род девата — бесово племя. Их предок убил чёрта и женился на чертовке. Ещё недавно Чёртов городок был царским зимовником аргиппеев. И вдруг в пещере под ним появился змей — аждаха. Он разорил зимовник, а царя убил одним ударом хвоста. Усмирить змея смог только Саудев, Чёрный Бес, главный шаман рода девата. Теперь он — хозяин в городке...

— И в племени! — порывисто произнёс Санаг. — Это он указывает, какие жертвы и когда приносить этой твари. А я хожу в набеги, чтобы добыть ей скота на прокорм. А она уже жрёт людей, и с каждым съеденным человеком у неё вырастает новая голова. Прости, Акмар, отец, что я заподозрил твой народ, когда среди аргиппеев есть своё бесово племя! — Он яростно обернулся к знатным соплеменникам: — Это вы, трусы, твердили всем, что аждаху одолеть нельзя иначе как чарами и что я погублю всё племя, если решусь с ней сразиться!

— Ваши старейшины боятся не аждахи, а тебя, царя. Если ты станешь победителем змея, тебя будут почитать больше, чем их. Нам бы такого змея, я уж нашёл бы, что с ним сделать! — горько усмехнулся Ядыгар.

Перепуганный Акмар, побледнев, зашептал молитву.

— А больше всего они боятся меня! — Зарина с насмешкой взглянула на старейшин. — Как же, царём правит водяная чертовка! Ведь «пери» и «дэв-пери» здесь зовут бесов и бесовок. Вот и дожили, что правят аргиппеями не царь, не царица и не старейшины, а Чёрный Бес. Разве кто-нибудь из старейшин на совете смеет возразить ему?

— Совсем страшные времена настали! — вздохнул Идна. — У вас аждаха, у нас какие-то новые лесные черти: чёрные медведи на конях...

— Эти черти — по мою душу. Только не медведи они и не черти, а ещё хуже: два полумедведя и люди, что чертям служат, — сказал Ардагаст.

— А ведьма-сорока — сестра тех Медведичей, — добавил Вышата. — Домолились вы тут чертям и чёрным шаманам, что они стали войны затевать.

— Эх вы, цари, старейшины! Сколько родов и племён погубить могли сейчас, если бы не мы, волхвы? — с неожиданной злостью воскликнула Милана и прижала ладони к щекам. — Ой, всё лицо горит!

— Ты не права, женщина! — сказал Сигвульф. — Это наш Ардагаст не дал заманить три народа в ловушку. Клянусь копьём Одина, мало я видел конунгов, способных отказаться от войны не из-за слабости! — Он поцеловал жену в одну щёку и погладил по другой.

Санаг выхватил меч и воткнул его в землю:

— Довольно! Клянусь этим мечом — если я не покончу со змеем и чёрным шаманом, не буду достоин зваться царём! Смерть бесову племени!

Рядом вонзил свой клинок Ядыгар:

— Если я не помогу тебе в этом — пусть покарает меня Инмар!

— Из-за меня бесовы слуги хотели опустошить войной ваш край. Клянусь Солнцем — я уничтожу их гнездо!

Возле двух мечей вонзился третий — с золотой рукоятью. На его индийском клинке была видна надпись: «Куджула Кадфиз, великий царь Царей кушан». Этот меч вождь кушан подарил своему дружиннику, которому был обязан владычеством над Бактрией и Индией.

— Удивительно! До чего же я недооцениваю этих скифов! Я, Аполлоний из Тианы...

Старик с длинными белоснежными волосами и высоким лбом откинулся на спинку кресла. На столе, заваленном свитками, картами, магическими чертежами, перед ним стояло серебряное зеркало с бронзовым ободком, на который были нанесены двенадцать знаков Солнца. Весь земной мир, обходимый Солнцем, был доступен этому зеркалу. Рядом сидел юноша с чёрными кудрями и пронизательными тёмными глазами — Иосиф бар-Ноэми из Пантикапея.

— Удивительно! — повторил старик. — Я думал, Ардагаст будет воевать за удмуртов. Война за правое дело — чего ещё нужно добродетельному варвару? Добыча, слава — и спокойная совесть. А он сумел большее...

— Ардагаст — наполовину венед, Вышата — венед. А венеды воевать умеют, но не любят, — сказал Иосиф. Я замечал в пантикапейских корчмах: венед, даже пьяного, трудно разозлить настолько, чтобы он полез в драку. Но уж если полезет...

— Будем надеяться на лучшее в природе этого племени. Ибо теперь их царю предстоит задача посложнее. Эти девата...

— Они вроде сатиров? Или индийских ракшасов?

— Не так просто, юноша. Не так просто, как склонны видеть люди. Особенно варвары...

— Ну что, девочки? Не досадуете, что войны не вышло? — сказал, улыбаясь, Вишвамитра.

Он как муж Ардагунды носил звание священного царя амазонок, хотя всё их царство состояло из древнего городища над Тясмином, святилища Мораны-Артимпасы, богини войны и любви, и сорока воительниц, охранявших его.

— Нет! — ответила молоденькая поляница-венедка. — Эти удмурты — вроде нас, венедов. А аргиппеи — вроде сарматов. Словно в усобицу какую-то лезли...

— И вообще, мало ли мы воевали с людьми? Повоюем теперь с бесами и драконами. Как, справимся? — задорно тряхнула гривой золотых волос Ардагунда.

— Справимся! — дружно закричали поляницы.

Ехавший рядом Шишок воинственно вздёрнул косматую бороду:

— Бил я всяких бесов, побью и полубесов. А змея огнедышащего один раз дубьём с дерева смахнул, чтобы лес не жёг. Правда, Серячок?

Матёрый волк, трусивший рядом с лешим, гордо взлаял.

Войско заночевало в главном городке Санага. Даже тут аргиппеи, особенно потомки сарматов, жили больше в юртах, чем в рубленых избах. Летом пасли скот в горах, осенью и зимой — в долине Ра. Хлеб, однако, тоже сеяли. В большой царской юрте Санаг с Зариной на славу угостили росов. Водяная дева не очень любила стряпню, но за рабынями следила. Отменно были приготовлены и хлеб, и баранина. Было даже вино. Особенно понравилось гостям аши — питьё из сока дикой вишни и лепёшки из её сушёных плодов.

А ночью Ардагаст, спавший на мягкой кошме рядом с Ларишкой, увидел сон. Перед ним

сидел, скрестив ноги, человек в чёрной одежде, увешанной бронзовыми и костяными амулетами, и рогатой шапке. Лицо его было странно, даже уродливо: узкие глаза под мощными надбровьями, низкий лоб, тяжёлые челюсти. Но оно не отталкивало. Наоборот, притягивало, ибо за странной внешностью чувствовался большой ум и спокойная уверенность в себе. Будто в тело дэва вселился дух небесного мудреца.

— Кто ты? — спросил Зореславич.

— Я твой враг. Но хочу стать другом.

— Ты Саудев, чёрный шаман рода девата — бесова племени?

— Да. Взгляни на племя, которое ты собрался уничтожить. Сейчас, конечно, ночь и все спят. А вчера днём...

Ардагаст увидел высокую гору с крутыми склонами над тихой рекой, потом — городок на вершине горы. Те же юрты и бревенчатые избы, те же мужчины в колпаках с меховой опушкой гнали скотину к водопою. Женщины растирали зерно, пряли шерсть, судачили о чём-то. Дети играли в бабки, стреляли из маленьких луков в цель, гонялись с арканом за бодливым козлом. Молодые пастухи любезничали с девушками...

Зореславичу приходилось сражаться с гиндукушскими дэвами, индийскими ракшасами и пишачами. Обитатели Чёртова городка напоминали их — кто толстыми надбровьями, кто выпирающими челюстями, кто густыми волосами на теле и могучими мышцами. Но во взглядах не чувствовалось тупой жестокости и злобы обитателей подземелий и лесных дебрей.

— Видишь? Это было вчера. А завтра ничего не будет, кроме пожарища и трупов. Ты совершишь подвиг — убьёшь аждаху. А вырезать женщин и детей будут другие. И певцы веками будут славить тебя — победителя бесовского племени. — Голос шамана звучал спокойно и печально.

Только тут Ардагаст заметил, что рога у шамана — свои, выходящие из отверстий в замысловато расшитой шапке. А тот продолжал:

— Мы ведь не виноваты, что наш славный предок насильно овладел нашей почтенной прародительницей. Мы не злее и не глупее людей. Наоборот, умнее. Мудрость людей и дэвов нам одинаково доступна. Самые сильные шаманы среди аргиппеев выходят из девата. За это люди и не любят нас...

— Почему же вам тогда не уйти к дэвам — в леса, в горы?

— Там нас считают людьми. Ведь мы привыкли жить как люди. Да и тесно в горах. Лучшие земли забрали аримаспы со своими стадами и грифоны... — Маленькие глаза из-под густых бровей полыхнули двумя красными огнями. — Ты Солнце-Царь, защитник всех слабых и несправедно гонимых. Защити нас, род девата! Или твоё войско тебя не слушает? Тогда откажись вести его в бой!

Шаман не просил — требовал, приказывал, будто его спокойным голосом говорила сама совесть Зореславича.

— Не такие уж вы слабые: приручили аждаху, чуть не устроили войну...

— Мы только спасали себя. Пока племена людей враждуют, они не трогают нас. А страх перед змеем защищает не только нас, но и аргиппеев.

— Истреблять твоё племя мне незачем. Но аждаху я убью.

— Зачем? Пусть всё останется как есть. У Санага с Ядыгаром без тебя храбрости быстро пропадёт. Аждаха станет тебе служить. Из Санага великий царь никогда не получится, из тебя — выйдет. Росы — сильные и храбрые, мы — мудрые. Пусть все

трусливые и глупые племена покорятся нам. Знаешь, где на Урале золото, самоцветы, сколько их? Мы — знаем. Купишь всех, кого можно купить, и будет твоё царство от Карпат и до Урала, и в нём воцарится Огненная Правда. Не дай только сейчас погубить наш бедный род.

— Вот оно что! — рассмеялся Ардагаст. — Да, вы, полубесы, умные. Вам малс спастись — нужно ещё сесть кому-то на шею да погонять. Только Огненная Правда велит таких погонщиков самих гнать, чтобы не завели к Чернобогу. А царством меня не купишь: один такой, как ты, меня обещал богом сделать!

Мудрое спокойствие разом сошло с лица Саудева. Теперь перед Зореславичем был дэв — злобный, безжалостный к людям, но умный и оттого ещё более опасный.

— Попробуй сначала одолей нашего змея, человек! Но потом тебе придётся уничтожить наш род, потому что мы будем защищать городок до последнего. И это будет лишь первое из племён, которые истребишь ты и твои потомки, и люди когда-нибудь проклянут вас, росов, и вашу Огненную Правду!

Перед глазами Ардагаста встала стена Пламени, бескрайнего, словно степной пожар. В этом пламени горели и рушились города, деревянные и каменные, и беспощадные воины на конях рубили подряд всех горожан, а убежавших настигали стрелами и копьями. И воины эти были его росы, и над ними огненным языком полыхало красное знамя с золотой тамгой. Зореславич отпрянул назад, спасаясь от невыносимого жара, — и проснулся. Приподнялся резко, рывком.

— Ты что, беса во сне увидел? — спросила Ларишка.

— Хуже — полубеса. Беса хоть не жалко.

Ардагасту почему-то стало душно в юрте. Он встал, вышел наружу и увидел волхва.

— Доброе утро, Вышата! Не знаешь ли, что велит Огненная Правда делать с полубесами?

— Смотря по тому, какая половина в них больше.

— Это про моих детей? — вмешался Шишок. — Драть таких надо, чтобы совсем бесами не стали.

Нынешняя жена лешего, как и прежняя, была из людей, и детей их в селе звали полубесами.

Рать трёх племён шла к Чёртову городку. Санаг и его дружина гарцевали на великолепных саврасых конях, вызывавших восхищение росов. Зарина охотно рассказывала, что это — водяные кони, которых они с мужем угнали у озёрных дэвов. А Санаг хвалился своим краем.

— Нет богаче Урала и нет прекраснее! Его вершины небо подпирают. Что хочешь добыть — лучшие меха, лосей, оленей, птицу, рыбу? Всё есть в его лесах и реках. Тебе нужны золото, медь, самоцветы? Их тут издавна добывают. Летние пастбища хороши, а зимние ещё лучше — не нужно ни с кем воевать из-за степи. А выше наших летних пастбищ только боги живут. Злые — на Злой горе, добрые — на Золотой горе Иремель, в истоках Ра.

— Где эта гора? Далеко на севере, в Рипеях? — спросил Хилярх.

— Нет. К востоку отсюда, в пяти днях пути. Только путь этот — для великих воинов. Дэвы и пери в лесах и пещерах живут. Пасут свои стада аримаспы — самые могучие дэвы на громадных конях. В озёрах таятся аждахи. А владыка над дэвами, пери, аримаспами и аждахами — Ваю, бог северного ветра. Он живёт в пещере на вершине Злой горы. А Золотук

гору и золотые копи под ней стерегут от его племён грифоны — крылатые чудо-звери Солнца. То золото, которое греки и сарматы покупают здесь, аримаспы отбивают у грифонов. Продают одноглазые золото и нам.

— А я было думал, что про всех этих чудищ рассказывают купцы, чтобы набить цену на северное золото и отвадить соперников, — глубокомысленно заметил эллин. — Даже сомневался: не торгоши ли сочинили книгу Аристея? Впрочем, я всё больше убеждаюсь, что люди гораздо лучше, чем о них можно думать. Но где всё же Рипей? Высочайшие из земных гор, за которыми — блаженная страна Солнца?

— Наверное, это тот же Урал, только ещё дальше к северу. Южный конец его — в излучине Дайка^[15], в земле восточных росов, северного же не знает никто.

— А верно ли, что там, на севере, живут люди с конскими ногами? И люди, спящие всю зиму, как медведи?

Лицо Санага дрогнуло.

— То не люди, а дэвы, и их лучше не поминать. Их некогда разбил и загнал далеко на север великий воин Урал, что приехал в эту страну верхом на льве, а потом добыл в подводном мире белого крылатого коня. Но даже он не мог истребить всех дэвов. И страшен будет день, когда они вернутся с севера!

— Лев, крылатый конь — то звери Бога Солнца. Не он ли явился вам под именем Урала? — вмешался Вышата.

— Урал родился среди людей. Но жена его была солнечная дева — орлица Хумай, дочь Симурга, царя птиц. А сын звался Рос — «сияющий». Это он рассёк мечом Золотую гору, и оттуда потекла Белая Ра-река Солнца.

— Так говорите вы, мужчины, — возразила Зарина. — Мы, женщины, знаем другое. В этот край прилетел дэв-дракон и наслал засуху. Ни один воин не мог одолеть его. И тогда людей спасла крылатая Белая Богиня. Синица и бурундук указали ей путь к логову змея, златорогий олень бежал перед ней. Он и сбросил дракона в пропасть — в самую преисподнюю. А богиня золотой стрелой рассекла склон Золотой горы. Оттуда вырвался солнечный поток, и понеслась богиня вместе с ним по лесам, по долинам, на запад, на юг — до самого моря. Не её ли золотую стрелу вы ищите?

— Эта Белая Богиня, видно, Анахита, которую я почитаю! — воскликнула Ларишка. — Она воительница, и она же — река Ардви, что падает со звёзд на гору, высокую, как тысяча мужей, а оттуда — на равнину, и течёт к морю, через тысячу проток и тысячу озёр.

— Да, это похоже на Ра-реку в её низовьях. Я переезжал её там отроком, — сказал Ардагаст.

— Анахита — наша Артимпаса-Морана. Слышите, девочки? Река эта — наша! — обернулась к своим поляницам Ардагунда.

— Солнечная река для всех добрых людей — своя, — улыбнулся Вышата. — Что её делить? А для злых есть своя река — Чёрная.

Рать приближалась к Черной реке, и аргиппеи всё злее ругали её хозяев. Девата захватили лучшие пастбища, безнаказанно похищали женщин, вымогали всё больше скота для аждахи — кто разберёт, что пожирает змей, а что — полубесы? А рогатый колдун был не только жаден до всяких даров, но и падок до женщин: возрождал понемногу обычай отдавать невесту на первую ночь шаману. И не принуждал никого, только пугал гневом и кознями духов, которых и верно лучше него отогнать никто не мог. Да, жалеть бесово племя здесь было некому, кроме разве что царя росов и его нещадного в бою, но отходчивого племени.

Наконец впереди показалось устье Черной. Твердыня девата стояла чуть выше по её течению. Пешая рать двинулась туда напрямик через холмы, конная — поймой реки. Ардагаст сразу узнал виденную им во сне высокую гору с обрывистыми склонами. Эти склоны защищали её с двух сторон, а с третьей был глубокий ров и вал с частоколом. На южном склоне чернело отверстие пещеры — логова аждахи. От него вниз шёл удобный спуск — тропа, которую проложил огромным телом змей, спускаясь к воде.

Ардагаст, Санаг и Ядыгар спешили и пошли к пещере. Три вождя, поклявшиеся на мечах, должны были поразить змея или погибнуть. Вместе с ними шли Ларишка, Вышата — хранитель Колаксовой Чаши — и Лютица. Командовать конницей остался Вишвамитра, пеших удмуртов вёл Сигвульф, с которым пошли также Акмар и Милана. Чёртов городок — гнездо колдуна — без чар было не взять.

Зореславич уже подошёл к зеву пещеры, когда с вершины горы донёлся знакомый голос:

— Солнце-Царь! Ты выбрал плохое время для подвигов. Скоро день смерти Колаксы. Бог Солнца из пещеры каждый день выходит, а ты можешь и не выйти!

Ардагаст поднял голову:

— Да, я не Дажьбог-Колаксай. Я только царь росов. Когда я вступил на Путь Солнца, я знал, что у него есть конец. И не тебе, чёрный шаман, меня им пугать! Бойся сам: уж твой-то путь в пекле окончится.

— А на Пути Солнца всякий конец есть новое начало. Этого тебе твои духи не говорили? — сказал Вышата.

Волхв вынул из простой дорожной сумы Огненную Чашу Колаксы. Зореславич взял её в левую руку, в правую — меч Куджулы и первый шагнул во тьму. Пальцы привычно ощутили чеканные изображения: дерево с двумя птицами — Мать Богов, лев, терзающий оленя, и барс, убивающий вепря, — её сыновья, Дажьбог и Перун. Чаша, выкованная самим Сварогом из солнечного золота, могла загореться небесным огнём лишь в руках избранника богов. Его, Ардагаста, сына Зореслава. А могла и не загореться. Ибо сила Огненной Правды, скрытая в солнечном огне, служит только достойному и сама решает, как проявить себя.

Вот и теперь на дне Чаши появился лишь золотистый огонёк, едва рассеивавший тьму. В пещере стояла густая змеиная вонь. Под ногами чавкал помёт, хрустели чьи-то кости. Далеко впереди вспыхнула пара красных огней, потом ещё и ещё — всего четырнадцать. Возьмёт ли индийская сталь драконью чешую? Вся надежда на Колаксову Чашу. В крайнем случае — выманить тварь наружу, на копья и стрелы испытанной дружины.

Тварь не движется — ждёт. И вдруг смрадная пещера враз озарилась пламенем, вырвавшимся из семи пастей, огласилась шипением, рёвом, воем семи потоков. Сердца воителей на миг замерли. На миру и смерть красна, а здесь, в вонючей пещере...

— Слава! — выкрикнули венедекский клич Ардагаст с Ларишкой.

Санаг отозвался сарматским кличем «Мара!» — «смерть». «Инмар!» — призвал своего бога Ядыгар. Зореславич направил Чашу венчиком вперёд. Мягкий золотистый свет разлился по пещере, и дракон... пропал. Лишь большой филин бестолково метался под потолком.

— Морок! — выкрикнул Вышата и набрал в грудь воздуха, чтобы послать подальше духа-обманщика, но Лютица толкнула мужа локтем:

— Не вздумай материться! Кругом же Мать Сыра Земля!

— Да уж знаю, куда их слать! — проворчал досадливо Вышата. Его, великого волхва, провёл какой-то шаманский дух! Но и силён, однако, морочить...

А четверо воинов облегчённо расхохотались. Но долго смеяться не пришлось. Снаружи

донеслись рёв и шипение гораздо громче и яростнее тех, что издавал хитрый филин. Потом — крики, свист стрел, испуганное конское ржание. Все шестеро поспешили к выходу. С белёсого осеннего неба на конников неслась громадная семиголовая тварь, покрытая блестящей аспидно-чёрной чешуёй. Самую большую голову увенчивали длинные острые рога. Три огненные струи били из трёх пастей, превращая всадников в почерневшие трупы. Четыре боковые головы изрыгали жёлтый яд, настигавший воинов то дымом, то губительными каплями, вмиг разъедавшими кожу.

Одни лошади мчались прочь, унося мёртвых всадников. Другие метались в ужасе, не слушая уже ни узды, ни плети. Третьи спасались бегством вместе с хозяевами. Конница превратилась в беспорядочное скопище. И это были лучшие воины трёх племён! Более стойкими оказались росы, уже имевшие дело с чудовищами и чарами. Росские стрелы летели в аждаху, но не могли ни пробить чешую, ни повредить крылья — они у змея были не перепончатые, а покрытые густыми перьями. Не удавалось достать чудище и длинными копьями.

Заметив выходящих из её логова людей, тварь развернулась и устремилась на них. Ардагаст направил в её сторону Колаксаеву Чашу. Золотой свет ударил навстречу аждахе, разлился сияющей стеной, и струи огня и жёлтого дыма, наткнувшись на неё, бессильно закружились, заметались. Чудище ещё разок взмахнуло крыльями — и с рёвом отпрянуло назад: солнечное пламя обожгло самую большую морду.

Появление Солнце-Царя придало смелости росам. Приободрились и аргиппеи с удмуртами, завидев своих предводителей. Вишвамित्रа метнул длинное копье, способное пробить насквозь воина в доспехах. Брошенное могучей рукой великана-шатрия, оно пронзило крыло аждахи и застряло в нём.

— Соколами! — скомандовал Волх, и его оборотни разом взмыли с седел стаей птиц, устремились к змею и принялись трепать его крылья, вырывая копыя когтями и клювами.

Тем временем на горе одни удмурты перестреливались из луков с полубесами, другие забрасывали ров связками хвороста. Завидев летящую аждаху, все они в страхе рванули назад в лес, многие даже бросив с перепугу оружие. Остановила пещев только внезапно вставшая перед ними стена огня. А перед ней стоял Сигвульф с поднятым мечом и крыл незадачливых ратников самой крепкой готской, венецкой и сарматской бранью. Ободрённые его примером, сотники принялись вразумлять своих воинов древками копий и топоров и отборной удмуртской руганью. Смирные и рассудительные лесовики быстро поняли, что аждаха напала не на них, а идти на приступ лучше, чем в лесной пожар. Но лишь немногие заметили, что огонь ничего не жёг и исчез сразу, как только они повернули назад. А с раскидистого дерева спустилась Милана — прямо в объятия Сигвульфа.

Тем временем непривычная к отпору аждаха кое-как отогнала дымом соколов-нуров и собралась было лететь прочь. Но чары Саудева погнали её снова на людей. Описав дугу, змей обрушился на воинов, выхватил из седла и разом проглотил зазевавшегося всадника. Им оказался Пересвет. Гуслер метко стрелял из лука, но для воина был недостаточно проворен. Он и дружинником бы не сделался, если бы не красавица поляница Меланиппа, Чёрная Лошадка. Вот и теперь он постарался отличиться и попал-таки в глаз крайней змеиной голове, только уйти не успел... А у змея тут же выросла ещё одна, восьмая голова.

А Зореславичу уже подвели коня, и царь росов скакал навстречу дракону, и золотой луч бил из Чаши в чёрную морду твари. Змей изрыгал огонь и дым, и два пламени — доброе и злое — снова столкнулись в воздухе. Испугайся конь, поверни назад — и даже Колаксаева

Чаша могла бы не помочь. Но ферганский конь был под Ардагастом, когда тот скакал в бой сквозь стену колдовского огня в Индии и в верховьях Днепра. И аждаха была для «небесного» коня и его всадника не намного страшнее, чем огнедышащий змей, выпущенный на росов литовским колдуном. Не боялся аждаху и саврасый конь Санага, знавший таких тварей ещё в подводном мире. И Ядыгар легко совладал со своим породистым сарматским скакуном. Но пока аждаха оставалась в воздухе, нанести ей ущерб было трудно. Вышата с Лютицей пытались чарами ослабить тварь, но приходилось то и дело отражать летевшие сверху, из городка, заговорённые стрелы или рассеивать накатывавшиеся оттуда волны колдовского страха.

Соколы-нуры снова набросились стайей на змея. Тот отбивался от них крыльями и хвостом, весь поглощённый схваткой с Зореславичем. С раненым крылом дракону было всё труднее держаться в воздухе. Длинный хвост то и дело задевал верхушку старой берёзы, что росла у подножия горы.

Мало кто обратил внимание на всадницу в кожаных доспехах, которая подскакала к берёзе и принялась быстро карабкаться по ней. То была Меланиппа. Вот она оказалась на вершине дерева, и в тот миг, когда хвост змея оказался совсем рядом, ухватила за него и полезла вперёд, перебирая руками зубья гребня, который шёл по хребту чудища. Зубья становились всё выше и острее, царапали и рвали крепкую кожу штанов и даже панциря, но поляница упорно лезла, напрочь потеряв страх перед высотой. Кожаный шлем свалился с головы. Ветер трепал чёрные кудри, а в мозгу билась одна мысль — отомстить за Пересвета проклятой твари, которую не берёт даже солнечный пламень.

Одна из боковых голов обернулась назад, разинула пасть, готовая окутать амазонку ядовитым облаком. И тут вдруг в чешуйчатую шею впились зубы соседней головы — восьмой, только что выросшей. Всё тело аждахи задёргалось от боли, но остальные шесть голов были слишком заняты поединком с царём росов. За все головы думала и решала главная, рогатая. А она чувствовала: едва немного ослабнут злое пламя и ядовитый дым, как золотой огонь, сметя их преграду, оставит от голов одни обгорелые черепа.

Бывалые воины, затаив дыхание, следили за отчаянной поляницей. Её подруги кричали: «Держись, Лошадка!» Никто не обратил внимания на мужичка в сером кафтане и островерхой шапке. На неказистой лошадке подъехал он к берёзе, соскочил наземь и вдруг вырос в остроголового, покрытого серой шерстью великана ростом с саму берёзу. Как и всякий леший, Шишок мог сравняться ростом хоть с деревом, хоть с травой — смотря по тому, где стоял. Великан подпрыгнул, ухватил аждаху за хвост и потянул вниз. Змей ринулся вверх, чуть не оторвав лешего от земли. Тот обхватил ногами ствол и заорал во всё лешачье горло:

— Да рубите вы змеюку, пока берёза не сломалась! Он же меня унесёт, любите вас Яга, всех чертей мать! Лошадушка, тебе же всех ближе!

Меланиппа, чудом не свалившись со спины змея, уже добралась до его плеч. Полянина выхватила из-за пояса боевую секиру, лёгкую, но острую, и всадила её в основание шеи рогатой головы. Не всякий мужчина ударил бы с такой силой, как молодая воительница, готовая изрубить всех драконов, лишь бы отомстить за смерть мужа. Лезвие секиры рассекло мощную чешую, толстые мышцы и достигло сонной артерии. Увенчанная рогами огромная голова разом поникла. Беспорядочно махая крыльями, змей упал наземь. Оставшиеся головы бестолково ревели, плевались огнём и ядом во все стороны. Но десятки копий уже вонзились в тело твари, пригвозждая её к земле. Обе огнедышащие головы Ардагаст сжёг пламенем

Чаши. Ещё одну голову съёс Вишвамित्रа двуручным индийским мечом-кхандой. С остальными головами покончили Санаг, Ядыгар, Ардагунда и Ларишка. Но даже из великолепные мечи не смогли с одного удара перерубить толстые шеи. Ларишка, впрочем, осталась довольна: её кривой меч-махайра из индийской стали не уступил длинным сарматским клинкам.

Меланиппа слезла с огромного трупа змея, взглянула с вызовом в лицо Ардагасту и сказала:

— И долго бы ты, Солнце-Царь, дрался с этой ящерицей без меня, простой жрицы Артимпасы? Воевать с женщинами ты умеешь лучше.

Она гордо отвернулась и вдруг, уткнувшись лицом в плечо Ардагунды, глухо, навзрыд заплакала. Никто не упрекнул её за дерзость. Росы знали: Ардагаст убил в бою её мать, царицу амазонок Томиранду. А теперь ещё и гибель Пересвета, любимца всей дружины...

— Да что там... Все мы вместе одолели тварь эту, чтоб ей в яйце сдохнуть, — шмыгая носом, бормотал Шишок, уже принявший свой обычный вид.

Вдруг кто-то удивлённо вскрикнул. На месте отрубленной индийцем головы змея лежал молодой рыжий удмурт, неизвестно откуда взявшийся. Он с трудом встал на колени и тут же принялся кланяться Вишвамитре. Запинаясь и мешая сарматские слова с удмуртскими, пришелец объяснил, что был проглочен аждахой два года назад, а людей не ел, только скот, людей ела одна рогатая голова.

— Слышал я о таком. Тут нужен меч праведного воина. Вишвамित्रа, друг, отруби змею головы совсем, только главную не трогай, — сказал Вышата.

Проворчав, что это работа не для кшатрия, а для мясника или палача из самой низшей касты, индиец умелыми ударами отделил четыре головы. Воздух над ними задрожал, потемнел, и вот уже на земле лежали сармат, двое аргиппеев и Пересвет. Гуслиар был цел и невредим, только в светлых волосах появились почти незаметные среди них серебряные нити. Меланиппа бросилась к мужу, помогла встать, потом крепко обняла руками за шею, словно боялась, что его опять унесёт злая сила.

Скифские Орфей и Эвридика, подумал Хилиарх. Боги, когда же земля Эллады перестала рожать таких отчаянных воителей? А ведь эта своенравная амазонка, которой он заменил отца, была наполовину гречанкой.

А поляница, улыбаясь сквозь слёзы, выговаривала Пересвету:

— Ну зачем ты лез этому уроду в пасть? Лучников тут и без тебя много, а такой певец — один.

— Ничего, я теперь такую песню сложу — про тебя, про Шишка...

— Про Ардагаста тоже? Как он только тебя... то есть змеиную голову Чашей не сжёт.

— И про него. Велес умолчать не позволит.

Добрый и мягкий гуслиар мог уступить жене во всём, кроме того, что касалось песен. Тут над певцом один Велес властен.

— Ты скажи, каково оно... змеиной головой-то? — полюбопытствовал леший.

— Хуже некуда. Всё видишь и понимаешь, а делаешь, как велит рогатая голова, — ответил Пересвет.

— Однако и против неё пойти можно... если своя голова есть, — сказал Вышата и с упрёком взглянул на остальных спасённых. — Эх вы, головы змеиные!

Те, потупившись, думали об одном: скрыться отсюда, пока с них не спросили за сожраный скот.

А на горе, у Вала, тем временем шёл бой. И не простой. То хворост, которым заваливали ров, разом загорался. То могучий ветер не только относил назад стрелы, но и валил ратников наземь. То городок вовсе пропадал из виду, а из рва лезли чудища одно страшнее и громаднее другого. Силён был Чёрный Бес и знал: здесь противостоят его колдовству лишь старик и женщина. Но противники оказались сильнее и упорнее, чем он думал. Милана, ведьма природная, а не учёная, не привыкла дрожать перед колдунами-мужчинами. Всякие чары она улавливала мигом и тут же принималась давать отпор. А тихий и миролюбивый Акмар совершенно преобразился. Воинственно выставив вперёд роскошную седую бороду, он бросал слова заклятий:

— В руках Инмара золотой шар, от него моя сила. Вырви тот шар, тогда можешь морочить! Срасти семьдесят семь деревьев, разбитых молнией, тогда жги нас! Семьдесят семь раз поцелуй свои уши и затылок, тогда насылай ветер!

И возникший вдруг ливень гасил хворост, ветер обращался на защитников городка, валя их со стен, а чудища-мороки развеивались. А удмурты, тихие и терпеливые, заваливали ров, лезли на вал, били сосновым стволом в ворота. Наконец ворота были проломлены и ратники Сигвльфа ворвались в городок. Девата бежали в его верхнюю часть, защищённую лишь невысоким обрывом да низкой оградой. А за спиной у них были два громадных, в десятки человеческих ростов, обрыва. Бежать было некуда, выстоять — невозможно. Аждаха погибла, конные росы и их союзники поднялись на гору. Вот удмурты расступились, давая дорогу двум царям, воеводе и великому волхву.

В ограде открылась калитка, и в ней появился Саудев.

— Ты победил, Солнце-Царь. Но ещё немало твоих воинов погибнет, пока перебыют всех наших мужчин. А старики, женщины и дети бросятся с обрыва, но не станут рабами.

— Да вас никто и не купит — больно строптивы, — презрительно бросил Санаг.

— Перебить, их всех! Смерть бесову племени! — закричали аргиппей. Их приводило в ярость воспоминание о том, как они дрожали перед девата и приручённой теми семиголовой тварью. Мягкосердечные удмурты помалкивали. Вырезать целое племя они бы не стали, но и заступаться за одно чужое племя перед другим... Молчали и росы. Ардагаст окинул взглядом сгрудившихся за оградой защитников городка. Его воинам не придётся даже убивать безоружных. И никто его не осудит. Никто? Он взглянул на внезапно выглянувшее из-за облачной пелены солнце. Потом на Вышату. Великий волхв поднял гневный взгляд на рогатого шамана:

— Всё племя хочешь с собой в пекло забрать, урод? — Вышата склонился к Зореславичу, тихо сказал: — Когда окончу заклятие, проведи пламенем Чаши по ограде. — Потом воздел руки. В наступившей разом тишине его голос звучал величаво и грозно: — Именем Неба-Отца и Земли-Матери! Силой Солнца, что блюдёт Огненную Правду в среднем мире между ними! Да станет внешнее подобно внутреннему! Кто в этом племени душою бес, пусть станет полным бесом!

Рука Ардагаста с Чашей описала полукруг. Деревянная ограда под золотым лучом вспыхнула и пропала, будто тополиный пух. Над обрывом стояли, не отступив ни на шаг, высокие, крепкие люди, одетые по-аргиппейски. А среди них — покрытые чёрной шерстью остроголовые и рогатые существа. Внезапно один из девата-людей с силой толкнул древком копья стоявшего перед ним беса. Тот покатился с обрыва. За ним ещё один и ещё... Десятка полтора бесов, злобно озираясь и бранясь, сгруппировались под обрывом.

— Вот они и полубесы... — протянул кто-то из росов.

— Что, не за кого больше прятаться, бесово племя? — Волхв снова воздел руки. — Да поразит вас Перун, как и всяких бесов!

Раскаты грома заглушили вой, в котором уже не было ничего человеческого. Огненные стрелы разом ударили с неба, и на земле скорчились чёрные мохнатые тела.

— Нам, воинам Солнца, здесь сражаться больше не с кем. А эти люди пусть идут прочь из городка, — твёрдо и властно произнёс Ардагаст, указывая на стоявших над обрывом.

Раскосые глаза Санага вспыхнули было гневом: чужой царь смеет распоряжаться в его племени! Но Зарина сжала руку мужа, и тот, мигом смирившись, сказал:

— С собой берите лишь то, что унесёте в руках. И скотину — по голове на семью. Всё остальное — наша добыча. Женщины из других родов, похищенные вами, могут вернуться к своим. А здесь снова будет царский зимовник.

У аргиппеев, как и у других сарматов, мужчины охотно подчинялись женщинам — по крайней мере, более умным и твёрдым, чем они сами.

Под свист и насмешки девата покинули городок. Они уходили молча, не отвечая ни на что. Только, проходя мимо царя росов, кланялись сначала солнцу, затем ему. Потомки дэвов ушли в леса вверх по Черной реке, а победители принялись грабить их юрты и избы и уводить скот.

— Вот и всё. Теперь наш путь — вверх по Ра к Золотой горе, — сказал Ардагаст Санагу.

— Путь по Белой реке слишком долг: на юго-восток, потом снова на север. По реке Инзер через горы можно выйти прямо к истокам Ра. Я дам вам проводников. Да и сам пойду с вами в такой славный поход! — В глазах царя аргиппеев блеснул азарт.

— И я пойду с дружиной! Ни один удмурт ещё там не был! — подхватил Ядыгар.

— Погодите. А что станет с нашими землями? — возразила Зарина. — Ты, Санаг, позвал Роксанака, царя восточных роксоланов, в поход на удмуртов. Наверняка он теперь обидится и пойдёт на нас.

— Даже если на удмуртов — мы, победители аждахи, будем сражаться вместе! — твёрдо сказал Санаг.

— К тому же, — продолжила Зарина, — к Роксанаку явились с дружинами Сагдев, царевич западных роксоланов, и Сорак, царевич сарматов царских. Такого набега эти молодые волки не упустят.

— Эти волки охотятся за мной. Сагдев хочет добраться до стрелы Абариса раньше меня. А Сорак, похоже, рвётся отомстить мне за своего дядю Амбазука, от которого я защитил мордвин. Так что придётся мне ещё раз постоять за вашу землю, — сказал Ардагаст.

— Нет! — горячо возразил Санаг. — Я накликнул на нашу землю всю эту свору, я и остановлю их.

— Мы вместе остановим их на Белой реке, — поддержал его Ядыгар. — А ты иди к горе богов. Твой путь — святой, солнечный. Может быть, до самого неба. А мы задержим этих волков, чтобы они не помешали твоему походу.

Ардагаст с благодарностью взглянул на царя и воеводу. Ради него они пожертвовали самым желанным для воина — славным подвигом. Теперь он просто не мог не добыть солнечной стрелы, какие бы волки ни шли по его следу.

— Великолепно! — воскликнул Аполлоний, оторвавшись от серебряного зеркала. —

Многие ли римляне поступили бы так с побеждённым племенем, да ещё демоническим?

— Мы, иудеи, для многих тоже вроде бесова племени, — тихо сказал Иосиф бар-Ноэми. — А этот городок — совсем как Масада. Там наши все убили себя и своих близких, чтобы избежать рабства. Ведь их осаждали не росы, а солдаты нынешнего кесаря, которому ты, учитель, даёшь свои мудрые советы...

— А он их даже слушает. И лучшего кесаря в этой Империи не может быть. Может прийти только худший. Ты знаешь, о ком я...

— Мы семь лет сражались, как львы, против Империи за свободу!

— За *свою* свободу. А не за то, чтобы Империи вовсе не было. Вы же всюду отгораживаетесь от людей, словно прокажённые! И думаете, что ваш бог вас избрал. Для чего, интересно? — Аполлоний сжал ладонью высокий лоб. — Боги, Светлые боги! Как много в Империи обездоленных и как мало способных восстать не то что за человечество — за самих себя! Всё здесь отравлено рабством — души, мысли, книги... И магия тут бессильна: она не может сделать людей хуже или лучше. Вот почему я так приглядываюсь к варварам. Может быть, дракона одолеют те, кто не привык жить под его властью, дышать его ядом...

— Я вырос на Боспоре и знаю варваров. Те, что живут в северных дебрях, слишком миролюбивы, не могут защитить даже себя. А те, что на юге, особенно степняки — жестоки, алчны и легко перенимают пороки в городах...

— А где-то между теми и другими — такие, как Ардагаст и его племя.

— Ты думаешь, учитель, они смогут сокрушить Рим?

— Сейчас нужно хотя бы остановить его. Если вернётся Нерон — снова начнутся завоевания.

Ещё один человек наблюдал в это время за походом росов через магическое зеркало. То был Клавдий Валент, темноглазый иерофант в чёрной с серебряным шитьём хламиде. Он по-прежнему посмеивался, зная, что удача суждена вовсе не царю росов. Маг тоже происходил с Боспора и полагал, что хорошо знает сарматов и прочих варваров, как и людей вообще. В Империи, казалось бы, можно было изучить всю мерзость и глупость, на какую способен человек. Но сердце иерофанта всё больше стискивала тревога. Из росов, обычного сарматского племени, падкого до набегов и гульбы, стремительно выросло что-то большое, сильное и опасное, а главное, непонятное — для Клавдия Валента и ему подобных.

Глава 2

БИТВА ЗА ЗОЛОТУЮ ГОРУ

Дружина росов шла в глубь Уральских гор. Вишвамитра, считавший настоящими горами лишь родные Гималаи, только посмеивался. Не было тут ни таких громадных обрывов, ни таких бурных рек, ревущих в глубоких ущельях. Не сияли на вершинах недоступной белизной снежные шапки. Лишь вонзались в небо острые верхушки елей и пихт, словно бесчисленное войско леших-копейщиков обступило незваных пришельцев. Вершины же самых больших гор были и вовсе безлесны. По словам аргипшеев, там и пасли свои стада могучие аримаспы.

Дикие и безлюдны были горы. Редко где попадалась охотничья избушка или шалаш. А для охоты тут было раздолье. Вдоволь добывали росы и лосей, и оленей, и тетеревов. Били волков, рысей и росомах, подбиравшихся ночами. А столько соболей, куниц, белок не видели в своих лесах даже венецы. Лишь грозный лесной хозяин — медведь — не уважил гостей, потому как успел завалиться в спячку. Реки и озера изобиловали рыбой. А ещё росло тут дерево с голубой хвоей, напомнившее Хилиарху ливанский кедр. Кедром его и прозвали росы, хоть по-аргипшейски оно звалось иначе. И были у этого дерева орехи, маслястые и на редкость сытные и вкусные. Нет, только ленивый да неумелый не прожил бы в этом краю!

И люди тут когда-то жили, а не только забредали поохотиться. То и дело попадались заплывшие, заросшие, но всё ещё глубокие ямы. Как говорили аргиппей, здесь добывали золото и медь арьи, которых привёл сюда Урал, победитель дэвов. Но что стало с этим племенем, аргиппей толком не знали. Одни считали арьев своими предками. Другие говорили, что арьи сгинули: сами себя в землянках похоронили, когда пришли в горы аргиппей. Но все были согласны, что арьи стали подземными духами, а потому в их старых копях лучше не рыться — не то вместо золота безвестную смерть найдёшь. Если только ты не в дружбе с арьями, а ещё лучше — с подземным Змеем-Полозом, чей след — золото, и с Хозяйкой Золотой горы. Хозяйка эта — богиня могущественная, но своенравная. Любит смелых людей, а не любит трусливых и жадных. Ей подвластны грифоны, что ищут и хранят золото. А главный враг её — Ваю, владыка Злой горы.

С боязливым почтением отзывались аргиппей о рахманах — жрецах арьев. Эти мудрецы тоже удалились в подземный мир и там, в озарённых волшебным светом пещерах, хранили древние знания. Иногда они являлись и предсказывали будущее, но только самым праведным людям, и не всякий мог увидеть и услышать рахмана, даже стоя рядом. А ещё говорили: перед самым концом света выйдут арьи и жрецы их из-под земли с великими сокровищами и великой мудростью.

А вот лешие здесь были какие-то странные: одноногие, однорукие, ещё и одноглазые. Шишок таких уродов только в Карпатах видал, да и туда их чёрные друиды привели. А здешние — верно, из той же кривой своры, что и аримаспы. Ты их зовёшь по обычаю выпить медку, закусить, а они — в лес подальше. Не иначе доносят Злой горы хозяину. Несколько раз замечали ветряных дэвов, что с воем проносились над верхушками елей куда-то на восток. Тоже не к добру.. А водяные пери здесь такие же, как родные днепровские русалки: молодые, красивые и проказливые. Останешься один в лесу — нороят заманить к реке поближе. Охотишься за лебедями, а они вдруг обернутся целой стайкой длинноволосых красавиц — да в воду.

Поздним вечером на берегу Инзера отпраздновали день Огня-Сварожича. Невесёлый это праздник: с этих пор ночь становится длиннее дня. В этот день старшие братья, Вечерник и Полуночник, убили Дажьбога-Колакся. Сначала его златогривого красного коня, потом его самого. Завидовали рождённые в ночи рождённому вместе с утренним светом. Особенно после того, как не им, а ему дались солнечные дары. Но если уходит из земного мира Солнце — остаётся его брат Огонь. Разведи его, накорми, не дай угаснуть — и не будешь говорить: Тьма и Зло в мире правят, такое уж нынче время. Время оно такое, каким ты сам его сделаешь.

Вот и горит над рекой костёр, и льёт в него из Огненной Чаши золотистый мёд самый нынешний Солнце-Царь. Род его — от великих царей сколотов-пахарей, а тех — от самого Колакся. Рядом читает молитвы Вышата, а он из рода великих жрецов племени авхатов, чей предок — Вечерник, которого величают Липоксаем, Горой-Царём. А наливает мёд в Чашу дреговицкий княжич Всеслав, чьё племя, когда-то звавшееся траспиями, Ардагаст вывел из припятских болот на прадедовские днестровские земли. Их предок — Полуночник, он же и Арпоксай, Глубь-Царь. Теперь они зовут себя по-сарматски хорватами — «солнечным племенем», в знак верности Солнце-Царю росов.

Грызня племён, измена и чванство вождей некогда погубили Великую Скифию. Но сейчас потомков тех вождей собрала у священного костра могучая сила Огненной Правды. И потому никто из полутора сотен лучших русских воинов, проникших в сердце Урала, не ждал от другого ни предательства, ни трусости. Не водится такого между воинами Солнца.

А лес обступил дружину кругом — тёмный, угрюмый, недобрый. Холодный ветер раскачивал верхушки елей, раз за разом бросался на костёр. Священное пламя изгибалось, как дерево под ветром, металось, но не гасло. Вспыхивали красные огни глаз — чаще по одному, рвали тишину зловещие крики — не звериные и не человечесьи. Уродливые косматые тени появлялись между стволами. Но не могла нечисть найти дорогу в души людей, согретые святым огнём. Никто в страхе не молился ей, не обещал жертв, а лесовики-нуры ещё и посылали во всякие негодные места.

И всё же сердца росов тревожно сжимались: если и Дажьбога-Колакся настигла смерть, то что же станет с нынешним Солнце-Царём, сыном смертных? Не в эти ли дни кончатся подвиги Зореславича, не станет ли последним самый далёкий и священный его поход?

Но вот окончилось жертвоприношение, Вышата с Пересветом взяли за гусли, разом ударили по струнам, и царь росов, выхватив меч и акинак, пошёл в пляс. Сильный, ловкий и быстрый, он то подпрыгивал, потрясая оружием, то шёл вприсядку. А вокруг него степным ветром носилась, скреживая над головой два клинка, Ларишка. Вот так же плясали они этот древний арийский танец в честь Солнца-Митры десять лет назад в страшных пещерах Гиндукуша. С тех пор тела их не утратили гибкости и силы, а души — отваги. И так же весело и молодо было лицо Ардагаста с лихо закрученными золотистыми усами, и тем же дерзким огнём сверкали раскосые глаза тохарки.

Ардагунда легко вскочила с мечом и секирой в руках и понеслась вокруг костра, за ней — могучий Вишвамित्रа со своей огромной кхандой, а следом, потрясая секирами и ударяя ими в щиты-полумесяцы, — все поляницы. Их воинственный хоровод окружил и костёр, и царя с царицей.

— Слава Дажьбогу-Гойтосиру, Солнцу Непобедимому! — восклицал царь.

— Слава Моране-Артимпасе, воительнице! — отзывались царица с амазонками.

А воины азартно били в ладоши. И нипочём им были все страхи безлюдных гор на краю света. Берегись, нечисть одноглазая, — росы идут!

С Большого Инзера отряд перешёл, спрямляя путь, на Малый Инзер. Вскоре эта речка повернула на север, а за ней, на востоке, поднялась огромная гора, сплошь заросшая лесом. Верхушки елей и пихт тонули в тёмно-синих тучах. Вдруг тучи разошлись, уступая внезапно налетевшему ветру, и открыли голую двуглавую вершину, увенчанную скалой, похожей на сапожок степняка. Проводник-аргиппей с дрожью в голосе сказал:

— Совсем плохие места начались. Это — Злая гора. Тут в пещере живёт Ваю, главный дэв ветров. Та скала — его сапог. Когда она видна — очень плохой знак. Рядом со скалой — озеро, а в нём — аждаха, самая большая. Та, что в Чёртовом городке, перед ней змеёныш. А под скалой — пещера Ваю, что идёт до самой преисподней. Оттуда вылетает северный ветер, самый злой, а с ним — дэвов без числа.

— Это же Гекмитрон, Земная Дверь, пещера Борея. Всё, как писал Аристей! — бодр произнёс Хилиарх. В голосе элина не было страха, только удовлетворение путешественника, убедившегося, что книжная мудрость его не подвела. До чего же хорошо странствовать вот так, ища новых знаний и подвигов, а не богатства, за которым он когда-то забирался то в Британию, то к янтарному Венедскому морю! Он сам — не писатель, но в Пантикапее его возвращения ждёт добродушный лысоватый мудрец Стратоник, чтобы продолжить свою книгу «О северных пределах Скифии».

— Не это ли гора Арезур, худшая среди северных гор Хара Березаити? Там живут сто тысяч дэвов без одного. Так меня учил мобед^[16] у нас в Бактрии, — сказала Ларишка. — Он больше всего на свете боялся севера. Говорил, что люди там воинственные и свирепые, как дэвы... Это уже точно не про тебя! — с улыбкой взглянула она на мужа.

— Эти сто тысяч без одного живут в пекле и рвутся через Земную Дверь на небо — остановить движение звёзд, чтобы утро не могло наступить. А не пускают на небо эту свору сто тысяч фраваш — праведных духов — и Семеро Мудрецов, — сказал Вышата.

— Да, Семеро Риши^[17], — кивнул Вишвамित्रа. — Греки это созвездие зовут Большой Медведицей и рассказывают какую-то басню про царевну, обращённую в медведицу.

— Вовсе не басню, — возразила Лютица. — Небесная Медведица, она же и небесная Лосиха — это сама Лада, Мать Мира. Её и боятся бесы.

— Не так её, как её сыновей, богов-воинов, — ответил индеец.

— Как пойдём дальше, царь? — осведомился аргиппей. — С юга обойдём Злую гору, с севера — всё равно попадём к аримаспам. Они сейчас стада гонят с вершин в долины. На Инзере, Ра, Дайке, Юрюзани — всюду в верховьях одноглазые, из-за них там даже сарматы не селятся. Злой народ, страшный!

— А какая дорога ближе? — спросил Ардагаст.

— На север по Малому Инзеру и Юрюзани. Аримаспов там меньше. А к Золотой горе выйдем с севера. Там уже земли грифонов. Тоже злые, страшные: на скотину нападают, на людей тоже...

— Грифоны — птицы Солнца и никого зря не трогают. Видно, вы Солнцу жертв жалеете. Или за золотом лезете куда не надо, — возразил Вышата.

— Вот к ним мы и пойдём. На север, — сказал Ардагаст и обернулся к воинам: — Не унывай, дружина! За Злой горой непременно Золотая. Так боги мир устроили. И никакие чары кривые нас не остановят!

Аргиппей покачал головой:

— Ты — великий воин. Медведь на твоём пути встанет — пройдёшь, аждаха встанет — пройдёшь, аримаспы всей ордой выйдут — пройдёшь. Не пройдёшь только мимо самого Ваю. Его ветер — смерть, его взгляд — смерть.

— Знаю я вашего Ваю. Мы, венеды, его Виём зовём. Один его сородич пробовал меня в Карпатах остановить, только слаб его глаз бесовский оказался против Огненной Чаши, — возразил Зореславич.

— Эка невидаль: глаз, ветер... — вмешался Шишок. — Глаз ему выкололи мы с Хилярхом. А ветер в лесу я и сам могу поднять, да со свистом, с буреломом!

— Был когда-то великий воин Гаршасп, что самого Ваю победил и под землю загнал. Родятся такие храбры и могуты среди росов или нет? — задорно спросила дружинников Ларишка.

— Да что мы за воины будем, если нас ветром унесёт? — громко сказал Сагсар, отец Неждана Сарматича. Дружина одобрительно зашумела.

Отряд бодро шёл дальше на север, но кое-кого из предводителей мучили сомнения. Гот Сигвульф всю жизнь поклонялся Одину, яростному повелителю бурь, и теперь раздумывал: не придётся ли схватиться с самим Отцом Битв, Сеятелем Раздоров? Тот ведь тоже одноглаз, как эти аримаспы... А Ларишка тихо говорила с Вышатой:

— У нас на юге мобеда молятся Ваю и говорят, что ему поклонялись все праведные цари. Иногда говорят, что есть два Ваю — добрый и злой. А Гаршаспа называют великим грешником. Я давно заметила: мобеда не любят воинов и норовят их унижить.

— И у нас брахманы задирают нос перед кшатриями, — кивнул Вишвамитра.

— И не зря, — улыбнулся волхв. — За вами, воителями-крушителями, нужен глаз да глаз, не то всё разнесёте и себе шею свернёте. Сказано: сила есть — ума не надо.

— А всё же: злой Ветер или добрый? — спросила царица.

— Он... своенравный. Может и добро сделать. Только справедливости у него не ищут. Она — у Дажьбога-Солнца, что всегда одним и тем же путём ходит. Перун тоже справедлив, но гневлив и нещаден. А Ветер-Стрибог самый буйный и переменчивый... Ну, да об этом мудрейшие волхвы спорят, и каждый своего бога хвалит. Пока одно скажу: если и есть добрый Ваю, то не здесь. Больно уж много тут всяких... кривых!

Люди ехали и рассуждали о богах, не зная, что боги наблюдают за ними. На вершине Золотой горы стояли двое: могучий зрелый муж с буйными чёрными волосами и пышной золотой бородой и стройный златоволосый юноша. Оба были вооружены мечами и секирами. Первый держал в поводу коня тёмно-синего, как грозовая туча, второй — огненно-красного.

— И выбрал же время Ветроудй со своим кривым козлом! — с досадой сказал старший. — Все в разлёте. Братцу Яриле с сестрицей Мораной сейчас на земле быть не положено. Дед Святovit на западе с дикими охотниками бьётся, и вся моя грозовая дружина там же. А твои солнечные воины на востоке заняты.

— Там дело плохо. Маг Чжу-фанши — тот, что всё в боги лезет — из Алтайских пещер освободил мангусов и повёл на юг. Они пострашнее аримаспов: у кого семь голов, у кого девяносто пять, огнём дышат, а самих ни огонь, ни обычный меч не берёт. Да ещё целая орда чёрных шулмусов увязалась за ними. Этим козлоногим только дай людей помучить и пограбить. Если их не остановить — все вольные города на Тариме опустошат и пойдут дальше на запад, покорять мир для Сына Неба... то есть для мага Чжу.

— Любишь ты эти восточные степи и горы, — усмехнулся старший. — И тебя там любят. Красный Всадник, Майтрейя, Гэсэр-хан... Только с севера спасения и ждут, с твоего Белого острова. А вот меня, верно, нигде не любят, — вздохнул он. — Боятся моих молний, чтут, людей в жертву приносят. Но не любят.

— Ты сам людей не любишь и не жалеешь. Только караешь.

— Зато ты к ним больно добрый, — огрызнулся старший. — Рай земной для арьев в этих местах устроил: ни тебе голода, ни холода, ни жары...

— ...Ни рабства, ни войн, ни неправды. — Взгляд младшего озарился радостным воспоминанием.

— А кончилось тем, что твой любимчик Йима Сияющий возгордился и себя богом объявил. Пришлось у него царство отобрать, — безжалостно напомнил старший.

— И всё равно люди уже тысячи лет помнят о Золотом Царстве. Помнят и ищут к нему дорогу, и ещё тысячи лет искать будут, пока не найдут! — Голос младшего дрожал от затаённой боли.

Старший положил ему руку на плечо:

— Не мучься ты из-за них, младшенький. Что с людей возьмёшь, если их дед Белобог с дядей Чернобогом вместе создавали? Вот и вышло: ни бог, ни скотина, одно слово — смертный.

— Люди лучше, чем ты думаешь! — упрямо произнёс младший. — И ты это скоро увидишь.

К ним мягкой походкой подошла женщина средних лет, с красивым добрым лицом, в белой вышитой рубаше и наброшенной на плечи шубе из золотистых бобровых шкур.

— Ну что, детки, кто защитит мамин дом? Мои птички одни не справятся. И Симаргл где-то запропастился.

— Было бы что защищать, — проворчал старший. — Все дворцы давно перенесены в небесный Ирий. А подземелья с золотом и самоцветами только завалить да заклясть хорошенько.

Женщина удручённо вздохнула:

— Помните, как тут было хорошо тогда? Даже зимой. Вы, маленькие, с детьми людей играли. С вершины вниз на лыжах до самой Ра-реки съезжали. Ты, Даждь, грифонов объезжал, земных девчонок на них катал... А теперь, на небе, то и дело думаешь: не начнут ли люди нас забывать? Вот нечисть никуда с земли не уходит, зубами и когтями держится за свои проклятые места.

Из-под скалы выбрался старичок с бородкой, в островерхой шапочке и сокрушённо покачал головой:

— Что будет-то, если бесы гору захватят... Мало что все сокровища себе заберут, на все копи лапы немытые наложат. Тут их и чарами не остановишь. Хуже всего — налетят, как воронье на падаль, со всего света самые паскудные людишки, что за золото душу свою и чужую продадут, ещё и чёрта-купца надуют! Ох, не люблю я таких, хоть я и бог богатства. А потом как пойдут народы друг на друга войной из-за здешних сокровищ! Бесам только того и надобно... И ведь было время — люди совсем бедно жили, одной охотой, а между собой воевали редко и недолго. Это теперь за мешок золота целое племя перебить могут, а потом непременно кому-то из вас, молодых, жертву принесут...

— Ты прав! Нельзя Золотую гору нечисти отдавать. Чтобы люди не думали, будто Правда на небо ушла, а землю Кривде оставила, — решительно сказал златоволосый.

— А кто гору защитит? Я, что ли? Так я не воин, а просто Велес, всем вам, добрым и злым, прадед, — развёл руками старичок.

— Могу послать только десяток грозовых воинов с Гремиславом Властимиричем. Он один многих стоит, — сказал черноволосый.

— А мне и послать некого. И так Белый остров почти без охраны оставил, — виновато произнёс молодой бог.

— Так что же, смертным ваш дом защищать? — с ехидцей спросил старик. — Это где же такие могуты водятся?

— В земле росов! — Златоволосый резко указал рукой на запад. — Видите? Идёт с дружиной Ардагаст, племянник Гремиславов. А в руке его — моя Огненная Чаша.

— Твой избранник, — усмехнулся старший. — Мы ему, помнится, назначили добыть стрелу Абариса. Ну-ну, посмотрим, чего он стоит в битве богов. До сих пор он воевал только за своё царствишко.

— Он *наш* избранник. И воевал всегда за нас, Светлых богов, — строго произнесла женщина. — Ладно, мальчики, летите. Вам обоим неблизкий путь. А я останусь здесь. Я ведь Хозяйка Золотой горы.

Оба бога поклонились матери, сели на коней. Те разом оттолкнулись от скалы копытами, уже в прыжке развернули неведомо откуда взявшиеся крылья и полетели: синий конь — на запад, а красный — на восток. Большой чёрный ворон с золотым клювом, до сих пор сидевший на скале рядом с красным конём, полетел на юго-запад — туда, где долиной между двумя хребтами шла дружина росов.

— А там, внизу, ещё думают, будто мы всемогущи, — задумчиво произнёс старик.

Росы шли долиной Инзера, потом Юрюзани. Аримаспов почему-то не было видно. Хотя попадались следы их становищ. Наконец миновали Золотую гору, и справа, за невысоким хребтом Бахты, встала во всей своей загадочной красе Золотая гора. Вид её то и дело менялся. Скроется солнце — и гора тёмно-синяя, будто туча. Снова выглянет — и она покрывается весёлыми зелёными пятнами. А то вдруг озаряется чистым золотым сиянием. Что же там сияет — золотые дворцы богов, груды невиданных сокровищ? Вышата рассуждал вслух:

— Если это Хукарья, Золотая гора, высочайшая и лучшая из гор, почему она ниже Злой горы?

Вишвамитра недоумевал ещё больше:

— Высочайшая из гор — золотая Меру, обитель богов. Только куда этим горам до Гималаев, даже до Кавказа? Слушай, великий волхв, да там ли мы ищем эту гору?

— Вдруг Солнечная река — это не Ра? А, скажем, наш Вахш или Яксарт? Тогда Золотая гора — на Крыше Мира^[18]. А мы забрались куда-то в Ахриманово логово, — сказала Ларишка.

— Скажи лучше — за Бактрией соскучилась, — усмехнулся Ардагаст.

— Да, соскучилась! Отца с мамой девять лет не видела.

— Если Рипей — дальше на север, то настоящая Золотая гора может быть там. И настоящий исток Солнечной реки тоже, — спокойно, будто разглядывая карту, сказал волхв.

— Так что, забраться ещё дальше в эти дебри? К каким ещё дэвам? — произнесла царица совсем уже раздражённо.

— А почему самая святая гора должна быть самой высокой? — неожиданно

вмешалась Ардагунда. — И Вышата, например, ниже Вишвамитры, а кто из них праведнее?

— Да, кто пьёт больше вина? А кто заигрывает с нашими сёстрами, когда жены рядом нет? — подхватила Меланиппа.

— Муж мой! Ты помнишь, что ждёт священного царя мужеубийц за измену царице? — воинственным тоном обратилась Ардагунда к супругу.

Амазонки с весёлым смехом принялись заверять свою царицу в том, что ни с кем из них муж ей пока что не изменял. Смеялись, слушая их, и остальные. А сам великан-индиец лишь улыбался в роскошные чёрные усы. Есть грехи, простительные для кшатрия. Вот если бы кто обвинил его, даже в шутку, в трусости или в измене не царице, а царству...

Было пасмурно и сыро. Холодный ветер раз за разом налетал, неся в лицо брызги мелкого дождя. Но удивительный свет священной горы всё чаще пробивался сквозь облака, и на душе становилось легко и радостно. Пропадало желание ссориться, даже думать о чём-то дрянном и мелком. Золотая вершина манила к себе, будила желание совершить что-то доброе и славное. Ларишка тряхнула тёмными волосами, падавшими из-под шлема на плечи, и запела чистым, высоким голосом:

**Молюсь горе Хукарья,
Преславной, золотой,
Что поднялась высоко
В рост тысячи мужей,
С которой к нам стекает
Благая Ардви-Сура.
Она стремится мощно
И столько счастья носит,
Сколько по земле текут.**

В ответ зазвучал сильный, мужественный голос Зореславича:

**Молюсь ей ради счастья
Я громкою молитвой.
Благопристойной жертвой
Почту я Ардви-Суру.**

Воины разом подхватили:

**Почту я Ардви-Суру
Искусными речами
И мыслью, и делами,**

**И сказанными верно
Правдивыми словами^[19].**

Росы-сарматы пели на своём языке, венеды, как могли, подпевали им. Слова древнего гимна Великой Богине почти не изменились со времён арьев, чьи потомки разошлись отсюда по бескрайним степям, горным долинам и оазисам. Владычица Золотой горы, Ардвисура Анахита — Влажная, Сильная, Незапятнанная — снова звала своих воинов.

Шишок, как и всякий леший, мог найти дорогу через любой лес. Потому проводников в этот поход росы взяли больше для того, чтобы не обидеть аргиппеев и их царя. Шишок, однако, развлекался тем, что находил путь покорооче и неожиданно показывался на дороге перед самым носом у аргиппеев. Вот и теперь он зашёл далеко вперёд. С ним были Хилиарх и Сагсар с Нежданом. Отец с сыном охотились, а любознательному эллину не терпелось рассмотреть поближе священную гору. Он наслаждался её великолепным видом, когда Неждан тронул его за плечо:

— Гляди, гора... движется.

Волк Серячок, старый спутник Шишка, тревожно заворчал.

Над острыми верхушками пихт то появлялось, то исчезало что-то островерхое, блестящее. Там, где деревья стояли пореже, между ними проглядывала громадная фигура едущего всадника.

— Святогор-могут, — зачарованно прошептал Неждан. — Тот, что только по Святым горам ездит — Мать-Земля его не держит.

Затаив дыхание, трое смотрели, как на поляну выезжал исполинский всадник — раза в полтора или два выше человека и на таком же громадном вороном коне. Тело великана прикрывали кожаные штаны и грубовато сделанный чешуйчатый панцирь. Из коротких рукавов панциря выглядывали могучие руки, заросшие густой чёрной шерстью. Большую голову, выроставшую прямо из широких плеч, венчал остроконечный железный шлем. У пояса висел огромный лук в горите. Вдруг великан поднял руку и зачем-то снял шлем. Голова под ним оказалась островерхой, как и шлем, и сплошь покрытой тёмной шерстью, непохожей на человеческие волосы.

— Леший воином вырядился, что ли? — удивлённо пробормотал Шишок.

А исполин, снова надев шлем, вдруг развернул коня в их сторону. Росы ясно увидели уродливое лицо, обрамленное косматой бородой. Под выпирающими надбровьями не было ничего, зато посредине низкого лба блестел единственный глаз.

— Вот тебе и Святогор! Это же вайюг, — сказал Сагсар.

Вайюгов росам приходилось видеть шесть лет назад на Кавказе. Этих сильных и злобных, но глупых великанов оставалось всё меньше. Они жили в горах, словно дикие звери, и лишь в самых глухих углах ещё пасли овец. Только в песнях и преданиях сохранилась память о том, как вайюги ездили верхом, угоняли скот у людей и сражались с ними металлическим оружием.

— Это не вайюг, — покачал головой Хилиарх. — Это аримасп. Старайтесь не злить его. Помните приказ царя: первыми на аримаспов не нападать? Да с такими и впрямь лучше не воевать.

Заметив росов, великан проговорил что-то на непонятном им языке. Язык был грубый, отрывистый, голос — рычащий, угрожающий. Руки людей невольно стиснули оружие, однако никто не шелохнулся. Аримасп достал лук, наложил стрелу на тетиву и вдруг повернулся всем корпусом в сторону и поднял оружие.

Росы взглянули туда, куда он целился, и увидели, как от священной горы несётся по воздуху что-то сияющее раскалённым золотом, будто маленькое солнце. Словно колокол, загудела тетива, громко просвистела стрела, уносясь в небо, и золотой огонёк стремительно полетел к земле, на глазах вырастая и окрашиваясь кровью, и наконец упал прямо к ногам росов. Те сначала отпрянули, прикрыв глаза от яркого света, и лишь потом разглядели удивительное существо. Величиной оно было со льва и напоминало льва всем, кроме орлиной головы с острыми ушами, гребня вдоль стройной шеи и могучих крыльев. Всё его тело — и шерсть, и перья, и гребень — было благородного золотистого цвета. Перья блестели металлом, переливаясь и меняя цвет в скурых лучах осеннего солнца.

Диво-зверь уже не двигался, пронзённый насквозь стрелой в рост человека, больше похожей на копьё. Брызги крови блестели на его теле, словно рубины на золоте. Мощный клюв был грозно открыт. Сильный и отважный зверь вызывал не жалость к себе, а возмущение: какой урод, из тьмы вылезший, мог посягнуть на такое дивное создание? И чем станет мир без такого чуда?

А одноглазый довольно хохотал на всю тайгу. Потом достал ещё одну стрелу, нацелился в сторону росов. Опустил лук, снова захохотал и вдруг быстро вскинул его и пустил стрелу. Серячок отчаянно взвизгнул. Несмотря на немалый уже возраст, он сумел увернуться от стрелы, но её остро заточенный наконечник распорол ему бок. А великан, гогоча, доставал новую стрелу.

Леший яростно взревел: «Забавляешься, дубина одноглазая?!» — и вмиг вырос в мохнатого великана ростом с кедр. Аримасп быстро спрятал лук и выхватил огромный, больше человеческого роста, меч. Шишок едва успел уклониться от удара, съёвшего верхушку ели. Видя, что лешему сейчас придётся плохо, его друзья разом схватились за луки. Стрелы Сагсара и его сына попали в лицо аримаспу, но не задели глаза. Эллин же направил стрелу в ноздрю громадному коню. Не выдержав боли, животное с громким ржанием встало на дыбы. Аримасп, опытный наездник, удержался в седле. Но прежде, чем он сумел совладать с лошадью, Шишок изо всей силы ударил её могучей ногой в брюхо. Конь повалился наземь, а всадник так и не успел выбраться из-под него и пустить в ход меч. Разъярённый лешак вывернул ему руку из сустава, так что меч выпал из неё, а потом схватил аримаспа за плечи, поднял и со страшной силой ударил спиной о ствол пихты, сломанный бурей на высоте трёх локтей. Острое дерево пробило железные чешуи и кожу грубо сделанного панциря и вонзилось в спину. Жутко ревя, великан (он был Шишку всего-то по грудь) попытался высвободиться, но удары тяжёлых кулаков лешего всё больше насаживали аримаспа на дерево.

Тем временем исполинский конь встал на ноги. Вмешайся он в схватку, лешему не поздоровилось бы от его могучих ног, под стать слоновьим, и тяжёлых копыт. Но ловкий грек успел одной рукой ухватиться за гриву коня, а другой вонзить акинак в сонную артерию. Обливаясь кровью и ломая кусты огромным телом, конь рухнул. Сагсар с Нежданом, подоспев на помощь лешему, мечами с трудом перерубили мощную шею аримаспа.

Шишок, приняв обычный вид, поспешил к Серячку. Волк потерял немало крови, но был

жив и усердно зализывал себе рану. Заботливо поглаживая его, леший зашептал простенький заговор на унятие крови.

— Ну вот мы и начали войну с аримаспами, — с сожалением вздохнул Хилиарх. — Наверняка рёв этого верзилы слышали его сородичи.

— А чего он на нас да на пёсика моего с луком? Да какой леший в лесу такого охотника стерпит, что не еду добывает, а смертоубийством забавляется? — возмущённо отозвался Шишок.

— Вайюг он и есть вайюг, — махнул рукой Сагсар. — Зол и глуп. Думает, раз сильный, значит, всё можно.

Неждан, взглянув на погибшего грифона, сказал:

— Дивы-грифоны — птицы Солнца, так ведь? В его колесницу впряжены. А мы — воины Солнца, Дажьбожьи внуки. Так с кем же нам тут воевать, если не с теми, кто такую божью красу губит?

Хилиарх согласно кивнул и, глядя на уродливое обезьянье лицо аримаспа, задумчиво проговорил:

— «Каждый на лепом челе имеет единое око...» Сам ли Аристей так писал или какому-то переписчику показалось недостаточно красиво? До чего мы, эллины, любим видеть красоту даже в страшном и опасном... Ведь этот грифон, к примеру, вряд ли покажется прекрасным аргиппейским пастухам, у которых эти божественные птицы таскают скотину.

— Аргиппеи верят: когда грифоны сыты, солнце лучше греет. И мы, сарматы, приносим жертвы скотом Гойтосиру и его грифонам, — возразил Сагсар. — Солнечный зверь берёт одну жизнь и взамен даёт другую. Это аримасп-вайюг ничего не даёт, только убивает.

Забрав голову и оружие аримаспа, росы вернулись к привязанным неподалёку лошадям и поехали обратно к войску. Они не обратили внимания на большого ворона, который наблюдал за схваткой с вершины кедра, а потом вдруг, не заинтересовавшись падалью, полетел вслед за ними. Четверо вышли к своим, когда какой-то старый охотник-аргиппей стоял перед росами и возбуждённо говорил:

— Идите назад, западные росы! Впереди в горах война. Страшная война, не для людей. Аримаспы идут приступом на Золотую гору, хотят отнять её и копи у грифонов. Это Ваю послал одноглазых — и аримаспов, и дэвов. Разве можно людям в такое вмешаться: с Солнцем воевать или с Ветром?

— С Тьмой нужно воевать всюду, если встал на Путь Солнца! — сказал Ардагаст.

Дружина одобрительно зашумела. Хилиарх и его спутники выехали вперёд, высоко поднимая голову и оружие сражённого великана.

— По воле богов, мы уже вступили в войну, и вот первый убитый враг и первая добыча, — громко произнёс эллин.

Росы невольно притихли, слушая рассказ грека. Да, это вам не тупые вайюги и не лешие-людоеды... Вчетвером одного еле одолели, и то с Шишком. А его ведь на всех аримаспов не хватит. Ко всему ещё проводники заявили:

— Дальше не пойдём. Вы погибнете, мы погибнем, никто не вернётся!

— Труссы! Ваш удел — умереть на соломе, а не в битве, и попасть в нижний мир, а не на небо, в обитель великих воинов! — презрительно бросил Сигвульф.

— Мы — охотники! — возразил старый аргиппей. — Медведя не боимся — в

одинокую ходим, вепря не боимся, волчьей стаи не боимся. Я молодым в низовьях Дайка с тигром схватился. Они — звери, мы — люди. А аримаспы — боги. С ними только боги и их птицы воевать могут. Увидят аримаспы нас, аргиппеев, среди вас — придут потом всему племени мстить.

Ворон с золотым клювом, тот самый, что прилетел вслед за Хилярхом и его спутниками, сердито каркнул с верхушки пихты. С высокого кедра, одиноко возвышавшегося на востоке, на склоне хребта Бахты, откликнулся тревожный, грозный голос: орлиный клёкот, постепенно перераставший в звериный рёв. «Див-грифон кличет! На погибель идём!» — заволновались молодые дружинники. Воины постарше, наоборот, приободрились. Они хорошо помнили, как над Збручем такой же голос предвещал поражение не росам, а их врагам — бастарнам. Не помогли тем и чёрные друиды. Вышата заговорил, указывая рукой на восток:

— Росы! Слышите голос дива, солнечного чудо-зверя? Это нас, Дажьбожьих внуков, он кличет. Кому ещё, кроме нас, защитить Золотую солнечную гору? На то нам дана Колаксаева Чаша. А кому много дано, с того много и спросится. Я, великий волхв, не буду вам обещать победу, не стану и гадать о ней. Но клянусь светом Солнца: если уклонимся от такой битвы — не достойны будем ни владеть Колаксаевыми дарами, ни зваться росами — «солнцесияющими»!

Громко, горячо заговорил Хилярх:

— Не мне бы, греку, ругать своих соплеменников. Но знайте: не лучшие из них пробираются в эти места. Пробираются не за мудростью, как Аристей, — за золотом и самоцветами, которые им продают аримаспы. И если одноглазые завладеют всеми копиями — сюда побегут стаями, как мыши на зерно, негодяи и корыстолюбцы с юга. И принесут сюда все мерзости, какие только есть в Империи. И заставят все племена Скифии драться из-за уральских сокровищ. А достанутся эти сокровища не нам, а им, торгашам и проходимцам! И будет на Золотой горе престол Гермеса, бога воров и наживал, а на Злой горе — престол Чернобога!

Эллин говорил и сам удивлялся себе. Ну разве стал бы он лет десять назад забираться в такие места иначе, как ради богатства? И не стал бы настраивать диких скифов против предприимчивых эллинов — таких же пройдох, как он сам тогда. Но с тех пор он стал соратником Солнце-Царя и понял, что для отважного и ловкого человека есть цели более достойные, чем погоня за золотом и тем, что можно на него купить. Впрочем, об этих целях он знал и прежде — от своих учителей-философов. А может быть, прав Платон: в душе нужно лишь разбудить то, что она вынесла из другого мира, высокого и светлого, как эта святая гора?

Ардагунда встряхнула пышными золотыми волосами и насмешливо произнесла:

— Мужчины племени росов! Вы, кажется, научились чего-то бояться в этом походе? А вот мои девочки никак не научатся. Может, вы поможете?

Воины дружно и как-то облегчённо захохотали. После таких слов попробовал бы кто из них повернуть назад или хоть заикнуться о том!

Аргиппеи жались друг к другу, думая об одном: оказаться подальше от этих людей, готовых на самое небо и в преисподнюю идти войной, сражаться наравне с богами. Нет, лучше о таких слушать песни, сидя в тёплой юрте! На помощь им пришёл сам Ардагаст:

— Вас не держу, вы и так нас почти до самой горы довели. А нам без солнечной стрелы вернуться — позор великий. И не только нам — всему племени росов. Мы ведь

лучшие из его воинов. А кому хочется воротиться со стыдом да с золотом, пусть идёт вместе с аримаспами. Нет таких? Знаю, нет. Так вперёд, росы! Идём, куда див кличет. А сгинем, так за Золотую гору, а не за мешок золота!

Ворон на пихте каркнул с самым довольным видом. С одинокого кедра снова заклекотал-заревел грифон, протяжно, призывно. И не страх уже вызывал этот голос, а желание испытать себя, дойти до края земли. А впереди, среди густых елей, появился Белый Всадник. Обернулся, блеснул золотым щитом, взмахнул-поманил копьём. И войско росов двинулось дальше долиной Юрюзани. Справа, на вершинах хребта Бахты, и слева, на склонах гор Зигальга, белели скалы, похожие на стены и башни невиданного города. Среди них чернели входы пещер. Кто придал скалам такой вид? Одноглазые бесы, исчезнувшие арьи или, забавы ради, сами боги? Теперь там жили дэвы и аримаспы. Можно было бы, если не очень спешить на битву, пограбить пещеры и становища, где сейчас были одни женщины, дети и старики. Когда кто-то заметил на этот счёт, над ним только посмеялись и сказали, что такие подвиги можно оставить Андаку с Саузард.

Ещё одна птица внимательно следила за росами — сорока. Убедившись, что поход продолжается, она полетела на запад. Там, в долине Катава, что от южного подножия Зигальги тек на запад, к Каме, затаилась дружина Чёрных Медведей. Услышав рассказ сестры, Бурмила подбросил увесистую палицу и довольно проревел:

— Э-э-эх и повоюем! Вместе с аримаспами так росов побьём — на семена не останется! И как медведи грифонов побили, весь лес узнает!

— Тебе лишь бы подраться! — досадливо махнул рукой Шумила. — Понимаешь хоть, какая там каша заварится? Растает наша дружина в этой битве лютой, как щепотка соли в котелке. Нет, пусть Ардагаст бьётся, а мы его тут подождём. Сгинет его дружина совсем — слава Чернобогу. А вернутся — с победой ли, нет, — всё равно их уже меньше будет. Тут-то мы воинов Солнца и подстережём. Вот тогда и побьют медведи русских грифонов, чтобы в наш лес не летали, ха-ха! — Довольный своим замыслом, Шумила погладил бурую косматую бороду.

Проводникам-аргиппеям не повезло. Сначала их схватили Чёрные Медведи и крепко побили — чтобы не указывали дорогу Ардагасту Убийце Родичей, злейшему врагу свободного леса. Одного аргиппея ещё и съели, по старинному лесному обычаю. Потом проводники встретили царя Санага с дружиной, и тот велел их высечь — чтобы не позорили племя перед росами.

Рано утром из русского стана в долине Юрюзани взлетели и направились к востоку три птицы. Вышата летел белым кречетом, Лютица — орлицей, а князь-чародей Волх Велеславич — соколом. Золотая гора предстала перед их взором во всём своём величии, нерушимым утёсом вставая из багряного моря солнечного восхода. Священная гора имела две вершины, разделённые седловиной, из которых главной была восточная. С севера гору ограничивала долина речки Тюлюк, с востока — хребет Аваляк, с юга и запада — долины трёх речек: Авляра, Синяка и Тыгына, стекавших со склонов горы. Все три речки вскоре сливались и впадали в Белую реку Ра, чья долина лежала за невысоким Аваляком. На западном и южном склонах обрывистые скалы выдавались причудливыми башнями, арками, входами пещер. Так боги некогда укрепили и украсили свою обитель.

В лучах утреннего солнца золотом сияли обе вершины, а ещё ярче — тела сотен грифонов, паривших над горой или стоявших на склонах. А снизу, со всех четырёх сторон, на

гору шла, блестя доспехами, несметная рать волосатых великанов на громадных чёрных конях. Одни из аримаспов били снизу из огромных луков. Другие, спешившись, лезли вверх по склонам, разя грифонов мечами и копьями. Следом за ними карабкались горные дэвы. Эти по большей части лишь добивали дубьём раненых грифонов. В воздухе носились на нетопырьих крыльях ветряные дэвы, норовя вцепиться в летучих диво-зверей, обломать им крылья, сбросить вниз, на расправу одноглазой рати. Над горой стоял клёкот и рёв грифонов, которому вторили злобное рычание и крики аримаспов, громовое ржание их коней и оглушительный вой дэвов, шумевших больше всех.

Волхвы-птицы облетели гору священным ходом — посолонь ^[20] — и всюду видели одно: будто чёрное, грязное, волосатое море обступило её и рвалось затопить, чтобы не было больше на земле такого светлого, чистого, златосияющего места. А дай этому морю волю и силы — захлестнёт, измажет и само небо, Ирий небесный выкорчует и изгадит. И никого из богов или их небесных воинов не было видно ни на горе, ни над ней.

Привыкнув к тому, что люди, даже воинственные сарматы, предпочитают не враждовать с ними, аримаспы не ожидали, что «человечишки» вмешаются в битву. А уж на троих птиц, облетевших гору и снова скрывшихся за хребтом Бахты, никто и не глянул.

И вдруг со стороны Юрюзани раздался грозный сарматский клич «Мара!» — «смерть». А следом — венедский: «Слава!» Долиной Тюлюка на аримаспов нёсся, гремя доспехами, под грохот бубнов и рёв рогов, несокрушимый сарматский клин: закованные в железо всадники с длинными копьями. На острие клина — два великана: смуглый индеец и белокурый гот в рогатом шлеме. А за ними, под алым знаменем с золотой тамгой — златоволосый царь в красном плаще. В руках у него, надёжно защищённого со всех сторон лучшими дружинниками, не было ни копья, ни меча. Лишь золотая чаша, из которой бил луч ненавистного одноглазым солнечного пламени.

От неожиданности аримаспы не успели даже развернуть коней навстречу новым врагам. И враги-то были вместе с лошадьми, этим коням всего по грудь. Но длинные копья с массивными наконечниками, способные пробить насквозь всадника в доспехах, глубоко вонзались в тела исполинских скакунов, калечили им ноги. Направленные же чуть повыше, копья дробили бёдра великанам-всадникам, доставали до внутренностей. Обливаясь кровью, кони падали. Не успевших подняться аримаспов рубили мечами, кололи копьями, топтали лошадьми. А золотой огонь слепил глаза, прожигал доспехи, обращал всадников и коней в обугленные трупы. Не выдержав натиска, великаны столпились в болотистых верховьях Тюлюка, сталкивая друг друга в трясину. А сверху на них с удвоенной силой набросились грифоны.

Вскоре вся долина Тюлюка была завалена громадными трупами, а сама речка покраснела от крови. Тогда Ардагаст разделил своё войско надвое. Одна часть спешила и во главе с Вишвамитрой, под знаменем двинулась наверх, по каменистым осыпям, недоступным для лошадей. Остальных царь снова выстроил в клин и повёл на юг, в долину Авляра, между горой и хребтом Бахты. Амазонки пошли с индийцем, нуры — с царём.

Вишвамитра словно помолодел лет на десять. Тогда, в страшной битве у Таксилы, в Индии, он нёс сквозь огонь священное Знамя Солнца — алое с золотым львом-меченосцем. Теперь он снова шёл под красным стягом с золотым трезубцем — символом Солнечной Богини, едущей на колеснице с двумя конями. Но тогда он был одинок: беглый храмовый раб-стражник, случайный спутник русского царевича без царства... А сейчас он вёл дружину Солнце-Царя. И рядом шла в бой любимая, лучшая в мире женщина — златоволосая царица

амазонок. Такая же отчаянная и такая же весёлая и добрая, как её брат. И как сам индеец, ушедший в Скифию из мест, где торговали и людьми, и чувствами, и собственной семьёй.

Аримаспы и дэвы, штурмовавшие северный склон, оказались теперь между росами и грифонами. Дэвы попросту бросились наутёк. Великаны тоже недолго продержались на крутом склоне против наседавших со всех сторон врагов. Особенно опасны оказались для одноглазых амазонки с их луками. Одна меткая стрела — и ослеплённый исполин мог уже только, ревя от боли и ярости, беспорядочно махать оружием, покуда не срывался со склона. А мужчины надёжно защищали своих отважных лучниц, соревнуясь с ними в бесстрашии.

Достигнув наконец верхней части горы, росы были немало удивлены. Где же золотые дворцы богов, где сады Ирия? «Если это — блаженная золотая вершина Меру, то почему здесь так холодно? Где тенистые леса, полные зверей и птиц, обители святых мудрецов, музыка божественных небожителей?» — недоумевал индеец. Ничего, одни сопки, поросшие травой и мхами, да странные, уродливые деревья: те же берёзы и ели, только низенькие, кривые, стелющиеся по земле, вырастающие в неё верхушками. Да и как им было иначе расти под неутрахающим ветром, могучим, холодным? Такой сделал лучшую из гор злобный Повелитель ветров. Хоть бы до небесного Ирия не добрался!

Но долго удивляться и размышлять росам не пришлось. Со стороны Аваяка на вершину уже ворвались аримаспы и с победным рёвом устремились к самой высокой сопке. Следом неслись с воем и визгом их прихвостни — дэвы. Опережая нечисть, на главную сопку взбежали Вишвамित्रа, Ардагунда и дрегович Всеслав со знаменем. А снизу уже лез, сметая всё на своём пути огромным мечом, рыжий аримасп, превосходивший ростом и мощью всех своих сородичей. Шлема на нём не было, и всклокоченные ветром густые волосы напоминали разворошённую копну. Длинная рыжая борода воинственно задралась кверху.

Ардагунда пустила стрелу, но из-за нараставшего ветра трудно было попасть даже вблизи. Стрела вонзилась в край глазницы и не ослепила, а лишь разъярила гиганта. Взмах его меча сбил с амазонки шлем и едва не снёс ей голову. Оглушённая, поляница упала. Аримасп замахнулся снова, но тут Вишвамित्रа с криком «Харе Кришна!» двумя руками подставил под его удар свою кханду. Индийская сталь выдержала. Отбив громадный клинок, кшатрий следующим ударом разрубил запястье великана, и тот выронил меч. Взбешённый исполин двинул своего противника ногой. Могучий индеец отлетел назад. (Кто-то другой остался бы после этого с переломанными костями).

Рыжий исполин со злобным рёвом протянул волосатую руку к знамени и вдруг отдернул её, словно обжёгшись. Испугался он меча Всеслава или чего-то другого? Вдруг Ардагунда вскочила на ноги и, с силой взмахнув острой секирой, подрубила аримаспу сухожилие. Гигант, потеряв равновесие, упал и покатился с сопки вниз. Прежде чем он успел встать, копьё Сагсара и Неждана пригвоздили его к земле.

— Куда полез? Ты не Солнце Красное — над святой горой всходить, — сказал Неждан.

— Кривой от роду — так иди лучше в преисподнюю мёртвых стеречь, — добавил Сагсар.

У Ардагунды после удара в голове ещё шумело, и, не поддержи её муж, амазонка упала бы снова.

— Понимаешь, мне сама Артимпаса явилась. Берёт за руку и говорит: «Вставай сестра, бой ещё только начался». А ты её не видел? Она часто так является — одним только женщинам.

Вместе с воинами на гору поднялись и волхвы. Вышата и Лютица шли в бой, оборотившись львом и львицей. И не простыми: серовато-жёлтыми, безгривыми, гораздо крупнее и сильнее обычных львов. Немногие волхвы теперь умели принимать облик детей Великого Льва — могучего зверобога, некогда царившего на холодных заснеженных равнинах вместе с Великим Медведем и косматым Индриком-зверем^[21]. Мощные, как сталь, лапы и клыки льво-оборотней дробили кости аримаспов, рвали глотки и мускулы. На дикую древнюю силу волосатых исполинов нашлась сила столь же страшная и древняя.

А Милана сражалась в человеческом обличье. От всех опасностей боя её надёжно охранял Сигвульф. Она же умело и сноровисто отводила врагам глаза, и те били своих, а то и вовсе переставали понимать, где оказались.

Вишвамित्रа, собрав воинов, повёл их оборонять южные склоны горы. Хотел взять и знамя, но Вышата велел держать его на вершине, пояснив: «Оттуда солнечная сила идёт». При знамени остался Всеслав. Молодой воин малость досадовал, что его вывели из боя, но был горд поручением. Он всем телом и душой чувствовал, как идёт снизу, из золотоносных недр горы, и сверху, от светила, скрытого за облаками, могучая и добрая сила. Та сила, без которой воин не воин, а разбойник. Два потока сливались здесь, на вершине, и растекались, наполняя воздух золотистым свечением. И тела защитников горы наполнялись силой, а души — отвагой и упорством. И слабела одноглазая орда, и стихал хоть немного ветер.

Всеслав не чувствовал холода, а ветер словно обтекал его, не в силах ни свалить с ног дружинника, ни сорвать знамя, ни сломать древко. Непокорно трепетало над головой дреговича алое полотнище — Ардагаст не пожалел на него дорогого ханьского^[22] шёлка, а тамгу вышивала золотом младшая царица Добряна. Словно маленькое красное солнце, испускало оно золотые лучи, и при виде его у аримаспов и дэвов прибывало злобы, но не силы.

А внизу были видны бесконечные хребты в тёмно-зелёной одежде хвойных лесов и речные долины между ними. Вот Юрюзань, Инзер, вот и серебристо-белая река Ра, а за ней — широкий Даик. Взор дреговича внезапно приобрёл невиданную остроту. Словно всевидящее око Даждьбога, он охватывал на севере дремучие леса и тундры до сурового седого моря, на юге — степи и пустыни до широкого Каспия и заснеженных гор, на востоке — бесконечные степи, на западе — днепровские леса, и болотистую полесскую Дрегву, и новую землю его племени у подножия Карпат... И всей этой огромной стране, прозванной греками Скифией, нужна была Золотая гора — святая, недоступная никакой нечисти, алчной и жестокой. И нужна была текущая с этой горы солнечная Ра-река, Рос-река, великая и святая, несущая с белой водой добро и правду.

А внизу, под западным склоном, двумя железными клиньями врезались друг в друга росы и аримаспы. Длинные копья вонзались в грудь исполинским коням, сразу доставая до сердца. Чудовищные мечи аримаспов рассекали надвое всадников вместе с конями. Среди косматых великанов выделялся один — седой, но могучий, на голову выше всех, в сияющем золотом шлеме. То был царь аримаспов. Своё отборное войско он не дал захватить врасплох, как тех в долине Тюлюка. И выходить из-за спин дружины, чтобы схватиться с наглым царём росов, не торопился, потому что сразу оценил силу золотого луча Огненной Чаши. Подобраться бы к её хозяину сбоку или сзади... Но пока что его надёжно прикрывают закованные в железо дружинники.

Волх и его нуры шли в бой, оборотившись одни волками, другие турами, третьи соколами. Туры острыми рогами вспарывали бока и животы коням аримаспов, топтали и

бодали поверженных всадников. Соколы, молнией бросаясь сверху, вырывали великанам глаза. Небольших стремительных птиц, в отличие от грифонов, аримаспы не успевали вовремя заметить. А ослепший разъярённый гигант в гуще битвы был для своих опаснее, чем для чужих. Волки, серыми тенями проскальзывая между сражавшимися, ловко избегали и конских копыт, и мечей и, выбрав миг, вцеплялись коням в ноги, а то и в горло. Когда же конь, обливаясь кровью, валился наземь, волколаки набрасывались на всадника прежде, чем он успевал встать.

Опаснее всех для врага был крупный волк с седой, почти белой шерстью — сам князь нуров. Вот аримасп замахивается на него мечом, а Седой Волк выходит из-под удара, забегает к коню сзади, прыгает на круп. Конь брыкается, а седой оборотень, уцепившись лапами за ворот панциря, уже сомкнул челюсти на шее всадника. Тот валится с седла, а князь-волк выскакивает из-под копыт с победным воем и снова бросается в самую гущу битвы сеять смерть:

Вместе с оборотнями дрался и настоящий волк — Серячок, боец немолодой, но бывалый. Он, правда, держался поближе к своему хозяину. А тот, встав во весь лещачий рост и выломав молодой кедр, крушил им коней и всадников, и не спасали от этой великанской дубины ни мечи, ни панцири, ни шлемы. Не один исполинский клинок разлетелся об неё. Биться на мечях лещий был не мастак и потому старался ударить один раз, но так, чтобы другого не понадобилось. При всём этом Шишок ещё и свистел на всю долину страшным лещачьим свистом, от которого поднимался ветер, ломавший верхушки деревьев. Мол, вот вам, ветродуи, не на того напали! Аримаспы пробовали достать его из своих мощных луков, но этот ветер относил назад стрелы.

И всё же одноглазая орда смяла бы полусотню русских конников, если бы не грифоны. Диво-звери яростно бросались с неба на врагов, и не всякие доспехи выдерживали удары орлиных клювов и львиных лап. Даже оказавшись на земле со сломанными крыльями, грифоны вцеплялись когтями и клювами в коней или стаскивали всадников наземь и самозабвенно рвали их, не обращая внимания ни на какие раны. Чтобы одолеть грифона, даже израненного и с переломанными костями, его надо было убить. Аримаспы пускали в крылатых врагов стрелы, пытались достать мечами и копьями, а росы в это время беспрепятственно били великанов снизу.

И ещё один союзник прибыл к росам в самый разгар боя. Чёрная, сверкающая молниями туча появилась с запада, и из неё вылетели десять всадников на белых крылатых конях. Впереди был воин средних лет, с лохматыми чёрными волосами и такой же бородой.

— Держись, племянник! Не оставил тебя Перун! — загрохотал с неба голос.

Росы сразу ободрились, узнав Гремислава — дядю Ардагаста, павшего под Экзампеем почти тридцать лет назад в бою с теми же росами. Теперь он был десятником в небесной грозовой дружине Перуна.

— Что, не ждали нас, нечисть кривая? Ну, теперь не спрячетесь, разве только в самом пекле!

С неба на землю с грохотом полетели огненные стрелы. Поражённые ими аримаспы валились замертво вместе с конями. Лошади громогласно ржали, не слушались всадников. Многие великаны, спешившись, бросались в лес. Ещё резвее устремились туда дэвы. Но стрелы-молнии настигали их всех и там, разнося в щепки могучие деревья и убивая тех, кто пытался под ними укрыться. Ветряные дэвы ринулись было на небесных воинов стаями, но при виде грозно сверкающих огненных мечей бросились врассыпную, преследуемые

грифонами. Заваливая долину Авляра гигантскими трупами, орда стала медленно откатываться назад, к долине Белой реки Ра.

А в это время Вышата, Лютица и Милана стояли на северной, малой вершине Золотой горы и напряжённо следили обычным и духовным зрением за окутанной тучами Злой горой. Волхв с женой по-прежнему были во львином облике. В нём им легче было приобщаться к могучим волшебным силам. И к солнечной силе, что шла через знамя росов. И к земляной силе Матери Богов — Хозяйки Золотой горы. А ещё к той силе, что таилась в пещерах, где некогда обитали грозные дети Великого Льва и Великого Медведя и люди, такие же могучие и неукротимые, как они. К силе Хозяина Зверей, царившего вместе с Матерью Мира тогда, когда боги-воины ещё не родились. Много, очень много нужно было силы, чтобы противостоять тем, кто, кроме силы, не уважал ничего во всех трёх мирах.

Сквозь тучи волхвы ясно видели, как встаёт над вершиной Злой горы из-под земли колоссальная тёмная фигура. Могучий старик со всклокоченными густыми волосами и такой же бородой, с крыльями за плечами попирал гору тяжёлыми ногами, и скала-сапог на вершине была лишь одним из его сапог. Грозной, безжалостной, слепой силой веяло от этого безмолвного исполина. Но страшнее всего был его взгляд из-под мохнатых бровей — злой, угрожающий, властный. «Покорись Силе или умрёшь!» — говорил этот взгляд, и лишь очень сильный духом смертный мог его выдержать. Тучи разошлись, и громадного старика увидели все сражавшиеся. Диким рёвом и воем приветствовали его дэвы и аримаспы. Яростным клёкотом и рыком отозвались грифоны.

А люди... Им за тяжёлым ратным трудом просто некогда было вглядываться в его смертоносные глаза. Росы бились по-прежнему упорно, надеясь лишь на Светлых богов, на чары волхвов, а прежде всего — на самих себя. Слабому телом боги ещё могут помочь, слабому духом — никогда. И каждому вспоминались тянувшиеся на юг в эту осеннюю пору журавлиные клинья. Пусть нет уже обители богов на Золотой горе — есть светлый Ирий там, на неведомом юге. И если их русский железный клин не одолеет в этом бою, если все они падут, то хотя бы заслужат право вот так же, клином долететь до врат Ирия и сказать: «Примите нас, Светлые боги. В этой жизни все сделали, что могли. Если достойны, дозвольте и дальше сражаться — небесными воинами».

Лишь трое волхвов глядели прямо в глаза грозному старику, и он чувствовал, что не имеет власти над этими тремя, приобщёнными к силам, которые даже он не мог ни подчинить себе, ни изгнать из мира. Рядом с волхвами не было никого из воинов. Даже Сигвульфа Милана отослала. Сейчас он бился на южном склоне, и его мучила не только тревога за неё, но и сомнение: не борется ли он против самого Одина? Кто этот старик — Отец Битв или один из великанов, искони враждебных богам? Что ждёт его, Сигвульфа, если он сейчас падёт — Валгалла или безрадостная преисподняя? Но он твёрдо знал одно: смерти Миланы не простит даже Одину и даже ради Валгаллы не изменит Ардагасту. Мысли сталкивались, боролись в мозгу, а нужно было ещё уходить из-под ударов гигантских мечей, подсекать ноги их хозяевам, рубить упавших, отбиваться от дэвов с их дубьём... Но тело опытного воина не предавало его. Одно лишь умел в жизни гот Сигвульф — сражаться, но умел в совершенстве.

Не имел старик власти и над молодым воином, одиноко стоявшим на главной вершине. Красный и золотой свет, исходивший от знамени, бил в глаза самому подземному Владыке ветров, и эти смертоносные глаза не выдерживали света маленького солнца. А Всеслав чувствовал это и улыбался, вспоминая себя самого, дрожавшего при виде того, как Ардагаст

рубил дерево-истукан Чернобога. Теперь он, княжич из глухой Дрегвы, был перед лицом страшного бога (не того ли самого?) один — и не один. Да у какого бога хватит мощи одолеть всю ту добрую силу, что проходила сейчас через знамя в руке дреговича? Или истребить всех воинов этой силы? Нет, пусть сначала справится с ним, Всеславом, хоть он и не могут вроде Вишвамитры с Сигвульфом!

Косматый старик ещё больше нахмурился и яростно взмахнул крыльями. Из недр Злой горы вылетела целая стая ветряных дэвов. Ветер завыл так, что не стало слышно ни голосов людей, ни криков грифонов, ни даже рёва нечисти. С запада на Золотую гору двинулся шквал. Гребень хребта Бахты вмиг оголился — деревья полегли, будто трава. Чёрная мохнатая стая летела с торжествующим воем, и вместе с ней неслась масса воздуха, способная смести всё на своём пути. А дэвы с аримаспами не испугались, даже не ослабили своего натиска — ведь они, особенно аримаспы, были сродни ветру.

На малой вершине русоволосая женщина, за плечами у которой развевался белый плащ волхвини, воздела руки. Рядом присели на задние лапы и грозно подняли передние лев и львица. «Словно Мать Богов со своими львами», — подумал Всеслав. Вот уже шквал долетел до них — и вмиг ослаб. Ни один дэв не смог пролететь дальше. Ветер, однако, не остановился и не стих. Он усилился так, что стало невозможно пользоваться луками. Грифоны не могли уже летать и дрались теперь не менее яростно на земле. Сильные воины шатались, валились с ног. Особенно плохо пришлось амазонкам.

И лишь немногие догадывались, что, если ослабнет магическая преграда, воздвигнутая волхвами, ураган ударит в полную силу и просто-напросто сдует с горы всех её защитников. Сдует вниз, под мечи аримаспов и дубины дэвов.

У подножия ветер был не так силён. Но и тут луки стали бесполезны, а многие грифоны уже могли держаться в воздухе и бросались сверху в самую гущу врагов, дорого отдавая свою жизнь. Всё труднее становилось управлять с конями. Вдруг в мозгу Ардагаста, уже не слышавшего собственного голоса, ясно прозвучало: «Обернись!» Он оглянулся и увидел, как со Злой горы взлетает ещё одна чёрная стая дэвов и устремляется вниз, неся с собой новый шквал. Как под косой, падали могучие кедры и ели, заваливая долину Авляра. Бежать из долины поредевшей коннице росов было некуда, кроме как под копыта исполинских коней. Ещё миг, и... «Чаша, Ардагаст! Останови их!» — снова раздался в мозгу голос Вышаты.

Остановить такую лавину, из самого пекла вырвавшуюся? Сколько их ещё там? Сто тысяч без одного? Мысли вихрем проносились в мозгу, а рука уже направляла золотой луч на воющий чёрный рой, двигаясь с размахом слева направо, а другая рука разворачивала коня навстречу новому врагу. В сердце огоньком вспыхнула радость, когда на пути косматой своры возникла знакомая золотистая полупрозрачная завеса. Она дрожала, трепыхалась, словно тонкая тень или пламя костра под порывами ветра. Но пробиться сквозь неё бесы не могли. Ветер по-прежнему ревел, пронизывал холодом, но свалить с ног не мог уже ни людей, ни лошадей. Ферганский конь Зореславича воинственно ржал и бил копытом. Если нужно, он был готов биться с дэвами не только на земле, но и на небе — недаром звался «небесным».

Ардагаст поднял глаза к небу, откуда непрерывно доносились раскаты грома. Там ещё одна свора дэвов насадала на Гремислава и его бойцов. Огненные стрелы, похоже, уже вышли, в ход пошли сверкавшие синим пламенем мечи и секиры. То один, то другой дэв, кувыряясь в воздухе, с воем и визгом летел вниз — прямо в бурелом, на острые скалы или в речку, словно в те дни, когда Чернобожья рать шла приступом на небо. Привыкшие

наваливаться стаей на слабых, бесы не могли справиться с десятком опытных и хорошо вооружённых бойцов и не столько сражались, сколько суетились, шумели и прятались друг за друга.

Назад Зореславич не оглядывался. Он знал: там его дружина бьётся с ордой, прикрывая его, Солнце-Царя. Выстоят ли они без него и Огненной Чаши? Что с Ларишкой? Сердце ныло, тревожилось, но он не давал тревоге ослабить свою волю. Ещё в Индии Зореславич усвоил: сила всякого оружия богов зависит от силы духа того, кто им владеет. А владеть Колаксаевой Чашей как оружием из всех росов мог только он.

Он не видел, как царь аримаспов, дождавшись наконец момента, когда можно было не бояться солнечного пламени, обрушился на росов с отборной дружиной. Росские воины падали один за другим под его натиском. И вот уже между великаном в золотом шлеме и царём росов осталась одна Ларишка. Огромный меч аримаспа взвился над её головой. «Только бы Ардагаст не обернулся!» — мелькнула мысль в голове царицы. Прикусив губу, чтобы не вскрикнуть, тохарка вздыбила коня. Отбить громадный клинок своим кривым мечом-махайрой она даже не пыталась. Остриё меча мелькнуло перед самым её лицом, чиркнуло по индийской кольчуге. Но прежде, чем великан успел снова поднять меч, острая махайра с быстротой молнии рассекла ему запястье. Яростно взревев, аримасп выпустил оружие.

И тут увесистый кедровый ствол, пролетев по воздуху, ударил царя одноглазых в голову. Это Шишок, увидев царицу в беде, метнул свою дубину. Он оказался безоружным перед двумя аримаспами и получил несколько ран, но Серячок уже разорвал горло коню одного из них, и великан свалился на землю, где на него немедленно набросились грифоны. Второго леший, уклонившись от меча, сбил с коня одним ударом громадного кулака и побежал на помощь Ларишке.

Царь аримаспов был столь могуч и крепок головой, что даже удар кедром и кровотечение из руки не заставили его потерять сознание. Он упал с коня, но тут же приподнялся и выхватил здоровой рукой акинак величиной с длинный сарматский меч. Пытаясь встать на ноги, он отбивался этим оружием от кривого меча царицы. Великан звал на помощь своего коня, но того уже терзали два грифона. Поглощённый схваткой, аримасп не заметил, как сбоку на него бросился Седой Волк. Достать акинаком князя-оборотня, вцепившегося ему в горло, великан уже не успел и повалился на бок, заливая кровью порыжевшую хвою.

— А шлем-то кому? Мы вроде втроём кривого царя завалили, — сказал подоспевший Шишок, указывая на железный, покрытый золотом шлем царя аримаспов.

Ларишка от души рассмеялась, подняла шлем и вручила его лешему. Тот сразу же напялил его себе на острую макушку. Затем отсёк голову царю его собственным мечом, высоко поднял её и загоготал, засвистел так, что заглушил даже вой ветра. Увидев гибель своего царя, аримаспы стали отходить. Даже ветряные дэвы, так и не одолев золотистой преграды, бросились врассыпную. Тем более, что сверху приближались на крылатых конях воины Гремислава, уже разогнавшие их сородичей. Натиска грозовой дружины не выдержали не только нападавшие на неё дэвы, но и другая стая бесов, сильно изнурённая магическим поединком с Вышатой и волхвинями.

Только теперь Ардагаст позволил себе оглянуться и увидел едущую к нему Ларишку. Скуластое лицо тохарки светилось радостной улыбкой.

— Ты жив! Видишь, богиня хранит тебя!

— И тебя тоже! — только и сказал он и весело, жадно припал к её губам.

Они крепко обнимались, не слезая с коней и зная: в этот недолгий миг верные дружинники и грифоны не подпустят к ним ни одного нечистого. Ветер немного стих, и, когда сквозь его завывания донёлся новый грозный звук, тохарка заметила это первой и подняла глаза к вершине Злой горы.

Косматый старик стоял на вершине по-прежнему. Дэвы роились вокруг него, не подпуская дружинников Гремислава к своему повелителю. А из озера у его ног медленно поднималось что-то чёрное, похожее на громадный почерневший ствол или смерч. Верхний конец его изогнулся, и стала ясно видна голова с огромной зубастой пастью, из которой и вырвалось громкое злобное шипение, переходившее в рёв.

— Оглянись, Ардагаст! Аждаха!

Пальцы Ларишки впились в плечо мужа, прикрытое чешуйчатым панцирем. Тот быстро повернулся, готовый схватиться с новым врагом. Не заметив его перед собой, усмехнулся:

— Аждаха? Да где она? Учужала святой огонь — и в нору? Или тебя испугалась?

Услышав шипение, он поднял голову, и улыбка исчезла с его лица. Голова чудовища вытянулась уже до плеча бога-исполина, а из озера выглядывала только шея! Лишь когда голова поднялась к лицу Повелителя ветров, из воды взметнулись громадные перепончатые крылья. Старик ласково похлопал по шее гигантскую тварь и указал ей рукой на вершину Золотой горы. Крылья захлопали, поднимая ветер. Показалось мощное змеиное туловище с острым гребнем вдоль хребта, пара перепончатых когтистых лап, потом — столь же мощный и длинный хвост. Голова аждахи уже достигла туч, когда конец хвоста был ещё в озере. Словно уродливая колонна в каком-то мерзком храме змеепоклонников, чудовище подпирало небо. К весь мир как будто превратился в колоссальный храм Зла, середина которого — Злая гора. А небо со Светлыми богами... Да есть ли оно ещё там, над сплошной пеленой туч? Летучие всадники Гремислава полетели было к аждахе, но на них снова набросились тучей ветряные дэвы, среди которых выделялся один, неведомо откуда вылетевший: громадный, раза в два крупнее остальных, с большими оленьими рогами. С ним грозные воины бились ожесточённее всего, хотя он явно уводил их в сторону от змея. Вскоре оленерогий дэв и его противники вовсе скрылись за громадой Злой горы.

Сражение как-то само собой стихло. Утомлённые боем, и люди, и дэвы, и аримаспы замерли, с затаённым дыханием глядя на существо, перед которым аждаха из Чёртова городка казалась змеёнышем. Хилярх, в изнеможении привалившись спиной к скале, пробормотал:

— Сто тысяч праведных духов и семь мудрецов... Где же они? И где благие боги? Или их нет уже в этом мире, а есть только мы?

Непроглядный тёмно-серый небосвод навалился на душу. Эллину вдруг показалась тщетной вся эта война за Свет и Правду, которую он вместе с росами вёл последние девять лет. Что, если миром и впрямь правит Сила — тупая, злобная и безжалостная, как эта чёрная тварь? Но откуда тогда веками берутся те, кто смеет ей противостоять, даже не будучи великими воинами?

Сомнения мучили и Сигвульфа. Почему ни один из светлых богов до сих пор не пришёл защищать свою твердыню? Или уже начался Рагнарёк — последняя битва, и боги гибнут в бою с ещё более страшными чудовищами, и мир вот-вот будет пожран вселенским пожаром? Так на чьей же стороне он, Сигвульф? Да нет, не может быть Всеобщим Отцом этот старый верзила, что науськивает на людей то летучих бесов, то громадную ящерицу! Не могут

служить Одину кривые тролли и драконы. Одно успокаивало душу гота и вселяло в неё надежду: три фигурки на малой вершине Золотой горы. Женщина и два льва-оборотня. Может быть, их чары остановят аждаху? Чары его Миланы, такой умной и бесстрашной...

А великан-индеец стоял, обняв за плечи Ардагунду. Голова амазонки бессильно склонилась на его мускулистую руку, длинные золотистые волосы падали на глаза. Кшатрий был спокоен. Сражаться во имя Кришны-Солнца — что ещё надо, чтобы бестрепетно встретить смерть? Пусть эта тварь летит прямо на него — он успеет попробовать свою кханду на её чешуе. А его Ардагунда — он это знал, — увидев рядом врага, отбросит усталость и снова поднимет меч.

Спокоен был и одинокий воин со знаменем на главной вершине. Тяжело было глядеть, как другие погибают внизу, пока он стоит здесь. Ведь ему ничто не угрожало — только пару раз подлетали ветряные дэвы, видно, молодые да неопытные. Одного он зарубил мечом, другой, коснувшись огненного знамени, упал на склон горы и покатился вниз, дико визжа от впивавшихся в обожжённое тело острых камней. Но дрегович не бросился в кипевший внизу бой даже тогда, когда кушан Хоршед, лучший его друг, не удержался на склоне и исчез под тяжёлыми ногами аримаспов. Его, Всеслава, место было тут, на святой вершине, под солнечным знаменем. Не зря его племя теперь назвало себя гордым сарматским именем «хорваты» — «солнечные».

А дракон уже взмыл под облака, вытянув в полёте длинное чёрное тело. Несколько минут он парил, словно коршун, высматривающий добычу, потом неторопливо, уверенный в своей силе, полетел к главной вершине. Оказавшись над малой вершиной, он опустил длинную шею идохнул вниз пламенем. Всеслав ясно видел, как осела на землю Милана, упала на спину львица-Лютица. Лишь Вышата-лев, встав на задние лапы, грозно рычал заклятия. Огненные сгустки один за другим вылетали из глотки чудовища и, не долетев до волхвов, растекались по незримой преграде. Тогда змей поднял голову и с разинутой пастью полетел дальше — прямо на Всеслава.

Молодой воин не знал, что могучие зверобоги, не боявшиеся мощных холодных ветров на укрытых снегом равнинах, не имели дела с драконами. Для гигантских змеев в те времена здесь было слишком холодно. Колдовская сила зверобогов, которой владели Вышата с женой, смогла защитить их самих от змея, но не остановить его. И теперь зубастая пасть, огромная, как пещера, неумолимо неслась на дреговича, а за ней — всё громадное тело аждахи. Некуда укрыться, некому помочь, да и стыдно бежать. Огнём змей не плевался — видно, сжечь солнечное знамя этот огонь не мог. Значит, тварь сейчас ухватит зубами самого знаменосца.

Решение созрело мигом. Прыгнуть самому в пасть твари, избежав огромных острых зубов, и выжечь ей всё нутро пылающим знаменем, изрубить мечом. Пусть, извиваясь в муках, упадёт прямо на скалы. Уцелеет ли он сам после этого — о том Всеслав вовсе не думал. Сосредоточив всю свою волю, он уже не обращал внимания на доносившиеся снизу и сзади громкие крики, клёкот, лай.

Он не знал, что у подножия горы Ардагаст, услышав мысленный голос Вышаты, вытащил из-под панциря висевший на шее кожаный мешочек, извлёк оттуда отливавшее серебряным блеском перо и поднёс его к Колаксовой Чаше. Вспыхнул золотой огонёк, и серебристое перо сгорело без следа. То было перо Симурга, величайшего из птиц, недавно подаренное росам мордовским жрецом Вардаем.

С высокогодкедра на одной из вершин Аваляка за битвой следили двое пернатых. Один

был обычным, хотя и крупным, вороном. Только клюв его блестел золотом. У другого перьями были покрыты одни крылья. Собачью голову, грудь и лапы покрывала шерсть, а змеиный хвост — чешуя.

— Слышишь, тебя зовут? Хотя давно уже мог бы и сам вступить в бой, — сказал ворон.

— А я в бой не лезу, покуда люди без меня могут управиться, — отозвался крылатый пёс. — Да и не люблю я драк. Я же не грифон. Моё дело — Мировое Дерево стеречь и вообще всё, что растёт, цветёт. А тут бьются за гору и золото в ней. Вот столько леса ветром повалить — это уже безобразие.

— Погоди, победят аримаспы, и сюда такие люди придут — не только всё золото из гор выберут, но и лес вырубят. На продажу, если только покупателя найдут.

— Да где такие злодеи в этом мире?

— Тут их нет, а на юге уже есть.

— Тогда лечу!

Птицезверь расправил, будто нехотя, крылья, взмыл в воздух и понёсся к Золотой горе, на лету увеличиваясь в размерах. Ворон покачал головой вслед:

— Знаю я, какой ты мирный. Тебе только покажи какую-нибудь ползучую тварь, да побольше.

Все — люди, грифоны, аримаспы — зачарованно смотрели, как летела к священной вершине громадная птица, величиной не уступавшая аждахе. Звериная голова и змеиный хвост стройно вытянулись в одну линию. Хотя солнца давно не было видно за свинцовыми тучами, серебристое тело выделялось на их фоне ярким блеском. Грозный лай вырывался из собачьей пасти и громовыми раскатами отдавался среди гор.

— Гаруда! — радостно вскрикнул индеец. — Гляди же, Ардагунда: Гаруда, лучший из птиц! Вишну-Солнце прислал нам того, на ком летает!

Воительница встрепелась, вскинула голову.

— Симург, враг драконов! Мы видели, как он летал в своё гнездо на Эльбрусе! Помните, девочки? — обратилась она к своим амазонкам.

— Симург! Симаргл! — кричали росы, поднимая оружие к небу.

Грифоны приветственно клекотали. Дэвы же с аримаспами злобно выкрикивали брань по-своему и по-человечески: видно, серебристый летун был знаком и им.

— Симаргл! Люби тебя Мать Лада! — орал во всё лешачье горло Шишок, поднимая мохнатыми ручищами за оба конца кедровую дубину.

А птице-зверь на лету менялся: голова его стала грифоньей, на конце хвоста вырос плавник, похожий на рыбий. Он словно предупреждал дракона: от меня ни в небе, ни под водой не скроешься, не одному тебе все три мира открыты.

Всеслав поначалу не понял, почему чудовище, летевшее прямо на него, вдруг взмыло вверх, едва не задев его хвостом. Только обернувшись вслед за чёрной летящей громадой, он увидел, как навстречу одному крылатому гиганту летел другой. Сердце юноши наполнилось радостью: значит, есть сила и на тупую, злую силу древнего змея — добрая, светлая сила! Не чёрный летун с серебряным — Тьма со Светом, Кривда с Правдой схватятся сейчас над Золотой горой.

При виде могучего соперника змей зашипел ещё громче и злобнее. Из его пасти с громом вырвался целый сноп молний вместе с мощной струёй пламени. Но весь этот яростный огонь погас, столкнувшись с мягким серебристым сиянием, окружавшим птице-

зверя. Тогда ящер, отведя голову назад, вдруг ударил ею, как тараном, в грудь Симургу. Тот, однако, выдержал удар и сам нанёс сверху удар клювом. Но ящер в последний миг изогнул шею, и могучий клюв лишь скользнул по прочной чешуе. А дракон острыми зубами вцепился своему врагу в бок под крылом, но мощные когти едва не разорвали ящерицу горло, и тот отпрянул, оставив на теле Симурга рваную рану.

В этот миг снизу подоспел десяток грифонов — прочие, послушные своим вожакам, оставались вместе с росами на склоне горы и у её подножия, готовые отразить новую атаку аримаспов. Теперь аждахе пришлось всю отбиваться от грифонов хвостом, крыльями и лапами. Но даже орлиные клювы и львиные когти диво-зверей с трудом разрывали прочную, как камень, чешую. А Симург яростно бросался на аждаху то сверху, то сбоку. Зубы и когти ящерицы оставляли на серебристом теле всё новые раны, но и чёрная броня змея всё чаще не выдерживала ударов могучего клюва и лап, способных вмиг разорвать аримаспа вместе с конём-исполином.

Змей ослабевал быстрее своего врага. Пернатые крылья того оставались целы, хотя немало серебристых перьев уже летало на ветру. Но крепкие кожаные перепонки на крыльях ящерицы были порваны в нескольких местах, и он не мог уже взлететь выше птице-зверя. Наконец Симург сверху бросился на дракона, впился ему когтями в спину, с силой ударил клювом в шею, надеясь раздробить позвоночник. Но живучий змей ударил его хвостом, чуть не перебив крыло, вырвался и весь в крови полетел на юг, в долину Ра-реки. Симург и грифоны устремились следом. Из десятка грифонов к этому времени уцелело лишь шестеро. И ещё один пернатый полетел вдогонку двум гигантам — посланный Волхом на разведку сокол-оборотень.

Люди и грифоны разразились торжествующими криками. Бой закипел с новой силой. Не выдержав натиска, пешие аримаспы покатались со склонов горы, а конные отошли к долине Ра, пытаясь задержать противника в нешироком проходе к южной оконечности Аваляка, где три стекавшие с горы речки, сливаясь вместе, стремились к белым водам солнечной реки. Часть пеших аримаспов отходила вместе с конными, остальных же Вишвамित्रа загнал в болотистые верховья речки Тыгын. Здесь, в ущелье между Золотой горой и Аваляком, ветра почти не было, и стрелы амазонок снова запели, поражая увязших в трясине великанов. Самым метким поляницам удавалось одной стрелой убить исполина, попав ему в сонную артерию. Дэвы же попросту бросились наутёк, спасая свою жизнь.

Последние взоры гибнущих великанов обращались к Владыке ветров, стоявшему на вершине Злой горы. Но он, казалось, уже ни во что не вмешивался. Ветер всё ещё был силён, однако новые стаи дэвов из недр горы не вылетали. Если под горой и сидели сто тысяч бесов, то большая часть их, видно, вредила людям и богам в других местах. А на малой вершине Золотой горы по-прежнему стояли женщина и лев со львицей, снова готовые встретить чарами любой шквал. И грозный Ваю, похоже, не был уверен, сумеет ли он их одолеть. У него, однако, хватало и земных слуг...

Перед ущельем Ардагаст остановил своих всадников. Остановились и грифоны. Гордые диво-звери и их вожаки как-то сами признали царя росов главным воеводой в этой битве. Он решил подождать, пока воины Вишвамитры взойдут на Аваляк и оттуда ударят на врага, сначала засыпав его стрелами, благо за хребтом ветер уже не мешал бы лучникам. Приказ кшатрию был послан. И тут вдруг с востока, с вершины главного Уральского хребта, раздались конское ржание, крики, воинственный рёв. Чёрная лавина исполинских всадников на вороных конях перехлёстывала через гребень и несколькими ущельями стекала в долину

Ра. То была орда аримаспов с верховьев Дайка — подкрепление, вызванное погибшим царём одноглазых.

Зореславич окинул взглядом свою рать. Из дружинников уцелело не больше половины. У Вишвамитры наверняка не лучше. И грифонов стало гораздо меньше. Их блестящие золотом тела во множестве усеивали склоны горы и долину. Теперь аримаспы могут задавить защитников святой горы одним числом. И не видно в небе ни Симурга, ни воинов Гремислава. А если, победив их, вернутся ветряные дэвы и аждаха?

Ларишка коснулась рукой плеча мужа. Он обернулся и увидел, что жена вынула из-под кольчуги золотую фигурку орла с грифоньей головой, несущего в лапах обнажённую богиню. То был амулет Матери Мира, подарок Айгуль, царицы росов. Ардагаст кивнул, обернулся к вершине, сиявшей золотом, поднял Колаксаеву Чашу к небу и сказал:

— Что ж, боги, мы для вас потрудились сколько могли, помогите теперь и вы нам. Слышишь, Матерь Богов, Золотой горы Хозяйка?

Воздев руки к Золотой горе, Ларишка запела:

**Молился Ардви-Суре
Отважный воин Туса,
Склонившись к конской гриве,
Проя себе здоровья,
Коням в упряжках силу,
Проя способность видеть
Врагов издалека.**

Росы подхватили:

**И чтобы побеждал он
Врагов одним ударом,
Всех недругов враждебных
И каждого врага.**

Ларишка пела, на ходу меняя слова древнего гимна, сложенного ещё тогда, когда по бескрайней степи мчались на колесницах воины с бронзовыми кинжалами и секирами в руках:

**И мы так просим Ардви:
«Такую дай удачу,
Благая Ардви-Сура,
Чтобы осилить храброе**

**Отродье аримаспов
В теснине Аваляка
У пресвятой горы.
Чтоб воинов бесовских
Мы поражали сотню
На пятьдесят ударов,
На сто ударов — тыщу,
На тыщу — мириад»^[23].**

Суровыми голосами подпевали ей воины — лихие сарматы, упорные венеды, тихие мордвины. Все они сейчас равно были готовы победить или погибнуть. И лишь одно могло их заставить отступить: если бы они вдруг решили, что бьются здесь, на краю света, не за Светлых богов и Огненную Правду.

А на юге и севере, над горами и долиной Ра, вставал странный, зловещий серый туман, скрывая от сражавшихся происходившее в долине священной реки.

Чёрный змей улетал на юг, а вслед ему нёсся клёкот грифонов и грозный лай птице-зверя, голова которого из грифоньей снова стала собачьей. Дракону становилось всё труднее держаться в воздухе, и наконец он сложил израненные крылья и бросился в Ра-реку. Подняв тучу брызг, змей скрылся под водой. Следом устремился Симуург. Он плыл, загребая лапами, чешуйчатый хвост с рыбьим плавником извивался сзади. Потом крылатый пёс нырнул. Вода забурлила. Волны обрушились на берега реки, в этих местах ещё не очень широкой и глубокой. В тучах брызг над водой вздымались то собачья голова, то длинная шея со змеиной головой, то такой же длинный хвост в чешуе, то когтистая лапа, то плавник. Низко летавшие грифоны раз за разом вцеплялись в чёрное тело змея, кусками вырывая мясо из ран. Серебристо-белая вода священной реки покраснела от крови. Оглушительный рёв, шипение, клёкот эхом отражались от скал. Огромные хвосты крушили деревья у берегов. Кабаны и олени в страхе бежали вглубь леса.

Наконец птице-зверь сумел оттеснить ящера на мелководье и опрокинуть его на спину. Мощные когти крылатого пса впились туда, где чешуя была тоньше всего, — в брюхо и в бок под крылом. Зубастая пасть рванулась к горлу Симуурга, но тот ударил змея крылом по голове. Зубы аждахи вцепились в крыло, дробя кости. В этот миг челюсти птице-зверя сомкнулись на шее противника. Хвост дракона ещё бился, сметая прибрежные кусты и камыши, но голова уже разжала в удушье челюсти и бессильно поникла.

С трудом, весь в крови, волоча покалеченное крыло, небесный пёс выбрался на берег и громко, победно взлаял. Потом улёгся под сенью вековых сосен и принялся зализывать раны. Он, хранитель Древа Жизни, не раз исцелял прославленных воинов, а себя тем более мог излечить и не от таких ран. И всё же ему было больно, и он временами тихо поскуливал. Грифоны тем временем набросились на труп аждахи. Вдруг Симуург насторожил уши, принюхался и негромко зарычал. С юга доносились конское ржание и человеческие голоса.

Долиной Ра-реки шли на север сотни две конных сарматов. Два красных знамени с золотыми тамгами-трезубцами колыхались над отрядом. Одно — с тамгой сарматов царских, другое — с роксоланской. Оба предводителя были молоды, сильны и отважны.

Особенно хорош собой был Сагдев, Олень-Чёрт, царевич роксоланов. Кудрявой бородкой, чёрными закрученными усами и дерзким взглядом он напоминал своего отца Роксага, прозванного Любимцем Артимпасы, и, подобно ему, был равно удачлив в бою и любви и равно способен без зазрения совести соблазнять женщин и обманывать царей. Самоуверенный и весёлый, он легко располагал к себе людей, особенно таких, как совсем ещё юный царевич Сорак.

Оба царевича жаждали подвигов и были полны честолюбивых планов. Роксоланы владели землями от Днепра до Танаиса, сарматы царские — от Танаиса до Ра-реки. Кто в Сарматии устоит против союза двух столь могущественных соседей? Сорак надеялся с помощью роксоланов разгромить Фарзоя и вернуть сказочно богатые земли над морем Ахшайна-Чёрным, с которых прогнал сарматов царских Фарзой, этот выскочка-алан. Сагдев охотно поддакивал другу, а сам мечтал о другом — завладеть всеми тремя дарами Колаксы и стать самым могущественным из царей Сарматии. А чтобы осуществить все эти планы, сначала нужно было покончить с Ардагастом, лучшим полководцем Фарзоя, и любой ценой захватить стрелу Абариса.

Вместе с Роксанакон, царём восточных роксоланов, царевичи пошли в набег на удмуртов и столь внезапно помирившихся с ними аргиппеев. Пока Роксанак тщетно пытался взять Чёртов городок и другие аргиппейские твердыни, друзья без всякого предупреждения увели свои дружины на восток, к верховьям Ра. Пусть другие погибают за какие-то городки — им, царевичам, предстоят великие, небывалые подвиги. В глубь Уральских гор их вели надёжные проводники из сарматов, добравшихся до самой Золотой горы в поисках богатства. Друзья слышали о разгоревшейся войне за священную гору, но даже не задумывались слишком, кого поддержать — грифонов или аримаспов. Лишь бы в выигрыше оказались они сами...

— Гляди, Сагдев, Симург!

— Вижу! — азартно ухмыльнулся роксолан. — Это и будет наш первый подвиг! Кто из наших предков побеждал Симурга, а?

— Ты что? Это же самая священная из птиц. Боги на нас прогневаются!

— Боги гnevаются только на слабых и трусов. Разве ты не слышал песни о бактрийском царевиче Исфандиаре, что убил в горах злого Симурга?

— А этот — добрый или злой?

— Когда мы победим, все певцы назовут его злым. И потом, видишь этих грифонов и мёртвую аждаху? Не сами же они её одолели? Значит, Симург в этой войне заодно с грифонами. И этот русский Солнце-Царь наверняка тоже с ними, солнечными птичками. Вот мы и поможем их врагам. Аримаспам то есть.

— Да он слона запросто унесёт!

Слонов царевичи видели и даже сражались с ними шесть лет назад, когда ходили в набег на Парфию вместе с аланами.

— Никого он не унесёт, у него же крыло перебито. Мы его вдвоём одолеем. Эй, копьё сюда! Помоги, Саубараг!

Призвав Чёрного Всадника, бога разбоев и набегов, бесшабашные друзья выкрикнули «Мара!» и погнали коней вперёд, выставив длинные копьё. Но тут в воздух разом взмыли грифоны. Один из них перехватил на лету копьё Сорака и вышвырнул царевича из седла. Сагдев ранил копьём другого грифона, но в следующий миг громадная лапа Симурга отбросила роксолана вместе с конём в реку, на труп аждахи. Отбиваясь мечами от грифонов,

приятели побежали назад. Им пришлось бы ещё хуже, если бы дружинники не отогнали диво-зверей стрелами. Ругаясь, Сагдев вскочил на запасного коня и крикнул:

— Дружина, стройся клином! Каждый из вас добудет перо Симурга! Артимпаса, помоги нам, и я одарю тебя золотом и самоцветами с Золотой горы!

В тот же миг на склоне горы появилась, будто из воздуха, всадница на вороном коне, с распущенными чёрными волосами, в кольчуге и красном плаще. Роксолан приветственно поднял руку, следом воздели руки Сорак и вся дружина. Но всадница гневно взмахнула плетью, и тут же позади раздались звуки боевых рогов и грозный клич «Мара!». Прежде чем дружина царевичей успела развернуться и выстроиться во всеокрушающий клин, на неё обрушилась конная сарматская рать. Над закованными в железо всадниками трепетало знамя с тамгой росов, а впереди скакал сильный ещё старик с седой бородой во всю грудь.

В считанные минуты дружина была разбита наголову. Одних воинов настигли мечи и копья, других — арканы. Связанных царевичей подвели к старику.

— Я Распараган, царь восточных росов, что живут на Дайке. А ты, видно, Сагдев, достойный зваться наглейшим из сарматов? А это твой приятель Сорак? «Длинное ухо» уже разнесло по степи: два юнца идут к святой горе за тем, чего недостойны. А достойны вы быть принесёнными в жертву Ортагну-воителю за своё кощунство!

— Моему брату такие жертвы не нужны, и мне тоже! — раздался голос черноволосой всадницы.

Все сарматы почтительно воздели руки, а она продолжила:

— Не смей призывать меня, когда идёшь на подлое дело, понял, сын Роксага? А вы, росы, спешите на помощь вашему родичу Ардагасту. Этих вояк отдадите ему.

Дружина Распарагана двинулась дальше на север, уводя с собой пленных. Сагдев ехал, опустив голову. Обычная самонадеянность совсем оставила его. Вместо славы — один позор. И чем он мог так прогневить богиню, всегда помогавшую ему и его отцу? Упал духом и Сорак, привыкший полагаться на Сагдева ещё с парфянского похода, когда он сам был тринадцатилетним мальчишкой, а роксолан — взрослым и уже знаменитым воином. И всё-таки они сейчас едут к царю западных росов. Там Сорак сумеет смыть свой позор — отомстит Ардагасту Убийце Родичей.

Царевичи не знали, что Санаг и Ядыгар, разбив наголову Роксанака, тут же с отборной дружиной отправились вслед им, но в долину верхней Ра вышли севернее, чем царевичи, рассчитывая перехватить их там.

А черноволосая всадница спешила и подошла к Симургу. Тот вдруг стал не больше обычной собаки и забрался под разлапистую ель, жалобно скуля. Руки воительницы осторожно прошли по его израненному телу.

— Бедный пёсик! Как тебя порвала гадина чёрная... А тут ещё эти два дурака. Ничего, сейчас я тебе косточки срачу...

Со своими ранами небесный пёс справился бы и сам. Но приятно ведь, когда о тебе заботятся. А Морана-Артимпаса, богиня войны и смерти, умела не только убивать, но и исцелять.

Тёмно-серый панцирь, в который было заковано небо над священной горой, вдруг оказался пробит. Всего в одном месте — над главной вершиной. Но именно из этого отверстия (хотя солнце должно было стоять на юге) хлынули добрые, радостные лучи. Они позолотили склоны святой горы и вершины окружавших её хребтов, залили светом ущелья и долины речек, устланные трупами. И вместе с этими лучами вливалась в души воинов ясная,

спокойная уверенность в победе. Рассеялся серый туман на севере и юге. И так же исчез, будто растаял, огромный старик на вершине Злой горы. А знаменосец с огненным стягом сошёл с золотой вершины. Потому что на неё с неба спустилась женщина в золотом венце и золотистой бобровой шубе. Ростом она не уступала Владыке ветров, но вид её внушал не страх, а радость и веру в доброту этого мира, пронизанного золотым светом.

Под живительными лучами этого света поднимались лежавшие воины — не все, но многие, кто ещё был жив и не вовсе изувечен. Всеслав с радостью увидел, как выбирается из-под трупов его друг, кушан Хоршед.

Лишь аримаспы встретили Светлую Богиню рёвом и злобной бранью. Но над их чёрной ратью уже кружилась удивительная птица: белая лебедь со златоволосой женской головой. Она облетела кругом всю орду, и со свинцового неба хлынул чудовищный ливень. К западу от Аваляка не падало ни капли. Но Ра-река мигом превратилась в мутный бушующий поток, и такие-же потоки устремились со склона Уральского хребта, по которому спускалась орда. Земля под копытами огромных коней обратилась в поток грязи, ревущая вода сбивала их с ног. Они давили и топили друг друга и всадников.

Одних аримаспов вода уносила на юг. Другие погнали коней в поисках спасения на север, к истокам Ра. Третьи, самые яростные, ринулись в бой. Люди и грифоны обрушились на них, заваливая громадными трупами ущелье и склоны Аваляка. Снова великанов слепили стрелы, рвали зубы оборотней, нещадно жгло пламя Колаксовой Чаши. И без усталости гвоздила врагов кедровая дубина Шишка. Соколы-нуры, летавшие на разведку, докладывали царю:

— На юге бьют одноглазых стрелами и копьями прямо в воде аргиппеи, удмурты и какие-то сарматы с тамгой, как у нас. А на севере нечистых громят, не дают уйти неведомые конники: узкоглазые, с косами да стриженными головами. Не иначе манжары.

Манжары были среди дружинников Ардагаста, пришедших с ним с востока.

А с неба в аримаспов летели огненные стрелы: вернулась дружина Гремислава, где-то успевшая пополнить запасы своего оружия.

Самые отчаянные великаны попытались снова ворваться на Золотую гору, но были перебиты воинами Вишвамитры и грифонами. Один аримасп, размахивая громадным мечом, загнал в пещеру Хилиарха с Пересветом. Но, пока мужчины уворачивались от его клинка, Меланиппа забралась на скалу над пещерой и всадила стрелу в единственный глаз исполина. Обезумев от боли, он потерял равновесие и сорвался с обрыва. И тут из глубины пещеры негромкий голос произнёс по-гречески:

— Зайдите в мою обитель, отважные воины.

Хилиарх обернулся. Перед ним был лишь большой златоклювый ворон, и тот улетел в дальний конец пещеры, где горел неяркий зеленоватый свет.

— Заходите же. В этой битве воины Солнца победят и без вас.

Грек, амазонка и гусяр вошли в небольшую подземную комнату. Всю её обстановку составляли грубовато сколоченные стол и табурет да шкуры на полу. На стене красной охрой были нарисованы звери — странный волосатый слон, носорог, лошадь... На столе и в нишах в стене лежали книги, свитки, черепа зверей и птиц, диковинные фигурки и талисманы из самых разных материалов — от дерева и кости до золота и дорогих камней. Из чернильницы слоновой кости торчал тростниковый стилос. На отростках лосиного рога, вставленного в расщелину стены, красовались шапка с оленьими рогами, пояс и кафтан, увешанные амулетами, разрисованный бубен. Источником необычного зеленоватого света служила

плошка из малахита.

Ворон опустился на табурет и вдруг превратился в одетого по-гречески человека с пытливыми тёмными глазами. Его худощавое ироничное лицо обрамляла чёрная борода, внизу заострявшаяся, словно птичий клюв.

— Садитесь тут, на шкарах. Этот табурет я уступаю лишь богам, когда они приходят в мою пещеру.

Хилиарх почтительно поклонился:

— Приветствую тебя, мудрый Аристей, сын Каистробия из Проконнесса!

— Ты, верно, видел мою статую в Метапонте в Италии?

— Нет, твой бюст в Кизике, ещё в детстве. Я ведь почти твой земляк. Скажи, верно ли, что ты владеешь искусством проходить сквозь стены и пребывать сразу в нескольких местах?

Аристей довольно расхохотался:

— Быть в трёх местах сразу можно только с помощью богини слухов. Пребывать телом и духом в разных местах умеет любой покойник. А мне просто надоело слушать поучения моих родичей о том, чем не пристало заниматься аристократу. Вот я и показал им, что может магия. Зашёл к знакомому чистильщику одежды и умер. То есть покинул тело. А пока чистильщик искал моих родных, дух мой прогулялся в сторону Кизика, слетал в Сицилию, провёл урок в тамошней школе — все меня при этом принимали за живого — и вернулся как раз, когда пришли за моим телом. Пока отпирали дверь, я сделал своё физическое тело духовным и действительно ушёл от них сквозь стену.

— Я знаю, демоны могут становиться то духовными, то телесными, — сказал Хилиарх.

— Для смертных это тоже возможно, только гораздо сложнее. Так вот, они гадали, человек я или демон, а я уже шёл далеко — туда, куда звал меня Бог Солнца. Я путешествовал от одних почитателей Солнца к другим, пока не добрался до исседонов за Уралом. И только там понял, что все тайные знания последователей Орфея — лишь тень того, чем владеют лесные шаманы. С трудом мне удалось стать учеником исседонского шамана, но в конце концов я превзошёл учителя. Семь лет спустя я вернулся. Надеялся подразнить родичей своими успехами в варварстве, но никого не застал в живых. Город был разорён киммерийцами. Среди его руин я писал свою «Аримаспею»... А в этой древней шаманской пещере я смог поселиться, лишь когда сам стал духом — вороном Бога Солнца.

Пересвет и Меланиппа с удивлением слушали великого мага. По-гречески они оба понимали неплохо, особенно поляница — гречанка по отцу.

— Но скажи, о величайший из солнечных магов, отдадут ли нам теперь грифоны стрелу Абариса? — нетерпеливо спросила амазонка.

— Не дадут, — покачал головой Аристей. — Ибо её здесь нет.

— Но в книге Атарфарна сказано... — возразил было Хилиарх, однако маг прервал его:

— При Атарфарне она ещё была тут. Всего тридцать лет назад, когда в степи началась большая война, сам Абарис перенёс стрелу подальше от алчных и кровавых рук — на Хэйбидя-но, Священный остров в Ледяном море, в святилище народа сииртя.

— Вот тебе и на, — развёл руками Пересвет. — Шли-шли, до края света дошли, а идти теперь ещё больше... или меньше?

— Меньше. Можно успеть до зимы, хотя она там наступает гораздо раньше.

— Дойдём! — азартно воскликнула Меланиппа. — Сколько нового увидим! А ты,

Пересвет, такие песни сложишь...

— Я не сомневаюсь в отваге и решимости росов. Но иной раз люди искренне обещают то, на что потом у них не хватает силы духа.

— Что?! Разве там холоднее, чем у нас на Святки? Или чудовища страшнее здешних? — возмутилась поляница.

— Там, на севере, в горах заточены целые племена людей-чудовищ. Но ещё хуже их — те люди, что сейчас идут к Священному острову — сильные, безжалостные, ненасытные...

— Неужто Андак с его женой-разбойницей? — Рука Меланиппы стиснула секиру. — Да мы их...

— Они. И другие — гораздо опаснее их. Способные посягнуть и на сам Белый остров.

— Пусть попробуют. Дажьбог их испепелит! — воскликнул гусяр.

— Разве вы не убедились здесь, что Светлые боги не всесильны? Слишком много дел в мире у них... и у нас, их воинов. — Аристей устало склонил голову.

— Мы здесь убедились, что не всесильны Тёмные боги, — твёрдо сказал Хилиарх. — Хотя там, на юге, философы в этом сомневаются.

— Этот поход будет труден и опасен. Но не в том дело. Вы должны совершить его бескорыстно. Даром! Подземелья Золотой горы полны сокровищ, и грифоны щедро наградят вас за эту битву. Но там, на севере, вы не должны будете брать никакой добычи и никакой награды. Только тогда вы станете достойны получить солнечную стрелу. Ибо корыстолюбие и разбою не должно быть места в Гиперборее — не только на Белом острове, но и по соседству с ним. Ты, Хилиарх, эллин и достаточно долго прожил среди росов. Скажи, смогут ли они совершить *такой* подвиг?

Жестом удержав гусяра с амазонкой, Аристей выжидательно взглянул на соотечественника. Тот медленно, взвешивая каждое слово, проговорил:

— Росы — варвары, любят добычу и обычно не отказываются от неё. Но ещё больше они любят славу. И Правду. Достойным славы они, особенно венеды, считают лишь воюющего за Правду. А с Ардагастом сейчас не просто лучшие воины росов, а те, кто девять лет сражался вместе с ним за Огненную Правду. Думаю, такой подвиг будет им по плечу.

— Так думает и Мать Мира, хозяйка этой горы, — кивнул Аристей. — Хотя младшие боги считают её слишком доброй к людям... Объяви-ка ты, кизикинец, её волю. Чтобы потом не говорили обо мне: ворон-де накаркал.

У подножия Золотой горы радостно встретились победители аримаспов. Ардагаст обнимался с Ядыгаром и Санагом, Ларишка — с Зариной. Это она, златоволосая пери, в облике девы-лебедя вызвала ливень, погубивший одноглазую орду. А седобородый Распараган громко жаловался:

— Ты обидел меня, родич: не позвал в такую битву! Думаешь, если твоя жена когда-то стащила арканом с седла старого Распарагана, то он уже ни на что не годен?

— Прости, отец! Я не хотел переключивать на других то, что боги возложили на меня и мою дружину. Но теперь вижу: таких врагов нужно бить вместе — всем, кто на них не похож.

Приветствовали царя западных росов и предводители манжар: Лунг-отыр, Чёрт-богатырь, из рода Медведя, высокий, черноусый, с двумя серебряными драконами на панцире и золотым поясом, сиявшим бирюзой и рубинами; Зорни-отыр, Золотой богатырь, из рода Гуся, с редкой среди манжар темно-рыжей косой, падавшей из-под позолоченного

шлема; его брат, шаман Зорни — низенький, шуплый, с бронзовой бляхой в виде всадника на груди. Все трое вместе с Ардагастом защищали руины священного города Аркаима от гуннов и Распарагана, а Зорни-шамана Зореславич знал ещё в Индии.

— Мы собрались идти на ненцев, когда Золотая Баба сказала брату: «Иди защищать мою гору, Ардагаст уже идёт», — сказал Зорни-отыр.

— Это твоему гусиному роду баба указывает, где воевать, — усмехнулся Лунг-отыр. — А я сам шаман, спросил Бога Войны, он сказал: иди к Золотой горе, помоги Ардагасту солнечному отыру.

— Ты сильный шаман, — кивнул второй Зорни. — Я тоже. Только когда встал в истоках Ра колдовской туман — ни твои, ни мои духи пролететь не смогли, пока Золотая Баба не помогла туман рассеять. Моих предков исседонские шаманы научили Золотую Бабу почитать.

На арканах подвели Сагдева с Соракком. Вид у обоих был самый жалкий. Даже Сорак не думал уже о мести Солнце-Царю. При виде долины, заваленной телами великанов, царевича мучил стыд: что значила месть, приведшая его сюда, по сравнению с этой великой битвой, уподобившей людей богам! Как вернуться домой, бесславно погубив дружины? Отцы не дадут за них обоих выкупа, и будут правы. Сагдев не надеялся даже на Артимпасу, а Сорак уже думал, какую бы дерзость сказать Ардагасту, чтобы поплатиться за это жизнью, когда подошёл Хилиарх и, встав на спину коня, объявил собравшимся волю Матери Мира. Ардагаст обвёл взглядом воинов пяти племён.

— Я не великий царь народов по обе стороны Урала и не могу вам приказывать. Я не стану приказывать даже вам, моя верная дружина. С такой победой никому не стыдно вернуться, а золота и самоцветов каждый из вас возьмёт сколько хочет — вы слышали. Мы отстояли Золотую гору от нечисти, но Белый остров ещё нужнее всем нашим племенам, всем добрым людям. Солнечные воины с Белого острова защищают весь земной мир, должны же и мы, смертные, им хоть раз помочь? — Он возвысил голос. — Кто из вас хочет дойти Путём Солнца до края света, до Ледяного моря ради одной святой славы, ради Огненной Правды — поднимите оружие! Остальные — отойдите в сторону!

Он первым поднял меч и Колаксаеву Чашу, из которой призывно ударил вверх золотой луч. Следом обнажил свою огромную кханду индиец, выкрикнув: «Харе Кришна!» И тогда взметнулся к небу железный лес из мечей и копий. Воинственные крики огласили долину. В сторону не отъехал никто. Лишь седобородый Распараган, когда крики стихли, рассудительно произнёс:

— Все хотят идти, но все ли смогут? Я слишком стар для такого похода. И кто-то должен защищать земли наших племён. Здесь ведь не великое царство Фарзоя.

— Манжары пойдут на север, — сказал Лунг-отыр. — Мы до моря, до устья Оби добирались и за Урал тоже ходили.

— Если нужно, восточные росы защитят ваши городки, — кивнул Распараган.

Санаг в нерешительности потирал бритый затылок. Зарина чарующим голосом обратилась к нему:

— Милый, если пойдёшь на север, то и я с тобой. Но что будет с детьми, со всей землёй аргиппеев, если Роксанак сговорится с сарматами царскими или ещё с кем-нибудь?

— Я воевода, меня племя так далеко не посылало, — вздохнул Ядыгар.

Многие воины недовольно зашумели, заспорили между собой.

— Половина моей дружины погибла, — сказал Ардагаст. — Вместо них я возьму

воинов из всех ваших племён, а ваши вожди помогут мне отобрать лучших.

Хорошо разбираясь в людях и воинах, Зореславич быстро выбрал лучших из аргиппеев и удмуртов, восточных росов и манжар. С ним не спорили. Все смотрели на него так, словно он был великим царём, посылающим воинов туда, где они нужнее всего царству. Наконец он остановил взгляд на пленных царевичах:

— Вы с вашими дружинниками тоже пойдёте со мной. Это и будет ваш выкуп мне и богам. Чтобы поняли хоть на краю света, для чего воин рождается в этом мире!

Сагдев поднял голову и улыбнулся. Артимпаса всё-таки не оставила его. Глядя на друга, приободрился и Сорак.

Потом грифоны повели воинов в пещеры под Золотой горой. На всех хватило золотых и серебряных самородков, малахита и яшмы, изумрудов, топазов, аметистов...

Взяли и на погибших. Самую же большую долю получил Ардагаст. Но те, кто уходил на север, оставили свою долю на хранение: манжары — Распарагану, а росы — Ядыгару. В таком походе сокровища могли быть лишь обузой.

В долине воины готовили всё для тризны и погребения павших. А в пещере Аристея Вышата, Хилиарх, обе волхвини и Зорни-шаман обсуждали с хозяином разные магические тайны.

— Бесов мы тут видели множество, хотя и не сто тысяч. Ну а где же сто тысяч фраваша? — спросил Хилиарх.

— Фраваша? Так ведь это духи — хранители людей. Мы, эллины, зовём их даймонами, римляне — гениями, а венецы — рожаницами. Своя фраваша есть у каждого. И если мы здесь сражались, не отступили и даже победили — значит, наши фраваша никуда не делись, — улыбнулся Аристей.

— И не только наши. Мне было некогда приглядываться, только я духовным зрением заметила рожаницу Лютослава, моего первого мужа, — добавила Лютица.

— А я — его самого. И ещё много духов воинов: и с железными мечами, и с бронзовыми секирами... Мы-то с видимой нечистью бились, а они с невидимой. Её, проклятой, ещё больше, чем видимой, налетело, — сказал Вышата.

А на склоне горы, обхватив руками колени, с безучастным видом сидела Ларишка. Ардагаст сел рядом:

— Устала? Думали, до края света дошли, а здесь только середина...

— Что они с нами делают, боги эти! — тяжело вздохнула царица. — Так бы мы ещё до полюдья^[24] домой вернулись, а теперь... Детям с Добрянной хорошо, но вот Ардафарн... С ним постороже надо. А Доброслав осенью всегда болеет. Милана хорошо лечит, только она сейчас с нами...

Зореславич достал нож Ардафарна, своего старшего сына:

— Я этот ножик обещал на Золотой горе оставить вместо стрелы Абариса. Значит, оставлю на Священном острове. А домой вернёмся к Святкам. Отпразднуем хорошенько и поедем по снежку догонять полюдье. — Он обнял жену за плечи. — Помнишь, мы уже шли через эти горы, только с востока? И не было у нас никакого царства, кроме дружины в двадцать воинов.

— И тебе... нам уже тогда было больше всех нужно. Не так славы, как самих подвигов.

— Конечно! — рассмеялся он. — Нам много нужно — весь этот мир! Каким бы он стал, если бы мы тогда не отстояли Аркаим от этого мага Чжу и двух мёртвых царей?

— До сих пор небось злятся: он на земле, а они в пекле, — улыбнулась Ларишка. — А

сколько друзей мы тогда нашли: Распараган, оба отыра... Хорошо, что снова собрались! С ними и на край света не страшно идти.

— Вот мы и пойдём — до самого Ледяного моря. Чтобы и там лиходеям от нас покоя не было. И будет тогда нам веселье, а им горе! Для них ведь горе — это когда зла творить не дают.

А на вершине Золотой горы тоже сидели двое: женщина в золотом венце и бобровой шубе и старичок в островерхой шапочке, из-под которой выступали рога, состоявшие словно из одного серебристого света.

— И будут люди славить за победу меня, Мать Богов. А что я сделала? Пряталась в пещере да под конец, когда Ветроду́й вымотался, поднялась на небо и повернула солнечную колесницу.

— Не прибедняйся. Ты же Мать Сыра Земля, от тебя им всем силы в бою прибывало. А я волхвам чарами помог, а то бы не выстояли. Далеко им всё-таки до древних пещерных колдунов!

Старичок помолчал, деловито оглядел склоны горы и низины, усеянные громадными трупами, и сказал:

— Грифоны сами не управятся. Придётся зверей побольше кликнуть, чтобы всё убрали. Не то будет здесь не продохнуть, хоть нынче и не лето... Ну и мир создали наши детки! А ведь когда-то его не было. Море без края, а над ним только мы: ты — Солнце, я — Месяц. Да в море — Змей Глубин. Это потом ты стала Землёй и Хозяйкой этой горы, я — Хозяином Зверей, скотным богом... Когда всё это наши дети сотворили. Нет, не хотел бы я, чтобы этот мир погиб! Кто мы тогда будем?

В далёкой жаркой Эдессе маг в чёрной с серебром хламиде отвёл взгляд от серебряного зеркала. На его лице играла презрительная усмешка. Эти варвары думают, что их подвиги в дедрах Скифии могут изменить судьбы мира! Нет, эти судьбы решаются здесь, в Империи. Легионы ещё дойдут до Урала, до самых Рипеев. Если будет покончено с ленивой и трусливой династией Флавиев и на престол воссядет лучший из императоров — Клавдий Нерон. Завтра его войска выступают к Евфрату. А этот рос с его тупыми рубаками и невежественными колдунами сгинет в ледяной пустыне, и стрела Абариса достанется другому. Только бы росы или ещё какая-нибудь сарматская орда не перешли границу и не вмешались в усобицу на юге. Тогда их мечи и чары скифских колдунов лягут на чашу Братства Солнца.

— Превосходно! словно вернулись времена Геракла. Клянусь Солнцем, люди, особенно варвары, гораздо лучше, чем я о них думал!

Аполлоний из Тианы движением руки убрал изображение далёкой горы с магического зеркала и откинулся на спинку кресла. Взгляд его сиял радостным торжеством.

— Многие скажут: пошли бы варвары дальше на север, если бы грифоны не осыпали их сокровищами? — заметил Иосиф.

— А разве могут Светлые боги или их птицы быть неблагодарными?

Мудрец взглянул на расстеленную на столе карту, и взгляд его помрачнел.

— Рука Тьмы тянется к самому Белому острову, а все силы Братства — здесь, в Сирии! Да, только мы можем остановить ту страшную силу, которую Братство Тьмы почерпнуло из недр Везувия. А там, на севере, — вся надежда на Аристея, Вышату и Ардагаста с его храбрыми росами.

Ардагаст, Ларишка, Ардагунда и Вышата сидели над Колаксовой Чашей, наполненной водой из солнечной Ра-реки. Из чаши на них смотрело лицо матери, усталое, но довольное. Тёмные волосы Саумарон, царицы Исседона, падали на плечи из-под шлема, плечи покрывал тёплый плащ, а грудь — заиндевевшая кальчуга.

— Я рада за вас, дети. Видите, Мать Мира не оставляет вас. Ведь вы защитили её дом а значит — весь мир... А у нас тут тоже война. С севера идут шулмусы и мангусы, что вырвались из нижнего мира. Два ваших брата бьются против них рядом с воинами Белого острова и гуннскими батырами. С юга навстречу нечисти идут ханьцы. Недавно они совсем было ушли из нашего края, но полководцу Бань Чао даже воля Сына Неба не указ... Мой муж повёл войско против них. А мы с вашей сестрой и небольшой дружиной стережём перевал в Небесных горах^[25]. Здесь ветер, снег, лавины — все горные демоны словно с цепи сорвались. Ваша сестричка зарубила троих. А ещё дракон — сразу видно, ханьский — загнал нас в расщелину, хотел огнём сжечь. Если бы не чары Ли Цзы... Он один из двенадцати мудрецов великого ашрама^[26] Солнца в Индии.

— Помню, — кивнул Ардагаст. — Без них мы не победили бы под Таксилой, когда Стратон, выкормыш жрецов Шивы, обрушил на нас оружие богов.

— Такой же бой идёт сейчас на Евфрате. Братство Тьмы воскресило Нерона, и остановить их некому, кроме Братства Солнца, — сказал Вышата.

— Там Нерон, а здесь Бань Чао на чёрном коне-демоне. Два «потрясателя вселенной», и обоим подавай весь мир. Если оба победят сейчас, то пойдут навстречу друг другу... — Голос Саумарон дрогнул.

— ...И обратят всё в пустыню, — закончил Вышата. — Рвутся править миром, а ими самими правят чёрные колдуны — Валент и Чжу-фанши, а теми — Чернобог! По всему миру идёт битва — великая битва Света и Тьмы...

— Мы хотя бы знаем своё место в этой битве. А иные твои родичи, мама, сейчас думают об одном — раньше нас дорваться до стрелы Абариса! — резко сказала Ардагунда.

— Это и твои родичи, доченька, — мягко ответила Саумарон. — Они такие же росы, как и мы. И судить о нашем племени будут и по вам, и по ним. Помните об этом на краю света. И пусть не оставит вас Мать Мира, как бы она ни звалась в той земле!

Глава 3

ШАМАНЫ-РАЗБОЙНИКИ

Чёрные Медведи уходили на север долиной Юрюзани. Всадники в чёрных шкурах угрюмо молчали. Угрюмы и злы были и их предводители. Ругался вполголоса Шумила, ворчал по-медвежьи его брат. Рассчитывали обрушиться на уцелевших под Золотой горой росов, а вместо этого пришлось отступить без славы, без боя. Словно души погибших росичей вселяются во всех этих удмуртов, аргипшеев, манжар! Или сама Мать Сыра Земля родит новых воинов Ардагасту. Одна надежда теперь: соединиться с могучими чёрными шаманами Корт-Айкой и Яг-мортом. У них не только чары, но и свои разбойные дружины, что держат в страхе всё племя, живущее у слияния Камы и Чусовой и зовущее себя «пермяками» — «лесными людьми», а ещё — коми. Любят они свои леса, и по-разному их зовут. Еловый лес на холмах — «парма», сосновый — «яг». «Парма-эк», пермяк — лесной человек. «Яг-морт» — тоже лесной человек, только дикий, волосатый.

Вдруг кони дружинников разом остановились. Медведичи и их воины дёргали поводья, ругались, потом, разъярившись, стегали коней до крови, но те только жалобно ржали, не двигаясь с места. А из чаши доносился громкий злорадный смех. Ему вторил жуткий, нечеловеческий хохот, больше похожий на вой ветра. Сердца привычных ко всему разбойников дрогнули, руки сжали оружие.

Властно раздвинув зелёные ветви, между елями показался невысокий, но крепко сложенный старик. Большая голова прочно сидела на широких, в косую сажень, плечах. Добротнo скованная кольчуга облежала могучую грудь. Длинные седые волосы падали из-под островерхого шлема на плечи, покрытые медвежьей шкурой. Окладистая борода белым снегом лежала на кольчатой броне. Того, кто вышел вслед за стариком, и человеком-то было трудно назвать. Мощное тело вместо одежды покрывали густые тёмно-рыжие волосы. Остроконечная голова, тяжёлые челюсти. В красных глазках, запрятанных под козырьком больших надбровий, светился злой и безжалостный ум. На шее висело ожерелье из звериных клыков и когтей.

— Застряли, лесные могуты? — с ухмылкой произнёс старик по-венедски. — Думу думаете, не повернуть ли назад, не поискать ли славной битвы с росами да манжарами?

— Ты чары навёл, старый хрен? Ещё и смеёшься? — взревел Шумила. — Так мы тебя без всяких чар в ежа обратим!

Медведич махнул рукой, и стрелы полетели в старика. Одни из них упали, звякнув о броню, другие — беззвучно ударившись у самого лица его в незримую преграду. Бурмила с яростным рычанием метнул в него тяжёлую палицу. Ткнувшись в ту же преграду, она отлетела назад и сильно задела по голове своего владельца, едва успевшего уклониться. Лаума, вздев руки, обрушила на старика заклятие, но тот даже не переменялся в лице. Лишь взмахнул рукой — и внезапно налетевший вихрь сорвал колдунью с седла, поднял и забросил на верхушку ели.

— Что, медвежата, слабы тягаться с Громобоем-кузнецом? Слышали хоть про меня от батьки своего Чернобора?

— Как же, слышали, — отозвалась с дерева Лаума. — Был такой дурак, что вздумал с великим волхвом Лихославом тягаться, хоть сам едва чаровать умел. Поднял глупое мужичье

дреговицкое и повёл на Чёртов лес: постоим-де за правду, избавим венецкий край от бесовых слуг.

— Только не сладил он и с учениками великого волхва, — ехидно подхватил Шумила. — Погасил ливень чародейный огонь кузнеца, буря завалила деревьями его лапотную рать, а вихрь унёс его самого на край света, меж востоком и севером. Ну что, нашёл здесь правду? Лесную или болотную?

Приободрившиеся Чёрные Медведи засмеялись. Старик смерил их спокойным, уверенным в себе взглядом:

— Нашёл. Правда не в лесу, не в болоте, не в огне. Она — в силе! Обретёшь силу — будешь прав. Занесло меня к самому Уралу, в дебри непролазные, куда лишь самые смелые охотники да самые лихие шаманы пробирались. Жил один, как зверь, без огня, без железа. Однако выжил! Голыми руками медведей одолевал. С лешими, водяными бился, с яг-мортами, лесными людьми. Колдуна — яг-морта победил, а потом вместе с ним бился с охотниками-манжарами: они и меня за дикого человека приняли. Двенадцать их было — ни один не ушёл.

— Ты моего учителя силой победил, не чарами, — не приятным, рычащим голосом проговорил волосатый человек-зверь.

— Верно. За мою силу и уважил он меня, лесным чарам научил. Древним, нелюдским. Потом взял я силой йому-ведьму. И она меня полюбила и научила волшебю давней, страшной. Той, что от главной Йомы, владычицы леса и смерти, — вы её зовёте Ягой. Куда там вашим ведунешкам из Чёртова леса! Там окраина лесов, а сердце — возле Урала... А я ведь и кузнечного дела не забыл, и огненной волшебю.

— Если ты теперь такой могучий волхв, почему не вернулся, чтобы одолеть Лихослава? — насмешливо прищурилась Лаума.

— Зачем? Лес велик, есть на ком силу показать, с кем силой помериться. Вернулся я к людям — к пермякам. Да и задал жару всем этим великим охотникам, могучим воинам, чёрным да белым шаманам! Теперь в мою дружину самые лихие из них всех идут, а я и не всякого беру. Лучшее оружие в земле коми — у меня, и только для лучших бойцов. Ведь я — лучший в этой земле кузнец, сильнейший шаман, зовут меня здесь Корт-Айка — Железный Старик!

— А меня здесь зовут Яг-морт. Других яг-мортов они у себя давно не видели, — зловеще осклабился волосатый, показав мощные клыки. — Их предки загнали нас в леса к Уралу. Теперь все они знают мою дубину и мои чары. Умные — хлеб сеют, скотину пасут. А я нашлаю засуху, падеж — и опять им негде искать еды, кроме леса. А там я с дубиной, неведомо за каким деревом, и снова им страшно, как во дни зверобогов!

Человек-зверь говорил по-венецки, и довольно чисто. В его речи, во взгляде горящих красных глаз чувствовалась непримиримая злоба к людям, но не тупость. Не глуп, видно, лесной житель, если выучил язык, на котором и говорил-то с одним Громобоем. Ох и не глуп... С кем же будут эти двое хозяев прикамских лесов, признающие лишь свою силу и волю?

Лаума, уже спустившаяся с ели, цепким взглядом окинула бронзовые фигурки на поясе Корт-Айки. Медведь, орёл, волк, змея... Звери Грома и Тьмы. Ни коня, ни оленя. Но волк и даже змея посвящены и Солнцу. Чьей же силой волхвует теперь непокорный кузнец? Что у него на цепочке под бородой во всю грудь?

— А мы вас, могучих волхвов, и ищем, — осторожно заговорила колдунья. — Великий

шаман Саудев послал нас к вам. Мы все ведь одним богам служим, верно?

— Дурак был Саудев, как и все его полубесы, — бросил пренебрежительно старик. — Больно на ящерицу свою надеялся. А слугой и холопом я никому ещё не был. Чернобога здесь зовут Куль. — Он небрежно достал из-под бороды бронзовую фигурку бога с двумя змеями в руках, стоявшего на двуглавом ящере. — Я ему нужен, а он мне. А силу я беру отовсюду. У Тьмы, у Грома, у Ветра, у Чёрного Солнца...

— А как же с Огненной Правдой, кузнец?

— Она мне в чащобе выжить не помогла. Моя воля — вот моя правда!

— Волю-то твою и укоротят те, от кого мы уходим. Вышата, что предал и сгубил своего учителя Лихослава, и Вышатин выкормыш Ардагаст. Мало им власти и богатства, нужна ещё и Огненная Правда. Всех изводят, кто по ней жить не хочет! — сказал Шумила.

— Вот дурачье-то! Сами покоя не знают и другим жить не дают. И целое племя такое же глупое сотворили. Называется оно — росичи, — глубокомысленно произнёс Бурмила. Его большую медвежью голову столь глубокие мысли хоть редко, но посещали.

— Помню я этого Вышату, — отмахнулся кузнец. — Он тогда сбежал из Чёртова леса, чтобы со мной не биться. Теперь, вишь ты, великий волхв! А что они с Ардагастом несут всему лесу, я знаю. И приготовил им подарок — Колесо Чёрного Солнца. Вам его не сделать, вы не кузнецы, да и солнечных чар боитесь. А такое уже погубило одного Солнце-Царя. На юге, в горах Кавказских.

— Слышали мы, есть и у тебя соперник, — вкрадчиво заговорила Лаума. — Бурморт, верховный жрец пермяков. И владеет он самым святым местом — Гляден-горой. Ты ведь сам его не одолел, правда? А вместе с нами...

— Для того вас и ждал, — спокойно ответил Корт-Айка и одним движением руки снял заклятие с коней. Те весело заржали, перебирая ногами. А из-за елей, будто из-под земли, уже выезжали дружинники обоих колдунов. У кузнеца — ражие молодцы в добротных панцирях, вида самого разбойного. У Яг-морты — больше нелюди да полулюди: лешие, черти и те, кого они с похищенными либо блудливыми бабами приживают. И вот уже слились три дружины в одну разбойную, незаконную рать и двинулись на север — к святой и богатой Гляден-горе.

Там, где речка Нижняя Мула выходит из лесов навстречу полноводной Каме, поднимается над широкими заливными лугами высокая, с крутыми склонами Гляден-гора. На вершине её — вековой заповедный бор. А на мысу, между поймой и глубоким логом, — городок. В его валу со стороны бора нет даже прохода. Из поймы же в городок ведёт по склону тропа — крутая, неширокая. По ней, однако, и верхом ездят, и скотину гонят на пастбище. А над городком в серое осеннее небо вонзается острой верхушкой, превосходя высотой все деревья бора, громадная вековая ель. Она была стара и священна уже тогда, когда скифы только начинали ходить в набеги на лесной край, и тогда, когда Аристей, ещё не ставший вороном Аполлона, пробирался к восточному краю света.

В это осеннее утро пастухи из городка, как всегда, выгнали стадо на луга. И вдруг, заслышав конский топот, ржание, громкие голоса, погнались скотину к лесу. Со свистом, гиканьем, лихими песнями, будто степняки, ехали лугами дружинники двух шаманов-разбойников, а с ними — какие-то невиданные воины в чёрных медвежьих шкурах. Находники, однако, не тронули стада. Они подъехали к самой тропе, и их седобородый, закованный в железо предводитель громовым голосом воскликнул:

— Жрец Бурморт! Я, Корт-Айка, зову тебя на колдовской поединок!

На горе, у верхнего конца тропы, открылась калитка в частоколе и показалась фигура в белом. Стоявший наверху не напрягал голоса, но силой его чар собравшиеся внизу чётко слышали его речь.

— Корт-Айка! Я дважды состязался с тобой. Один раз ты остановил колдовством мою лодку, а я заклил твоё сусло — ты ведь охотник до пива, — и оно перестало бродить, пока ты не снял своего заклятия. Потом я прошёл под водой от проруби до проруби, отсюда до устья Чусовой, а ты не смог. Тебя едва спас твой друг-водяной. И эту гору ты пробовал брать приступом, но бежал, даже когда её защищали лишь мои родичи: твои чары оказывались слабее моих. Зачем же тебе ещё один позор?

— Я пришёл для огненного испытания. Мы войдём в огненный дом рука об руку, и тот, кто не сумеет чарами укротить огонь, сгорит. Увидим, кто больше познал Огонь: ты, мудрейший слугитель Света и Солнца, или я, простой кузнец!

— Состязаться будем внизу? Ты ведь черпаешь силу из нижнего мира.

— Нет. На горе, ближе к твоим богам!

— Хорошо. Но свою орду оставь под горой. Двенадцати свидетелей тебе хватит.

Корт-Айка слез с коня и, несмотря на годы, легко двинулся в гору. Следом шли, как волки за вожаком, ещё двенадцать — люди и нелюди. Были среди них оба Медведича, Яг-морт, пара чёрных шаманов, не видно было лишь Лаумы. В городок пришельцы вошли с самым дерзким видом, но в души их закрадывалась робость: будто незваные взошли на самое небо, недоступное их подземному владыке.

Большую часть городка занимало святилище. Под зелёными лапами громадной ели стояли полукругом деревянные идолы. Ен, добрый владыка неба, в белом кафтане и белой шапке. Золотая Баба, Мать Мира, одного ребёнка держит на руках, а второго рождает. Сын её Шунда, Солнечный Всадник с мечом-и луком. Угрюмый, с тяжёлой дубиной в руке, Войпель — бог северного ветра. Грозовой Охотник, с луком в руке и орлиной головой поверх шапки, с медвежьими лапами. Две Небесные Лосихи, мать и дочь — в человеческом обличье, лишь головы и копытца олени. Не было здесь только Куля и Йомы, злобных хозяев нижнего мира. На кольях вокруг идолов белели черепа — олени, медвежьи, бычьи. Разлапистые ветви ели были увешаны отборными шкурками, оружием, серебряными сосудами с далёкого юга.

А от ели почти до внутреннего вала городка простиралось костыще. На десятки шагов землю устилал белый пепел, из которого торчали белые же обломки костей — звериных и человеческих. Между ними зеленели бронзовые обереги, блестело золото и серебро, торчало ржавое железо. Здесь приносили жертвы много веков подряд, и здесь же сжигали тела лучших людей племени. Вознестись с жертвенным пламенем из самого святого места прямо к Светлым богам — может ли быть лучшее завершение для достойной жизни? Богам приносили самое ценное — людей и вещи, и ни один пермяк не смел взять ничего с ели или из костыща. Не смел даже сам верховный жрец. Его за гадания и моления одаряли отдельно, и немало. За внутренним валом, в детинце, стояло несколько обширных рубленых изб. Там жила большая семья Бурморты — его дети и внуки.

Сам Бурморт стоял, опираясь на резной посох. В белом кафтане, перехваченном красным поясом с оберегами, с длинными белыми волосами и бородой, он напоминал своего бога — старого и доброго к своим творениям Ена. На груди висели два оберега. Один изображал трёхглавую птицу с человеческим лицом на груди. Второй — полуобнажённого человека в замысловатой короне, увенчанной солнечным диском. Серые глаза жреца

смотрели на пришельцев спокойно и беззлобно, хотя родичи его настороженно сжимали копыя.

— Видишь, Бурморт, я взошёл на твоё земное небо, и даже без бубна, — с вызовом произнёс кузнец.

— И я взошёл, — оскалил зубы Яг-морт. — А я ведь нечисть, моё место там, внизу. Правда, мудрейший?

— Здесь есть место всем, кто добр. Я хотел бы состязаться с вами, но совсем в другом: кто больше доброго сделает для людей своим волшебным искусством. А зла в мире и так много. Или думаете сарматов превзойти в разбоях, а гадюк — в злобе?

— Тебе, жрецу и сыну жреца, легко рассуждать о добре и зле на этой горе, в неприступном городке. Всё нужное пермяки вам несут сюда, оберегают вас всем племенем. У твоего отца даже бактрийских монет хватило, чтобы послать тебя искать мудрости далеко на юг, где голые люди молятся голым богам. — Корт-Айка ткнул пальцем в фигурку коронованного бога. — Слово мало той болтовни про Свет, Тьму и Огненную Правду, что занесли сюда скифские жрецы! Теперь сынка туда же отправил...

— Это — Амон-Ра, которого мы зовём Еном, — спокойно ответил Бурморт. — Там, в Египте, тоже верят: бог Солнца и Света добр и справедлив и вечно борется со злым Апопом змеем нижнего мира. Жрецы Ра уговаривали меня остаться, и учёные из александрийского Мусея...

— Ты набирался мудрости в Египте, а я там, где закон — лес, а старейшина — медведь! Жизнь — охота, на земле и на небе! Бежит по небу златорогий солнечный олень, бегут Небесные Лосихи, а за ними — Грозовой Охотник. Он — медведь, он — орёл, он — великий лучник. Я не хочу быть дичью, даже златорогой, я — охотник!

— Я тоже охотник! Люблю загнать оленя, ещё лучше — лося, сломать ему шею, перегрызть горло! — хищно блеснул глазами Яг-морт.

— И мы — охотники! — разом проревели Медведичи, и вся шайка подхватила их рёв.

— Вы — звери. Глупые хищные звери. — В голосе жреца была не злоба, а печаль. — Самые умные из вас не понимают: познавать мир лучше, чем его завоёвывать... Что ж, я готов к испытанию.

Быстро срубили небольшую избу с двумя дверями, поставили её на костице, заполнили хворостом, соломой, оставив проход. Корт-Айка указал на фигурку Амона:

— Сними с себя чужеземный оберег. Или не можешь победить меня без чужих чар? Тогда сильнейший колдун в лесах — я.

— А ты разве не носишь бактрийский амулет Заххака, царя-дракона?

— Гляди: его на мне нет.

Духовный взор Бурморта проник под кольчугу и кожаную рубаху кузнеца, но не обнаружил там оберега. Помедлив, жрец снял фигурку, надел шапку, увенчанную деревянной головой лося. Его соперник отстегнул меч, надел шапку с головой орла. Глаза Железного Старика смотрели гордо и хищно. Бурморт окинул взглядом своих родичей. Жаль, нет младшего сына, лучшего ученика — Вэрморта. Да, послал его на юг, к лучшему из солнечных магов, Аполлонию из Тианы. А старшие сыновья умерли, и не своей смертью. Сумеет ли Джак, старший зять, уследить за негодьями — Яг-мортом и чёрными шаманами, чтобы не вмешались в поединок? Старый жрец перевёл взгляд на могучую фигуру кузнеца. На что только тратит тот свои силы! Будто невзначай Бурморт произнёс:

— Был некогда Йиркап, великий охотник. Самую быструю дичь догонял на

волшебных лыжах. Тридцать оленей добыл, погнался за тридцать первым — дивным, златорогим. А то была ведьма-оборотница. Заманила Йиркапа на тонкий лёд. Одна нога его провалилась под лёд, другую чудесная лыжа вперёд понесла. Так погиб лучший охотник среди коми.

Корт-Айка гордо потрянул седыми волосами:

— Он был только человек... Я — орёл, я — медведь, я — могучий шаман! Я добуду златорогого оленя, дивного лося — власть над душами лесного народа!

Жрец, с сожалением вздохнув, взмахнул рукой. Джак и Яг-морт зажгли факелы, бросили их внутрь избы. Затрещал хворост, повалил дым. Разом загудели бубны в руках двух сильнейших чародеев. Приплясывая, двинулись вокруг костяка Бурморт и Корт-Айка. Один призывал на помощь светлый, добрый огонь Ена и Шунды, другой — злое, буйное пламя молнии и Чёрного Солнца. На груди кузнеца зловеще колыхался бронзовый двуглавый ящер. Две головы смотрели в разные стороны, и в зубах у одной было Солнце. Ящер вечером проглатывает светило, а утром выпускает из другой пасти. И пока Солнце во чреве Владыки Глубин, оно — Чёрное Солнце. Куль, бог зла, стоит на спине ящера, но Ящер, он же Змей Глубин, старше его, старше всех богов, добрых и злых.

А пламя всё сильнее охватывает избушку, пышет из дверей, пробивается сквозь крышу. Оба чародея остановились у входа, отбросили бубны. Огромная лапа кузнеца крепко охватила тонкое запястье старого жреца. Так, рука об руку, они и шагнули в огонь. Джак настороженно следил духовным зрением за тремя оставшимися колдунами. Вроде не чаруют... Не только он, но и сам Бурморт не обратил внимания на сороку, запрятавшуюся среди густых лап священной ели. Не заметили они и стоявшую за валом старуху — крючконосую, с длинными седыми космами. Трудно смертным увидеть ведьму, если она сама того не хочет. Ещё труднее — богиню. А сорока уже взяла в клюв цепочку с амулетом из чёрной меди — фигуркой царя в венце, с двумя змеями, вырвавшимися из плеч.

Двое шли сквозь огонь. Старик жрец с трудом выдерживал чудовищный жар, кузнецу же пекло было нипочём. Пламя даже не касалось их. Уже близок был выход, и тут из пламени выступило полное неизбывной злобы человеческое лицо и по бокам его — две змеиные морды. Потом и человеческая голова оборотилась драконьей. Страшное чёрное пламя разом вырвалось из трёх пастей. Бурморт дико закричал, рванулся. Кости его захрустели в тисках могучей руки кузнеца. Тело мигом обуглилось, затрещало, разваливаясь и обращаясь в пепел. Бессильно плавилась обереги.

Стоявшие снаружи на миг увидели среди пламени, как орёл с трёхглавым драконом терзали лося. Потом из огненного дома твёрдым, тяжёлым шагом вышел Железный Старик. Даже одежда на нём не обгорела. Под его властным, безжалостным взглядом Джак оцепенел.

— Я победил. Поединок был честным. Ты видел?

Младший жрец побледнел ещё больше. Один против четырёх чёрных шаманов! Если сам Бурморт не выстоял... А внизу разбойная орда, готовая перерезать или увести в рабство всех жителей городка. Он должен спасти род своей жены! И Джак, не в силах произнести ни слова, покорно кивнул. Всего лишь кивнул.

— Я мог бы сделать рабами ваш род. Но у нас один враг. Тот, что идёт с юга. Враг всему лесу.

Джак согнулся в низком поклоне. Он спас род! А что будет с племенем — мудрейшему шаману Корт-Айке знать лучше. Да, теперь мудрейший в племени — он.

Лаума, не таясь, уже в человеческом облике слезла с ели. Ох и рисковала она сейчас! Сидящий на священном дереве может черпать силу из всех трёх миров, особенно с амулетом трёхглавого царя-змея. Но если ударит огненная стрела с неба — чародея не спасёт ничто. Слава Яге-матушке, пронесло! Видно, далеко был Грозовой Охотник...

Из-за вала донёлся ехидный старушечий смех.

Из соснового бора к валу священного городка выехал конный отряд. Всадники в островерхих шерстяных колпаках и добротных бактрийских доспехах, с луками, мечами и акинаками напоминали сарматов, но русые волосы и рыжеватые бороды обличали в них пермяков. На знамени, увенчанном медвежьей головой, был вышит медведь, положивший большую голову между могучих лап. Предводитель отряда сам походил на лесного хозяина, которому не уступал сложением и силой. Лохматые волосы, уже обильно тронутые сединой, напоминали медвежью шерсть. Тёмные глаза смотрели угрюмо и недоверчиво.

Всадник лет тридцати, ехавший рядом с вождём, едва ли не превосходил его ростом и силой. Но в этой силе не было ничего звериного, пугающего. В Бактрии, где побывал этот воитель, греки прозвали его Гераклом Гиперборейским. Он и впрямь напоминал величайшего из героев Эллады — не только могучими мышцами, но и добрым простоватым лицом, окаймлённым тёмно-русой кудрявой бородой. Сходство довершали тяжёлая палица и львиная шкура (служившая, правда, не плащом, а конским чепраком).

Из-за частокола выглядывала хорошо знакомая воинам разбойная рать. А ещё — какие-то неведомые светловолосые воины в чёрных медвежьих шкурах. Окинув их взглядом, предводитель проревел громовым голосом:

— Как посмели войти в святое место? Где Бурморт?

Над частоколом показались головы и могучие плечи Корт-Айки и Яг-морта.

— Бурморт погиб в огненной поединке со мной. Отныне верховный жрец — я. Куль, подземный владыка, дал мне победу. Теперь здесь почитают его. Как и всех богов леса, — спокойно произнёс кузнец.

— Думаешь, колдун, я поверю хоть одному твоему слову? Чтобы ты одолел мудрейшего жреца в честном поединке? Кто подтвердит — этот урод Яг-морт?

— Ты сам урод, только шерсть хуже моей! — прорычал лесной человек.

— Поединок был честным, я следил, — раздался слабый голосок Джака.

— Знал я, что ты трус, Джак, а ты ещё и предатель! — отрезал вождь.

— Не верь ему, князь Кудым-Ош, Кудым-Медведь. — Голос кузнеца был всё так же спокоен. — Не верь мне. Никому из людей не верь. Ты ведь сам только получеловек. Твоя мать, одноглазая колдунья, родила тебя от медведя.

— Даже медведи не любят тебя. Они помогли тебе в войне с сарматами, а ты не смог отговорить людей убивать медведей, — безжалостно добавил Яг-морт.

Из глотки Кудыма вырвалось глухое, грозное ворчанье. Рука его поднялась к горлу, словно чешуйчатый железный панцирь душил князя. Он знал: там, под панцирем и кожаной рубахой — бурые волосы, слишком густые для человека и слишком редкие для медведя. А кузнец невозмутимо продолжал:

— Не верь людям. Верь своим родичам.

Посреди частокола вдруг открылась калитка, и из неё показались два существа. Они были одеты почти как люди, но Кудым сразу понял: один из них — медведь ниже пояса, а второй — выше. Сын медведя почувствовал бы это, даже если бы первый носил сапоги, а

второй — рубаху и кафтан. А Медведичи преспокойно взяли длинную лестницу, упёрли её нижним краем в землю по другую сторону рва.

— Не годится медведю с медведем говорить сверху. Хотя наш род знатнее твоего, — сказал первый по-сарматски.

Оба быстро спустились, и первый продолжил:

— Здравствуй, Кудым-Медведь, сильнейший среди коми! Я — Шумила Медведич из земли венедов. Мой отец — великий волхв Чернобор, а мать — медведица из рода Великого Медведя, древнего зверобога. А мой брат Бурмила родился от великой ведьмы Костены и медведя из того же рода. Редко такие медведи выходят из нижнего мира — только чтобы породить славных могутов.

— Зачем пришли в нашу землю, родичи? — Голос Кудыма заметно смягчился.

— Защитить её. Враг идёт с юга, страшный враг всего леса — Ардагаст, царь росов; — сказал Шумила.

— Даже мы, самые сильные из венедов, его одолеть не смогли. Он нас, правда, тоже, — добавил Бурмила.

— Ещё один сарматский царь с набегом пришёл? Бил я сарматов, и не раз. Тут им не степь, — усмехнулся Кудым.

— А я их бил не только здесь, ещё и на юге, в Хорезме. Мы, пермяки, такие — сами, если надо, другим поможем, — подхватил кудрявобородый спутник князя — его сын Перя, славой уже превосходивший отца.

— Ардагаст — не просто сарматский царь, — покачал головой Шумила. — От него и данью не откупишься. Он топчет обычаи всех племён, глумится над святилищами, истребляет мудрейших колдунов.

— Мудрейших? — прищурился Перя. — Знаю я эти песни. Были у нас жрецы огня, звали себя «божьи люди». Велели людям огонь зажигать только от священного огня, ещё и платить им за это, и слушать их, святых да мудрых. А я на таких на юге насмотрелся. Там они ещё жаднее, в храмах каменных огонь прячут. А велят людям вовсе несусветное: братьям сестёр в жёны брать, отцам — дочерей, а мёртвых псам да птицам скармливать. Только не все их слушают, и боги за это не карают!

— Вернулся мой сынок, да разогнал тех жрецов, и капища их порушил, и огонь святой его не наказал. Не от таких ли святых и вы пришли, родичи? — испытующе глянул на Медведичей Кудым.

— Мы — враги жрецов огня и их Огненной Правды! — не отвёл взгляда Шумила. — Из степи эта зараза пошла на погибель лесу! Ты, Перя, ведь по своей воле разорял капища? А придёт Ардагаст — не будет у вас, лесных людей, ни своей воли, ни веры, ни обычаев. Только те, что установят вам царь росов и его главный жрец Вышата. Эти двое варят вольные племена в одном котле, и выходит одно племя — их рабов. Вот почему росы в лесу воюют не хуже, чем в степи. Восточные росы — степное племя, а западные — сброд! И всё этому сброду покоряются. Даже нуры, волчье племя. Вождь их, Волх-оборотень, сделался подручным князем у Ардагаста.

Кудым-Ош гордо вскинул голову, расправил широкие плечи. Теперь в нём говорил не полумедведь, а князь свободного лесного племени.

— Никто ещё с пермяков дани не брал, законов им не давал, подручных князей не ставил! Кто твой Волх — волчий князь? Волки трусливы. А я — медведь!

И над священной горой, над широкими лугами и тёмно-зелёными лесами раскатился

громом медвежий рёв. Могучему голосу вождя вторила его дружина.

— Слышу голос сынов пармы! — отозвался сверху Корт-Айка. — Всем нам, лесовикам, соединиться надо! Только так одолеем проклятого Ардагаста. Входи в святилище, князь Кудым! Будем молиться о победе лесным богам.

Когда Кудым поднимался на вал, даже уродливое лицо Яг-морта не казалось ему таким уж мерзким. Ведь они оба были «лесные люди», парма-эк и яг-морт. А с юга надвигалось что-то новое, неслыханное, чужое. Князь уже слышал о битве у Золотой горы и разгроме прежде неодолимых аримаспов. Что же это за сила идёт на лесной край? И отступить перед ней нельзя. Не на то его выбрали князем.

Росы и манжары шли на север. Вниз по Юрюзани, по Черной реке, потом через водораздел на Сылву. Было что вспомнить и поведать друг другу славным воителям и старым друзьям в дороге и у костров. Как-то уже в верховьях Сылвы, сидя у костра, Зорни-отыр рассказывал о земле коми, в которую лежал теперь их путь.

— Хорошая земля и богатая. Одна пушнина чего стоит! Ходят за ней купцы из самой Бактрии. И люди там хорошие. Самые смелые охотники в лесах — после нас, манжар. Лешего стрелой убить, водяного сетью поймать не боятся. Конники плохие, зато на лодках, на лыжах хоть куда дойдут. К самому Ледяному морю забираются. И хлеб сеют, и скотину пасут, но любят только охоту. А воевать не любят, в набеге не ходят. В лес к ним, однако, с войной лучше не соваться. Вот он знает, — кивнул Зорни-отыр на Лунг-отыра.

Тот гордо дёрнул чёрным усом:

— Только род Медведя не боится ходить на пермяков, не то что ваш гусиный род. Храбрые они, зато проще и глупее их в лесу нет. Расскажите лучше, как вы им всучили невесту, которую никто не брал. Твою же тётку.

— Я расскажу, — кивнул Зорни-шаман. — К тете Хосте сватался Аорсуархаг, Белый Волк, царь верхних аорсов. Старый, злой — не только наложниц, цариц своих плёткой бил. Как такому девушку добрую, слабую отдать? Великий царь, могучий, лютый, орды его кочевали от Каспия до Оксианского озера^[27] — как такому отказать? Придёт — всё разорит. Наша мать уже тогда сильной шаманкой была. Наложила на тётю колдовскую лосиную личину. Стало у той лицо как лосиная морда — всё в шерсти, губастое, зубатое, большеглазое. Грозный жених приехал, только увидел — плюнул и ускакал.

— А потом личину снять не смогли. Такое великое колдовство только гусиные шаманы умеют, — едко заметил Лунг-отыр. — Я, кого в медведя обращаю, всегда расколдовать могу.

— Да, человека совсем зверем делать легко, немножко — трудно и обратно тоже. Мать в верхний мир летала, к Золотой Бабе. Та сказала: спадёт личина, когда возьмёт девушку-лосиху воин-медведь. Не в шатре, не в избе сойдётся с ней — при свете солнца. Ваши отыры приезжали, сватались — только увидят лицо, бегут. А это обида, за обидой — распря, война...

— Нужно было нам позориться, — хмыкнул Лунг-отыр. — Вдруг колдовства нет, а есть обман и девка-уродина.

— Нашёлся такой; что ни обмана, ни девки не испугался. Кудым-Медведь, князь пермяков, сын шаманки и медведя. Пришёл на лодках через Урал, с Чусовой на Исеть. Сильный, но добрый: пожалел Хэсте. Разве она виновата, что родилась дочерью отыра? А ещё нагадала ему Потось, пермяцкая шаманка, что родится у него от манжарской девушки-

лосихи сын — великий воин. Та шаманка тоже Золотой Бабе служит... Взял он в жёны нашу тётю, днём, перед лицом Солнечной Богини сошёлся с Хэсте — и спала с неё личина. А сыновья их Перя — самый сильный из пермяцких отыров.

— И самый славный, — продолжил Зорни-отыр. — Поплыл с дружиной вниз по Рарекке продавать меха. Решил до самой Бактрии дойти. По дороге сарматы царские с него пошлину взять хотели, а он одолел в поединке Амбазука, сильнейшего их отыра, и ничего не дал. В устье Ра защитил купцов от разбойников-сарматов. Купцы дали ему большие лодки, и дошёл он до устья Вахш-реки^[28], а по ней — до Бактрии. Вы его там не видели? — обратился отыр к Ардагасту и Ларишке.

— Перя? Мы его называли Аршавах — «добрый медведь». Так его сарматы прозвали. А греки — «Геракл Гиперборейский». Такой сильный и такой простой! — улыбнулась царица росов. — К моей сестре Арванте приехал свататься царь аорсов — тот самый Аорсуархаг. Аланы его разбили, и он им покорился, но по-прежнему был гордый и злой. И тут выходит Перя и говорит: «Ты старый, зачем тебе молодая жена? Она меня, молодого, любит. Спроси её». Белый Волк разъярился и пообещал прийти в наш Чаганиан^[29] с ордой. Мы с сестрой отчаянные были. Я сказала ей: «Если ты бежишь с Аршавахом, и я с тобой!» А Перя: «Я не вор, чтобы бежать. Защищу вашу землю как свою». И защитил. Помнишь Ардагаст?

— Да. Это был мой первый поход и твой тоже. Мы схватились с аорсами в Хорезме, возле озёр. Перя потерял коня, но его и пешего не могли одолеть конные. Палица его крушила всё — копья, мечи, коней, всадников в доспехах. Белый Волк от него еле ноги унёс... А воеводой в том бою всё-таки был не Перя, а твой, Ларишка, отец — чаганианский князь. Я это понял только потом. А тогда нам было пятнадцать лет, а Пере — девятнадцать. Аорсы пытались зайти ему в тыл через камыши. Ты стреляла в них из лука, а я с мечом и копьём прикрывал тебя.

— Нет, это я тебя прикрывала. Если бы не мои стрелы, аорсы тебя на копья насадили бы. И ты не увёз бы меня на край света, как Перя Арванту, — усмехнулась Ларишка. — Я тогда так и не поняла, где же его страна. Оказалось, так близко.

— Да, хорошая земля, и люди в ней хорошие. Даже родичи вам, — кивнул Зорни-шаман. — Только на юге говорят: на каждую хорошую землю Ахриман создал свой бич. Для этой земли бич — шаманы-разбойники. Двое их: Корт-Айка, кузнец, и Яг-морт, лесной бес. То сёла жгут и грабят, а пленных сарматам продают. То перегородят Каму железной цепью, да ещё заговорённой, и плати им за проезд. Засуху насылают, мор, скотский падеж. У Корт-Айки где-то в лесах кузня большая, много в ней рабов куёт без отдыха. Из-за этой кузницы многие старейшины терпят колдуна. Только Кудым и Перя не хотят с ним мириться да Бурморт, верховный белый шаман.

— Бурморт — муж учёный и добродетельный, — раздался с дерева голос ворона-Аристия. — Мемфисские жрецы, свысока глядящие даже на эллинов, были им восхищены. Не говорю уже об александрийских мудрецах. Для них вознестись духом до третьего неба — невесть какая заслуга. А на севере это умеет любой шаман.

Тут к костру подошёл дружинник:

— Царь, к тебе полубесы пришли.

Сжимая в руках колпаки с меховой опушкой, к Ардагасту с поклонами подошли трое бритоголовых людей. По низким лбам и крупным надбровьям в них легко было признать род девата.

— Солнце-Царь, враги тебя ждут на севере. У устья Сылвы стоит ополчение пермяков. С ним сам Кудым-Медведь с сыном Перей и с конной дружиной и чёрные шаманы Корт-Айка и Яг-морт, тоже с дружинами, а ещё воины-медведи с запада...

— Что плетёте, бесовы отродья? — рявкнул Лунг-отыр. — Чтобы Кудым с этими колдунами помирился? Скажете ещё, что и Бурморт с ними?

— Нет Бурморта. Убил его Железный Старик, в колдовском огне сжёг.

— Что за воины-медведи? В чёрных шкурах? — отрывисто спросил Ардагаст.

— Да. У одного их вождя голова медвежья, у другого — лапы. И шаманка с ними сильная...

— Пока мы Золотую гору спасали, они тут воду мутили! — сжал тяжёлые кулаки Сигвульф.

— Знали, куда идти — к таким же медведичам! — хищно осклабился Волх. — Что, волки, потреплем медведей? — обернулся он к своей дружине. Нуры ответили дружным воем.

Лунг-отыр вскочил, шагнул к князю нуров:

— Мне и моим воинам тоже не веришь, волк? Мы — из рода Медведя!

Вышата встал между ними, властным движением рук развёл обоих гордых вождей:

— Медведь — зверь святой. А у тех душа не медвежья — змеиная.

— Не может быть, чтобы Перя был заодно с ними! — взволнованно заговорила Ларишка. — Ты же помнишь его, Ардагаст. Я должна увидеть сестру! Скажите, девата, где жена Пери?

— Она в княжьем городке, у устья Гаревы, выше Чусовой. Туда пробраться трудно — мимо всего войска пермяков. Но мы проведём. А твою рать, Солнце-Царь, можем вывести лесами к Гляден-горе, самому святому месту коми. В священном городке сейчас воинов мало. Возьми его — и никто тебя там не одолеет.

Ардагаст наморщил лоб. Пермяки, конечно, пойдут отбивать свою святыню. А ему вовсе не нужна победа над храбрым и простым лесным народом. Даже ради того, чтобы покончить с Медведичами. Пока Ларишка доберётся до сестры, а та — до своего мужа... Заметив его раздумье, Зорни-шаман сказал:

— Душа быстрее коня, быстрее тела. Я возьму душу царицы, полечу вместе с ней в Гареву.

— Летим! — с готовностью воскликнула Ларишка, хотя сердце её на миг сжалось: ведь покинуть своё тело — значит умереть, пусть на время.

— Я полечу с вами. У шаманов-разбойников духи сильные, злые. Могут за вами погнаться. С ними биться — нужен шаман-воин, — сказал Лунг-отыр. — Всё равно моей душе не будет спокойно в теле, пока твоя — в небе. Хорошо сражаться за богатство, за славу, ещё лучше — за тебя, царица!

Узкие тёмные глаза отыра с преданностью глядели на Ларишку, которую он впервые увидел женой царевича без царства и едва не принёс тогда в жертву богу войны.

— Духовный бой опасен. Кто в нём погибнет, уже ни на каком свете жить не будет, — заметил Вышата.

— Понял? И не подумай лететь со мной. Хватит с тебя битв на земле, — решительно сказала мужу Ларишка.

— Главное, чтобы ты там не ввязывалась в драку. Твоё дело — долететь до сестры... И вернуться.

— Пожалуй, и я полечу. Шаманку Потосья я хорошо знаю, а её святилище там же, в Гареве, — сказал Аристей.

Ларишка лежала у костра на еловых лапах, а вокруг неё, ударяя в бубен и мерно напевая, приплясывали два шамана. У Зорни шапка была увенчана головой лося, у Лунг-отыра — орлиной головой. Трепыхались с шелестом орлиные крылья, прикрепленные к их плечам. С затаённым страхом царица чувствовала, как немеет всё её тело, всё медленнее бьётся сердце, замирает дыхание. А сверху уже спускалась огромная птица с головой орла, острыми ушами и золотистыми, как у грифона, перьями, и расправлял крылья на ветке златоклювый ворон.

Но вот оба шамана завертелись на месте, забили в бубны ещё сильнее и вдруг разом упали наземь. Тьма навалилась на Ларишку, дыхание прервалось. Миг спустя она осознала, что стоит и видит у своих ног... саму себя, лежащую между двух шаманов. А рядом стояли... они оба и взмахивали крыльями. Царица не успела удивиться, когда остроухая птица мягко, но уверенно взяла её когтями под мышки и понесла вверх. Следом взлетели Зорни с Лунг-отыром, а за ними — Аристей, вдруг выросший в половину человеческого роста. Ларишка ещё успела помахать рукой мужу, и тот взмахнул рукой в ответ. Остальные же, кроме Вышаты и двух волхвинь, даже не подняли голов.

— Мы теперь духи. Нас земными глазами увидеть нельзя, если сами не захотим, — сказал Зорни. — Эх, хорошо взлетать вместе с огнём, с дымом!

— Если тебя самого не жгут, — отозвался Лунг-отыр.

Ночь выдалась на редкость ясная. Впервые за много дней разошлись облака, и небо сияло россыпью звёзд. Такая же россыпь сверкала внизу, в водах Сылвы, узкой лентой тянувшейся на север между тёмными лесами. А вверху текла на север другая, звёздная река, которую греки звали Млечным Путём.

— Видишь — вот дорога птиц, дорога духов умерших, дорога шаманов? По ней быстро долетим, — сказал Зорни.

На душе было удивительно легко, спокойно и весело. Даже Ларишка чувствовала себя так, будто всю жизнь летала выше птиц. А ночные птицы, словно мыши, шныряли под ногами. Иногда мимо пролетали шаманы: кто на привязанных крыльях, кто на бубне, кто на орлах, филинах или воронах. Завидев Аристея, они почтительно кланялись.

Тем временем у костра воины вполголоса, словно боясь разбудить трёх лежавших, пели песни — сарматские, венецианские, манжарские. Пел вместе со всеми и царь, но тревога шевелилась в его сердце, когда он глядел на застывшее лицо и неподвижную грудь жены. Он помнил: душа в это тело могла и не вернуться, могла не прийти вообще никуда и ниоткуда.

При впадении Сылвы в Чусовую летевище увидели городок, а возле него — огни большого стана. Зорни взял восточнее, обходя стан. Но их уже заметили. В небо взмыл десяток чёрных крылатых тварей: птицы с острыми лохматыми ушами, огромные вороны, совы, нетопыри с волчьими головами. Лунг-отыр выхватил меч и акинак.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Летите быстрее, я их задержу.

— Мы их задержим, — кивнул Зорни.

— Какой ты боец? Хоть бы духов посильнее с собой взял, — проворчал шаман-воин.

Ларишка вдруг вспомнила: маленький шаман не владел боевыми заклятиями. Как же он будет... А золотистый гриф уже уносил её дальше, и чёрным призраком летел рядом Аристей. Сзади доносился злобный крик, рычание, уханье.

— Это Лунг-отыр бьёт их. А они — друг друга: Зорни отводит им глаза, — спокойно

произнёс Аристей.

Внизу уже блестела широкая Кама, когда откуда-то сбоку на них набросилась ещё одна летучая свора, среди которой выделялся крылатый змей с медвежьей головой. Часть тварей устремила на златоклювого ворона, но никто не смог даже коснуться его. Вихрь, внезапно кольцом окруживший Аристея, швырял их в стороны, тянул вниз, толкал друг на друга. Тем временем змей ринулся на сиявшего золотом грифа. Пернатые крылья схлёстывались с кожистыми, острый клюв рвал чешую, мощные клыки лязгали, норовя вцепиться в горло или крыло. Но пустить в ход лапы гриф, державший Ларишку, не мог. Царица выхватила махайру и принялась ловкими ударами отбивать попытки змея распороть противнику брюхо когтями или обвить его тело хвостом. А ещё приходилось отгонять наглых тварей помельче, подбирившихся к солнечной птице снизу.

Вдруг Ларишка увидела летящую прямо на неё женщину с привязанными к рукам орлиными крыльями. Женщина была немолода, пышные седеющие волосы реяли за ней по ветру, но скуластое лицо её по-прежнему хранило холодную, змеиную красоту. В руках женщины не было оружия, но она и не нуждалась в нём. Злой, властный взгляд глаз леденил душу, убивал волю. «Ты умрёшь, степная волчица, а я останусь», звучало в мозгу. Не было сил двинуть рукой, только пальцы судорожно сжимали рукоять кривого меча. А сбоку уже приближался зубастый нетопырь.

Но тут, расшвыривая тварей, сверху на седую колдунью бросился златоклювый ворон, и той пришлось думать только о собственной защите. А волчьи зубы нетопыря уже впились в ногу грифа. Стряхнув оцепенение, Ларишка одним ударом снесла голову твари, но когти птицы уже разжались, и тохарка полетела вниз. Она не почувствовала ни удара, ни холода осенней воды — для духа всё это было не страшно, даже не выпустила махайру из рук. Загребая одной рукой, царица поплыла к берегу. И тут из тёмной воды показалось огромное чешуйчатое тело с головой, похожей на крокодилю. Разинув зубастую пасть, чудовище плыло наперерез. Оно явно видело её и, похоже, могло пожирать не только тела, но и души. Когда-то они с Ардагастом плавали через Инд, вооружившись палками, и отбились от крокодилов, зная от Вишвамитры, что водяного разбойника достаточно бить палкой по выставленным из воды ноздрям. Эта тварь, однако, была больше любого крокодила. И всё равно она, царица росов, не даст себя просто так съесть!

Вдруг вверху захлопали крылья, и на чудовище устремила с неба огромная трёхглавая утка. Тело птицы сияло золотистым светом. Три мощных клюва долбили исчадие глубин так усердно, что то предпочло погрузиться в воду. Из последних сил Ларишка выбралась на берег, а удивительная птица снова унеслась к звёздам. На прибрежную иву опустился Аристей:

— Радуйся, царица! Тебя защитила Мать Богов, называемая здесь Золотой Бабой, а пожрать хотел сам Ящер, предвечный владыка нижнего мира.

Ларишка рассмеялась. Грек оставался греком, неунывающим и слегка насмешливым, даже став великим шаманом и вороном Аполлона. С неба упало изуродованное тело крылатого змея и, ещё не достигнув воды, рассеялось без шума и следа. Так исчезают погибшие духи. Следом на берег опустился гриф. Аристей слетел к нему и принялся водить крыльями над окровавленной лапой, пощёлкивая клювом. Вскоре прилетели и оба шамана.

— Слава богам, ты жива, царица! — воскликнул Лунг-отыр. — Это всё Сизью, чёрная шаманка, жена Корт-Айки. Попадётся ещё раз — тело изрублю, душу изрублю, ни в какой мир не отпущу!

— Она владеет весьма древней женской магией и мнит себя сильнее всех шаманов-мужчин. Кроме разве своего мужа, — заметил Аристей.

— Он умнее: сам в бой не полез, духов послал, — улыбнулся Зорни.

До городка в устье Гаревы они добрались быстро и влетели в самую большую избу прямо сквозь крышу. На стенах в избе красовались лосиные и оленьи рога, пол устилала звериные шкуры. На ковре, украшавшем стену, Ларишка заметила знакомый бактрийский узор. Возле очага сидели три женщины, одетые по-пермяцки — в вышитые сорочки с цветными узорчатыми поясами. Две были в высоких головных уборах, седые волосы третьей свободно падали на плечи. Лицо этой женщины было спокойным и мудрым, но зелёные узкие глаза смотрели лукаво. У пояса висели бронзовые фигурки лосей и уток, а на шее — бронзовая сова с человеческим лицом на груди. На немолодом, но всё ещё прекрасном лице другой женщины выделялись большие тёмные глаза, кроткие и грустные. Даже золотые серьги выглядели на ней совсем скромно.

Самая молодая из троих была одета наиболее богато. Ворот шёлкового платья скрепляли золотые с бирюзой застёжки в виде амуров на дельфинах. Круглым лицом и раскосыми глазами она напоминала Ларишку. Увидев царицу росов, сквозь тело которой просвечивали брёвна стены, молодая женщина вздрогнула:

— Ларишка! Ты уже... умерла?

— Да нет! Это моя душа, а я сама лежу.. то есть моё тело лежит в нашем стане на Сылве. Ну, здравствуй, Арванта, сестричка!

— Здравствуй, Ларишка! Знакомься: это моя свекровь Хэсте, а это Потось, жрица Матери Богов.

Жрице, похоже, призрачные гости были не внове.

— Сразу три могущественных шамана в гости — большая честь для нас. Да хранит вас всех Золотая Баба! Лунг-отыр, сильнейший из медвежьих шаманов! Тебе я больше всех рада: наконец-то пришёл с миром. И зачем тебе тягаться со старой гусиной шаманкой?

Дёрнув чёрным усом, отыр отвёл взгляд. А Хэсте с Арвантой уже ставили на стол полную миску чего-то похожего на вареники, готовить которые Ларишка выучилась у венедок.

— Ешьте, гости дорогие! Пельмени с лосятиной, горячие ещё!

— Духи питаются духовной сущностью яств и напитков. Простой народ же полагает, будто боги и духи вкушают дым или пар от жертв, — наставительно произнёс Аристей и тут же ухватил клювом самый большой и приметный пельмень. Тот сразу раздвоился: остался на месте и в то же время исчез в клюве ворона-духа. Только тут царица почувствовала, как проголодалась за время полёта. Вместе с шаманами она принялась за пермяцкое угощение, при этом оживлённо беседуя с сестрой.

— Ну как, Арванта, не скучаешь на краю света?

— Здесь, конечно, ни городов, ни театров. Но всё равно — очень хорошо! Я же всегда любила охоту. Тигров и барсов тут, правда, нет, зато какие медведи! А лоси! Мы с Перей забирались вдвоём до самого Урала. До чего хорошо, оказывается, на лыжах ходить: летишь стрелой по самому глубокому снегу!

— Моему Пере ничего не нужно, только парма, да удачная охота, да постель из еловых лап у костра, да ты рядом! — ласково взглянула на невестку Хэсте. — Если бы вы ещё на медведей пореже охотились, а то Кудым сердится: родичи всё-таки.

— А мы как медведя убьём, праздник справляем. Всё по обычаю. Пляской веселим

родича, сладкой кашей кормим, говорим: не мы тебя убили, сарматы убили... А как ты, сестричка? Мама с отцом здоровы, я от бактрийских купцов знаю, а про тебя я не слышала с тех пор, как ты сражалась за Аркаим — мне Зорни рассказывал. Слушай, а твой муж Ардагаст, — это не тот сарматский паренёк из дружины отца? Золотоволосый такой, из Хорезма пришёл...

— Он самый. Теперь он царь западных росов. А я — царица! — Ларишка приняла уморительно-важный вид. — Мы с ним каждый год ездим в Ольвию или в Пантикапей. И в театре непременно бываем. У Фарзоя, великого царя аорсов, лучший полководец — Ардагаст. Про него по всей степи песни поют, разве не знаешь?

— У нас сарматские певцы не бывают. Мы со степняками больше воюем. Вот и сейчас... — Лицо Арванты вдруг переменялось. — Царь западных росов... Так это твой муж на нас идёт? Это он хочет покорить все лесные племена, топчет их обычаи, разорет святилища?

— Кто это вам сказал?

— Воины с Борисфена в медвежьих шкурах. Они себя зовут защитниками леса.

— Враги леса, вот кто они! Воины Ахримана! Который год нам пакостят...

И Ларишка рассказала сестре о Медведичах и их кознях.

— Нашёл Кудым кому довериться. Как же, ещё двух полумедведей встретил! — ворчливо произнесла Потось.

— Это всё проклятый Железный Старик! Заковать бы его в цепи и сжечь, как он сжёг мудрого Бурморта! — воскликнула Арванта.

— Так и поступали скифы со лживыми гадателями, — кивнул Аристей. — Лучшие воины леса и степи погубят друг друга, а победителем и хозяином края будет Корт-Айка.

— Погодите, а что это за сарматы прошли недавно нашим краем? Забирали скот, еду, а когда Кудым с дружиной погнался за ними, стали брать заложников. Только потому и ушли без боя. Они тоже звали себя росами. Вёл их молодой князь — красивый такой, наглый — и женщина с ястребиным носом, — сказала Арванта.

— Это Андак и Саузард, родичи Ардагаста. Он их сюда не посылал. Они хотят раньше нас завладеть стрелой Абариса. Ой, да я ведь и не рассказала тебе, зачем мы пришли на север...

Выслушав рассказ сестры, Арванта вздохнула:

— Перя с отцом тоже воюют только за племя и за правду. А те, кому лишь бы грабить и безобразничать, идут в дружину не к ним, а к Корт-Айке.

— Кудыму и Пере придётся сражаться с родичами. Разве не знаешь, тётушка Хэсте: Зорни-отыр с дружиной — в войске Ардагаста? — сказала Ларишка.

Хэсте, до сих пор слушавшая почти безмолвно, встрепенулась:

— Мы знали лишь, что вместе с росами идут манжары... Арванта, доченька! Утром сядем в лодку и поплывём на Сылву. Если мы не остановим мужчин — добрые боги нас не простят, не простят всё племя пермяков!

— Я поеду с вами. Пусть Кудым-Медведь хоть теперь послушает старую гусиную шаманку, — решительно сказала Потось.

Сёстрам хотелось ещё о многом поговорить, но Зорни уже торопил:

— Летим обратно. Тело нельзя надолго оставлять, если ты не шаманка.

Когда Ларишка наконец вернулась в своё тело, в стане уже спали все, кроме часовых и самого Ардагаста. Царь с царицей ободряюще улыбнулись друг другу.

Когда лодка с двумя княгинями, шаманкой и несколькими дружинниками достигла устья Сылвы, на месте стана были лишь остывшие кострища. В усть-сылвенском городке знали только то, что пермяцкая рать с утра ушла вниз по Чусовой. Троице женщинам оставалось лишь отправиться вдогонку. Сердца сжимала тревога: успеют ли они настичь воителей прежде, чем те схватятся в беспощадной битве так, что не всякий бог сможет разнять?

А войско росов два дня шло лесами к Гляден-горе. Охотники-девата вели его вверх по речке Бабке, затем вниз по Муле. Наконец слева показались крутые склоны священной горы. Прилетел сокол-разведчик, оборотился молодым дружинником-нуром и доложил:

— Солнце-Царь! На горе полно ратников: и в городке, и за валом. На Каме стоят лодки с воинами.

Стало ясно: их опередили. Как узнали? А мало ли вокруг летает птиц, и разве что волхв узнает, какая из них на самом деле человек. Ардагаст окинул взглядом широкий пойменный круг. Впереди Кама, слева неширокая Мула, жмущаяся к подножию горы, справа — тёмно-зелёная стена леса. На месте защитников городка он бы непременно устроил здесь ловушку для тех, кто пойдёт снизу приступом.

— Что за воины на горе?

— В городке Чёрные Медведи и ещё какие-то, сразу видно, разбойники: и люди, и черти, и лешие. Все с конями. За валом — пещы с копьями, в лаптях да бахилах, и на лодках такие же.

Князя с конной дружиной здесь явно не было. Где же они? Если у тебя конных немного, лучше всего спрятать их в засаде, в лесу, чтобы обрушиться на врагов, когда те спешатся и пойдут брать гору. Царь хотел послать в лес сокола, но тут заметил Шишка. Надо бы дать ему отличиться: тяготится лешак тем, что не он провёл дружину через леса, а какие-то полубесы.

— Шишок! Разведай-ка, где тут в лесу конные пермяки.

Леший наклонился к волку:

— Серячок! Нюхни, пёсик: где в лесу кони и люди?

Волк принюхался, пробежал вдоль опушки и призывно взлаял.

— Хорошо. Теперь проводи к ним незаметно... нет, не войско, а меня одного с царицей, — сказал Ардагаст и слез с коня.

Следом спешился Вишвамित्रа:

— Царь! Я пойду с тобой. Говорят, этот Перя силой не уступит мне.

— Это верно, — улыбнулся царь. — Только одолеть его предстоит не в бою.

— Мы с братом тоже пойдём с тобой. Поговорим с родичами, — сказал Зорни-шаман.

Пятеро двинулись пешком следом за лешим. Тот подвёл их к пермской дружине столь скрытно, что лесовики заметили пришельцев лишь в самый последний миг. Великана Перю Ардагаст узнал сразу. Кудыма же почему-то не было. Царь росов поднял руку в степном приветствии:

— Здравствуй, Перя! Помнишь ли дружинника Ардагаста? Мы с тобой бились вместе у хорезмийских озёр.

— А меня помнишь, Перя? — непринуждённо спросила Ларишка.

Огромный пермяк окинул взглядом золотую гривну Ардагаста, меч в золотых ножнах, спешился и лишь тогда приветственно поднял руку — знаю, мол, степные обычаи: не

годится княжичу говорить с коня с пешим царём.

— Здравствуй, царь росов! Только я тебя с войском в нашу землю не звал. А вы, родичи, неужто тоже с войной пришли?

— Никто с войной к вам не шёл. А мы пришли узнать: кто правит племенем коми — князя или шаманы-разбойники и всякие бродяги? — сказал Зорни-отыр.

Великан насупился, рука его легла на пояс рядом с мечом.

— Перя, мы не враги вам. Разве моя сестра тебе не говорила? — примирительно сказала Ларишка.

— Нет. Да и когда бы она тебя увидела? Арванта сейчас в Гареве.

— Она с твоей матерью собиралась плыть к тебе. Наверное, ещё не добралась.

— Помнишь ли мой солнечный амулет, Перя, что защитит нас от призраков массагетских царей? Так вот, клянусь тебе Солнцем: я шёл и иду его путём. Теперь мой путь — к Ледяному морю за стрелой Абариса. И враги мне не пермяки, а та нечисть, что засела в вашем священном городке, — сказал Ардагаст.

Перя недоверчиво покачал головой:

— Хитрите вы что-то. Каков ты был четырнадцать лет назад, я помню. А каков сейчас — не знаю. Ты сармат! Если Шунда-Солнце ведёт тебя — попробуй одолеть меня в поединке перед всем войском.

— Прежде чем сражаться с царём росов, победи меня, — вмешался индеец. — Я — Вишвамित्रа, священный царь амазонок.

— Да я и тебя, и всех твоих девок один одолею!

— В бою или?.. — усмехнулся в густые усы кшатрий.

Пермяки загоготали. Перя обнажил длинный сарматский меч, казавшийся в его огромной руке не больше акинака. Индеец не спеша, с достоинством вынул из ножен двуручную кханду. И тут раздался женский голос:

— Стой, сынок! Не сражайся с этими людьми, себя обеславишь, много народа зря погубишь!

Опережая свекровь, Арванта вихрем бросилась к мужу:

— Перя, ты ничего не знаешь! Эти Чёрные Медведи — разбойники и бродяги. Идут от племени к племени и всех пытаются сравить с Ардагастом. А хозяйева их — чёрные шаманы и сам Куль-Ахриман.

С трудом переводя дыхание, подошла старая Потось:

— Перя, все Светлые боги тебя оставят, если поднимешь меч за Железного Старика и его шайку. Последним в своём роду будешь — так сказала Золотая Баба!

— Сынок, разве ты сармат — с кем попало воевать? Да и сарматы разные бывают, — мягко сказала Хэсте.

Вмиг смирившийся великан сунул меч в ножны и смущённо потёр затылок:

— И впрямь... Что это я? Они Бурморта погубили, а мы за них воюй. Родичи нашлись... Только вот как отец?

— А мы сейчас к нему пойдём.

Перя взобрался в седло:

— Дружина, выходим из лесу! С росами боя не будет. Коней царю росов и его друзьям!

Дружными криками приветствовали росы и манжары выехавших из лесу пермяков. Подъехав вместе с Ардагастом к берегу Мулы, Перя громко крикнул:

— Отец, выходи из засады! Нечего воевать с росами, они друзья нам и Светлым богам.

В ответ из густого ельника, росшего на горе восточнее городка, раздался громовой голос:

— Как ты смел свою засаду покинуть, а мою выдать?! Сражайся с сарматами или смотри, как отец погибнет! Дружина, за мной!

Грянул из леса, покатился по склону горы многоголосый медвежий рёв. И следом понеслись вниз по нескольким тропам всадники в шерстяных колпаках. Впереди, под знаменем с медвежьей головой, — могучий косматый воин с грозно поднятой палицей.

Строй росов и манжар оцетинился копьями. Легли на тетивы стрелы Ардагунды и её воительниц. Приободрились Сагдев с Сораком: вот и первый их подвиг под знаменем Солнце-Царя. Разгромить дружину давнего врага сарматов Кудыма-Медведя, а потом втоптать в землю всех этих лапотников и бахильщиков! Воинственно ощерились Волх и его волчья дружина, предвкушая схватку с медведями. А Чёрные Медведи и остальные разбойники вовсе не торопились выходить из захваченного ими городка. Воины Пери растерянно глядели на своего предводителя. А тот, раскинув могучие руки, отчаянно закричал:

— Стой, отец! Да стой же!

А вода в мелкой Муле уже взлетала тучей брызг из-под копыт. Вышата с Зорни переглянулись, разом вскинули руки — и стена пламени встала посреди реки. Пронзительно заржали кони, поднимаясь на дыбы и сбрасывая всадников. Еле удержался в седле Кудым.

Из-за пламени до него донёлся спокойный голос:

— Кудым-Медведь, князь пермяков! Я, Ардагаст, царь росов, желаю говорить с тобой о мире.

— Через огонь говорят только с волками и злыми духами.

Огненная стена враз исчезла. Стараясь сохранить достоинство, князь вброд переехал реку. Небрежно ответил на степное приветствие росича и обратился не к нему — к сыну:

— Зря я отпустил тебя в поход на юг. Ты добыл славу и богатство, но вернулся сарматом.

— То я у тебя сармат, то бактриец... Да я лучше нашей пармы ничего на юге не нашёл!

Резко, властно заговорила Потось:

— Кудым-Ош! Великий грех на тебе, а будет ещё больший. Кому ты отдал священную гору? Когда это медведь служил Ящеру? Не становись на пути у златоволосого царя росов, то — путь Шунды! Так говорит Золотая Баба, Мать Мира!

— Счастьем своим я обязан тебе, Потось. Но ты хитра. Ты тогда именем своей богини послала меня свататься за Урал. Надеялась, что я сгину, как те, что отказались взять Хэсте, а тебе достанется мой городок, который я поставил вокруг твоего святилища. Теперь ты готова отдать наше племя царю росов, что пришёл топтать лесные обычаи.

— Ты поверил этому вранью полумедведей, твои старейшины поверили, одна старая Потось не поверила! Спроси самого царя росов, куда он идёт и нужен ли ему наш край. — Шаманка перешла на сарматский.

— Боги мне указали Путь Солнца — к Ледяному морю за стрелой Абариса, — сказал Ардагаст. — На этом пути нельзя ни брать добычу, ни покорять племена. Я имею большое и богатое царство, а на Золотой горе взял несметную добычу. Зачем же мне губить воинов в твоей земле?

— Росы уже были здесь. Совсем недавно. Отнимали скот, похищали женщин и уши

на север. Тоже Путём Солнца? — с издёвкой сказал Кудым. — Я перебил бы их, не возьми они детей в заложники. А вела их царевна с ястребиным носом и князь — разбойник и бабник.

— Это моя двоюродная сестра Саузард и её муж Андак. Они тоже идут за стрелой Абариса, но ведёт их не Солнце, а Куль-Чернобог. Если нужно, я приведу их сюда на аркане и высеку при всех. Это будет бесчестьем для нашего рода, но они его и так опозорили!

Не все пермяки понимали сарматскую речь росича, но всех привлекали его мужественный вид, простота и миролюбие. Нет, совсем он не походил на заносчивых и алчных сарматских князей! Чувствовал это и князь пермяков. Но гордость не позволяла признать себя одураченным разбойниками. Заметив колебания мужа, Хэсте негромко сказала:

— Тут собрались лучшие воины леса и степи. Если вы перебьёте друг друга, кто победит? Корт-Айка. Лучше мне броситься в Каму, чем достаться Железному Старику!

Угрюмое лицо Кудыма прояснилось.

— Ты, Хэсте, самая кроткая из жён. И если уж ты мне перечишь, значит, не прав я. Царь росов! Иди с миром на север. А с этими, на горе, я сам разберусь. На то я и выбраг князем.

— На Пути Солнца нельзя уклоняться от боя за правду, — возразил Ардагаст. — Священный городок мы возьмём вместе.

— Клянусь Мир-сусне-хумом, Солнечным Всадником, я сниму с Железного Старики его седые волосы! — воскликнул Зорни-отыр.

— А я сдеру с Яг-морты его волосатую шкуру и повешу в своём святилище! — добавил Лунг-отыр.

Пермяки одобрительно зашумели. Многие были недовольны союзом с разбойниками и убийством уважаемого всеми старика Бурморты. И все видели, что сарматы и манжары на этот раз не жгли сел и городков, не угоняли людей и скот. Как же не поверить, что царь росов — избранник самого Шунды?

А Кудым с Ардагастом уже деловито обсуждали, как взять городок. Все разбойники имели коней, но вырваться из городка, не имевшего прохода в валу, могли лишь по тропке, спускавшейся в пойму. Решено было, что пешие пермяки, дружина Кудыма и амазонки пойдут приступом на вал, а конница будет караулить врага под горой. Но Гляден-гора, почти неприступная, была ещё и средоточием чар. Засевшие в городке колдуны могли обратить во зло волшебные силы всех трёх миров, соединённых священной елью. После недолгого спора волхвы взяли на себя вершину горы и силы верхнего мира, а волхвини — её подножие и силы подземные. Потось, впрочем, не преминула сказать с высокомерной усмешкой:

— Гусь не только внизу плавает, и вверху летает. Это орёл с вороном внизу ничего не могут.

Помимо всего, было известно, что Корт-Айка изготовил какое-то особое колдовское оружие, возил его тщательно укрытым в особой телеге и говорил, будто лишь оно способно сразить Солнце-Царя.

Пермяков повёл на приступ сам Кудым-Ош. Много злости накопилось у коми на разбойников. Степняки налетали и уходили, а эти сидели в парме ядовитой занозой, гнилым нарывом. Раньше негодные люди, изгнанные из рода, погибали в лесу в одиночку, теперь же уходили к Корт-Айке. Там они учились попирать все человеческие законы и при этом мнить себя храбрее и умнее всех, оставшихся в племени.

Разбойники встретили лесовиков градом стрел, но вскоре не могли уже и носа высунуть из-за частокола. Амазонки метко били по ним с коней, а лучшие охотники — с деревьев. Пермьяки забрасывали ров хворостом или карабкались со дна его на вал по наспех вырубленным суковатым стволам.

Тогда в ход пошли чары двух сильных колдунов, пятерых шаманов послабее и одной ведьмы. Хотели заставить колдовать и Джака, но тот со страха не мог сотворить никаких чар. Со дна рва били ключи, наполняя его ледяной водой, из внезапно набегавших туч обрушивался ливень, ударяли молнии, налетали вихри и смерчи. Громадная ель вся дрожала от потоков колдовской силы, подвешенные дары осыпались с неё вместе с хвоей. Нападавшие давно бы уже были утоплены, сожжены, унесены вихрем, провалились бы в нижний мир, в пасть Ящера. Но волхв и трое шаманов, не зная устали, ослабляли силу злой волшбы. А внизу седая шаманка и две волхвини крепили недра горы, не давая разверзнуться дну рва.

Особенно досаждал колдунам Аристей. Паря над городком, он усердно обращал чары лиходеев на них самих. Идолы Тёмных богов были разбиты молниями, жертвенный огонь нельзя было развести из-за ветра и дождя. Все избы остались без крыш, иные развалились. Истошно ревела скотина. Жители городка метались, как перепуганные куры, зывали ко всем богам. Только когда Чёрные Медведи стали хватать женщин и детей, чтобы принести их в жертву и тем умножить призываемые силы, мужчины рода Бурморта схватились за копья и топоры. И поднял их Качаморт, внук старого жреца и самый слабый его ученик, овладевший толком лишь самыми простыми, нужными в хозяйстве чарами. Мужики выгнали душегубов из детинца и запёрлись в нём.

А пермьяки уже взобрались на гребень вала. Под могучими ударами палицы Кудыма разлетелась калитка, рушились брёвна частокола. Рядом сверкала, снося головы, разваливая тела до пояса, кханда Вишвамитры. Яростный медвежий рёв гремел с обеих сторон. Следом за мужчинами на вал с секирами в руках взбежали амазонки. Ещё немного — и разбойникам останется лишь вскочить на коней и понестись вниз, под мечи росов, манжар и дружинников Пери. Но тут внезапно померкло солнце и звёзды высыпали на враз почерневшем небосводе. Аристей презрительно щёлкнул клювом: такие чары годились лишь на то, чтобы пугать не слишком храбрых.

— Темно вам, предатели леса? Ничего, сейчас посветит Чёрное Солнце, Колесо Смерти! — ехидно произнесла Лаума.

Душегубы расступились. Посреди святилища с мечом в одной руке и обитой железом палицей в другой стоял Корт-Айка. Под ногами у него было большое колесо, отлитое из чёрной меди, с острыми зубьями по ободу. Вместе с колдуном оно поднялось в воздух — невысоко, на три локтя. Обод и спицы завертелись, сливаясь в сплошной чёрный диск, ступица же, на которой стоял шаман, оставалась неподвижной. Мертвенное белое сияние разлилось вокруг колеса.

Не зная страха Ардагунда тихо вскрикнула. Такое же колесо больше двадцати веков назад погубило железнотелого Сосруко, Солнечного Вождя. Там, на Кавказе, оно звалось Колесом Балсага. Она сама видела это колесо, рассечённое надвое и вмурованное в каменную гробницу Сосруко. Рассечь же его смог лишь Грозный Вождь, человек-молния. Царица амазонок отчаянным жестом выбросила вперед руки. Луч света ударил с них в лицо колдуну и, наверное, выжег бы ему глаза. Но кузнец быстро прикрыл их палицей, а в следующий миг ловко опустил на глаза чёрную повязку, расшитую волшебными знаками.

Теперь он всё видел — не телесным, но духовным зрением.

С громким, раскатистым хохотом колдун полетел прямо на пермяков и амазонок, уже взобравшихся на гребень вала и разметавших частокол. Первый же воин, осмелившийся встать на пути страшного колеса, был разрезан надвое. Отлетали головы, руки, никакие доспехи не могли устоять перед смертоносной медью. Стрелы, пущенные в кузнеца, мигом сгорали в белом сиянии, окружавшем колесо. Удары копий Корт-Айка отбивал мечом и палицей. Дубовые брёвна частокола срезало, словно тонкие веточки.

Яростно взревев, Кудым бросился было на колесо, но сильная рука Вишвамитры повалила князя наземь, и оба воителя скатились на самое дно рва. Отчаянно бранясь, Кудым вскочил на ноги, по суковатому бревну взобрался к краю рва. И увидел в призрачном свете колеса, как летающая смерть косит его воинов. Спасаясь от неё, одни из них прыгали в ров, другие отходили в лес, третьи скатывались вниз по склону горы. И сам князь прыгнул обратно в ров, когда смертоносный диск понёсся прямо на него. Точнее, его сдёрнул за ногу индеец, знавший от жены предания о Колесе Балсага. А над горой разносился хохот Корт-Айки:

— Го-го-го! Что, князь с царём, слабы против кузнеца Громобоя?

Но им некогда было отвечать на его насмешки. С вала уже прыгали разбойники и лесные бесы, и во рву закипела схватка. Многие из пермяцких пещцов попросту разбежались или лежали, распластавшись на земле. Но дружинники Кудыма и амазонки отошли в лес вместе с волхвом и шаманами. И те быстро обнаружили, что Колесо Смерти вовсе не всесильно. Кузнец крушил ели, вспыхивавшие следом, но не мог пробиться сквозь тонкую золотистую завесу, выстроенную двумя солнечными магами — Зорни и Вышатой. Лесной пожар тут же гасил дождь, вызванный Лунг-отыром. А в тёмном небе парил Аристей, пытаясь снять заклятие темноты. Не столь уж сильное, оно удерживалось из святилища пятью чёрными колдунами (попробовал бы хоть кто из этих пакостников в одиночку схватиться с великим шаманом!). Амазонки не могли достать Корт-Айку стрелами, зато доставали языками:

— Эй, старый хрыч, слезай с колеса! Что, не можешь без него сладить даже с женщиной? У тебя, видно, всё заржавело, Железный Старик!

Вдруг кузнец развернулся и полетел обратно к городку, презрительно бросив:

— Не для вас я ковал Колесо Смерти!

Для кого же? Ардагунда поняла это сразу. И послала к брату Маланиппу. Подъехав к царю, она громко, с вызовом произнесла:

— Царь Ардагаст! Здесь тоже есть Колесо Балсага, и Корт-Айка летит на нём по твою душу. Попробуй, Солнце-Царь, выстоять против Чёрного Солнца! А мой Пересвет сложит песню про твой последний бой!

Первым побуждением царя росов было повести дружину наверх, откуда доносились крики и где, рассеивая внезапно наступившую тьму, носилось белёсое светящееся тело. Но он знал: доспехи его всадников бесполезны против страшного колеса, разрубившего стальное тело Солнечного Вождя, закалённое Небесным Кузнецом. На крутом склоне можно только зря погубить дружину. А конные разбойники тем временем спустятся с горы и ударят в тыл. Если летающую смерть не остановят чары Вышаты и шаманов — придёт черёд Колаксаевой Чаши и его, Солнце-Царя.

Вскоре белёсый шар, похожий на сорвавшуюся с места луну, оказался над городом, взмыл над священной сосной и с нарастающей скоростью понёсся вниз. А вслед за ним с

рёвом и бранью поскакали Чёрные Медведи. В них снизу полетели стрелы, но ни одна не попала в цель, и не из-за темноты. Духовным зрением волхвини ясно видели, как двое волчьеголовых нетопырей вместе со своим хозяином на лету держали магическую завесу.

Выставив копья, напряжённо замерли росы, манжары, дружинники Пери. А в самой середине строя златоволосый царь поднял руку с Огненной Чашей, и свет золотым копьём ударил из неё по окружённому мертвенным сиянием чёрному диску. Два света столкнулись: золотого, несущего жизнь и добро небесного Солнца, и смертоносного, зловещего Чёрного Солнца, что озаряет ночью подземный мир. Нет, не зря Корт-Айка обратил день в ночь. Тьма многократно умножала силу Колеса Смерти. А чтобы сила из нижнего мира и дальше лилась к колесу через священную сосну, кузнец оставил Яг-морту с частью разбойников удерживать городок.

Золотой свет, ударившись в белёсый светящийся шар, обтекал его, но мог лишь замедлить полет Колеса Смерти. Казалось, само Чёрное Солнце вырвалось из преисподней и несёт в себе её владыку. «Чернобог! Куль-отыр! Ахриман! Кереметь!» — вполголоса вскрикивали воины, глядя на стоявшего на колесе силача с мечом и палицей, в ореоле развевавшихся на лету длинных седых волос.

— Ты не бог, Ардагаст, сын Зореслава! Вот твоя смерть, царь, и сковал её я, кузнец Громобой!

— Ты тоже не бог, кузнец! Ты вор и разбойник!

— А что, только тебе, царю, можно воевать и грабить?

Закованные в железо всадники готовы были встретить копьями смертоносное колесо, а Чёрных Медведей разметать по лугу. Но Зореславич властно приказал:

— Всем стоять на месте! Этот враг — мой. Я — поединщик за всех!

Над головой колдуна торжествующе, злорадно стрекотала птица сорока. А за строем Чёрных Медведей, уже перешедших Мулу, на склоне горы безмолвно возвышалась на громадном чёрном коне старуха с длинными седыми космами и горящими глазами, с косой в руке и пестом у седла, окружённая таким же мертвенным сиянием, как и кузнец с его колесом. Немногие видели её, и в их числе Ардагаст. Однако вид её наполнял его не страхом, но уверенностью. Он помнил обещание черноволосой красавицы Мораны: она, а не старуха Яга, явится за его душой, когда настанет предел его земным подвигам.

Не долетев десятка локтей, колесо повисло в воздухе. Не копья росов остановили его, а выросшая вдруг полупрозрачная золотистая стена. И держали её две женщины — Лютица и Милана. А Потось взмыла в воздух гусыней с золотисто-рыжими перьями. И полетела всё выше в тёмное небо, отбиваясь от сороки и двух зубастых нетопырей.

А чёрное колесо вертелось беззвучно и зловеще, и под его натиском волшебная завеса, будто тонкое полотно, колебалась, истончалась, местами трещала и лопалась. Две волхвини, как искусные ткачихи, заделывали его, распрямляли. Вместо ниток им служил свет, лившийся из солнечной Чаши.

— Что, царенок, прячешься за бабьей простыней? Один со мной потягайся! — ухмыльнулся кузнец и добавил непотребную шутку насчёт баб и своей силы. Но ни один смешок не раздался из рядов сурово молчавших всадников. А их златоволосый предводитель сказал спокойно и твёрдо:

— Я с тобой, разбойник, не на Масленицу силой меряюсь, а за весь мир стою. Егс одолей!

Глаза Зореславича слезились от белёсого света колеса. Всем телом он ощущал, как этот

злой, мёртвый свет давит на живой, колеблющийся среди колдовской тьмы. С трудом сдерживали напор злой силы и волхвини. Вот уже обратилась львицей Лютица — так ей легче было чаровать самой и поддержать слабеющую Милану. Кузнец тут же похабно пошутил насчёт кошек. Вдруг с горы слетели две птицы — белый кречет и золотисто-рыжий гусь — и оборотились Вышатой и Зорни. Чародеи стали рядом с волхвинями — и дрожащая завеса застыла прочной стеной доброго света.

— Не мало ли вас, великих волхвов да царей, на одного кузнеца? Всё равно не справитесь! — хрипло прорычал Корт-Айка.

— Ты колесо своё чёртово сам ковал, а эту Чашу ковал Сварог. С ним справишься! — ответил Вышата.

Разбойники то криками подбадривали кузнеца, то поносили противников самой непотребной бранью. Но те, чтобы не мешать волхвам и царю, молчали — суровые, сосредоточенные, готовые в любой миг устремиться в бой с нечистью, выставившей напоказ собственную низость и злобу.

А с горы доносились раскаты грома. Лунг-отыр и Яг-морт метали молнии друг в друга. Их воины замерли в напряжённом ожидании. Полуразрушенный частокол окутывало зловещее зелёное свечение. Несколько самых нетерпеливых пермяков полезли было на частокол — и свалились в ров скелетами с распадающимися остатками плоти на костях. А над головами людей незримо бились крылатые духи — слуги двух шаманов, человека и полужверя. Яг-морт хохотал, ревел, довольный своей силой: три шамана-человека не одолели его, не одолеет и один. Бессильны были против его заклятий и меткие стрелы амазонок. И тут тьма внезапно навалилась на его сознание, и человек-зверь рухнул без памяти. Его настигло заклинание, посланное из детинца Качамортом. Неумелый и не воинственный шаман всегда был слаб в колдовских поединках. Но теперь вмешался в бой как раз потому, что надоело слушать причитания Джака:

— Только не лезь в поединок, ради всех богов! Могучие шаманы бьются, куда тебе? Род наш погубишь!

Погасло трупное зелёное свечение, и снова ринулись на вал воины Кудыма и Вишвамитры. Еле успев утащить своего бесчувственного предводителя и вскочить на коней, разбойники сгрудились вокруг священной ели и отбивались конные от пеших. Сзади на них наседали вышедшие наконец из детинца воины Кача-морты. Но по-прежнему колдовали пятеро чёрных шаманов, и стояла тьма, и злая сила из нижнего мира незримо вливалась в Колесо Смерти.

А внизу Корт-Айка злорадно усмехался: всей силы его противников хватало лишь на то, чтобы сдерживать его. Ничего, солнце уже садится за священной горой. Только бы продержаться, пока колдовская ночь не сменится настоящей. Ведь и его силы не беспредельны. Зря он, пожалуй, отослал жену, лесную ведьму. Показала бы она всем этим бабам...

Могучий Перя с трудом сдерживался, чтобы не ввязаться в бой. Колдунам можно, а ему нет? А тут её росский леший возбуждённо шептал:

— Эх, был бы тут не луг, а хоть лесная опушка, встал бы я в полный рост, да выломал дерево, да вбил бы хвастуна этого в землю вместе с колесом его!

На глаза Пере попалась одинокая сосна, недавно разбитая молнией. Большая часть ствола лежала в траве рядом с обгорелым пнём. Пробормотав: «Помоги, Грозовой Охотник!» — великан-пермяк соскочил с коня, ухватил ствол, как дубинку, и бросился к Корт-Айке.

Несколько копий, брошенных разбойниками, ударило в кольчугу, но маргианская сталь выдержала. Широко размахнувшись, Перя ударил сосной по колесу, висевшему на высоте груди всадника. Острый обод перерубил ствол, но колесо закувыркалось в воздухе, а колдун полетел на землю. Луч из Чаши, избавившись от преграды, обратил в обугленный труп одного из разбойников вместе с конём. Только это удержало Чёрных Медведей от того, чтобы броситься разом на пермяка.

Повинуясь взмаху руки кузнеца, колесо полетело на Перю. В последний миг неуклюжий с виду великан упал на спину и сунул своё оружие косо срезанным концом снизу между спиц. Но проклятое колесо продолжало двигаться, вырывая дубину из рук Пери. Тот завертелся на месте, отчаянно горланя:

— Куда, чёртово колесо? Иди обратно к Кулю в нижний мир!

А в это время высоко в тёмном небе встретились златоклювый ворон с золотистой гусыней. Оба духа-нетопыря уже были сражены заклятиями Потоси, а изрядно потрёпанная сорока-Лаума вдруг камнем полетела вниз: от заклинания Аристея она утратила птичий облик и сумела снова обернуться лишь у самой земли. В небе под осенними звёздами сплелись добрые чары шамана и шаманки Солнца, и колдовская тьма развеялась. Неяркие лучи заходящего светила озарили Гляден-гору, луга, леса, широкую Каму. И все увидели летящую на запад большую трёхглавую утку с сияющими золотом перьями.

Враз ослабела мощь страшного колеса, и Перя вбил его по ступицу в землю. А Чёрные Медведи разом повернули коней и помчались на восток. Медведичи, как всегда в таких случаях, думали об одном: унести ноги. Но следом скакали, гремя доспехами, росы и дружина Пери, а всещники Зорни-отыра быстро отрезали беглецов от спасительного леса. Тем временем разбойники Яг-морты, нахлёстывая коней и давя друг друга, неслись вниз с горы. На берегу Камы они нагнали своих собратьев. Не успевшие покинуть городок по узкой тропе были перебиты пермяками и амазонками. Чёрных шаманов схватили и связали, изрядно поколотив копейными древками. Кудым-Ош грозным взглядом окинул дрожащих колдунов, воинов Качаморта, виновато опустивших головы, и съевшегося Джак.

— Что, вспомнили, где Светлые боги и от кого защищать лес? Я воин, мне ли разобраться в ваших шаманских премудростях! Так как же погиб Бурморт?

— Корт-Айке помогли дух трёхглавого змея и ведьма-сорока, — с трудом выдавил Джак.

— И ты молчал?!

— Я боялся!.. — взвизгнул Джак. — Боялся, что Железный Старик весь наш род погубит!

— Ты чуть не погубил всё племя! Ваш род того не стоит, хоть он и самый мудрый. Скажи, шаман, — обратился князь к манжару, — что делать с теми, кто осквернил священную гору?

— Этих чёрных шаманов сжечь живьём в жертву Светлым богам, чтобы очистить святилище. А этого труса и лжеца даже Куль-отыр принять в жертву погнушается, — ответил Лунг-отыр.

— Слышал, недостойный служить богам? Иди прочь, тебе нет места в племени коми! — властно указал рукой Кудым. — А верховным жрецом будешь ты, Качаморт.

Никогда ещё князь у пермяков не назначал верховного жреца. Но никто не посмел возразить. А Качаморт лишь растерянно проговорил:

— Куда мне... Я совсем плохой шаман. Разве что, пока вернётся Вэрморт...

Разбойники сгрудились на берегу Камы. Не было надежды даже уйти вплавь: с лодок уже летели стрелы. Не ожидая пощады, лесные душегубы собрались подороже отдать жизнь.

— Умрём за лес! — проревел Шумила.

— Погодите умирать, дураки! — раздался голос Корт-Айки.

Живучий кузнец успел догнать бежавших и вскочить на чьего-то коня. Колдун простёр руки к воде и громко произнёс:

— Васа-водяной! Ради дружбы нашей, ради нашего владыки Куля помоги нам, открой путь через Каму!

Воды реки расступились от другого берега, обнажив дно. И разбойная рать понеслась во весь опор к спасительному северному берегу. Ардагаст с трудом удержал своих всадников: в тяжёлых доспехах лучше было не соваться между готовыми сомкнуться водяными стенами. Уже стемнело, и преследовать разбойников в ночном лесу не стали. А изрядно уставшим волхвам предстояла сложная работа: разрубить Колесо Смерти, расплавить и обезвредить металл заклятиями. Рубить колесо поручили Пере. Ведь Колесо Балсага некогда одолел Грозный Вождь, а кто походил на Грозного Охотника больше, чем могучий сын Кудыма?

Внимательно оглядев губительное изделие кузнеца, Хилярх с удивлением проговорил:

— Колесо вращается отдельно от ступицы... Да не обидится на меня никто, но для варвара эта работа слишком сложна. Клянусь Гефестом, здесь не обошлось без эллина!

— Верно. У Корт-Айки в лесах между Обвой и Камой, к северу отсюда, есть потайной городок, а в нём кузница. Двадцать рабов там трудятся, и среди них один грек. Ловкий — ну всё на свете умеет, — сказал Перея.

— Даже фальшивые деньги чеканить. За это он и попал в рабство к кузнецу, — добавила Арванта.

Ещё до полуночи Колесо Смерти было уничтожено. А утром на священном костыше на горе запылали костры. Сжигали тела павших в святом бою пермяков. Рядом корчились в пламени чёрные шаманы. После обряда справили пир и воинские состязания. На конях росы одолевали и обгоняли всех, но превзойти воинов пармы в стрельбе из лука не смог никто. А побороть Перю сумел только Вишвамित्रа, и то после того, как пермяк изрядно вымотался в поединке с Сигвильфом.

Ларишка и Хилярх с любопытством и волнением рассматривали серебряные блюда и чаши, висевшие на священной ели. С чеканного серебра глядели эллинские и бактрийские боги и герои. Артемида-лучница, крылатая Хванинда, дарующая победу, Мелеагр и Аталанта перед охотой на Калидонского вепря...

Всё это было одинаково родным и близким для эллина и тохарки, хотя изготавливались сосуды не в Элладе и не в степи, а в далёкой Бактрии. А поверх дивных изображений рука варвара процарапала фигуры пляшущих шаманов.

— Это блюдо с Атантой я привезла из Бактрии и подарила святилищу, — пояснила Арванта. — Бурморт ценил греческую работу. Даже жалел, что приходится на блюдах вырезать магические изображения. Он ведь сам бывал на юге... Какой он был добрый и мудрый! Кудым и Перея не любят жрецов, но его всегда уважали.

На пиру Кудым-Ош возбуждённо говорил Ардагасту:

— Прости меня, царь росов! Я, князь, должен был освободить святую гору от разбойников и рабов Куля, а не поднимать на тебя племя. Иди свободно Путём Солнца, а я помогу тебе: дам припасов, тёплой одежды на всё войско, проводников. А сам тем временем разорю берлогу Корт-Айки и покончу с этими медведями в крашенных шкурах. Не нужны мне

такие родичи!

— У меня тоже есть родичи, которых лучше не иметь, — вздохнул Зореславич. — Здесь они уже были. Чернобог ведаёт, куда уже забрались и что ещё натворят на позор нашему племени...

Длинноволосый человек в чёрной с серебром хламиде презрительно усмехнулся, глядя в серебряное зеркало, обрамленное чёрным драконом. Пусть глупый варвар тешится ещё одним подвигом. Добраться до стрелы Абариса он уже не успеет. И вряд ли понимает, сколь могущественные силы противостоят ему. А великая победа, что изменит судьбы мира, одержана здесь, на юге. Шестнадцатый Флавиев легион разбит, Четвёртый Скифский отступает. Дорога на Антиохию открыта. Быстрее отступающих несётся весть о земле, расседавшейся под их ногами, о ядовитом дыме и огненном дожде. Боги — за Нерона! Чародеи Братства Солнца сумели лишь ослабить разбуженные Братством Высшего Света подземные силы, но не одолеть их. Впереди — огромный город, полный безмозглой черни, которую нетрудно возбудить чудесами и знаменами.

А царьку росов скоро будет не до стрелы. Мовшаэль, демон-пройдоха, кое-что вызнал о замыслах той, кого на юге зовут Гекатой Трёхликой, Неодолимой, Владычицей Теней, а на севере — Ягой и, кажется, Йомой.

Дружина Андака и Саузард вышла вниз по Печоре к устью реки Усы. Князь расправил плечи, вздохнул полной грудью, с наслаждением окинул взглядом простёршееся до горизонта безлесное пространство с разбросанными по нему чахлыми рошицами и поросшими осокой болотами. Всё, кончился утомительный и скучный поход через бескрайние леса.

— Наконец-то снова степь. Или... как там её... тундра.

Царевна раздражённо встряхнула длинными чёрными волосами:

— Наконец-то! Как я с тобой намучилась в этих лесах! Всё время следи, чтобы ни ты, ни воины не заводились со всякими удмуртами, пермяками... Это же не степь: налетел, потешил душу и скрылся. Нам ещё назад идти через эти дебри. Нет, не выйдет из тебя царя!

— Хочешь сказать, из Ардагаста уже вышел? — невозмутимо улыбнулся Андак. — Он со всеми в лесу поладит. Потому что сам такой же лесной медведь. Может быть, он тебе уже нравится больше меня?

Гордое, красивое, с ястребиным носом лицо Саузард вспыхнуло гневом. Ардагаста, убийцу своего отца, она ненавидела больше всех в этом мире. А супруг как ни в чём не бывало указал рукой на восток:

— Гляди, стадо оленей! Поохотимся как следует!

Не только царевна, но и все степняки разом оживились, обратили взгляды к желанной добыче — и в удивлении замерли. Верхом на оленях сидели вооружённые люди, и ехали они прямо к сарматам. Вся одежда на людях была из мехов: штаны, сапоги, необычные глухие кафтаны с пришитыми к ним башлыками. Поверх мехов белели костяные панцири. Из оружия у людей были только копья, большие луки да ножи. Станные воины подъехали ближе, и Саузард недовольно скривилась: их узкоглазые скуластые лица напоминали ненавистную тохарку Ларишку, сбросившую её, царевну, с коня перед всем племенем.

Раскосые глаза предводителя оленьих всадников глядели дерзко и весело. Только у него на поясе висел длинный сарматский меч. А ещё — кинжал в бронзовых ножнах. На ножнах

был изображён рогатый волк, наконечник их был сделан в виде орлиной головы, скоба для подвешивания — в виде медведя. На пластине панциря был вырезан неведомый бог, стоявший на зубастом ящере.

Рядом с предводителем на санях с обитыми железом полозьями ехал человек с редкой седой бородкой и безжалостным, властным взглядом. Вместо башлыка на нём была шапка, увенчанная деревянной фигурой совы и парой ветвистых железных рогов. У пояса его висели бронзовые фигурки волков, а на груди — бронзовый ящер с сидящей на нём совой. Сани тащили не олени и не лошади, а... собаки.

Переглянувшись с человеком на нартах, предводитель небрежно поднял руку и бесцеремонно заговорил по-сарматски, обращаясь к Андаку:

— Ты и есть тот князь, что собрался за стрелой Абариса? Совсем глупый князь. Как на Хэйбидя-но попадёшь? Там пролив узкий, но бурный, одно море в другое течёт. Сииртя тебя не перевезут: на Священный остров чужим нельзя. Там большое святилище Нума, хозяина неба, стережёт его старый Сэвсэр, сильный белый шаман. А где твой шаман? На юге остался. Глупый шаман послал глупого князя туда, где сам не был.

Он обернулся к своим воинам, сказал им что-то на незнакомом Андаку языке, и те захохотали. Саузард скривила губы в усмешке: издевались ведь над мужем, а не над ней. Князь схватился за меч:

— Кто ты такой, чтобы оскорблять меня?

— Я — Хан-Хаденгота, Железные Полозья, вождь ненцев! Сюдбя! Меня вся тундра знает. Сииртя, печорцы — все меня боятся, даже манжары одолеть не могут. Я первый в тундре стал на оленях сражаться. Я — сюдбя! — Последнее слово он произнёс с особой гордостью.

— Твои олени не устоят перед степными конями, твой панцирь — перед моим мечом! Защищайся, глупый дикарь!

Длинный клинок сверкнул в руке Андака. Ненец захохотал и вдруг взлетел в воздух, а следом — десяток его воинов. С высоты он помахал мечом, а воины положили стрелы на тетивы.

— Эй, достань меня!

Выругавшись, князь схватил лук, послал стрелу. Вождь поймал её рукой.

— Не достанешь! Я — сюдбя!

Вконец опешивший Андак опустил лук. Не бог ли перед ним? Только теперь он обратил внимание на сшитую из чернобурок одежду вождя ненцев, на чёрную шкуру его оленя. Неужели Саубараг, Чёрный Всадник? А тот уже снова опустился в седло и непринуждённо спросил:

— Какой зверь тебя бережёт?

— Волк... Крылатый волк.

— А меня — три зверя. — Ненец похлопал по кинжалу. — Наши медведь с орлом и ваш, степной — рогатый волк. Меня манжары в плен взяли, сарматам продали. Бежал к гуннам, у них научился на коне биться. Явился мне рогатый волк, сказал: «В тундре олень лучше коня. Иди в Саяны, найди народ с языком, похожим на ваш. Научись там ездить на олене». Вернулся я в тундру со стадом оленей, с дружиной. Большим вождём стал, всем врагам отомстил.

— Я тоже хочу стать большим вождём. И отомстить Ардагасту, хоть его и зовут Солнце-Царём, — неожиданно вырвалось у Андака.

Наглый и смелый Хан-Хаденгота невольно располагал его к себе. А тот довольно улыбнулся:

— Само Солнце прогневить не боишься? Скажи, какому богу молишься?

— Я чту Саубарага, бога ночных набегов.

— Ты чтишь Нга, — заговорил вдруг человек на саях, и слова его падали, как удары молота. — Нга, нижнего мира владыку, смерти владыку, всему злу отца. У него много лиц, ты только одно знаешь, и не самое важное. Откуда тебе знать? Ваши колдуны перед нашими шаманами — совсем дети.

— Понял? Это говорит Паридэ-Хабт, Чёрный Бык-Олень, великий шаман. Слушай его он всё знает, — сказал Хан-Хаденгота, и в голосе его теперь была не дерзость, но боязливое почтение. А шаман продолжал:

— Хочешь на Священный остров ступить, солнечную стрелу взять? Врагом Солнца стань, воином Нга стань, тогда сможешь. Приказы Нга от меня узнавай, тогда сможешь.

Человек на саях глядел в лицо Андаку снизу вверх, но под его властным взглядом князь чувствовал себя маленьким и растерянным. Даже Сауархаг, Чёрный Волк, колдун-оборотень, не страшил его в детстве так, как сейчас этот шаман с оленьими рогами. Лезть в битву богов? Не сожжёт ли его на месте Гойтосир-Солнце? Он робко поднял глаза к небу. Оно было сплошь затянуто белёсой пеленой. Бросил вопросительный взгляд на жену. Та презрительно вскинула голову, всем своим видом говоря: «Он ещё раздумывает!» Дрожащей рукой Андак нащупал за пазухой чёрный халцедоновый амулет, поднёс к лицу. Испуганная, мечущаяся мысль князя понеслась на юг. Вскоре в мозгу зазвучал недовольный голос Валента:

— Чего тебе? Я занят.

Андак торопливо зашептал. Выслушав его сбивчивый рассказ, некромант ответил:

— Слушай во всём этого мага. Твоё дело — добыть и доставить стрелу. Мог бы и не беспокоить меня.

Князь взглянул на тёмную поверхность амулета. Всадник с копьём и крылатый старик с косой. Двое из многих лиц того, чьим рабом он отныне стал. Вернее, был им всю жизнь. Потому что хотел славы, почестей, власти и всего, что власть даёт знатному воину. Разве может он теперь вернуться без добычи, без победы? Жена и дружина бросят его. А надсмотрщика он сам над собой поставил. Сейчас тот лишь передал его другому надсмотрщику. Князь покорно склонил голову перед шаманом.

Ненец довольно хлопнул сармата по плечу:

— Не боишься подземному хозяину служить, с небесным воевать! Ай хорошо! Ты тоже сюдбья! Знаешь, кто такой сюдбья? Великан-людоед. А ещё — великий воин: сильный, как великан, страшный, как людоед. Закон для сюдбья — его сила. Это слабым закон даёт Нум. Про меня песни уже есть. Как я говорю детям врага: «Сегодня не буду вас убивать, завтра убивать приду». Будут песни и про тебя, когда вернёшься с солнечной стрелой.

«Если вернусь», — обречённо подумал Андак.

Две дружины, конная и оленная, двинулись вверх по Усе. Хан-Хаденгота оживлённо говорил сармату:

— Ты не знаешь тундры, я знаю. Слушай меня — богатую добычу возьмёшь. Нет в тундре ни золота, ни серебра, зато слонобая кость есть.

— Разве тут водятся слоны?

— Раньше водились. Потом под землю ушли. Мы их зовём йен-гора, земляными

быками. А бивней их много осталось. А в Ледяном море есть морж-зверь с большими клыками, а ещё нарвал-зверь с длинным рогом. Те рога и клыки не хуже слоновых бивней. Мы дорогую кость по тундре искать, в море добывать не будем. Глупые сииртя добудут и нам принесут. И меха тоже принесут. Даже белых медведей — видел таких?

Вскоре по тундре с юга на север, от охотников-печорцев к зверобоям и рыболовам сииртя пошла-покатилась тревожная весть: «Железные люди идут! В железных малицах, железных шапках. Кто не даст, что они скажут, — железным оружием убивают. На гривастых безрогих оленях едут. С ними — ненцы на рогатых оленях. И зовутся те люди — росы!»

Глава 4

ЛЮДИ НЕЗНАЕМЫЕ

Чёрные Медведи с остатками ещё двух разбойных дружин, преследуемые отрядом Кудыма, пробирались лесами к потайному городку Корт-Айки. Сам Железный Старик ехал мрачный, безмолвный, но с гордо поднятой головой. Не хватало ещё, чтобы его увидели слабым, раздавленным неудачей эти трусы в крашенных шкурах, что бросили его в бою! Не стал бы он их и спасать, если бы сам не потерял многих воинов... А зря он оставил жену стеречь городок. Хотел доказать не так ей, как себе, что может победить и без неё, всезнающей лесной ведьмы. Хорошо хоть, все четверо их сыновей вернулись из боя живыми. Погибли два сына от наложниц, двое зятьев. Дочери выть будут... Ничего! Только бы ушёл на север Ардагаст с его волхвовой сворой, а тогда он, Корт-Айка, сквитается с князем-предателем. И с его дубиной-сыном: пусть не ломает то, что сам вовек не скуёт. А без них двоих всё племя покорится ему с Яг-мортом. Потом уже можно будет догнать проклятых росов или подстеречь на обратном пути.

Внезапно из чащи выбежала росомаха и оборотилась немолодой, но ладно сложенной женщиной с распущенными седеющими волосами.

— Сизью! Почему городок оставила?

— Нет у тебя больше городка. Рабы взбунтовались, дружинников перебили.

— А где же ты была со своими бабьими чарами великими?

— Меня-то они первой и оглушили, и в ров бросили: видно, думали, что убили. Только очнулась — летит ворон... тот, златоклювый. Кем только не оборачивалась, пока его со следа не сбила!

— Всё ясно, — злорадно усмехнулся Корт-Айка. — Ничего, придём — вразумим холопов.

— Поздно идти. Перя раньше вас к городку выйдет. Его напарника через чащу ведёт какой-то нездешний леший.

Тяжёлая рука кузнеца стиснула повод. Всё. Он уже не грозный Железный Старик, а бездомный беглец с кучкой таких же изгоев. У этих полумедведей теперь воинов больше, чем у него. Впереди Перя, позади — Кудым, ещё где-то росы. А Сизью говорила резко, безжалостно:

— Без меня думал победить, могучий шаман? А заодно и с этой... сорокой молодой побаловаться? Я всё в чаще видела, можешь не рассказывать. Да что ты... что вы все, мужчины, без меня можете?

— Да не меньше, чем ты без нас! — огрызнулся кузнец.

— Уходить надо, пока не поздно, к нам, за Печору, от людей подальше! — сказал Яг-морт.

— Бежать, значит? Бегите, волхвы слабосильные, а мы ещё не устали лес от Ардагаста защищать! — высокомерно бросил Шумила.

— Это вы первые побежали! Да кто вы такие? Не люди и не звери, ублюдки! — прорычал Яг-морт.

— Сам ублюдок, ни человек, ни зверь, ни леший даже! — взревел Бурмила, хватаясь за палицу.

— Молчите все! — с истошным криком бросилась между ними Сизью. — Не знаете, что делать? Сейчас не я, ведьма, вам скажу, а богиня, главная Йома! Она входит, входит в меня!

Дико, пронзительно визжа, ведьма завертелась волчком, подпрыгнула, упала и задёргалась на земле. Звериное рычание, совиное уханье, змеиное шипение вырывались из её рта вперемежку с кровавой пеной. Оторопь взяла даже многоопытную Лауму. Насылать и снимать кликушество она умела и сама. Но обычно в кликушу вселялся простой чёрт, а здесь чувствовалась грозная и могучая сила, причастная всем трём мирам. Вдруг Сизью застыла в самой неудобной позе и заговорила ехидным старушечьим голосом:

— Ну что, воители великие, колдуны сильномогучие, много без меня сумели? Не нашли такого народа, чтобы росов одолел? Есть такой, и не один, только не в этом мире. Выпустите людей неизвестных из гор каменных! Счистить асинхит с медных ворот ты, кузнец, сумеешь. Взломать ворота поможет мой коршун. И жезлы вам дам, чтобы народы те пасти. Многое тогда в этом мире переменится, ох многое... Идите же! А не посмеете — сгинете без следа, без славы, без мести!

Привычные ко всему головорезы молчали, оробелые. Они помнили древнее предание: люди неизвестные выйдут перед концом света. Первым нарушил молчание Яг-морт:

— В этом мире нас не любят — так поищем другого! Вернёмся — всё сметём!

— А не уйдём — росы всех нас, кто уцелеет, на деревьях развешают. Такой у них закон, — добавил Шумила.

Громобой вскинул голову, поднял тяжёлый кулак:

— Вперёд, к горам! К людям неизвестным, к делам неслыханным, к миру неизвестному, страшному!

Сначала нечисть из дружины Яг-морты, а потом и вся шайка одобрительно зашумела, криком и рёвом глуша в себе страх и остатки совести. Кузнец нагнулся с седла, легко подхватил ведьму и посадил её перед собой.

Одними им ведомыми лесными тропами уходили разбойники на северо-восток, за Обву. Вечером, когда все улеглись возле костров, Корт-Айка взял Сизью на руки и понёс в темноту.

— Что, отдохнула? А теперь погреемся.

Она прижалась к нему, жарко обняла, зарылась лицом в седую бороду.

— Да, теперь ты снова сильный.

— Я слабым не бываю! В лесах разучился.

Он ногой сбил пару молодых ёлочек и повалил ведьму на них, жадно шаря у неё под одеждой. Кузнец был не так уж и стар. Железным Стариком его прозвали, ещё когда он вышел к пермякам из уральских лесов, заросший длинными, совершенно седыми волосами.

По следам разбойников от самой Гляден-горы шёл Кудым с дружиной. А в это время Перя с Сигвульфом вышли напрямик к городку Корт-Айки. Шишок умело вёл их через дебри, а Милана, природная лесная ведьма, находила и обезвреживала всяческие колдовские ловушки. Наконец среди вековых елей показался частокол. Дружинники насторожились, готовые к бою. Ворота открылись, и навстречу воинам с радостными криками вывалили бородатые люди с потемневшими от копоти лицами, в выдавшей виды грязной одежде — пермяцкой, сарматской, удмуртской... Впереди шёл жилистый рыжебородый человек в сарматском кафтане и штанах и греческой дорожной шляпе.

— Приветствую тебя, Перя, Геракл Гиперборейский! — радостно воздел он руки. — Этот городок — твой, со всеми сокровищами старого колдуна. Верни нам лишь свободу. Клянусь Зевсом-Еном, если бы не ваша победа у священной горы, мы бы не решились не только восстать, но и бежать из этого чародейского гнезда!

— Харикл! Харикл из Эмесы! — приглядевшись к нему, воскликнул Хилиарх. — Хвала богам, я не напрасно надеялся увидеть тут эллина!

Взглянув на него, рыжебородый стиснул кулаки:

— Хилиарх из Кизика! Перя, храбрейший из скифов, вели его заковать и ввергнуть в самое тяжёлое рабство! Это же самый отъявленный пройдоха и мошенник во всей ойкумене!

— Ошибаешься, грек! — рассмеялся Сигвульф. — За девять лет, что я знаю Хилиарха, он в нашем царстве ещё никого не обманул, а его самого не проведёт ни один ольвийский торговец, даже иудей или сириец.

— О, как вы все, варвары, простодушны! — вздохнул Харикл и вдруг перешёл на греческий: — Ведь это ты, Хилиарх, превратил меня, честного бронзовщика, в проходимца, убедив, что в этом мире легче преуспеть обманщиком.

— Разве можно совратить того, кто благо рождён и благо воспитан? — с достоинством ответил Хилиарх. — Твоя уважаемая семья не знала такой нищеты, как моя.

— Тогда ты говорил, что выманить у богатого лишние деньги — не грех. Всё началось с фокусов для жрецов храма Элагабала и проделок с превращением свинца в золото по учению Гермеса Трисмегиста, а кончилось фальшивомонетничеством. Ты-то унёс ноги, а мне достались тюрьма, плети и галеры.

— А разве не ты всё выболтал тогда гетере Лисии? Будто не знал, что к ней ходит начальник городской стражи. А с галер ты, я слышал, сбежал.

— Да, и забрался в самую Бактрию. Но и тут обо мне проведал купец Эвдокс — да пошлёт ему Гермес разорение — и предложил провести невежественных скифов фальшивыми деньгами. Увы, этот проклятый кузнец-колдун удивительно хорошо разбирается в сплавах. Эвдокс же всё свалил на меня, и я оказался здесь в рабстве.

— А я тем временем нашёл место, где можно следовать лучшим заветам философов и не впасть при этом в гибельную нищету.

— Уж не забрался ли ты в самую блаженную Гиперборею?

— Нет, в царство росов и венедов. Я был среди тех, кто его создавал, и доверие царя Ардагаста не променяю даже на место хранителя императорской казны. Впрочем, я и раньше мог вступить на путь добра — когда столкнулся с Братством Солнца. Увы, тогда у меня хватило ума лишь на то, чтобы сбежать от них с деньгами, из которых мне не досталось ни обола.

Сигвульф, понимавший по-гречески, посмеивался, слушая их. Пермяки тоже улыбались, глядя на оживлённо споривших и жестикулировавших греков. Вдруг Хилиарх сурово заговорил по-сарматски:

— А известно ли тебе, Харикл, сколько храбрых мужей вчера погубило твоё с Корт-Айкой изделие? Это колесо демонов появилось ведь не без твоего участия?

Рыжебородый опустил глаза:

— Клянусь Гефестом, я понял его назначение, только когда колдун испытал колесо на провинившемся рабе.

— Ты же мог испортить колесо. Или бежать и сообщить нам.

— Как отсюда бежать? Кругом дебри, магические ловушки...

— А рискнуть своей драгоценной жизнью ради каких-то варваров ты конечно же не решился... Ладно уж, показывай гнездо скифского колдуна.

Оказавшись в городке, Хилиарх и Сигвульф поняли, почему пермяки так долго не могли совладать с Железным Стариком. В прокопчённых избах скрывались плавильные печи для железа и бронзы, кузницы, литейня. В сараях были аккуратно сложены железные крицы, оружие, всевозможные железные изделия, украшения. Больше двух десятков рабов трудилось тут, зачастую от зари до зари. Не только пермяков, но и их соседей снабжал Корт-Айка всем, что куётся и льётся из металла, и ни один кузнец среди коми, удмуртов, аргиппеев не мог сравняться с ним и его рабами. Амбары были полны пушнины, в подвалах, защищённых чарами, хранились бактрийские монеты, золото и серебро в слитках, серебряные сосуды, самоцветы.

— Корт-Айка торговал не только с соседями, — пояснил Харикл. — Он часто отправлял обозы с железом куда-то на северо-восток, к горам. Я там не был, но другие рабы рассказывали об отверстиях в горе. Там показывались какие-то страшные, уродливые твари, больше похожие на демонов, чем на людей. Они бормотали на непонятном языке и показывали железо, обычно оружие. За этот товар они отдавали меха, золото, серебро, драгоценные камни. Вот почему старый негодяй заставлял нас так много работать.

— Я слышал об этой торговле КорТ-Айки. Не приняли ли вы за демонов лесных манжар или ненцев? — сказал Аристей и, озабоченно потерев клюв о крыло, добавил: — А не было ли там, в горах, медных ворот, обмазанных чем-то вроде смолы?

— Ворота? Смола? — потёр затылок Харикл. — Старик привозил с гор камни, к которым прикипело вещество, похожее на смолу. Он выспрашивал меня насчёт разных едких веществ, приготавливал их, и мы пытались размягчить эту смолу. Применял он и заклятия.

— Не был ли это асинхит? Его не берёт ни металл, ни огонь.

— С асинхитом я был знаком лишь понаслышке. Но я знаю заклинания, разлагающие его. Мы их применили, и они подействовали, хотя и слабо. Ох и вони было!

Златоклювый ворон возмущённо взмахнул крыльями:

— О боги! Ты сам не знаешь, к какому злу приложил руку. На что ты надеялся? Заслужить от хозяина свободу? Или более сытную кормёжку? А думал ли ты, что по твоим делам здесь будут судить обо всех эллинах?

— Здесь запомнят, что эллины любят свободу! — гордо вздёрнул бороду Харикл.

— Мало любить свободу для себя. Нужно любить её для всех людей... О Аполлон, как мне хотелось бы ошибиться с этой смолой! Мало ли что мог найти кузнец в горах... Иные ремесленники любознательны не менее философов.

Аристей тщательно расспросил рабов, но о медных воротах никто не слышал.

Настичь разбойников так и не удалось ни Кудыму, ни Пере. Даже мудрец ворон не смог заметить беглецов сверху — видно, прикрылись чарами. Вскоре оба отряда встретились в Гареве с ратью Ардагаста. По настоянию Аристея волхвы и предводители войска собрались на совет. Первым заговорил Вышата:

— Есть древнее предание, что идёт от жрецов арьев. Бог Солнца — мы, венеды, зовём его Дажьбогом — бился на восточном краю света с людьми неизвестными, нечистыми. Были они страшны и уродливы телом и духом: одни волосаты, другие безголовы, третьи одноноги. Иные с копытами на ногах. Иные впадали в спячку, как медведи. Иные один месяц в году жили в воде. Не желали они знать ни закона, ни добра: убивали и пожирали всё живое и друг друга, сходились и плодились, как звери. Разбил их светлый бог и загнал далеко на север, в

Рипейские горы. И поставил отец его Сварог медные ворота, и смазал их асинхитом, что не поддаётся ни железу, ни огню, а Дажьдбог заклинал великими заклятиями. Если же откроются ворота, выйдут люди неизвестные и опустошат весь земной мир.

— Так вот, Корт-Айка, похоже, подбирается к этим воротам, — сказал Аристей и повторил услышанное от Харикла.

— Что-то мне это больно напоминает одну книгу, полную несусветных выдумок, — скептически усмехнулся Хилиарх. — Там то же самое говорится не о боге, а об Александре, покорителе Азии. Он дошёл на востоке до Индии, но сражался там с индийцами, а не со всякими чудищами. Об этом свидетельствуют не нынешние баснословы, а его соратники.

— И не загнал он индийцев никуда, но бежал, не в силах их всех покорить, — с торжеством добавил Вишвамित्रа. — А что до всяких невиданных людей — безротых, безносых, с громадными ушами или ступнями, то у нас такими сказками любят дурачить вас, греков. Особенно тех, что пишут книги о диковинках и думают лишь о том, сколько им заплатят любители сплетен и басен.

— Погоди, Вишвамित्रа, — вмешалась Ларишка. — Может быть, бог загнал тех людей в Гималаи или на Крышу Мира? Я в Бактрии много слышала о волосатых диких людях, живущих в горах. Не демоны ли они, вроде дэвов?

— Я вырос в Гималаях и сам видел этих диких людей. Не демоны они и не люди, а скорее большие бесхвостые обезьяны. А кто их не видел, рассказывает всякий вздор: ступни-де у них назад вывернуты... Они сильны, но безобидны, если их не трогать. Живут поодиночке и ничего страшнее дубины в руках не держат. Куда им мир опустошить...

— Так, по-вашему, древние мудрецы басни сочиняли? Нет уж, они книжек на продажу не писали и захожих гостей не дурачили. А священные предания для нас с вами, потомков своих, слагали, — возразил Вышата.

— По этим преданиям мы что-то не можем найти даже Рипеев, — пожал плечами грек. — Так здесь ли искать ворота? Я ещё не видел ни их, ни страшных людей за ними. Может быть, всё это — мудрые иносказания?

— Ворота я, положим, видел. Почти у самого моря, в истоках реки Усы, между горами Хойдыпэ и Хуробада, — сказал Аристей.

— А что за ними? — Глаза Хилиарха зажглись любопытством.

— Ничего, — развёл крыльями ворон. — Горы, пропасти, а дальше — тундра. Всё пусто, дико... Но злая сила там есть, и немалая.

— Я как-то летал духом к востоку от этих двух гор. В тех тундрах никто не селится — злое место, нечистое, — сказал Зорни-шаман.

— Так, может быть, эти нечистые люди давным-давно вымерли? А кузнец ищет дорогу к призракам? — предположил Ардагаст.

— Железо он продаёт не призракам. А чтобы ненцы везли оружие из-за Урала, я не слышал, — возразил Лунг-отыр.

— А не спросить ли нам Аполлония из Тианы? — предложил вдруг Вишвамित्रа. — Он учился в Индии у мудрецов великого ашрама Солнца. Не знают ли они что-нибудь об этом враждебном Солнцу народе?

— Хочешь сказать, что там, на юге, кто-то знает тайны севера лучше меня, северного шамана? — нахохлился ворон Аполлона.

— Я простой кшатрий, а не учёный брахман. Но о Белом острове и Ледяном море, к примеру, я слышал уже в Индии. И даже о том, что на севере зимой ночь продолжается

много дней, а летом солнце так же долго не заходит.

— Что ж, спросим. Заодно узнаем, что нового на юге.

Вышата наполнил водой Колаксаеву Чашу, провёл над ней руками. На поверхности воды проступило обрамленное длинными белоснежными волосами лицо мудреца из Тианы. За его спиной виднелся портик с белыми колоннами, осенённый пальмой.

— Да светит тебе Солнце, учитель Аполлоний!

— Да светит Солнце всем людям! Я уже слышал о вашем новом подвиге. И о гибели Бурморты, увы, тоже. От духа, посланного родичами к Вэрморту. В молодости я слышал о гиперборейском мудреце, пришедшем в Александрию, а теперь вот сам учу его сына... Да, вашей победе я рад, но сам подобным похвалиться не могу. Всех сил Братства Солнца не хватило, чтобы удержать воскресшего Нерона на Евфрате. Теперь он подступил к Антиохии. А с ним — вся колдовская свора из Братства Тьмы. Сколько же тут людей, готовых обращать знание, да ещё магическое, на службу пороку! Притом людей умных и отважных. Куда там вашему кузнецу... Это, конечно, не в оправдание нам.

— Аполлоний, ты, помнится, интересовался преданиями о чудовищных народах? Так вот, слушай... — И Аристей рассказал тианийцу о возникшем споре.

Тот, выслушав, улыбнулся:

— Когда я выпрашивал в великом ашраме о шалашеногих, большеголовых и им подобных, мне ответили, что таких людей нет нигде, а тем более в Индии. Посмотрим, что могут сказать по этому поводу мои юные, но способные ученики из Скифии. Сначала ты, Вэрморт.

В Чаше появился юноша в греческой одежде, но лицом — обычный пермяк, простой, добродушный и слегка застенчивый.

— Скифские жрецы, что учили моих предков, говорили: Михр-Гойтосир привёл на Урал арьев, что сражались на колесницах, бронзовым оружием. Они разбили злой и дикий народ — не то людей, не то дэвов, — чьё оружие было из камня и кости. Народ тот не желал ни возделывать землю, ни разводить скот, ни знать Огненную Правду — так ему велели Куль, Йома и лешие с водяными. Не этот ли народ прячется где-то в горах? Там они могли породниться с нечистью: так бывает с теми, кто удаляется от людей.

— Весьма правдоподобно! А что скажешь ты, Иосиф бар-Ноэми из Пантикапея? Помните того отрока, что забавлялся, подчиняя себе души зверей, великанов и диких людей? В недавнем сражении он подчинил нескольких огнедышащих демонов-ифритов и тем задал хлопот их хозяевам, чёрным магам из Аравии.

Пермяк уступил место черноволосому юноше, при виде которого Вышата вздрогнул: так был похож тот на Клавдия Валента, которого волхв знал ещё молодым негодяем Левием бен Гирканом. Но во взгляде Иосифа не было наглости и высокомерия его отца, и улыбка молодого мага была доброй и открытой.

— Рабби Наум из пантикапейского хедера любил пугать нас Гогом из страны Магог, князем росов, мосохов и тубальцев. Всё расписывал, как эти дикие, жестокие и нечистые народы придут с севера, дойдут до самого Ершалаима и будут опустошать и грабить, пока Яхве не поразит их огнём с неба и землетрясением. В то время как раз Андак и его дружина кутили и буянили в Пантикапее.

— Так мы, росы, значит, и есть тот дикий и нечистый народ? — рассмеялся Зореславич.

— Нет. Нашего рабби подвели семьдесят учёных раввинов, что переводили священные

книги иудеев на греческий. «Насир-рош» значит «князь-глава», а не «князь росов». А Гог — это Гиг, царь Лидии. Она тоже к северу, только от Иудеи, а не от вас. То пророчество, кстати, не сбылось: Гиг в Палестине не воевал... А ваши люди неизвестные, наверное, какой-то лесной народ, с которым арьи враждовали и сочиняли о нём невесть что. Потом кто-то из эллинов вставил в старый миф Александра вместо Бога Солнца.

В Чаше снова появилось лицо Аполлония.

— Это хорошо, Иосиф, что ты посрамил учёностью семьдесят одного раввина. Но дело обстоит гораздо хуже, чем вы, многоучёные юноши, думаете. Этих страшных народов действительно нет в этом мире. Они обитают в мире подземном. Предки их были людьми, но отвергли человеческие законы, смешались с демонами и в конце концов сами стали нечистью. И такое может случиться с любым народом — в Аиде места хватит. Но оттуда можно и выйти — целой ордой. Скажите, есть ли за теми воротами пещеры или пропасти?

— Да, помнится, там отвесные скалы — на восток и не пройдёшь, — а под них уходит большая пещера, — сказал Аристей.

— Спешите к воротам! Только, боюсь, кузнец и его шайка вас уже опередили. Ещё одно нашествие нечисти, и остановить его некому, кроме вас. Помните, вы — воины Солнца!

Вода в Чаше заволновалась, и лицо Аполлония исчезло. Аристей пересказал по-сарматски сказанное по-гречески главой Братства Солнца и его учениками. Все молчали. Казалось, перед ними разверзлась скрытая до сих пор бездна, со дна которой поднималось что-то древнее, неведомое и грозное, чему вдруг стало тесно в преисподней. Кудым-Медведь хлопнул по столу тяжёлой широкой ладонью:

— Это я мог давно покончить с Корт-Айкой. И должен был! А наши старейшины всё старались с ним поменьше ссориться. Я поведу дружину на север вместе с вами. Что, сынок, справимся с врагами неизвестными?

— Чего там! — махнул рукой Перя. — Били всяких земных, и подземных побьём. Те же черти и лешие, только целым стадом... Я думаю, не пойти ли нам всем в лодках?

— На конях идти быстрее, а главное — лучше сражаться, особенно если подземная нечисть пешая, — возразил Ардагаст и решительно произнёс: — Выступаем сегодня же! А вы, волхвы, летите духом к воротам.

Молчавший до сих пор Харикл, опустив глаза, проговорил:

— Разрешите мне идти с вами, чтобы искупить свою вину. О Зевс, как мало я думал обо всех людях!

Далеко на юге, в тихом дворике, затерявшемся в знойной и пыльной Антиохии, седой мудрец отвёл глаза от серебряного зеркала и устало прикрыл лицо руками. Потом деловито спросил Вэрморты:

— Что говорят в городе о Нероне?

— Многие открыто хвалят. Нерон устроит для бедных раздачу и зрелища, Нерон накажет знатных господ, Нерон освободит рабов...

— Конечно. Ограбит налогами одних, чтобы расточать для других. Накажет господ — но только тех, кто не бросится служить ему. Освободит рабов — лишь тех, которые на них донесут. И ведь всё это он уже делал, пока даже Риму не опротивело!

— А ещё говорят, что Нерон поведёт легионы на восток и север, и все ветераны получают в новых провинциях вдоволь земли и рабов.

— Тут ему верить можно. А что в синагогах, Иосиф?

— Христиане проклинают его, предрекают гонения и конец света. Остальные ликуют, особенно богачи. Нерон приблизит к себе иудеев, снова начнёт завоевания, а вслед за легионами пойдут купцы, ростовщики, откупщики, мытари... Кесаря Тита ругают за то, что отослал любовницу — еврейскую царицу Беренику, и уже готовы сосватать её за Нерона — чтобы следующий кесарь был иудеем.

— Безумцы! Рабы алчности! А кончится снова избиением всех иудеев подряд.

— Бить будут таких, как моя мать, — невесело вздохнул Иосиф. — А такие, как... Валент, спасутся даже без магии. Быстрые кони, сильные охранники, сумки с золотом, драгоценностями и долговыми расписками — и можно всё начинать заново.

Аполлоний устало опустил на скамью:

— Да, вот они — люди неизвестные. Их не нужно искать в Рипеях. Они таятся в любом народе, в любом человеке. Дай только волю в себе всему низкому, звериному — и медные ворота откроются, и хлынут в мир люди-демоны...

— Эти римляне и другие... образованные народы, они страшнее всех готов с магами! — взволнованно воскликнул пермяк. — Я и не думал, что здесь, на юге, столько зла. Отец рассказывал совсем другое...

— Он искал только мудрости и имел дело с людьми сытыми, благовоспитанными и преданными науке. Наше Братство показало бы ему совсем другой юг. — Аполлоний поднялся, расправил складки плаща. — Скажите братьям, пусть идут на базары, в харчевни, синагоги, священные братства. Пусть напоминают простым людям о Спартаке, Аристонике, Савмаке^[30]. Они хотели свободы для всех. Для всех, а не для самых порочных и жестоких! Пусть напоминают, чем кончила кровавая Ассирия и другие великие царства. Нам помогут и христиане, хоть они и ждут, что за них всё сделают ангелы с огненными мечами. Если люди Валента будут морочить народ чудесами — явите чудеса ещё большие. Клянусь Солнцем, мы ещё покажем всем чёрным магам, что человек не так плох, как они думают!

Узкой долиной среди каменных гор течёт неширокая река Уса. Угрюмы, голы и безлюдны Уральские горы здесь, менее чем в трёх днях конного пути от Ледяного моря. Не растут на скалах деревья — лишь вконец измельчавшая берёза, да кедровый стланик, да мхи с лишайниками заставляют зеленеть бесплодные склоны. Осень ещё подходит к своей середине, но горы здесь уже надвинули снеговые шапки. Между горами Хойдыпэ и Хуробада, где от скалы до скалы всего двенадцать локтей, ущелье перегораживают ворота, покрытые чёрным, тускло блестящим веществом, надёжно скрывающим щель между створками. Лишь кое-где вверху выглядывает позеленевшая медь. Из-под ворот с шумом вытекает река. На прибрежных камнях чернеет загадочное вещество, застывшее много веков назад.

Над пустынными горами пролетел огромный коршун, опустился у самых ворот. С его спины слезли трое; кузнец, его жена и Яг-морт. Ведьму-сороку Корт-Айка с собой не взял — чтобы важному делу не мешала бабья грызня. Сизью взобралась на плечи волосатому великану, взяла из рук мужа горшок и принялась водить кистью точно посреди ворот, а кузнец приговаривал заклятия. Тем временем по ту сторону ворот нарастал шум. Бессвязный говор, рычание, визг... Не поймёшь, кто там — люди, звери, бесы? И сколько их? Или это рвётся на свободу одно громадное, многоголовое, многоголосое чудовище?

Загудели, задрожали под ударами изнутри ворота. Сизью едва сумела окончить свою работу. Блестящая смола, размягчаясь, потекла вниз, образуя ложбину, обнажая красную

медь, кованную некогда небесным кузнецом. Ещё сильнее затряслись ворота. Зверь-человек, потрясая поднятыми кулаками, торжественно проревел что-то на языке, понятном лишь ему да тем, кто ломился в ворота с той стороны. Коршун открыл клюв, и оттуда в проступившую щель ударили молнии.

Ещё один, самый мощный удар изнутри — и ворота со скрежетом распахнулись. Тёмным, ревушим, неудержимым потоком хлынула в долину толпа странных, страшных, уродливых существ. Покрытые шерстью или змеиной чешуёй, с копытами на ногах, с собачьими головами и вовсе без голов... Но все они шли на двух ногах, все были больше или меньше подобны людям. И это было в них самое страшное. Одетые в шкуры, а то и вовсе голые, увешанные украшениями из человеческих костей и зубов неведомых тварей, самоцветами и золотыми самородками, они радостно потрясали дубинами, деревянными копьями, каменными топорами. У многих было железное оружие и даже доспехи.

Казалось, никто и ничто не может остановить или направить этот поток. Даже огромный коршун взлетел, уступая им дорогу. Многие уже карабкались по склонам ущелья. Но по одну его сторону встал Яг-морт, по другую — кузнец с ведьмой. В руках у них были жезлы, увенчанные черепами, похожими на человеческие, но с огромными клыками. Повинуясь взмахам этих жезлов, грозный поток послушным стадом двинулся вниз по долине.

За воротами были видны обрывистые скалы, а под ними — зев громадной пещеры, похожий на разинутую пасть подземного чудовища. И эта пасть, будто лаву, извергала сотни, тысячи подземных обитателей. Люди незнаемые шли в мир, которого сами не знали, а жителей его одинаково ненавидели, уже не отличая изгнавших их арьев от остальных народов. До сих пор лишь самые храбрые подземные воины выбирались на поверхность через пещеры, чтобы убивать, мучить, пожирать попадавших им людей. В нижнем мире, среди бесов и страшных зверей минувших времён, изгнанники научились одному — убивать ещё безжалостнее. Они хотели сохранить в чистоте исконные лесные обычаи, но не сохранили даже облика человеческого.

А на скале над пещерой стоял старик громадного роста, с длинной седой бородой, с железной палицей в руке, и взмахам этой палицы подземная орда повиновалась ещё усерднее, чем жезлам с черепами. Старик ненадолго прискакал сюда на чёрном крылатом коне с востока, где сейчас кипела битва. Там его почитали как быкоголового Эрлик-хана, здесь величали Кулём и Нга. Рядом со стариком довольно потирала руки старуха с распущенными седыми косами.

Из-за камней на склоне Хуробады за ордой наблюдали четверо волхвов и три волхвини. Точнее, их души. Они долетели сюда слишком поздно, выдержав по дороге жестокую схватку с целой стаей духов. Теперь закрыть ворота или обрушить вход в пещеру не смогли бы даже все семеро.

Войско росов, манжар и коми шло на север. Вверх по Каме, затем по Вишере и Колве. Двумя тёмно-зелёными стенами поднимался лес, совсем непривычный даже для лесовиков-венедов: ни дубов, ни берёз, одни ели, да пихты, да кедры. Гунны такой лес называют «тайга». И как тут жить? За весну и лето, поди, зелёного листочка не увидишь. Недаром и людей тут нет, только кое-где деревеньки и охотничьи избышки пермяков. Лесное племя венеды, однако, сразу зауважали. Работящие люди пермяки и смелые. Лес выжигают, как нуры или северяне, хлеб сеют, скотину пасут и не боятся нечисти ни лесной, ни водной, ни

болотной.

А нечисть тут была наглая и вредная. Лешие — волосатые, часто однорукие и одноногие — норовили увести коней или запутать воинов в чаще, водяные — затащить в омут. При этом пермяков и манжар трогать опасались: ведь здесь был грозный Перя, о котором весь лес знал, что он лешака убил, жену его себе забрал, а водяного за бороду из реки вытащил. Зато отыгрывались на росах, которых считали степняками, беспомощными в лесу. А на запустевших городищах и в заброшенных избах обитали низенькие чёрные существа, которых росы прозвали «чудами». Очень уж те хорошо умели и чудиться, и оборачиваться — хоть людьми, хоть зверями, а то и вовсе невидимками делаться. И пакостили, особенно по ночам, больше всей остальной нечисти.

Вскоре, однако, нечистым пришлось убедиться: от Шишка и нуков-оборотней ни в какой чаще не скроешься, а лесную ведьму Милану, не говоря уже о Вышате с женой, никакой чуд не переколдует. Хорошо зная вражду леших с водяными, Шишок ловил и бросал: первых в воду, а вторых в заросли. Разбирайтесь, мол, между собой, а не с нами. Удалось поймать нескольких чудов. Оказались они обычными пермяками, которых настоящие чуды младенцами украли и вырастили у себя, обучив всем своим чарам. А вместо них оставили подменшей: с виду ребёнок, а может только есть да реветь. Да и ребёнком только кажется, а на самом деле — деревянная чурка заколдованная.

Проучив сородичей, Шишок, однако, быстро мирился с ними, приглашал к костру, угощал хмельным. И вскоре вызнал, что натравливали нечисть на пришельцев Медведичи и Лаума: росы будто бы хотят заставить пермяков сводить лес насовсем под пашню.

С Колвы рать перешла на Печору, перевалив через гряду высоких холмов-увалов. Вишвамитра смеялся:

— Ну вот, ещё одни Рипеи. Идут с запада на восток, как в священных преданиях. И опять им до Гималаев далеко.

— В священных преданиях ничего не говорится зря, — наставительно произнёс Аристей. — Рипеи — и эти холмы, и Урал, и Гималаи, и Кавказ. Какие-нибудь из этих гор нужно преодолевать всякому, кто летит к Белому острову. Но перелететь горы мало. Нужно преодолеть в себе корыстолюбие, тщеславие, злобу, жажду власти. Даже если в твоём племени, городе или сословии всё это почитается за добродетель — стань выше этого! Поэтому Рипеи выше всех гор мира, и вершины их чисты и белоснежны. Не одолеешь их — не достигнешь Белого острова, Царства Солнца. А если и достигнешь — не сможешь ступить на его священную землю.

Вниз по Печоре лес стал ещё гуще, угрюмее, однообразнее — сосны да ели... К самому берегу подступали болота. Ноги коней вязли в холодной грязи. Приходилось рубить гать или полагаться на пермяков с их знанием охотничьих троп да на Шишка с его безотказным лешачьим чутьём. Не было здесь ни городков, ни убранных полей. Далеко друг от друга стояли маленькие посёлки племени печора. Печорцы жили не в просторных избах, а в ушедших в грунт почти по крыши землянках, кормились же только тем, что давали лес да река. Прирождённые охотники, в лесу они не были робкими, но воевать с людьми не умели и не любили и князей с дружинами не держали. От пермяков и манжар предпочитали откупаться данью.

Конных пришельцев печорцы встречали настороженно, а то и убегали в лес всем посёлком. Заметив пермяков, возвращались и принимались жаловаться Кудыму и Пере на бесчинства Андака и его дружины. Не меньше безобразничали и прошедшие следом

Медведичи. К ним мало кто пристал, хоть и пугали «защитники леса» печорцев нашествием росов и обещали могучую подмогу с севера, от людей неизвестных. Тех, однако, печорцы хорошо знали как самую злую и опасную нечисть.

По-прежнему пакостили лешие с водяными. А вот русалок, шаловливых и коварных водяных красавиц, росы давно не видели. Были только жёны водяных, такие же уродины, как их мужья.

А на востоке, у самого горизонта, каменной стеной неведомой крепости поднимались над тёмно-зелёным морем безлесные вершины Уральских гор, иные уже в белых снежных шапках. Между горами и рекой тянулись, будто передовое укрепление, заросшие елями холмы Иджид-пармы. Казалось, сама могучая рука богов, создавших и горы, и реку, и парму, указывает людям путь на север, к таинственному, доступному немногим Белому острову. Где-то впереди затерялась в дебрях шайка Медведичей, боявшаяся даже напасть на засады. И вовсе страшной сказкой казались надвигавшиеся с севера же полчища людей неизвестных.

Далеко на севере отходит от Урала невысокий хребет Пай-Хой и острым мысом упирается в Ледяное море. В это время года оно ещё не замёрзло, но морское течение уже несёт льдины через узкий бурный пролив. За ним хорошо видны белые обрывистые скалы другого мыса. То — Мыс Идолов, самое святое место на Священном острове. Там сииртя и тундренные печорцы почитают Нума, доброго творца мира, и других добрых богов и духов. На севере острова, на Горе Идолов, другое святилище — Земли-Матери, его жены. Попросту, но почтительно их зовут Стариком и Старухой. В тёплое время года на остров съезжаются в кожаных лодках сииртя добывать морского зверя, и тогда здесь приносятся обильные жертвы. На зиму же суровый остров покидают даже хранители святилищ — великий шаман Сэвсэр-Белоглазый и шаманка Аюни. Напасть на святое место, разграбить его, осквернить — на такое не решатся даже ненцы, порой приходящие из-за Урала с набегами.

Тревожно сегодня на Священном острове. И на скалах, и у их подножия, возле озера стоят охотники с луками и копьями в руках. Война в здешней тундре — редкое дело. Иногда приходится обороняться от ненцев, иногда род не поладит с родом из-за обиды — украдёт, скажем, какой-то молодец чужую жену. Грабить, забирать людей в неволю — так только ненцы делают. Но в этом году случилось невиданное и неслыханное. Ненцы пришли верхом на оленях. Оленей приручают для охоты, чтобы домашний олень выманивал дикого самца на поединок из стада, под копьё охотника. Но ездить на оленях — это только боги могут. А вместе с ненцами пришли ещё и неведомые железные люди на безрогих оленях, похожие разве что на богов-воинов с Белого острова, где из людей бывают только шаманы.

Охотники бодрятся, смехом глушат тревогу. Пусть попробуют пришельцы хотя бы переправиться на остров. Лодок у них нет, разве что плоты из плавника свяжут. А разве справятся они с чарами самого Сэвсэра-Белоглазого? Он на Белом острове был и духом, и телом, сам Аристей, солнечный, ворон-шаман, прилетает к нему для мудрых бесед. Если нужно, на защиту святыни прилетят-прискачут солнечные воины Белого острова. Но тревога застыла и в голубых, необычных для сииртя глазах старого шамана. Он знал то, о чём никому не смел сказать: солнечные воины далеко на востоке, их остров сейчас сам беззащитен. А среди пришельцев, столпившихся на материковом мысу, — Паридэ-Хабт, самый сильный из ненецких чёрных шаманов. А упрямая старуха Аюни осталась на своей горе: я-де не воин, чтобы лезть в ваши мужские драки. Как будто он, Сэвсэр, воин. Как будто есть вообще среди сииртя мужчины, занятые лишь войной. Но он — самый сильный шаман сииртя, и он не

скажет: «Бегите, отдайте Священный остров врагам». Не скажет: «Мы слабы, покоримся без боя». Потому что от племени, боящегося защитить свою святыню, отступится сам Нум.

Сэвсэр окинул взглядом святилище. Вот большой, выше человеческого роста, идол Нума. Вот идола Лунного Старика и главы солнечных воинов — Светловатого Парня. Вот десятки идолов морских, речных и лесных духов, покровителей родов и семей. Под конец охоты одних идолов щедро одаряют, других же за лень и жадность ругают и даже бьют. Законы одни, для людей и духов. Нет здесь только идолов злых духов и их главы — Нга, Чернущего Идола. Их слуги, чёрные шаманы, на Священный остров не ездят. А идола богини — на севере, в святилище Матери-Земли.

Возле идолов лежат и висят на кольях черепа оленей, белых медведей, моржей. А ещё меха, клыки моржей, бивни земляных быков. Вот чернеет провал, в который бросают жертвенных оленей. А вот и его, великого шамана, чум, крытый шкурами белых медведей. Племя ничего для него не жалело. Значит, его дело сегодня — сражаться за племя и Светлых богов.

Сэвсэр отбросил капюшон малицы, надел шапку, увенчанную деревянной головой оленя, и ударил в бубен. В ответ из-за пролива загрохотал бубен в руках стоявшего на нартах шамана в рогатой шапке с деревянной совой. Крылатые духи полетели навстречу друг другу, схватились над проливом. Люди видели лишь, как столкнулись два ветра и забурили в водовороте седые морские волны. Но вот сильный порыв ветра с юга достиг острова, дохнув холодом в лица его защитников. И тут же белый лёд сковал поверхность пролива.

— Мара! — раздался дружный крик с материка. И загремели по льду копыта. Росы неслись клином, выставив вперёд длинные копья. Красным пламенем трепетало на ветру знамя с золотой тамгой. Под ним — сильный, лихой воин в добротном красном плаще и женщина с распущенными чёрными волосами. Следом за росами мчались на своих оленях ненцы. А за ними, на нартах с железными полозьями, — колдун в малице из чернобурок, с оленьими рогами на шапке. Он стоял во весь рост и не падал, и бубен победно грохотал в его руках.

Старые глаза Сэвсэра ослабли, но духовный взор различал наглое, весёлое лицо вождя пришельцев и хищное, ястребиное — его спутницы. А ещё — то, чего никто не видел: бежавшего впереди врагов большого, ростом с медведя, волка с оленьими рогами. Старик ещё не встречал этого сильного сарматского духа-зверя в своих духовных странствиях, лишь слышал о нём от Аристея. Но сразу понял: останови его — и порвётся, спутается вся колдовская сеть чёрного шамана. Самые сильные заклятия обрушил Сэвсэр на рогатого волка. Невидимый зверь добежал почти до кромки берега и вдруг остановился, царапая когтями лёд. Тут же замедлили бег кони и олени, и внезапная робость вошла в сердца всадников. Ещё немного — и они остановятся, а следом треснет наколдованный лёд, и металл потянет тела «железных людей» на дно...

— Сильный зверь, чужой зверь с юга, уйди! Сквозь лёд, сквозь воду, сквозь землю — в нижний мир уйди! Тех, кто скачет за тобой, с собой заведи! Так велит Нум!

Поглощённый боем, Сэвсэр не заметил, как взлетели в воздух Хан-Хаденгота и десяток его лучших дружинников. Загудели тетивы — и старик упал, утыканный стрелами. А невидимый волк прыгнул прямо на стоявшего впереди самого сильного охотника (тот рухнул замертво, успев лишь почувствовать на горле незримые клыки) и понёсся вверх, к святилищу. Следом на охотников обрушился железный клин, поднял на копья, расшвырял, вбил копытами в землю. Костяные наконечники стрел ломались о стальные доспехи. У

самых же сииртя не было даже костяных панцирей. Самые смелые погибли, остальные разбежались по тундре, не смея схватиться даже с ненцами. Беглецов ловили арканами, били мечами плашмя и дrevками копий, сгоняя, будто охотники стадо, к святилищу.

Андак с Саузард весело переглядывались. Наконец что-то хоть похожее на бой! Узкие глаза Хан-Хаденготы щурились, скуластое круглое лицо сияло самодовольством. С высоты своего оленя он окинул взглядом побеждённых, поводил сарматским мечом у самых глаз стоявших впереди, заставляя их в страхе отшатываться, и громко заговорил:

— Что может народ сииртя? Ничего не может! Видите силу Хан-Хаденготы, силу росов, силу Нга? Слушать, что скажет Паридэ-Хабт, Чёрный Бык, великий шаман Нга! Его слова — слова самого Нга!

С небрежной важностью шаман вышел вперёд:

— Глупый народ сииртя! Кому молились? Нум далеко, на седьмом небе. Нга здесь, близко. Ваши добрые духи слабы. Зачем сильным духам, тёмным духам не молились, на Священный остров не пускали? Они сами пришли. Теперь этот остров, это святилище — бога Нга, подземного хозяина, смерти хозяина! Ваша земля и земля печорцев — Андака, вождя росов, и Хан-Хаденготы, вождя ненцев! Их закон: кто бьёт морского зверя — даёт дань моржовыми клыками, нарваловыми бивнями. Кто рыбу ловит, в тундре охотится — даёт дань мехами и бивнями земляных быков. Росы и ненцы — воины, они воюют, вы их кормите. Кто закон нарушит — тому смерть. Кто ещё не знает, какой бог сильнее, — смотрите!

Несколько ненцев подкопали идола Нума, другие набросили на него арканы, дружно рванули. Деревянный бог рухнул.

— А в провал его бросите вы, сииртя.

Толпа заволновалась, многие закричали, заплакали, бросились на колени. Какой из двух великих богов сильнее накажет? Страшно и думать о таком! Вдруг трое молодых охотников, выхватив ножи, бросились к чёрному шаману. Но добежать до него ни один не успел. Одному съёс голову меч Саузард, второму в грудь вонзился клинок вождя ненцев, третьего пригвоздило к земле копьё Андака. Паридэ-Хабт даже не дрогнул. Взглянув на трупы, он удовлетворённо кивнул:

— Хорошо. Есть три жертвы для Нга. Будете ждать, пока он ещё захочет?

Несколько наиболее запуганных сииртя, дрожа и всхлипывая, столкнули тяжёлого идола в провал. Следом полетели тела троих охотников. А ненцы уже тащили болотного истукана со страшным клыкастым лицом, вырезанного из почерневшего в воде ствола.

— Беда! Чернуший Идол вернулся! — в отчаянии восклицали сииртя.

— Значит, вернётся и Светловатый Парень с Белого острова, что одолел его, — вполголоса сказал кто-то.

Саузард бросила нетерпеливый взгляд на шамана:

— Ну а где же стрела Абариса?

Чёрный Бык неторопливо вошёл в чум Сэвсэра, долго рылся там и наконец вышел с резным ларцом из кости бивней йен-гора. Андак жадно откинул крышку, запустил руку в ларец и с торжествующим видом поднял зажатую в кулаке золотую стрелу. Дружинники разразились ликующими криками. Даже Саузард глядела на мужа с довольной улыбкой. Ну, так кто же избранник богов — он, Андак, или выскочка Ардагаст Убийца Родичей?

В лагере Нерона под стенами Антиохии было несколько палаток, мимо которых самые

отчаянные рубаки и отпетые головорезы проходили с опаской, оглядываясь на вышитые или нанесённые краской магические знаки и непонятные письмена. В самой большой из них некромант с пронзительными тёмными глазами сидел перед серебряным зеркалом, довольно поглаживая чёрную бороду. В гиперборейских далях дела шли даже лучше, чем здесь, на юге. Несколько неожиданное вмешательство того, кого называют Аидом, Ахриманом, Саубарагом, а чаще предпочитают вообще не называть, пошло только на пользу. Несомненно, это он послал скифского чёрного мага и варваров на оленях. А Геката надоумила шайку магов-разбойников выпустить из преисподней демонические племена. Что-то они натворят в глубине Скифии?

Таких вот колдунов заслуженно считают слугами зла и рабами подземных богов. Чернь то же думает о Братстве Высшего Света, перекрестив его в Братство Тьмы. Свет — тьма, добро — зло... Где им охватить больше двух понятий сразу! Валент вытянул руки с перстнями, любуясь игрой света в камнях. Есть семь светил, семь вечно враждующих и не шибко умных владык этого скверного мира. Мудрый не служит никому из них, а использует их в своих целях. Ормазд? Ахриман? Пожалуйста, свинцовый перстень с гранатом, оловянный с топазом, Юпитер и Сатурн. А превыше всех семи материальных небес — истинный, чистый, духовный Свет. И истинный Бог, не творивший этого грязного мира и потому никого в нём не карающий и не награждающий.

Туда, к нему вознесутся души членов Братства. Если только они, предаваясь всем порокам, соблазнам и интригам этого мира, не привяжутся сердцем к ним и тем сохранят чистоту духа. Вот и сегодня вечером он идёт на пир к Нерону. Не в палатку — на мраморную виллу: господин и бог Нерон не строит из себя солдата. Будут изысканные вина, яства, раздевающиеся танцовщицы, любовные игры прямо на пиршественных ложах... А ещё — интриги. Пусть демоны заберут этих торгашей из антиохийского кагала! Ничего не делают, чтобы поднять чернь, лишь тайком дают деньги, правда немалые. Рассчитывают в случае поражения Нерона остаться ни при чём. И думают, будто его, великого иерофанта, и всё Братство можно нанять, как шлюх и флейтисток на вечер.

А ему нет дела до их барышей. И даже до Нерона с его Империей. Лишь бы избранные (их ведь очень, очень немного) могли, не зная нужды и гонений, совершенствовать свой дух и свою магическую власть над миром. Для этого и нужен *свой* император. Даже с такой душой, которой Высшего Света не видать, как свинье своего хвоста.

Главное — стрела Абариса наконец в нужных руках. Лишь бы её не перехватили Ардагаст с Вышатай. Ничего, скоро им будет не до стрелы. Полезут конечно же спасать мир от нашествия подземных уродов (как будто мир того стоит!). А Тем временем Андак преспокойно вернётся другой дорогой.

Через стан росов в лесу над Печорой шли пятеро волков. Впереди важно ступал крупный зверь с седой, почти белой шерстью. Следом за волками летели три сокола. Подойдя к сидевшим у костра предводителям войска, звери и птицы дружно кувыркнулись и оборотились воинами с волчьими шкурами на плечах. Князь Волх поклонился Ардагасту и обернулся к своим дружинникам:

— Докладывайте, молодцы, царю, что разведали?

Нуры принялись наперебой рассказывать:

— Ох и нагяделись мы, Солнце-Царь, на этих бесов незнаемых! Одни волосатые ниже пояса, другие с копытами, третьи — пёсиголовцы...

— А ещё есть со ртами на макушке.

— А есть и вовсе без голов: глаза и рот на груди.

— Жрут что попало: кошек, мышей, падаль всякую. А лютые — страх: всех людей по дороге хватают и едят, друг с другом насмерть дерутся. И своих не хоронят: кто помрёт или в драке убьют — тут же съедают.

— Ничего не стыдятся: гадят, баб имеют — всё при всех.

— Бабы? С семьями, что ли, идут? — спросил Ардагаст.

— Нет. Одни воины да бабы такие, что не хуже их бьются. Семьи, видно, в пекле оставили. Если у них семьи-то бывают... А если поймают печорку — скопом глумятся, пока не помрёт, тогда съедают.

— Словом, если бы не говорили, огонь не разводили и оружия не имели, их бы впору не за людей принять, а за зверей двуногих. Вроде тех, что у вас, в горах индийских, — взглянул на Вишвамитру Волх.

— Йети такими стадами не ходят и людей первыми не трогают, — возразил индеец. — Но их помеси с людьми отличаются буйным нравом.

— А вот язык-то у них... на пермяцкий похож, — сказал один нур.

— Наши родичи — медведи, а не всякие... обезьяны, — проворчал недовольно Перя (обезьян ему доводилось видеть в Бактрии). — Скажи лучше, какое у них оружие?

— Разное. Больше дубины, да луки большие с костяными стрелами, да топоры каменные, да копья деревянные. Есть и медные топоры и ножи. А самые лучшие воины — с железными мечами и топорами, иные в железных панцирях.

— Все пешие или есть и конные? — спросил царь.

— Верховые есть, только не на конях. Одни — волосатые, клыкастые — на медведях, бурых и белых. Другие, на деревянных истуканов похожие, — на зайцах и лисах, белых и рыжих, и звери те — с лошадей. Третьи, низенькие такие, плосколицые — на громадных зверях... ну, вроде слонов, только бурых, лохматых.

Слонов нуры никогда не видели, но были наслышаны о них от Ардагаста и его дружинников.

— Не слоны это, а махары — подземные быки. Вы, венеды, их зовёте детьми Индрика-зверя. Не было ещё такого, чтобы вышли они из нижнего мира с людьми биться. Значит, совсем плохое время пришло, — озабоченно покачал головой Зорни-шаман.

— Сколько же их всего? Одной ли дорогой идут?

— Многие тысячи их. Не меньше тьмы^[31]. Сразу видно — тьма преисподняя на нас двинулась, — невесело усмехнулся Волх. — А воевода из кузнеца, однако, толковый. Не стал вести всё скопище одним путём. Пути-то в лесу узкие, значит, биться будут передние, а задних всё равно что нет. Нет, одни идут над рекой, как мы, другие — ближе к парме, третьи — между ними. А верховые эти на медведях — дальше всех от Печоры. Те, что на слонах, перед ними идут, дорогу прокладывают через чащу. И Медведичи со своей конной шайкой там же — чуть не забыл о них. А те, что на лисах, — ближе к реке.

Ардагаст озабоченно теребил золотистый ус. Его войско не так уж велико: до пяти сотен. Зато — отборные, испытанные конники в доспехах. А подземное скопище вооружено кое-как, биться в строю наверняка не обучено — хоть и тьма, да не легион. Боя с конницей такие скопища не выдерживают. Даже слоны не так уж неодолимы для конницы — это он знал по Индии. Но здесь не степь, на лесных тропах не выстроишь дружину непобедимым сарматским клином, не погонишь по ним не выдержавшую первого удара толпу. Кузнецу нечисти не жалко. Пока одни будут заваливать своими трупами дорогу росам и их

союзникам, другие зайдут в тыл. И в конце концов окружают, задавят числом, не дадут даже уйти. А их самих всё равно останется много. Достаточно много, чтобы двинуться дальше на юг, истребляя всех людей. Устоят ли пермяки, лишённые князей и дружины? Или миролюбивые удмурты? Хуже всего, если кто-нибудь — например, Уархаг, царь сарматов царских — додумается вооружить эту орду, всегда готовую убивать, железным оружием, посадить на коней... Но будет ли орда ему послушна?

— Как управляется кузнец со всей этой тьмой? — спросил Зореславич.

— У него, Яг-морты, Медведичей и обеих ведьм есть какие-то жезлы с черепами страховидными. И пасут они полчище своё нечистое, будто стадо. Когда верхами, когда летают на громадном коршуне. А у коршуна того — молнии из клюва, — ответил Волх.

Кудым с Перей разом помрачнели. А Лунг-отыр не без ехидства пояснил:

— Предки коми с востока бежали. Гнал их громовой коршун. Его послала Йома, подземная богиня, за то, что не хотели ей людей в жертву приносить. Чтобы они вернуться не посмели, ведьма-богиня Уральские горы подняла, Каму-реку проложила. Потому мы зовём коми зырянами — «оттеснёнными».

— Наши предки никуда не убегали, где они жили, там и мы живём, — с гордостью сказал Зорни-отыр.

— А Йоме у нас даже чёрные шаманы не молятся. Зачем злую бабу подземную звать? Разве их в среднем мире мало? — усмехнулся Зорни-шаман.

Перя обиженно засопел. Его 5тец, сверкнув глазами на манжар, простёр руку над огнём:

— Предками клянусь, медведями и людьми, этим огнём клянусь — сейчас коми не побегут от проклятой птицы! Если бы мог я, как ты, Лунг-отыр, летать и бить молниями, сразился бы с коршуном и в небе. Можешь мне дать такую силу, шаман рода Медведя?

— Шаманы духом летают, не телом. А молнии метать я только недавно научился, хотя всю жизнь шаманю, — снисходительно ответил манжар.

— Ты ещё многому не научился. Как, впрочем, любой из нас, — подал голос с ветки Аристей. — Медведь — зверь Громовника, а вы, Кудым и Перя, — воины Грома. Да, я могу наделить вас способностью к телесному полёту, а ваше оружие — силой Грома. Но только для этого боя. Пожалуй, научу летать в теле тебя, Лунг-отыр. Учти, это гораздо труднее, чем летать духом.

К костру подошёл дружинник и сказал:

— Солнце-Царь, к тебе старейшины печорцев и Або-шаман.

Четверо стариков в меховой одежде, сняв шапки, опустились на колени, склонив седые головы. Впереди них стоял невзрачный, низенький человек, которому на вид можно был дать и сорок, и пятьдесят, и гораздо больше лет. Чёрные волосы его уже изрядно запорошила седина. Круглое скуластое лицо с редкой бородкой было невозмутимо. Узкие тёмные глаза смотрели внимательно, испытующе. У пояса висели простенькие костяные амулеты — фигурки лебедей, на груди — позолоченная бронзовая бляха в виде крылатого оленя, что нёсся в прыжке, поджав ноги и закинув на спину рога. Человек этот преклонил колени вместе со стариками, но тут же сел на пятки и заговорил спокойным негромким голосом, в котором не было ни заискивания, ни дерзости:

— Ардагаст, вождь росов! Защити народ печорцев. Идут люди неизвестные из нижнего мира. Товар им не нужен, дань не нужна, только смерть наша нужна. Всех людей убивают, едят, женщин до смерти мучат. Войско Чернущего Идола, войско смерти — вот кто они. Все люди среднего мира им враги. Я, Або, солнечный шаман, знаю. Ты ищешь славы, войны,

добычи? Победи это племя. Золото, самоцветы с их тел сними — богаче всех станешь. Какую хочешь дань тебе дадим, лучшими мехами.

Старики, развязав объёмистый мешок, протянули царю росов отборные шкуры: медведей, соболей, куниц.

— Ваши меха хороши, но мы, я и моё войско, — на Пути Солнца. А на нём нельзя брать никакую добычу и никакую дань. Но нельзя и уклониться от боя со злом. Встаньте, отцы! Не пристало вам стоять на коленях передо мной, молодым. Да, я иду войной на людей незнаемых и тех, кто их выпустил из преисподней. Пусть ваши воины станут рядом с моими.

Старики печорцы, удивлённые, заговорили по-своему. Они привыкли откупаться данью от коми и манжар. Но чтобы вождь сильного южного войска взялся защищать их даром, так же, как они сами помогали друг другу? Шаман (похоже, единственный из них говоривший по-сарматски) с довольной улыбкой сказал, указывая на своего золотистого летящего оленя:

— Это хорошо, царь. Вот твой зверь — Мяндаш, человек-олень верхнего мира. Золотые рога его — Солнце. Иди за ним — и пройдёшь по земле и по небу до самого дома Солнца, до Белого острова... А меха возьми: это не дань, это подарок, не возмёшь — нас обидишь.

Довольная Ларишка уже прикидывала, что можно сшить из печорских шкур.

— Наши охотники — за Печорой, с лодками. Бери их в своё войско, не пожалеешь, — сказал Або.

— Скажи, шаман, кто эти, на зверях, — люди или бесы? — спросил царь.

— На медведях едут сюдбя, великаны-людоеды. На лисах и зайцах — дубовые и сосновые великаны. А на земляных быках — подземные сииртя. Было время — лежали на севере великие льды, а на юге — холодная степь. Люди зверям-богам молились. Самый сильный и добрый из тех богов был Йенгора, Великий Земляной Бык. На его детей люди охотились. Потом растаяли льды от жара золотых рогов Небесной Оленихи, потекли реки, раскинулись болота, и потонули в них земляные быки. Тогда Йенгора в нижний ушёл, и с ним — его уцелевшие дети. А за ними — сииртя. Только не все. Пришёл к людям Мяндаш, сын оленя и женщины, принёс слово Небесной Оленихи: «Теперь на оленей, на лосей охотьтесь». Печорцы до сих пор так живут. А сииртя дошли до Ледяного моря, там шаманы упросили Хозяйку Моря, она позволила морских зверей бить. А подземные сииртя земляных быков пасут. Как пермяки коров, как сарматы коней. И деревянные великаны подземных сииртя слушают.

Негромкий голос шамана звучал вдохновенно, казалось, он сам видел то, о чём говорил. Сколько же лет было этому неказистому человеку, ростом уступавшему даже Зорни-шаману?

— Словом, поднялись на нас все тролли и великаны, земные и подземные, — потёр затылок Сигвульф. — И нет на них Тора-Перуна.

— Перуна нет, зато есть Перя, — подмигнул Волх могучему пермяку. Два лесных князя успели подружиться. Особенно сблизила их страсть к охоте.

Перя погладил палицу.

— Бил я всякую нечисть и эту побью. Только вот... — замаялся он. — Прямо на восток отсюда — гора Тельпосиз. Там жильё Войпеля, бога северного ветра. Сильный бог, злой, сердитый. Он вам враг. А я никогда с богами не бился.

— Ничего, научим, — ободряюще усмехнулся Ардагаст. — Не сильнее же он тут, чем у Злой горы?

Або покачал головой:

— Чем дальше на север, тем сильнее боги холода, боги тьмы, боги смерти. Боги и богини. Три Хромые Женщины здесь живут. Волосы седые, крылья лебединые, на троих — один глаз, один клык. В том глазе — зло, в том клыке — смерть. Старые, а могут и молодыми стать, в змеиной чешуе, с волосами-змеями. Тогда они ещё сильнее. Три женщины — одна богиня. Мать Подземного Льда, мать всего зла.

Хилиарх невольно вздрогнул. Лицо сидевшего в тени Харикла побледнело. В сознании эллинов зазвучали страшные, как предвечная тьма Тартара, имена: «Граи! Горгоны!» Внезапно налетевший с востока порыв холодного ветра едва не погасил костёр. А тёмный лес молчал, и это было хуже, чем если бы со всех сторон горели глаза зверей и бесов и нёсся яростный рёв и вой. Все вдруг поняли, что их тут — горстка против полчищ нечисти, против всего нелюдского, что испокон веку гнездится в этих дебрях.

— А ведь мы сами этот гадючник разворошили. Если бы не мы, не вывел бы кузнец эту орду пекельную, — сказал какой-то молодой нур.

— Значит, наш долг — загнать орду туда, откуда она вылезла. И некому это сделать, кроме нас. Иначе мы родимся снова не воинами, а рабами. Даже если вернёмся с золотой стрелой, — сурово и твёрдо произнёс индеец.

Волх Велеславич усмехнулся, лихо разгладил седые вислые усы:

— Не шуми, глухой лес, не пугай, шаман! Видели мы уже Ягу-Смерть и в трёх лицах, и в одном. Только она от нас бежала, а не мы от неё. — Он встал, подбоченился. — Эх! Сидел я, Седой Волк, в своём лесу и не знал, что мир такой большой... и такой маленький. Только теперь я ещё и рос, и воин Солнца. Мне до всего есть дело! За любое доброе племя постою, как за своё.

— Боги! Для чего мы воевали там, на Кавказе? Ради самой войны! И ещё мнили себя святыми воительницами, чуть не богинями... — тихо проговорила Ардагунда.

— Мы с тобой умеем только воевать, так разве не стоит ради святой войны забраться на край света? — также тихо сказал ей Вишвамित्रа.

— Не первые мы тут идём. Этим путём Дажьбог гнал на север людей неизвестных до самого пекла, — сказал Вышата.

— Да, вы не первые, — кивнул Або. — Этот путь идёт дальше на север, до самого Белого острова. Там живут воины в железных малицах, железных шапках — как вы.

Вождь их — Светловатый Парень, так мы его зовём. Узколиций, как вы, росы. Ездит на рыжем, златорогом олене. А старейшина острова — Сэръятэт Белооленный. У него — тысяча быков-олений с золотыми рогами. Приехал с юга Чернущий Идол на чёрном олене, угнал всех быков. Настала тогда ночь на всём севере, не восходило солнце над тундрой. Но послал Сэръятэт в погоню Светловатого Парня и Ваю-великана. Бились они с деревянными великанами, с сюдбя и подземными сииртя. Три Хромые Женщины опутали чарами Ваю, унесли в нижний мир. Но дошёл Светловатый Парень до Железного леса, там победил Чернущего Идола и привёл обратно златорогих быков, а Ваю вызволил из-под земли. И вернулось солнце на север, хоть прошло полгода. Говорят, тогда и стали они оба богами. Знаете их, мудрые шаманы с юга?

Северный шаман прищурился так, словно перед ним были совсем неопытные ученики. Первым ему ответил Вышата:

— У нас боги не на оленях ездят — на конях. На белом коне — Род-Святовит, отец богов. На чёрном — его брат Чернобог. На красном, златогривом — Дажьбог-Солнце. Род-Белбог, творец всего доброго, на небе живёт. Чернобог, всего зла творец, под землёй. А

средний мир защищает от него Дажьдбог... Он и златорогим оленем оборачивается.

— И мы знаем: Нуми-торум в верхнем мире, его злой брат Куль-отыр — в нижнем, а посредине — Мир-сусне-хум, Солнечный Всадник, За Людьми Смотрящий Человек, — подхватил Зорни-шаман.

— Да, за людьми смотреть — особый бог нужен. У вас, на юге, где все воевать любят. За меха воюют, за золото, за рабов. И чем больше имеют, тем больше хотят. Это у нас на севере не воюют. Род зимой от голода умирать будет — не пойдёт у другого рода пищу отбирать, не то что меха. Нет у нас ни великих воинов, ни Солнце-Царей. Есть великие охотники, что кормят род. — Тихий голос Або зазвучал сурово, осуждающе. — Все страшные духи, все великаны столько зла не сделают, сколько люди. Железные люди, люди с юга, на конях. Их остановить один Солнечный Всадник и может. Но он — бог, а вы — только люди.

«Скоро и вам понадобятся великие воины, избранники Солнца», — хотел сказать Ардагаст. Другие воители откровенно улыбались, глядя на шамана, ничего не смыслящего в войнах и подвигах. А Всеслав-дрегович с усмешкой бросил по-венедски:

— Вот тёмные-то люди на краю света живут! Небось всем племенем с полусотней дружинников не сладят, а ещё хорохорятся: мы-де лучше всех.

Зореславич сердито взглянул на юнца. Не понимает ещё: в таком походе даже со слабым союзником ссориться нельзя. Ведь пришли же печорцы к нему, вождю «железных людей», не убежали за Печору подальше от этой войны. И это после всех безобразий его же соплеменников из дружины Андака. Хорошо хоть Або по-венедски не понимает... Призывая всех к тишине, царь росов поднял руку:

— Да, мы все люди. И потому должны вместе стоять против бесов и тех, кто сам им уподобился. Воеводы и волхвы! Будем думать, как завтра сражаться. Пекельное полчище совсем близко.

— Близко, — подтвердил Волх. — К Подчерье-реке не позже нас выйдут.

Окончился военный совет. Стан росов погрузился в сон. К берегу Печоры спускались четверо волхвов: Вышата, оба манжара и Або. Следом на духовных крыльях неслышно летел Аристей. Венед на ходу переговаривался с Зорни.

— Кто же этот Ваю-великан, спутник Солнечного Всадника? Неужели тот самый Ваю, с которым мы бились у Золотой горы? — сказал Вышата.

— Бактрийские маги говорят: есть два Ваю — добрый и злой, — ответил Зорни.

— Да, и у нас одни волхвы считают Стрибога, деда ветров, добрым, другие — злым, чуть ли не самим Чернобогом.

— Ветер не добрый и не злой. Он сильный, своевольный. Летает где хочет. Лучше такого бога не вызывать. Разве мало других богов и духов? — сказал Або.

— Да, Эол, владыка ветров, и Борей — оба из рода титанов. А титаны не столько злы, сколько необузданны. Люди их помнят, но мало кому из них поклоняются, — заметил Аристей.

Лунг-отыр молчал. Больше воин, чем шаман, он был мало склонен рассуждать о божественных тайнах.

Волхвы остановились под высоким обрывом, уселись полукругом. Впервые за много дней облака разошлись, и полная луна встала над стеной сосен, проложив серебряную дорожку по тёмной воде Печоры. Ниже по течению горел костёр, стучали топоры. Коми и

печорцы готовили плоты, чтобы завтра перевезти часть конников в тыл подземной орде. На это отчаянное дело вызвались Сагдев с Сораком и их дружинники. После бесславной схватки с Симургом они больше всех искали случая отличиться в походе.

Лица волхвов были сосредоточены. Предстояло вызвать самого могучего из древних зверобогов, которого венеды называли Индриком-зверем. Явится ли он из-под земли? Или из воды, в облике громадной щуки с бивнями? Развели небольшой костёр, бросили в него чародейские зелья. Вышата положил на колени гусли, тронул струны и запел:

**Ходит Индрик-зверь по подземелью,
Будто солнышко по поднебесью,
Проходит все горы белокаменные,
Пропускает реки, кладези студёные.
Когда зверь рогом поворотится,
Вся Мать Сыра Земля всколеблется.
Никому обиды он не делает...**

Тихо и мерно рокотали струны, и им вторил такой же мерный рокот трёх бубнов. Зорни и Лунг-отыр напевали по-манжарски, Або — на языке, неведомом ни манжарам, ни венеду. Но сам этот напев был сложен пещерными колдунами в те времена, когда могучие дети Индрика-зверя ещё жили в среднем мире.

Вдруг стена обрыва задрожала. Из глины высунулись два огромных кривых бивня. Потом глина с грохотом осыпалась, глыбами едва не завалив костёр, и из-под земли показалась тёмно-рыжая косматая громада. Длинный хобот шевелился, обнюхивая людей. Маленькие глаза смотрели внимательно, изучающе. Казалось, это присматривается к людям сама бездна тысячелетий, пролёгшая между кремнёвым топором и мечом индийской стали, между колдуном в бизоньей шкуре и магом-философом с папирусами в руках. Что за дело было древнему зверобогу до царств и империй, философских дискуссий и борьбы магических братств?

Четверо волхвов, встав на колени, простёрли руки к могучему зверю. Аристей, сидящий на бугорке, почтительно кивнул. Вышата заговорил:

— Индрик-зверь, всем зверям отец! Вышли из пекла люди неизвестные, смерть и разрушение в этот мир несут. Не просили бы мы твоей помощи против них, если бы не подземные сииртя. Они твоих детей могучих привели на помощь нечисти. Никогда ещё твои дети-индрики не приходили в этот мир для зла. Ведь людей неизвестных выпустил колдун Громобой, наученный Ягой и Чернобогом, а они — друзья Змею Глубин, твоему врагу. Сам знаешь, чего он миру желает — разрушения. Останови своих детей, Индрик-зверь! Не дай им напрасно погибнуть и мир погубить.

— Помнишь, Махар-зверь, я вызывал тебя на юге, в индийских пещерах? Ты пришёл в обличье слона с рыбьим хвостом и победил каменного бога-быка. Ты — древний бог, добрый, мудрый. Знаешь, кто за правду стоит, кого защитить, — сказал Зорни.

Або заговорил на своём языке. Зверобог выслушал его, кивая огромной головой, потом положил хобот на плечо северному шаману. Тот обернулся к остальным и сказал:

— Я объявлю земляным быкам и подземным сииртя волю Йенгоры-зверя. Я ведь сам из сииртя.

Пока волхвы-мужчины шаманили, вызывая зверобога, три волхвини занимались вполне женским, хотя и не совсем своевременным накануне битвы делом: начищали серебряные блюда. Эти блюда были взяты ими со священной ели на Гляден-горе. Когда Вышата заговорил (ещё тогда) о том, что нужно защитить войско от трёх смертоносных богинь, Потось сказала:

— С женщинами мы, женщины, сами справимся. Вам, мужчинам, врагов и так хватит.

О трёх богинях, преграждающих путь на север, волхв знал давно — ещё из книги Аристея.

Тем временем Хилиарх с Хариклом несли к берегу — туда, где готовились плоты, — объёмистый мешок, наполненный необычным веществом. Среди знатоков искусства Гермеса Трисмегиста, именуемого арабами «алхеми» — «египетское», этот голубой, как хвоя ливанского кедра, порошок называли «голосом Пана». Рассеянный в воздухе, он мог посеять смятение и страх в самом отважном войске. Изготовил Харикл его ещё в городке Корт-Айки, только что освобождённом. Секрет зелья бронзовщик некогда узнал от жреца, выгнанного из храма Тота-Гермеса в Гермополе. Избавившись от рабства у кузнеца, многоопытный грек рассудил, что пробираться в одиночку на юг — значит рисковать снова угодить в неволю. Лучше уж было присоединиться к росам, чтобы на обратном пути попасть вместе с ними в Танаис или Ольвию. Поход в гиперборейские дали был опасен, но и увлекателен для эллина. Он, однако, понимал, что на него, изготовителя Колеса Смерти, скифы смотрят весьма косо. И потому постарался доказать им свою полезность, создав новое могучее оружие.

Но сейчас сердце Харикла было полно трепета. О Грайях и Горгонах он читал у Овидия и полагал, что зловещие сёстры, порождение морского титана Форкиса, обитали где-то в горах Атласа. А ведь смотрел же в театре Эсхилова «Прометей», сочувствовал Ио, бегущей от овода Геры через страну мрака, мимо Грай, Горгон, грифонов и аримаспов. Ещё и посмеивался над поэтом, не знавшим географии. Теперь же из слов шамана эллин понял, что все шестеро зловещих сестёр — лишь обличья самой ужасной из богинь, призываемой ведьмами и некромантами. Её, Трёхликую, Владычицу Теней, конечно же не убил никакой Персей. Не дойдя до берега, Харикл со вздохом опустил мешок:

— Передохнем, друг Хилиарх... И поговорим подальше от варварских ушей. Ты ведь понял, чей губительный взор мы увидим завтра? По нашим ничтожным заслугам мы обратимся не во мраморные статуи, а разве что в известняковые.

Хилиарх только усмехнулся:

— Слышал я на Кавказе предание о Сынах Солнца, которым Бог Богов предложил выбрать славную смерть либо долгую, но бесславную жизнь. Они избрали первое и обратились в камни. А вот трусы, я думаю, под взглядом Горгоны обращаются в тот материал... которым только огороды удобрять.

— Ответ, достойный самого Персея... Но мы ведь с тобой не герои. С нашими матушками не спали ни Зевс, ни Аполлон. И что за дело нам, эллинам, до этого побоища между дикими скифскими воителями и подобными им демонами из Тартара? — Голос бронзовщика обратился в хриплый шёпот. — Хилиарх, бежим, пока не поздно! Прочь из этого киммерийского мрака, прочь от этого древнего ужаса! А зелье заберём с собой и продадим сарматам или каким-нибудь кавказским царькам. Дальше на юге оно стоит не так

много, там с его действием справляются даже начинающие маги. Кстати, я ведь припрятал кое-что из сокровищ кузнеца у себя в суме, вопреки этому дурацкому обету не брать добычи. Ты, наверное, тоже?

Хилиарха передёрнуло от омерзения, когда он в лунном свете разглядел подленькую, заискивающую, всезнающую ухмылку на бледном лице Харикла. Грек-рос сгрёб бронзовщика за полы сарматского кафтана, встряхнул:

— Ах ты, мразь, гречишка! Вот по таким, как ты, здесь и судят об эллинах! Да ещё посмел браться за алхимию... Думал, это вроде как варить краску на продажу? Ты призывал духов четырёх стихий, владык семи металлов, семи планет?

— Призывал... Всё, как говорил египтянин.

— А он сказал тебе, что алхимик должен быть чист и скромн, а его мысли — свободны и согласны с его делами? Что, работая, он должен возвышать свою душу? Понимаешь хоть, гнев и несогласие скольких стихий ты накликаешь на нас? Придётся сказать Вышате или Аристею, чтобы укрепили заклятиями твоё зелье. Представляю, с какими паскудными мыслями ты его готовил...

Ремесленник, более крупный телом и сильный, чем Хилиарх, весь сжался под его взглядом и только всхлипывал:

— Да, я не герой Эллады. Я трус, мошенник, пройдоха. Но ты же сам сделал меня таким...

— Так я же тебя и сделаю если не героем, то человеком — тем, которого искал Диоген! Очищу твою душонку лучше всякого иерофанта. А для начала вытащишь из сумки то, что утаил, и бросишь при мне в реку.

С неба на них глядела полная луна, которую эллины зовут «ликом Горгоны».

На песчаном бугре над берегом Печоры одиноко сидел Железный Старик. Среди сосен за его спиной горели костры. Стан, тянувшийся далеко вглубь леса, шумел на все голоса, несмотря на поздний час. Злые, угрюмые, грозные песни подземных жителей напоминали то медвежий рёв, то волчий вой. Их язык, похожий на пермяцкий, кузнец понимал плохо. То и дело доносилась брань, в темноте вспыхивали драки. Гоготали и ухали лешие, лаяли пёсиголовцы. Вблизи слышался женский визг и довольное ржание мужиков. Он узнавал голоса своих сыновей. Хорошо освоились ребята: вместе с нечистью печорских девок портят.

Лучше всего ладил с пекельными выходцами и знал их речь Яг-морт. Но старого друга сейчас рядом не было. Кузнец послал его с лучшей частью рати в обход, с трудом заставив Медведичей и их шайку подчиниться лесному человеку. А ведь не справятся они с этим полчищем без Яг-морта и без него, Корт-Айки. Разбредутся пекельные головорезы, передерутся, повернут назад. А может быть, и не разбредутся, и не повернут... И сами решат, с кем и как воевать.

Он, колдун-разбойник из прикамских дебрей, вёл сейчас войско побольше, чем у иного сарматского царя. Но как же мало знал он об этом войске! Как они жили у себя под землёй, с кем вечно сражались? Сколько их там ещё осталось? И кто, какие невиданные люди, бесы, чудовища могли выйти следом через взломанные им медные ворота? Он знал лишь, что люди неизвестные делятся на племена — пёсиголовцев, волосатых, безглавцев и прочих. С их вождями он и имел дело. Со своими же воинами вожди управлялись сами сурово и безжалостно с помощью десятников и сотников. Драки, убийства, жестокие наказания были

обычным делом, но до настоящих усобиц в стане никогда не доходило. Порядка здесь было не меньше, чем в волчьей стае, где слабый подчиняется сильному, а тот — сильнейшему.

В одном кузнец был уверен: пекельная орда ненавидит всех земных людей. Всех, а не только арьев, загнавших её предков в преисподнюю, или их потомков. И ему подчиняются только из-за жезлов Яги. Но всегда ли будут подчиняться? И что ещё задумает подземная владычица?

Тихо подошла Сизью, села рядом. Не поднимая головы, он проговорил:

— Пустили мы в мир реку пекельную, нечистую и думаем, будто её ведём, а это она нас несёт Чернобог знает куда. И сами мы будто уже не люди, а уроды преисподние вроде всех этих...

— А чем они все хуже хотя бы Яг-морты? — пожалала плечами ведьма. — У них всё по-нашему, по-разбойничьи: нет знатных, простых, старейшин почтенных, а есть только сильные и слабые.

— По-звериному тут всё. По-нелюдски! — с тоской сжал кулаки Корт-Айка. — Поделом мне — куда шёл, туда и пришёл. А началось всё с того, что убил двенадцать охотников-манжар. Из-за лося убил. Крупный лось был, отменный — на всех бы хватило... К людям нужно было идти из дебрей этих, к людям!

— Иди. Они тебя за одно только Колесо Смерти самого к колесу привяжут и с горы спустят.

— А хоть бы и так. Устал я... От всего устал.

— Иди, — повторила Сизью, презрительно поджав губы. — Я с тобой не пойду. И сыновья не пойдут. Слаб ты стал. Не телом — духом. Не нужен ты нам такой.

— А старый, хворый, израненный — тоже не нужен буду?

— Был когда-то обычай — стариков убивать. Заметил, среди неизвестных стариков нет? У иных племён ещё недавно тех, кто от старости умирал, с бараниной съедали.

— Нет уже племён тех.

— А неизвестные есть. Вернулись! И Медведичи с дружиной мясо врагов едят. Помолодел мир перед концом! — жутко, задорно рассмеялась ведьма.

Кузнец тяжело поднял голову. Глаза его сверкнули.

— Миру конец? А может, нам? Съесть вожака готовы, волки? Нет, не ослаб я ещё!

Он всей тяжестью, как зверь на добычу, навалился на колдунью, прижал её к холодной земле и с радостью ощутил сопротивление всё ещё крепкого, ладного тела. Всё, как тогда, много лет назад, в лесном святилище Йомы, среди людских черепов на ветвях ели, под крик сов. Эти совы могли бы вмиг выклевать ему глаза, разорвать шею, но она не позвала их на помощь. И не обрушила на него свои чары, хотя стояла полная луна — так же, как теперь.

— Миру конец? Так погуляем напоследок! — рычал он.

— Да, да! Он наш! Никого нет, кроме нас!

В звуках, которые они издавали, уже не было ничего человеческого — словно сходилась пара сильных, опасных хищников, к которым в такой миг лучше не приближаться.

Войско росов вышло к устью Подчерья. Полтысячи конников в железе — для севера это была неодолимая рать. Но против людей. А против многотысячной орды, изрыгнутой пеклом и вобравшей в себя всю лесную нечисть? Не безумием ли было разделить отряд на три части? Но Ардагаст поступил именно так. Пермьяки, амазонки, нуры и дружина Лунготыра ушли на восток, к Иджид-парме, наперерез Яг-морту и Медведичам. Вёл отряд

Вишвамित्रа. С ним отправились Аристей и Або. Конники Сагдева и Сорака ещё ночью переправились на левый берег Печоры и теперь шли на север, скрываясь за соснами. Печорцы на плотах и лодках спустились по реке затемно и уже скрылись за болотистым мысом к северу от устья Подчерья. Всю эту часть войска возглавлял Сигвульф. С ним была Милана. Остальная рать во главе с самим царём стояла на берегу Подчерья.

Речка здесь была неглубока, но изобиловала островками, протоками, зарослями камыша. А по другую сторону среди елей толпилось скопище, плохо вооружённое, но страшное в этих дебрях одним своим числом. Сарматские и манжарские конники стальным клином разрубили бы это полчище, разметали по степи. Но здесь была не степь, а тайга. Нечисть понимала это и не торопилась переходить реку. Даже из-за елей не высывалась, зато на все лады гоготала, вопила и насмеялась над пришельцами.

Вдруг из чащи выехали верхом на огромных — с небольшую лошадь — зайцах и лисах существа, больше всего похожие на оживших деревянных идолов, вытесанных из не очищенных от коры дубовых и сосновых стволов, с толстыми ветками-руками. Они слезли со своих пушистых скакунов и оказались ненамного выше низкорослых подземных выходцев. Среди росов послышались смешки:

— Это и есть дубовые да сосновые великаны? Истуканы они, пугала огородные! На дрова ещё сгодятся, а в бой — навряд ли!

Рядом с «великанами» появились низенькие людишки в одежде из темно-рыжей шерсти с капюшонами и принялись сноровисто привязывать деревянных вояк за ноги к стволам елей. Росы захохотали:

— Что, сбегут?

Но смех разом стих, когда «пугала» вдруг выросли в настоящих великанов, под стать тем деревьям, к которым были привязаны. В руках у них оказались тяжёлые еловые стволы. Потрясая ими, великаны издавали звуки, похожие на шум ветра в верхушках деревьев.

Ардагаст помрачнел. Попробуй сунься под эти дубины! Или проруби деревянное тело великана. Поджечь их Огненной Чашей или хотя бы горящими стрелами? Слишком опасно это в смолистом еловом лесу. Куда потом бежать из моря огня и дыма? В холодную Печору? А что станет с восточным отрядом? Дело было не только в великанах. Подземные человечки-сииртя, оказывается, тоже остались на стороне Корт-Айки. Видно, Або, утром ездившему к ним, так и не удалось уговорить соплеменников. Значит, воинам Вишвамитры наверняка придётся сражаться с послушными сииртя подземными слонами. Оставалось ждать, пока отряд Сигвульфа не ударит в тыл неизвестным.

В это время отряд Вишвамитры шёл на восток, туда, где полчище Яг-морта уже перешло Подчерье. Воины держались бодро, перешучивались, заигрывали с амазонками. Это помогало глушить тревогу. Все знали: из поездки к сородичам Або вернулся мрачный, раздражённый. Не говорил ни с кем, кроме Аристея, и то на своём языке. Кроме них, в войске язык сииртя знала лишь Сята-Сава. Эту красивую ненку Лунг-отыр всюду возил с собой, сделав даже из наложницы младшей женой. В детстве она пару лет прожила среди сииртя, спасших её в тундре. Из разговора двух шаманов она поняла немного: что подземные сииртя будут воевать против росов и что сам Або на росов за что-то обижен. Ненка тут же поделилась услышанным с другими женщинами, а те — с мужчинами. Тем не менее северный шаман ехал сейчас впереди отряда, и на плече его восседал большой златоклювый ворон — Аристей, казавшийся вовсе громадным рядом с таким тщедушным человечком.

Все понимали одно: надеяться нужно не так на шаманские чары, как на свою верную руку и испытанное оружие. Уверенности придавало то, что за движением врага тщательно следили разведчики-оборотни Волха. Сам он тоже был здесь. Волчьему вождю не терпелось перевестись с Чёрными Медведями, не дававшими покоя его земле. И вот уже выбежали из-за елей два волка, проговорили по-человечески: «Индрики идут! Десять в ряд!» А из чащи доносились тяжёлые шаги, хруст ветвей, трубные звуки, а ещё — шум толпы, злой, наглый. Орда шла напролом, не скрываясь, уверенная, что прятаться все должны от неё. Вишвамитра взглянул на амазонок, ободряюще улыбнулся:

— Помните, девочки? Стреляйте в хобот или в погонщика. В глаза попасть не пробуйте: они слишком маленькие, а череп толстый. — Он обернулся к пермякам и манжарам: — Не забыли? Бейте копьём за ухом. Громче трубите в трубы. Ничего, слоны, даже подземные, это только слоны...

— ...Одно из лучших созданий Брахмы. Могучи, но добры и не воинственны. Нужно стараться их зря не убивать, — тоном прилежной ученицы закончила Меланиппа.

— Ты хорошо учишься, Лошадка. Только царицы из тебя не выйдет... — отозвалась Ардагунда.

— Конечно. Пока вы с Вишвамитрой живы.

Между двумя воительницами не было ни вражды, ни зависти. Просто Меланиппа помнила, что она — дочь царицы амазонок, убитой братом Ардагунды. И старалась быть достойной матери.

Всадники растянулись в ряд, выставив копья. Наконечники мощные, с разбега броню пробьют. Но в лесу разбега не возьмёшь, остаётся надеяться на силу рук. Зато деревья хоть немного задержат косматых великанов.

— Мужчины, добудьте нам пару слонов. А мы вам такие рубахи из слоновьей шерсти свяжем! — смеялись неугомонные амазонки.

Спокойнее всего себя чувствовали несколько кушан, пришедших с Ардагастом из Бактрии. В Индии им приходилось сражаться со слонами.

А между зелёными елями уже показались тёмно-рыжие живые холмы. Земляные быки шли в ряд, не спеша, вытаптывая подлесок и ломая небольшие деревья. Грозно белели, раздвигая ветви, толстые изогнутые бивни. Мерно помахивали хоботы. Над лобастыми головами возвышались лохматые горбы, а перед ними, на шеях, восседали с копьёцами в руках человечки в малицах из такой же темно-рыжей шерсти. А по протоптанным великанами тропам двигалась без помех подземная орда.

Всё меньше становилось расстояние между людьми и косматыми слонами, всё громче ревело, гоготало, свистело валившее следом за гигантами полчище. И тогда Або-шаман слез со своей лошадки и пошёл навстречу слонам. Подняв руки, он заговорил на своём языке — горячо, настойчиво. Сииртя отвечали раздражённо, даже замахивались оружием. Тогда он стал говорить иначе — спокойно, дружелюбно, обращаясь уже не к ним, а к земляным быкам. Огромные звери слушали, кивая. А потом вдруг разом повернули влево, к горам. Сииртя кричали, кололи их копьёцами. Тогда один из зверей стащил хоботом своего чересчур настойчивого погонщика и бросил наземь, не причинив, однако, вреда. Перя тут же поддел человечка копьём за капюшон и под дружный хохот ратников забросил на ёлку.

Гуськом, неторопливо и важно прошли древние звери и исчезли в глубине леса, словно видение из незапамятных времён. Воины с облегчением глядели им вслед. Не потому, что избежали схватки с сильным врагом, а потому, что не хотели бы сражаться с этими

мудрыми, миролюбивыми и по-своему красивыми существами.

А скопище разом притихло. Между деревьями на протоптанных гигантами дорожках были хорошо видны заросшие шерстью низколобые, остроголовые великаны-сюдбя верхом на бурых и белых медведях, с дубинами в руках. За ними виднелись «защитники леса» на конях, в чёрных медвежьих шкурах. Медведи были крупнее обычных, но вот сюдбя не столь уж превосходили ростом людей. После подземных слонов они вызвали у ратников просто смех.

— Это — великаны?! Куда им до аримаспов! Лешие в полный рост пострашнее будут! Эй, Медведичи, хватит прятаться за кем попало!

Сюдбя, поняв, что смеются над ними, злобно зарычали, скаля мощные клыки. Следом взревели их медведи. В ответ раздался громовой голос Кудым-Оша:

— Медведями нас вздумали пугать? Мы сами медвежьего рода!

Князь заревел во всю силу могучих лёгких, и рёв этот подхватили все пермяки, а затем и воины Лунг-отыра — манжары рода Медведя, Им вторил волчий вой нуров. В ответ медведи, сюдбя и шайка Медведичей заревели ещё громче, а невидимое скопище за их спинами подняло оглушительный гвалт. Шум этот доносился не только спереди, и опытные воеводы поняли: их отряд обходят. Вишвамитра, переглянувшись с остальными предводителями, зычно крикнул:

— Росы, вперёд! Слава!

Никто не подумал ни о том, что он — вовсе не из сарматского племени росов, ни о том, что не пристало воинам медвежьего рода воевать с родовыми зверями. Выставив копья, ратники погнали коней вперёд. Загудели тетивы амазонок. Прямо перед Вишвамитрой встал на дыбы громадный белый медведь. Волосатый всадник, крепко обхватив его ногами, взмахнул дубиной. Древко копья переломилось. В следующий миг на индийца и его коня обрушилась двойная косматая громада. Конь был разом повален наземь и растерзан страшными когтями. Кшатрия спас от них только панцирь индийской стали.

Новый удар дубины размозжил бы голову Вишвамитре прежде, чем тот успел выбраться из-под конской туши. Но тут в руку и грудь великану впились две стрелы. Следом на него вихрем налетела Ардагунда. Её пышные золотые волосы развевались, в руке блеснул меч. С первого же удара клинок застрял в дереве, столкнувшись с дубиной, и был вывернут из руки воительницы. Но в другой её руке уже оказался боевой топор. С удивительной ловкостью уклоняясь от ударов, она рассекла этой небольшой, но острой и прочной секирой руку великана. В это время кшатрий сумел выбраться из-под коня и обрушил удар своего двуручного меча на волосатое туловище сюдбя. Индийский клинок прорубил броню мускулов, достав до сердца, и человек-зверь с развороченной грудью свалился с медведя. Тот, почувствовав гибель хозяина, оторвался наконец от коня и снова встал на дыбы. Быстрым ударом Вишвамитра вонзил ему меч в грудь. Пластины панциря затрещали под могучими лапами, но мышцы индийца выдержали медвежьи объятия. А секира Ардагунды врубилась в голову зверя.

— Какая шуба выйдет! У нас такого меха и не видели! — сказала амазонка, восхищённо глядя на поверженного белого медведя.

— Мы не можем брать добычи, — напомнил кшатрий.

— Ну да... Тогда добудешь мне такого же у Ледяного моря. Не в бою, а на охоте. Они ведь там водятся?

Индиец окинул взглядом поле боя. Медведи и их всадники почти все лежали на земле,

пронзённые копьями, изрубленные мечами, утыканные стрелами. Конники рубились с Чёрными Медведями, и тем, имевшим по большей части кожаные, а не железные панцири, приходилось туго. Но сзади уже подбиралось, словно стая волков к могучему лосю, кое-как вооружённое полчище. Вскочив на поданного кем-то коня, Вишвамित्रа развернул задних всадников лицом к новому врагу. Незнаемые, хлынувшие скопом, напоролись на копья и мечи.

Люто наседали на «защитников» и нечисть оборотни Волха. Рвали клыками врагов волки, насаживали на рога, швыряли оземь, топтали копытами могучие туры. И нещаднее всех сеял смерть казавшийся неуязвимым Седой Волк.

Вскоре и Чёрные Медведи не выдержали натиска. По приказу Шумилы они повернули коней и скрылись в глубине леса, сопровождаемые бранью Яг-морты и неизвестных. «Защитники леса» слишком любили родные днепровские леса, чтобы погибнуть всем до одного в бескрайнем чужом бору на краю света, даже в бою с ненавистными росами. Тем более, что бились тут друг с другом не так росы, как другие, вовсе не ведомые на Днепре племена. А больше всего «защитники» любили самих себя. Слава? Её сегодня им и так хватило. Вон Бурмила оглушил палицей самого Кудыма. Добыча? До неё ли, когда неизвестно, выберется ли кто-то из них живым из такого невиданного в лесу побоища?

Вслед за братьями и их дружиной летела сорока-Лаума. Сегодня ей не удалось наворожить ничего, даже глаз врагам отвести. Больно сильные колдуны у них: златоклювый ворон и ещё какой-то низенький, вроде сииртя. Ещё немного, и оборотили бы её из сороки в крысу, да так, что самой не расколдоваться.

А в лесу кипел ратный труд, тяжёлый и кровавый. Будто в страшном сне, наседали на росов, пермяков, манжар всевозможные уроды: волосатые, собакоголовые, вовсе безголовые, с лицами на груди, со ртами на темени... Рядом с ними бились лешие, уцелевшие сюдбья, дикие люди — сородичи Яг-морты. А ещё — заросшие, оборванные люди самого дикого, разбойного вида. Сразу видно — те, кто или бежал, или был изгнан из племени и в дебрях вконец озверел. На смену убитым лезли новые враги, такие же яростные, злобные и уродливые. Рёв, вой, крики неумолчно били в уши. Казалось, вокруг был не приуральский лес, а само бесовское пекло. Громко ревел Яг-морт, размахивая увесистым еловым стволом и не так сражаясь, как подгоняя им своих. Расчёт его был прост: задавить небольшой отряд росов числом, завалить его трупам.

На бешеный гвалт полчища воины отвечали крепкой венецкой бранью. Пермяки и манжары прослышали от росов, что отваживать нечисть лучше всего, ругая её по матери — прародительнице всего зла, Яге-Йоме. Не ругались лишь поляницы, дабы не согрешить против Матери Мира.

Немало воинов Вишвамитры пало, но ни один не дрогнул, не ускакал. И натиск орды стал слабеть. Первыми погибли самые завзятые, лучше всех вооружённые, рвавшиеся вперёд. Остальным трудно было устоять против железа с дубьём, кремнёвыми и деревянными копьями, каменными и медными топорами. Каменные и костяные стрелы ломались о железные доспехи. Подземные воины уже не так бились с «железными людьми», как шумели и размахивали оружием. Наконец скопище не выдержало и побежало по протоптанным земляными быками тропам в сторону Подчерья.

Неожиданно с неба донёсся громкий злобный клёкот. С запада летел огромный чёрный коршун. Зловещая птица опускалась всё ниже. Уже видны были горящие глаза, пламя, вырывавшееся из ктюва, человеческая фигурка на её спине. То примчалась на мысленный

зов Яг-морта лесная ведьма Сизью.

— Ну, держитесь, зыряне! Коршун Йомы! — вызывающе крикнул Лунг-отыр.

Крылья птицы издавали гром. Из клюва с грохотом вырвался сноп молний, сбил верхушки нескольких елей. Приободрившееся скопище радостно заорало, завывало. А в сердцах пермяков встал древний ужас. Вспомнились предания о двух братьях, предках коми, бежавших на запад от страшной птицы, из одного пера которой вырос неприступный Урал, из другого — широкая Кама. Куда бежать? Обрато на восток? Где укроешься от огненных стрел, что вот-вот ударят сверху?

Кудым-Ош поднял лицо к небу, раскинул руки, сжимая в них палицу и меч. То же самое сделал его могучий сын. Так же раскинул руки с мечом и акинаком вождь манжар. На двух языках прозвучало заклятие:

— Грозовой Охотник, дай мне, воину Грома, твою силу: силу полёта — моему телу, силу молнии — моему оружию! Мой враг — враг небесного бога, Отца Богов, творца всего доброго!

Столь велика была сила духа и отвага пермяцких князей, что к ней немного добавили чары мудрого Аристея. А отыр-шаман и сам владел грозowymi чарами, умея вызвать в себе силу Грома. Недаром все трое принадлежали к роду Медведя — грозowego зверя.

Три князя разом взмыли в небо. Их оружие излучало грозный синий свет. Заметив их, коршун заклекотал злобно, угрожающе. Огненная стрела ударила в Перю, тот отбил её мечом. Целый пучок молний обрушился на Лунг-отыра. Но тот уже выставил вперёд своё оружие, и такой же огненный пучок сорвался с двух его клинков. С ужасающим грохотом молнии столкнулись и погасли.

Сражение на земле разом стихло. Затаив дыхание, воины следили за невиданным боем в небе. Три фигурки вились вокруг громадной чёрной птицы, заставляя её метаться и терять силы. Лунг-отыр, самый опытный грозовой боец, отвлекал её внимание, рискуя быть испепелённым молниями. Тем временем Кудым с Перей наносили врагу удар за ударом. Наземь летели большие чёрные перья. (Долго потом ходили сюда колдуны — искать их для недобрых чар).

Люди на земле видели ослепительные вспышки молний, слышали раскаты грома, от которых, казалось, раскалывалось небо. Но они не слышали, как скрещивались незримые и неслышимые клинки чар.

Ни одна молния не ударила в Сизью, хотя боевыми заклятиями лесная ведьма вовсе не владела. Но с земли её защищал Яг-морт. Дикий человек радостно скалил клыки. Он любил эту женщину, сильную и безжалостную, как и он сам. И владел ею — когда это нужно было для колдовства, древнего и могучего колдовства подземной богини. Тут им не смел перечить даже сам Железный Старик. Не смел и попрекнуть потом жену хоть взглядом.

Немного ослабить силу молний коршуна удавалось Аристею и Або, хотя сражаться с грозовой птицей одним солнечным волхвам было бы трудно. Но благодаря им молнии не достигали стоявших на земле воинов.

Наконец, вымотав огромную птицу, Кудым сумел перебить ей крыло. Он подобрался было к ведьме, ударил её палицей, но оружие будто наткнулось на незримую силу. Перед мысленным взором князя вдруг ясно предстала ухмыляющаяся полузвериная рожа Яг-морта. Тогда Кудым разом обрушил на крыло коршуна у плеча меч и палицу, соединив силу оружия с силой молний. Кость треснула, и пернатое чудовище, кувыркаясь в воздухе, понеслось к земле — прямо на дружину пермяков. Многие из них, наверное, в страхе погнались бы коней

прочь: ведь страшная птица, падая, сбива одним крылом Перю, другим — Кудыма. Но раздался громкий, уверенный голос индийца:

— На копы коршуна!

Ломая ели, птица всей своей тяжестью напоролась на подставленные копы. Следом в тело коршуна вонзились мечи и секиры. Особенно усердствовали пермяки, мстя за многовековой страх своих предков. Незнаемые не посмели вмешаться — особенно после того, как упавшее головой к ним чудовище в предсмертной ярости ударило молниями прямо в их гущу. Добили коршуна удары Лунг-отыра. С торжествующим видом, будто сам Грозовой Охотник, воин-шаман опустился с неба на спину поверженной птицы и, напевая, пустился в пляс с мечом и акинаком в руках, под удары бубна Або. Панцирь манжара гремел, блестя серебряными бляхами-драконами, металась длинная чёрная коса, падавшая на спину из-под шлема.

Тем временем с деревьев спустились заброшенные туда коршуном Кудым с сыном. Глядя на них, манжарский вождь усмехнулся:

— Ай, хорошо летают пермяцкие князья! Как орлята — совсем молодые.

— Как медведи! — проговорил Перя, потирая ушибленные места. — Чтобы я ещё когда полетел! Ну где видано, чтобы медведь летал?

— Летали вы для первого боя неплохо. Все трое, — снисходительно произнёс Аристей.

Або молчал, высматривая духовным зрением Сизью. Живучая ведьма свалилась со спины падавшего коршуна, но успела обернуться совой и куда-то улетела, избежав стрелы Ардагунды. Но больше всего тревожила шамана не скрывшаяся ведьма, а выступившая вдруг из-за облаков вершина Тельпосиза, увенчанная снеговой шапкой. Чего ждать от её владыки, могучего и беспощадного бога северного ветра?

Тем временем отряд Сигвульфа переправился через Печору. Мало кто из неизвестных заметил плывших ночью на лодках и плотках печорцев. И никто — всадников, ехавших левым берегом за деревьями. Место переправы закрывал от главных сил Корт-Айки болотистый полуостров. И всё же, не успели печорцы перевезти всех конников, как неизвестные обнаружили врага у себя в тылу. Толпа двинулась на небольшой отряд с криками, рёвом, бранью. Оглушительно лаяли пёсиголовцы. Скопище вёл, потрясая железной секирой, могучего сложения безголовец в кольчуге. Бородатое лицо его выглядывало из разреза на груди.

Сигвульф, однако, лишь посмеивался, глядя то на приближавшуюся толпу, то на двух эллинов. Царевичи же были настроены и вовсе беззаботно. Германец взмахнул рукой, и три сокола-нура взлетели, держа в когтях увесистые мешочки. Оказавшись над головами скопища, они клювами и когтями разорвали мешочки, из которых посыпался голубоватый порошок. Птицы-оборотни полетели кругами, рассеивая его. Им помогал ветерок, насланный Миланой.

Вскоре воинственный гвалт толпы сменился криками, полными страха. Полчище, никем не гонимое, бросилось бежать вглубь леса. Незнаемые отчаянно вопили, давили друг друга. Безголовец в кольчуге размахивал секирой, пробивая себе дорогу среди своих, пока не был ими повален и затоптан. Пёсиголовцы тоскливо, жалобно выли. Сотня всадников, которую неизвестные могли бы прижать к берегу, даже сбросить в Печору, показалась им вдруг страшнее всех подземных чудовищ.

А вслед им уже гремело беспощадное «Мара!». Отравленный страхом воздух был не

опасен воинам Сигвульфа: колдовской ветер гнал его вперёд, не давая при этом убежавшим освободиться от ужаса. Сарматы без устали кололи, рубили, топтали конями бегущих. Ещё безжалостнее истребляли подземных пришельцев немало натерпевшиеся от них печорцы. Кого жалеть? Нелюдь? Всех этих волосатых, безголовых, козлоногих, что явились из своего мира в этот только для того, чтобы убивать, жечь, насиловать? Ещё и творить напоказ всё, на что людям и глянуть-то стыдно...

Кое-где неизвестные пытались давать отпор, сбивались в кучи, но быстро гибли под мечами и стрелами: их противники трусами не были. Сигвульф в рогатом шлеме, с окровавленным мечом, громко взывая к Одину, первым бросался на сопротивляющихся: много ли чести воину рубить перепуганных двуногих баранов? Сагдев с Сораком и вовсе чувствовали себя героями из песен. Два эллина рубили и кололи вместе со всеми. Но только у них эта бойня вызывала отвращение. Избиваемая сарматами и печорцами толпа бежала на северо-восток, туда, где река Щугор вырывалась из ущелий Иджид-пармы.

На севере и востоке кипел бой, но над устьем Подчерья две рати только перестреливались и переругивались. Незнаемые лаялись самой мерзкой венедекской бранью — той, что Матери Сырой Земле негодна. Не иначе от кузнеца выучились. Росы отвечали им тем же: по матери ругать только людей грех, у нечисти мать другая — чёртова.

Каждый из предводителей хотел выманить врага на свой берег. И всё же бой здесь начали росы, и раньше, чем рассчитывал их царь. Один из дубовых великанов принялся во всю деревянную глотку поносить Ларишку грязными венедекскими словами. Царица лишь громко сказала мужу:

— Только не вздумай сам биться с этим чучелом. Оно же само не знает, что говорит! Пустим его потом на дрова.

— Верно! Велика честь для него — с царём сражаться, — отозвался Шишок и низко поклонился Ардагасту. — Солнце-Царь! Дозволь выйти поединщиком, постоять за честь твоей царицы и всех росов.

Царский леший давно изнывал от бездействия. Он ведь остался тут потому, что хотел помериться силой с деревянными великанами. Зная это, царь кивнул ему.

Незнаемые дружно покатывались со смеху, глядя, как невзрачный мужичок в сером кафтанишке и лаптях перебирается с островка на островок, шестом нащупывая брод, ещё и вопит:

— Эй, ты, вояка стоеросовый, башка дубовая! Я, Шишок, зову тебя на честный бой!

Вслед за мужичком, воинственно влаивая, плыл волк, которого многие приняли за собаку.

На берегу поединщика уже ждали два крупных, с медведя, зверя — лиса да заяц. За ними толпились подземные сииртя с копьями.

— А ну, с дороги! Я кого на бой звал?

Сииртя лишь засмеялись: одолей, мол, сначала нас. Шишок с размаху огрел шестом по морде громадного зайца, и тот сразу же отпрыгнул в сторону. Оскалив мощные клыки, на лешего бросилась лиса. Тот отскочил, махнул шестом, и зубы зверя сомкнулись на дереве. В следующий миг лисе стало не до Шишка: Серячок, прыгнув, вцепился ей в шею. Но прежде, чем она успела высвободить зубы из древесины, лешак дёрнул за шест, и зверь свалился с обрыва в реку. Волк и огромная лиса с рычанием и визгом дрались в воде, а на Шишка уже лезли с копьями сииртя. Низкорослый лешак был всё же на голову выше подземных человечков, а шестом орудовал так ловко, что они вскоре расступились перед ним. Тем

более, что лез поединщик прямо под громадные дубины сразу двух великанов — соснового и дубового.

Со скрипучим деревянным смехом два исполина молотили по земле толстыми еловыми стволами, но никак не могли вбить в землю юркого противника. А тот, улучив момент, оказался у них за спинами. Скопище замахало оружием, отгоняя его назад. Леший отскочил, прижался к стволу — и вдруг перед глазами незнаемых предстал покрытый серой шерстью остроголовый великан ростом с само дерево.

Кузнец выругался. Как он сразу не сообразил, что потешный нахальный мужичок — леший, да ещё венедский! Здешние-то лешаки рост менять не умеют... А Шишок, не желая нападать сзади, уже снова оказался перед опешившими великанами. Сосновый исполин, скверно бранясь, замахнулся дубиной. Леший перехватил её, вывернул вместе с рукой. Раздался треск, затем — резкий, скрипучий крик. Толстая рука — ветвь — была сломана в запястье. Не давая противнику опомниться, Шишок обхватил его руками. Великан тоже обхватил лешего, прижал к себе. Могучее тело Шишка словно попало в тиски. Живой исполин с силой рванул деревянного. Лопнули кожаные ремни, привязывавшие ноги великана к дереву, и тот стал быстро уменьшаться в росте. Лешак швырнул его наземь, подобрал громадную дубину и двинулся на дубового великана с криком:

— Я тебе слова-то паскудные в глотку вобью! Будешь знать, как нашу царицу лаять!

Две дубины скрестились, и грохот пошёл по лесу, будто гроза бушевала. Шишок заметил, что ель, к которой привязан его враг, — старая, трухлявая. Ухватив свою дубину за оба конца, он прижал оружие противника к дереву и, упёршись ногой в соседний ствол, с силой подался вперёд. Ель треснула и рухнула вместе с великаном. С двух ударов леший разнёс его дубовую голову в щепы и торжествующе загоготал на весь лес. Росы подхватили его крик, потрясая копьями.

И тут, повинувшись взмаху руки Железного Старика, скопище разом бросилось на Шишка. Яростно взревев, тот замахал дубиной. Вокруг лешего возник вихрь. Он валил с ног нападавших, относил прочь их стрелы. Сунувшихся ближе лешак гвоздил дубиной, расшвыривал в стороны, вбивал в землю, в стволы деревьев. Но долго ли он сможет держаться в одиночку против тысяч разъярённых пекельных выходцев? Росы возмущённо шумели, рвались в бой. Где это видано — на поединщика скопом бросаться?

Но отважный лешак был не одинок в бою. Не видимые никому, кроме волхвов, над ним сражались духи, вызванные Корт-Айкой и Зорни-шаманом. Медвежьеголовый змей и нетопыри с волчьими головами норовили вцепиться незримыми клыками в лешего, но их отгоняли огромный орёл с ушастой головой, грифоны и медноклювые гуси. Серячок, уже управившийся с лисой, по мере сил помогал хозяину. Известно ведь: в лесу только волки не боятся охотиться на нечисть.

Ардагаст хотел было позвать лешего назад, но тут сокол-нур доложил, что Сигвульф уже обрушился на незнаемых с тыла. А ведь лешак проделал в их обороне брешь! И Зореславич поднял меч:

— Росы, вперёд! Слава!

И всадники ринулись вброд через Подчерье, туда, где, словно буря, бушевал лешак. Здесь росам уже не угрожали дубины деревянных великанов. Корт-Айка мог бы помешать чарами переправе, но в это время он пытался оглушить Шишка боевыми заклятиями. Тот уже зашатался, однако в следующий миг Вышата обрушил на кузнеца такое заклинание, что тот упал без памяти и пришёл в себя, когда росы и манжары уже ворвались на северный

берег. Одни всадники, устремившись в пробитую Шишком брешь, насаживали на копыта по несколько нечистых сразу, рубили их длинными мечами, засыпали стрелами. Впереди, круша всё на своём пути, огромными шагами шёл леший. Другие конники, зайдя в тыл великанам и отогнав от них сииртя и других подземных пришельцев, рубили ремни, которыми исполины были привязаны к деревьям. Живые истуканы тут же теряли свой громадный рост и бросались наутёк, кто пешком, кто на зайцах и лисах. Иных сииртя сами отвязывали и убегали вместе с ними.

До мысленного слуха Корт-Айки доходили всё нараставшие волны страха и отчаяния, зовы о помощи. Он знал, что его огромное войско неудержимо превращается в перепуганное стадо, которое железные всадники с юга гонят и режут, словно волки. Он понимал, что после поражения ему не будет места ни в земном, ни в подземном мире. Люди его не простят, а неизвестные не пощадят приведшего их на гибель. И кузнец воззвал:

— Зову тебя, Войпель, владыка северного ветра, владыка холода и смерти! Приди со снежной вершины Тельпосиза, смети воинов Солнца, чужаков с юга! Помоги нам, идущим с севера, из подземной тьмы!

А в это время колдунья Сизью взывала, обернувшись к северу:

— Зову тебя, Великая Йома, Нижнего мира хозяйка, смерти владычица, мать всего зла! Мы твои дети! В трёх обличьях явись, три дружины воинов Солнца порази! Мы твои воины, прикажи — все три мира опустошим, разрушим!

Выше всех гор Урала за Печорой поднимается Тельпосиз. Слово войско копейщиков, покрывают его склоны ели и пихты, сторожат голую каменистую вершину, почти всегда окутанную облаками. Но сейчас расступились облака, стала ясно видна вершина, уже покрытая снегом. Среди него чернело отверстие пещеры. Оттуда вышел старик исполинского роста, в красном кафтане, зелёных штанах и белом пушистом плаще, с косматыми седыми волосами и такой же бородой. Он поднял огромную дубину, шагнул вперёд и полетел. Впереди него мчался с воем и рёвом ветер, валивший деревья, позади шлейфом неслась белая метель. И сами его седые космы и белый плащ, реющий на ветру, казалось, были из снега.

На берег Щугора, там, где он вырывается из ущелий Иджид-пармы, вышел десяток вооружённых печорцев. Неделю назад они, вернувшись с охоты, обнаружили свой посёлок дотла уничтоженным подземной ордой и с тех пор шли за ней, ловко и бесстрашно истребляя пришельцев. Увидев, как из расщелины в скале над бурным потоком вышла сгорбленная старуха в тёмной потрёпанной одежде, печорцы обратились к ней:

— Здравствуй, бабушка! Скажи, с кем это бьются люди неизвестные? Шум далеко слышен.

Старуха — седая, лохматая, простоволосая — недобро засмеялась:

— Смерти ищете, охотники? Не идите дальше, уже нашли!

Миг — и перед опешившими печорцами уже стояли вместо одной старухи — три. Две из них, слепые, держались за третью, одноглазую, с торчавшим изо рта клыком. При этом все трое вовсе не казались беспомощными. Злой, безжалостной, древней силой веяло от них. Старухи ехидно захихикали — и всё вокруг неожиданно стало туманным, изменчивым, незнакомым. В тумане возникали и пропадали скалы, деревья, болотные топи. «Ведьмы! Кривая, Нелёгкая да Недобрая!» — поняли охотники и схватились за луки, шепча заговоры. Но Кривая вынула глаз и клык, выставила вперёд, как оружие, — и упали бессильно уже сорвавшиеся с тетив стрелы, а сами печорцы, молодые, сильные, рухнули замертво. Их

предводитель, умирая, ещё успел увидеть, как чудовищно преобразились старухи. Космы их обратились в шевелящихся змей, головы покрылись чешуёй, изо ртов высунулись кабаньи клыки. Руки стали медными, за спинами выросли золотые крылья. Трое разом взмыли в воздух и полетели в разные стороны — туда, где кипели в тайге три побоища.

В отряде Сигвульфа едва ли не первыми поняли, что за диковинное, блестящее металлом существо летит к ним, два грека. Оба враз оцепенели, скованные древним страхом. Где сын Зевса с зеркальным щитом и алмазным серпом, в шапке-невидимке и крылатых сандалиях? Они же люди, всего только люди, Хилярх из Кизика и Харикл из Эмесы! Из печорцев лишь самые смелые решились пускать стрелы в страшную богиню-ведьму, остальные же бросались наземь, забивались в кусты. Взялись за луки и сарматы, но стрелы падали, теряя в полете силу.

Ведьма летела не так уж низко, но все, даже отводившие и закрывавшие глаза, ясно видели её лицо. Молодое, правильное, в ореоле извивающихся змей, оно было прекрасно, но то была завораживающая красота змеи. Холод и смерть лились из немигающих, голубых, как лёд, глаз. Вместе с налетевшими внезапно с востока порывами ледяного ветра этот взгляд пробирал до костей, сковывал душу и тело, убивал волю. Иные и впрямь умирали, обращались в каменные и ледяные статуи. Но не так-то просто было убить одним взглядом бывалых воинов и отважных охотников. Люди махали оружием, ругались, кричали:

— Эй, ты, летучая гадина, спускайся, мы твоих змей мечами сострижём!

Сагдев, преодолевая страх, подбадривал своих дружинников:

— Держитесь, воины степи! Видите, лошади её не боятся! Кто повернёт коня, тот не мужчина!

Взоры многих обращались к Милане. Но волхвия, раненная в голову каменным топором какого-то отчаянного безголовца, с трудом приходила в себя. Склонившийся над ней Сигвульф с тревогой думал о том, что будет, если неизвестные оправятся от испуга и бросятся на скованных колдовским взглядом воинов.

Всеобщее настроение передалось Хилярху. Страхнув с себя оцепенение, он хлопнул по плечу Харикла:

— Держись, алхимик! Видишь, не так эта горгона сильна, как твердят поэты!

Бледный как мел бронзовщик с трудом проговорил:

— Порошок... Мешочек ещё остался...

Хилярх быстро взял у него мешочек, протянул молодому дружиннику-нуру:

— Что приуныл, Гостиата? А ну, соколом!

Враз повеселевший юноша понимающе тряхнул русыми кудрями, обернулся соколом, взлетел. Хилярх с замирающим сердцем следил за ним: выдержит ли взгляд горгоны так близко? Вот сокол полетел куда-то в сторону, потом набрал высоту и, оказавшись над головой богини, обрушил на неё облачко голубовато-зелёной пыли. Люди, цепеневшие под взглядом ведьмы, ясно увидели, как задёргались её волосы-змеи, исказилось от ужаса безжалостное красивое лицо, и чудовище, судорожно взмахивая крыльями, понеслось прочь. Сокол летел следом, посыпая страшную богиню египетским порошком. Воины разразились ликующими криками.

— Вот додумались, молодцы! — раздался голос Миланы. — Хорошо хоть ветер мой не утих, а то бы просыпалась эта дрянь прямо на нас... Погодите радоваться, сейчас она вернётся. Жаль, солнца не видно. Сигвульф, зажги огонь!

Волхвия достала из сумы серебряное блюдо с Артемидой и факел. Гот зажгёт его.

Вскоре горгона и впрямь вернулась. Её лицо, прежде по-змеиному холодное, теперь пылало яростью. Милана, напевая заклятия, направила в её сторону блюдо. Сигвульф держал перед ним факел. Серебристый луч ударил в небо, и вдоль него понеслась прямо на горгону юная богиня верхом на златорогой лани, в короткой тунике, с луком в руках. Перед богиней бежали, приплясывая, два шамана в трёхрогих шапках, потрясая каждый двумя мечами. Полупрозрачные тела богини и её спутников сами состояли из чистого, яркого света. Сияющие стрелы полетели в крылатую ведьму, и та, не выдержав, помчалась прочь. А остановившееся было скопище побежало к Щугору теперь уже без всяких чар. Сарматы и печорцы ринулись следом, истребляя бегущих.

Отважный сокол-нур подлетел к отряду у самой реки.

— Напоследок хотел ей в рожу вцепиться, а она как глянула! Я — сразу камнем вниз, да в лесу спрятался, а то бы и впрямь... закаменел.

— Нам всем ещё повезло! — махнула рукой Милана. — Это была из трёх самая молодая. Две другие, баба и старуха, посильнее будут.

Отряд Вишвамитры приближался к Иджид-парме, когда с заснеженного Тельпосиза сорвался ледяной ветер и понёсся, валя деревья и засыпая тайгу снегом. Огромная просека стремительно приближалась к росам, а над нею с рёвом летел, потрясая палицей, косматый седой бог в белом плаще. На земле, вторя богу, торжествуяще ревел Яг-морт, хотя ели валились прямо на его воинов. Сердца пермяков дрогнули. Это уже не чудовище вроде коршуна Йомы. Сражаться с богом, грозным богом северного ветра? Им, людям? Ни в каких песнях такого нет. Смертный может богу только молиться или звать на помощь другого бога.

Пермяки поминали Ена, Золотую Бабу, Шунду-Солнце, Грозового Охотника. Только где они все, если осеннее небо обложено серыми облаками, а для гроз уже не время? Но тех, кто сражался у Золотой горы, Владыка Ветров больше не мог утратить.

— Летим! — воскликнул Лунг-отыр, обернувшись к пермяцким князьям, и поднял к небу оба клинка.

Следом подняли своё оружие Кудым и Перя, и снова зазвучало на двух языках могучее заклятие. Не видно в небе Светлых богов? Зато есть люди, силой духа подобные богам! А ещё есть племя, и не одно, что вырастило таких людей и поставило их впереди себя, трое лесных князей снова взмыли в небо, навстречу приближавшейся буре.

А на верхушках двух вековых елей сидели два больших златоклювых ворона: Аристей и обернувшийся птицей Або. Между ними, преграждая путь ветру, засветилась золотистая завеса. Ветер нёсся не прямо с севера, а с востока, и многоопытные солнечные шаманы надеялись удержать его вдвоём.

А с севера приближалась на золотых крыльях другая злая сила — горгона, средняя из трёх. Воины уже видели её беспощадный лик, увенчанный клубком змей. Тела и души цепенели от холода и страха. Испуганно всхлипывали молодые амазонки. Ардагунда прикрикнула на них:

— Не хныкать, девчонки! Мужчины на вас смотрят! А кто побежит — именем богини проклянута... и высеку!

Меланиппа трянула чёрными кудряшками:

— Холодно совсем... Пересвет, сыграй, а мы спляшем!

Негнушимися пальцами гуслиар провёл по струнам и почувствовал, как вливается в руки привычная добрая весёлая сила — от прадеда Велеса. Вот он, вырезанный на коробе, под струнами, — луннорогий, на троне, с гуслиями в руках, и внимают его игре птицы, олени,

львы... Всё громче, уверенней зазвучала венедская плясовая. Соскочили с коней пермяки, амазонки, манжары, заплясали кто во что горазд. Выделывали немислимые коленца даже оборотни — туры и волки, кто на четырёх ногах, кто на двух. Меланиппа всю вертела, взяв за лапы, Волха — Седого Волка. Огромный индеец выбивал ногами дробь перед Ардагундой.

Потом зазвучала воинственная мелодия древнего танца арьев, и воители пошли вприсядку, потрясая мечами, копьями, секирами. Звеня секирой о меч, вихрем носилась с развевающимися золотыми волосами царица амазонок. Оторопело глядели на всё это неизвестные и не смели напасть. Таёжные разбойники и бесы только качали головами. Они-то мнили себя храбрее всех в лесу.. И откуда взялись такие люди, что перед самым грозным богом не отступают, на самую страшную богиню и не смотрят, ещё и пляшут в такой час?

Богиня в ярости сжимала медные кулаки. Древний танец, посвящённый Митре-Солнцу, ослаблял смертоносную силу её взгляда. Ни пляшущим воинам, ни воронам-шаманам словно и не было до неё дела! Неизвестно, какие страшные чары обрушила бы она в злобе и досаде на людей, но тут с запада подлетела золотистая утка. В когтях у неё было парфянское серебряное блюдо с царём-всадником. Старая Потось не вмешивалась в схватку мужчин с грозным коршуном, но теперь настало время женских чар. Ардагунда воздела руки, и они засияли ярким светом. Отражённый блюдом луч света, в котором золотое сияние смешивалось, играя, с серебристым, устремился к горгоне. А вдоль него поскакал всадник на златогривом коне, с грозно поднятым мечом. Рядом с его головой летели, ослепительно сияя, два маленьких светила — солнце и луна. Их некогда вырезал на блюде мудрый Бурморт.

— Мир-сусне-хум! — в восторге закричали манжары.

— Шунда! Дажьбог-Хорс! — вторили им пермяки, нуры, амазонки.

Горгона бросила на людей ещё один злобный, леденивший душу взгляд и умчалась на север, гонимая Солнечным Всадником.

А рядом в небе шла ещё более суровая и опасная битва. Золотистая завеса, созданная двумя шаманами, трепетала под натиском ветра. Обрушья на неё сам седовласый бог с палицей — тонкая магическая преграда не выдержала бы. Но вокруг великана вились три могучих воина, казавшиеся рядом с ним не больше годовалых младенцев. Они с трудом уходили от страшных ударов палицы, способной сокрушить земляного быка. Поднятый ею вихрь заставлял их кувыряться, падать, относил далеко в сторону, но они снова и снова осыпали бога пучками молний. Палица его уже обуглилась и потрескалась, белый плащ и красный кафтан были усеяны обгорелыми дырами. Старый бог всё больше уставал, но нелегко было и его врагам, особенно Лунг-отыру. Воину-шаману приходилось защищать не только себя, но и обоих пермяков от чар Яг-морта и Сизью. Дикий человек колдовал с земли, а ведьма летала в облике совы и науськивала на бойцов своих духов — уродливых остро-, ухих птиц.

Наконец манжару удалось, пока пермяки отвлекали Владыку Ветров, подлететь к самой его руке и ударить грозowymi клинками в палицу у самой рукояти. Огромная дубина была перерублена. Один её обломок выпал из обожжённой руки бога, второй полетел вниз, переломал несколько елей и вбил в землю полдюжины неизвестных. Великан, яростно воя, принялся отбиваться от троих воителей кулаками. С земли это выглядело вовсе смешно, и росы с пермяками непочтительно хохотали.

В этот миг утка-Потось, далеко отогнав горгону, направила блюдо в сторону бога.

Солнечный Всадник летел по серебристо-золотому лучу прямо на седого исполина, и никакой ветер не мог остановить этого полёта. Наперерез всаднику бросилась сова-Сизью. Самые древние, самые тёмные свои чары, сохранённые сотнями поколений лесных ведьм со времён зверобогов, употребила она, чтобы остановить воина Света. Чёрная туча окутала его, но вмиг развеялась под ударом золотого меча. Обгорелый труп колдуньи ударился оземь безобразной смесью человеческих и птичьих костей, обугленного мяса, перьев и волос.

А обессилевший Повелитель Ветров, не выдержав ослепительного света, прикрыл глаза рукой и вдруг развернулся и понёсся во весь дух обратно к Тельпосизу, засыпая снегом тайгу. Вслед ему летел молодецкий свист росов.

Под приветственные крики воинов три князя опустились с неба в сёдла. Вишвамित्रа взмахнул двуручным мечом, и его конники устремились на полчище Яг-морта. Что теперь была им, увидевшим поражение бога и богини, какая-то лесная и подземная нечисть! А неизвестные, совсем упав духом, бежали, словно испуганное стадо, туда, где река Подчерье выходила из Иджид-пармы. Громко вопя и давя друг друга, рвались они через ущелье на восток. Яг-морт теперь пытался лишь задержать врага, прикрывая бегство своих. В его рёве и вое не было уже ничего человеческого. Махая во все стороны окровавленным стволом, он крушил коней и всадников, думая только о том, чтобы убить напоследок побольше ненавистных ему людей.

Вдруг прямо перед ним оказался Лунг-отыр. Дикий человек взмахнул стволом, стремясь вбить манжара в землю. Но полыхавший грозным пламенем клинок разнёс дубину в щепки. Яг-морт отлетел назад, вскочил, готовый ринуться на отыра с голыми руками. Но тут несколько копий сразу пригвоздили его к скале. Вопреки обычаю, дружинники-пермяки вмешались в поединок вождей. Слишком ненавистен был людям пармы воплощённый ужас тайги — убийца, насильник и колдун. Человек-зверь руками вцепился в копыя, ломая дровки. Но меч манжара вонзился ему в горло.

— Эй, не портьте ему больше шкуру! Она принадлежит Лунг-отыру, нашему другу, — сказал Перя.

Труднее всего пришлось главному отряду — дружинам Ардагаста и Зорни-отыра — возле устья Подчерья. На них летела самая старая и сильная из трёх богинь. Волхвы первыми заметили духовным зрением её приближение. Вышата оборотился белым кречетом, Зорни-шаман — рыжим гусем. Вспорхнув на верхушки двух высоких елей, они воздвигли золотистую магическую завесу. Она могла задержать горгону и ослабить силу её взгляда, но ненадолго.

А богиня уже появилась над деревьями. Воины ясно, словно совсем рядом с собой, видели её лицо — морщинистое, полное холодной ехидной злобы. Волосы-змеи были сплошь белые или пепельно-серые. Между торчавшими изо рта выщербленными кабаньими клыками, дразнясь, высовывался язык. Бледно-голубые глаза ледяными иглами впивались в душу, медленно убивали силу и волю к борьбе. «Попались, воины, — словно говорило это злорадное старческое лицо. — Кончились ваши подвиги. Край света искали? Для вас он здесь будет». Тонкая волшебная преграда колебалась, словно под порывами ветра, местами лопалась. Бесплезно было отводить взгляд: лицо горгоны всё равно стояло перед глазами.

Однако никто из воинов не окаменел. Ведь это всё были испытанные бойцы, прошедшие битвы за Золотую гору и Гляден-гору. И всё же, если бы не магическая завеса, взгляд змееволосой ведьмы мог бы разом обратить в камень весь отряд. Это знали немногие, и среди них Корт-Айка. Чтобы выманить росов за завесу, он бросил на них всё скопище, а

потом велел ему отходить. Царь и отыр всё же сумели остановить воинов. Лишь трое молодых отчаянных дружинников — аргиппей и два манжара — в горячке боя пересекли мерцающую преграду. И тут же лошади их испуганно заржали, почувствовав на спинах тяжесть каменных статуй.

Тем временем Лютица достала из сумы хорезмийское серебряное блюдо с Анахитой, пропела заклинание, призывая богиню. Нужен был ещё свет, и непременно солнечный: только он мог одолеть силу старшей горгоны. Но солнце было скрыто за облаками, и заменить его могло лишь пламя Колаксаевой Чаши. Она сейчас была в сумке у пояса Ардагаста. Волхвиня подняла голову и вдруг увидела, что возле знамени росов, где обычно стоял Зореславич, идёт отчаянная схватка, самого же царя не видно, а его «небесный» конь — без всадника.

Пока Лютица волхвовала, какой-то ловкий пёсиголовец метнул дубинку и попал прямо в висок Ардагасту. Царь свалился с коня, и тут же целая свора нечисти бросилась к нему. Натиск её был таков, что возле Зореславича остались лишь Ларишка да знаменосец — дрегович Всеслав с кушаном Хоршедом. Царица яростно рубилась, снося кривой махайрой головы и руки, и не знала, защищает ли она мужа или же его мёртвое тело. Ей на помощь пробивался, сверкая позолоченным шлемом, Зорни-отыр.

Поняв всё, волхвиня повесила на шею суму с блюдом, обернулась львицей и в два прыжка достигла места схватки. Подземные душегубы дрогнули, а иные пустились бежать. Ведь перед ними предстала не просто львица, а серо-жёлтый зверь — самка из породы Великого Льва, древнего зверобога, слишком хорошо знакомого неизвестным в нижнем мире. А Лютица, громогласно ревя, уже вовсю рвала в куски пекельных уродов, крушила могучими лапами их кости. Вскоре вокруг Ардагаста не осталось ни одного живого врага.

Царица и волхвиня склонились над Зореславичем. Его шлем был погнут, золотые волосы залиты кровью. Всё же царь остался жив, хотя и без сознания. Но ведь солнечное пламя могло вспыхнуть в Огненной Чаше лишь в руках Солнце-Царя, избранника богов! Даже Вышата, хранитель Чаши, не мог вызвать этого пламени. Скрытую в нём силу Огненной Правды нельзя было ни умолить, ни задобрить жертвами, ни подчинить чарами. Она служила лишь достойному. Лютица наскоро зализала рану царя, прорычала лечебный заговор. Потом достала лапой Колаксаеву Чашу и, хотя рядом стояли воины-мужчины, указала на неё Ларишке. Тохарка, вполголоса призвав Мать Богов, робко протянула руки к Чаше, подняла её. И тогда из священного сосуда, скованного самим Сварогом, ударило вверх чистое золотое пламя. Лютица, присев на задние лапы, подняла передними блюдо. Яркий золотой луч ударил туда, где трещина уже почти разделила пополам мерцающую завесу. Разрыв исчез, и луч ударил дальше — прямо в лицо страшной старухе. А по лучу неслась верхом на льве богиня с четырьмя руками. В нижних руках она держала скипетр и чашу, в верхних — сияющие диски солнца и луны.

Богиня жизни и света мчалась на бой с богиней смерти. И та не приняла боя. В лучах света горгона заметалась, как сова, забила крыльями, потом развернулась и понеслась прочь. Светлая богиня победоносно скакала следом, и два потока света — золотой и серебряный — били из её рук.

С Ардагастом остались Вышата и несколько дружинников. А отряд повёл в бой Зорни-отыр. В позолоченном шлеме, с темно-рыжей косой, на золотисто-рыжем коне, он был страшен пекельной орде, как сам Мир-сусне-хум. Рядом с увенчанным медным гусем знаменем манжар трепетал красный с золотой тамгой стяг росов. Под ним скакала Ларишка

с махайрой в руке, а рядом бежала Лютица-львица. Огненная Чаша и серебряное блюдо были в сумке у царицы — на случай, если вернётся горгона. Сердце тохарки рвалось к раненому мужу, но царица знала: сейчас место её — в бою.

Отряд Сигвульфа, нещадно избивая орду, гнал её до ущелья, где Щугор выходил из пармы. Здесь их нашёл сокол-нур с приказом царя — от ущелья идти на юг, к главным силам. Дружина остановилась передохнуть. Кое-кто из сарматов принялся снимать с трупов неизвестных грубые украшения из золота и самоцветов. Сигвульф, заметив это, проучил плетью забывших обет, а царевичи добавили. Печорцы обета не давали, а потому усердно грабили, надеясь потом обменять добычу у пермяков на железо.

Все были довольны победой. Лишь Хилиарх мрачно смотрел на поле боя. Щугор в ущелье был запружен трупами, и вода в нём покраснела от крови. Тела уродливых подземных выходцев устилали лес. Многие были изрублены, заколоты, пронзены стрелами, затоптаны конями. Едва ли не больше было утонувших, задавивших или затоптавших друг друга во время бегства. Всюду кровь, вывороченные внутренности, торчащие из ран переломанные кости. Раненых добивали печорцы. Росомахи подбирались к мёртвым и умирающим, и волки скликали своих на пир.

Хилиарх поднял тяжёлый взгляд на бронзовщика:

— Скажи, Харикл: есть ли бог, клятву именем которого ты не посмеешь нарушить?

— Да. Элагабал, бог солнца. У нас в Эмесе его почитают превыше всех богов.

— Так вот, поклянись Элагабалом, что никогда не употребишь этого зелья против людей. Оружие, которое лишает людей разума, а воинов превращает в мясников, — это оружие демонов и злых богов, и только с ними можно им сражаться. Иначе мы можем обезлюдить мир.

Харикл согласно кивнул. Ему, мирному ремесленнику, претила бойня. Даже учинённая во имя Солнца и для спасения целого края.

Остатки полчищ Корт-Айки столпились у выхода Подчерья из ущелий Иджид-пармы, гонимые отрядами Зорни-отыра и Вишвамитры. Но Железного Старика не могло укротить даже поражение богов. Набрав в колдовскую деревянную чашу воды, он призвал Морского Старика, отца рек и источников. Внезапно Подчерье превратилось в бурный многоводный поток, разлившийся по тайге. Из земли забили десятки, сотни ключей. Вскоре вода дошла лошадям до брюха. Земля же под их копытами стремительно превращалась в трясины. Со склонов пармы неизвестные довольно хохотали, уцелевшие разбойники кричали росам и манжарам: «Утонете, как крысы, в своих панцирях!»

Но водяные чары кузнеца столкнулись с солнечными и земляными чарами трёх шаманов и двух волхвиц. Стало жарко, будто в далёких южных пустынях. Вода быстро исчезла, обратившись в пар, земля высохла. Корт-Айка колдовал снова и снова, призывал других хозяев влаги — Мать Облаков, Отца Ледяных Гор. Новые потоки воды обрушивались на росов, но тут же испарялись, уходили в землю. Кузнец знал ещё немало опасных чар, но какая-то усталость всё больше овладевала им. Устало не выносливое тело — душа. Что он делал половину жизни? Убивал, грабил, колдовал, лишь бы доказать свою силу всем, и прежде всего — самому себе. Вот и стал врагом всем людям. А дальше — всё то же? Мир велик, и неизвестные весь его готовы опустошить. Только, видно, есть предел всякой злой силе. Вот он его и нашёл... А ведь когда-то, на Днепре, его не боялись, а уважали.

Тем временем пермяки и амазонки поднялись на парму и с юга ударили на неизвестных. И всё скопище, не выдержав, бросилось наутёк. Многие бежали через парму, ещё больше —

через ущелье, и в нём возникла такая же свалка, как на Щугоре. Кузнец, оставив чары, обречённо отбивался мечом и обитой железом палицей. Железный Старик не мог одного — сдаться.

Вдруг на скале над ущельем появилась одинокая всадница на чёрном коне. Пышные чёрные волосы раскинулись по красному плащу. Амазонки первыми воздели руки, приветствуя её, следом — и остальные росы. Её почитали под именем Мораны, Артимласы, Анахиты. Ларишка же звала Анахитой и Ладу — Мать Мира, и её дочь-воительницу. Лишь манжары и пермяки не знали богини войны и смерти, хотя и не пугали русскую богиню со злой Йомой-Ягой. Всадница подняла меч. Росы и их союзники замерли, готовые по её зову обрушиться на любого врага. Но голос богини был спокоен и чист:

— Воины Солнца! Прекратите бой. Пусть они уйдут навсегда туда, откуда пришли. Они неизвестные, но всё же люди. Им нелегко жилось там, под землёй, среди неведомых вам зверей и чудовищ. Тебе же, кузнец Громобой, там не место. Если ты выучишь их ковать железо, они натворят ещё больше зла. Ты рождён в этом мире, и пусть тебя судят его люди.

Всадница указала мечом на восток, и неизвестные потянулись туда, шагая по трупам своих сородичей, запрудившим Подчерье. Кузнец мысленно позвал жену, сыновей, Яг-морта. Никто не откликнулся. Значит, все уже у Чернобога. Нет, отозвался самый младший. Слабый, магкотелый. Правда, усердный и способный к тонкому литью. «Уходи, сынок! Только не с этими. И не живи так, как я». — «А как жить?» — донёсся мысленный голос сына. «Не ведаю. К людям иди, к тем, кто нас не знает».

Кузнец спешил, привалился спиной к скале, сжимая меч и палицу, красные от крови. Воины окружили его тесным полукольцом. Всеслав-дрегович покачал головой:

— Эй, Громобой! У нас про тебя песни поют: как поднял ты людей на злого хозяина Чёртова леса. И будто куёшь ты теперь у Сварога на небе. Но ещё вернёшься...

Седовласый кузнец встрепнулся, глаза его засветились надеждой.

— А если и впрямь вернусь? Я ведь ковать с тех пор ещё лучше стал, здесь любой вам скажет...

— Вернуться? — зловеще оскалился Кудым-Медведь. — Попробуй пройди туда через пермяцкие земли, Корт-Айка!

— Так попробуйте здесь убить Железного Старика!

Пермяки разом бросились на ненавистного разбойника. Перя с Кудымом выбили у него из рук оружие. Но ни мечи, ни копья, ни палицы даже не ранили его, всякий раз натыкаясь на незримую преграду. Кузнец горько рассмеялся:

— Заклятие неуязвимости. Сам составил. — Взгляд его померк, голова опустилась. — Устал я. От жизни устал... Чтобы снять закливание, нужно мой шаманский пояс разорвать.

Кудым взмахнул мечом, но клинок снова уткнулся в колдовскую преграду. Корт-Айка ослабил зло и тоскливо. Даже вечная игра со смертью перестала его радовать. Ударил мечом Лунг-отыр. Молния вспыхнула вдоль лезвия, и колдовской пояс, увешанный амулетами, распался. Манжар вонзил клинок в сердце кузнеца. Тот, словно не чувствуя боли, облегчённо вздохнул и осел наземь. Отыр наклонился, сгрёб в кулак его длинные седые волосы, привычно и умело провёл акинаком вокруг головы и с торжествующим видом поднял окровавленный скальп.

Перя задумчиво шёл по тайге, усеянной трупами. Вдруг его взгляд привлекла молодая женщина. Её красивое сильное тело было прикрыто лишь длинными волосами да ещё

шерстью, густо покрывавшей его ниже пупка. Женщина, пытавшаяся выбраться из-под мёртвой лошади, с испугом взглянула на непобедимого вождя пермяков. Оружия у неё не было. Перя одной рукой приподнял за ногу конский труп. Женщина выбралась из-под него, удивлённым взглядом окинула могучего воина с кудрявой бородой, не торопившегося ни убивать, ни насиловать её, потом со всех ног бросилась в чашу.

— На лешачку твою, верно, похожа? — спросил подошедший Кудым.

Перя ничего не ответил. Свою первую жену он отнял у побеждённого им лешего. Привёл в отцовский дом, не давал обижать, терпел насмешки родичей. А потом сам убил, когда оказалось, что лешачка и среди людей сохранила повадки нечисти. Любила, например, человеческое мясо.

Внезапно рядом с лицом Пери просвистел и вонзился в дерево кремнёвый нож. Пермяк оглянулся, схватился за меч. Под елью скорчился израненный безголовец. Ноги его были перебиты, одна рука отрублена и наскоро перетянута жгутом. Плюясь кровью, он выкрикнул несколько слов и затих навсегда. Слова те были злой, грязной бранью, понятной всем пермякам. А ещё было среди них слово «арья».

— Это — наши родичи. И мы могли бы сейчас быть такими, если бы ваши предки не покорились арьям, — тихо сказал Кудым.

— Сарматы — потомки арьев. Что же мы, зря защищаем племя от сарматов? — почесал бороду в раздумье Перя. — А тех за что арьи загнали под землю?

— Верно, было за что, если арьев вёл сам Солнечный Всадник, что бережёт справедливость в этом мире. Наши предки научились от арьев сеять хлеб, разводить скотину, узнали Огненную Правду. А сарматы... Был бы среди их царей хоть один такой, как Ардагаст! А то ведь только и умеют что грабить да хлебать вино и кумыс после набегов...

— Да хоть бы арьи и зря обидели предков этих неизвестных! Что же, за это всем людям мстить? Забыли небось, какие арьи из себя были. Одну только злобу сберегли.

— Свобода — великое благо. Но стоит ли ради неё терять человеческий облик? — проговорил с ветки Аристей.

У расщелины в скале над бурным Щугором сидела с унылым лицом простоволосая крючконосая старуха в тёмной одежде. Рядом на камне устроилась девушка с распущенными светлыми волосами, в белом коротком кафтане и штанах, заправленных в сапожки, с луком и колчаном через плечо. Беззаботно посмеиваясь, девушка подтачивала стрелы точилом в серебряной оковке.

— Хороши родичи, — ворчала старая женщина. — Набросились скопом на старуху: и сестрица моя Лада, и дядя твой Даждьбог, ещё и ты, Девана.

— Я? — Девушка подняла на неё невинный взгляд. — Я же не богиня войны, как ты, тётушка. Моё дело — охота, леса, зверушки... И вообще никто из нас тебя тут не трогал — ни старую, ни молодую, ни зрелую. Это же были наши образы из света. Ведь ты, тётушка, света не любишь, даже лунного.

— Образы? По-твоему, я, старая ведьма, морока распознать не могу?

— Ну, мы ведь в своих образах всегда хоть немножко, а воплощаемся. Если, например, тебя, тётя, на доске нарисуют, чтобы молиться. Или — плевать...

— Всё смеётесь, молодые... А того не понимаете, что сейчас позволили смертным над богиней глумиться. Это уж не вы, они мне мешок какой-то дряни на голову высыпали. А среди них два грека есть. Раззвонят по всему югу, как одолели ужасную Артемиду-Гекату,

Диану трёхликую... тебя то есть, — ехидно прищурилась старуха.

— Ну уж нет! Диана, Артемида — это я. А Геката, владычица теней — ты. Вот и забери себе всякую нечисть ночную. А у нас с прадедом Велесом люди ночью света просят. Недаром твои ведьмы нороят месяц с неба украсть, чтобы их злым чарам не мешал... И как ты додумалась неизвестных выпустить? Ладно, сейчас осень, солнца не видно, а летом, даже весной они были бы как слепые котята.

— До весны привыкли бы к свету...

— И натворили бы до весны такого... А потом бы их всё равно разбили. Ну кто с такими, что всех людей ненавидят, надолго соединится?

— Ну и пусть бы разбили. Лишь бы нагнали они на смертных страху божьего. Надолго. На века! — хитро подмигнула старуха.

— Не божьего, а Чернобожьего. Это вы с дядюшкой ничего хорошего людям даром не делаете, только злое.

Вот вам и нужно их в страхе держать. — Девушка встала, спрятала стрелы, свистнула ждавших под скалой троих собак. — Побегу я на север. Пригоню хоть оленей тундренным печорцам. Незнаемые всю дичь по Усе перебили и распугали.

— Нашла для кого стараться! — фыркнула старуха. — Печорцы тебе не молятся и не знают о тебе.

— Зато знают росы. Они на север идут, а печорцы — им друзья.

Зашло солнце, и тьма опустилась на лес, заваленный трупами людей и нелюдей. У костра на берегу Подчерья под раскидистой елью собрались волхвы и волхвини. Здесь же были Сигвульф и оба грека. Старая Потось пристраивала на огонь котёл, чтобы сварить пельменей. Аристей, восседая на ветке ели, говорил:

— Вы видите, сколь не правы считающие солнечный свет благим, а лунный — злым. Ведь только соединив эти два света, мы смогли одолеть трёхликую богиню.

— Однако оборотни опаснее всего в полнолуние. Тогда сила луны заставляет их превращаться в зверей и идти убивать, — сказал Сигвульф.

— У вас, немцев, может быть и так, — возразил Волх. — А я сам волколак и знаю: оборотить человека или самому оборотиться можно в любой день, если только знаешь как. Это ваши вервольфы, как попадутся, врут: не мог-де не убивать, час такой пришёл.

— Какое там полнолуние! — поддержала мужа Милана. — Злые ведьмы опаснее всего, когда луны вовсе нет. А в полнолуние любое дело лучше делать, это все знают.

— В Египте считают, наоборот, что солнце — это злой Сет, а луна — благой Озирис — заметил Хилиарх.

Аристей возмущённо взмахнул крыльями:

— Это мнение не египетских жрецов, а александрийских греков-недоучек. Назвать Солнце злом для египтянина — величайшее кощунство. Сет — это жара, засуха, бездолье, это гибель. А Озирис — это влага и жизнь.

— Чтобы наслать засуху, ведуны призывают не Дажьбога, а Змея, что всю воду выпивает. Урожай не от солнца пропадает, а от того, что ни облаков, ни дождей, — сказала Лютица.

— Свет един, и один огонь, — заговорил Вышата, протянув руки к пламени костра. — В солнце, луне и звёздах, в очаге, на жертвеннике и в этом костре. Жрецы арьев учили: Митра — бог не только солнца, но и луны, и звёзд. Раньше солнца восходит он над Золотой

горой, когда небо на востоке начинает светлеть. Он никогда не спит, и мириадам очей всё видит даже ночью.

— Да, Мир-сусне-хум мир объезжает и днём, и ночью, всё видит, никакое зло от него не укроется, — кивнул Зорни-шаман.

— Огонь един в солнце и в молнии, — продолжал Вышата, достав священную секиру. — На этой секире — знаки Солнца и Молнии, и она поразит любого злого духа. Метать молнии могут и Дажьбог, и Ярила.

— Мир един. Возникает он из огня и вновь исходит в огонь. Так учил Гераклит из Эфеса, — вдохновенно произнёс Хилиарх.

— Этому его учили персидские маги, а их — жрецы арьев. Я же это знал ещё в Экзампее, от жрецов Солнца, — тихо заметил Вышата.

Этот обычный костёр из трескучих еловых веток с закипающим на нём котелком спланивал их всех, как святыня жрецов. Сейчас они ещё больше чувствовали себя воинами одной святой рати, не дающей Тьме поглотить земной мир. Воцарившееся было благоговейное молчание нарушила Потось. Высыпая пельмени в котелок, она небрежно произнесла:

— Мы всё это знали и без вас, мужчин. Всякий свет и огонь — от Золотой Бабы Матери Мира. Она — во всём.

— Да, — кивнула Лютица. — Лада, Великая Богиня — во всех трёх мирах. Мировой Дуб, что растёт от преисподней до неба, был прежде всех времён. Она — душа этого дуба.

— Сын её Род — тоже во всех трёх мирах, — возразил Вышата. — Он — огонь, свет и жизнь. Его одного из богов зовут просто Богом.

— Единство мира — в Боге. В этом согласны Платон, стоики и иудейские мудрецы, — вставил Харикл. В философии бронзовщик кое-что смыслил.

— Мир един, и его единство — в добром, а не злом начале. И нет в нём места, где со злом нельзя бороться, где добрые боги не властны, — сказал Аристей.

— А кто не верит — пусть станет у нас на пути, — произнёс Лунг-отыр, воинственно потряхнув чёрной косой. Пламя костра отсвечивало в серебряных драконах на его панцире.

— Хорошо говорите. Мудро, — сумрачно произнёс молчавший до сих пор Або. — Только есть и другие мудрецы. Большие шаманы. У них всякая сила зло делает. Один шаман на юге семь перстней имеет. Семь светов: от солнца, луны и пяти звёзд. И все они делают хорошо ему и таким, как он, и плохо — всем остальным. И учит чёрный шаман: весь мир грязный, нет в нём добра и не будет.

— И эти негодяи ещё ждут, что их в награду за успехи в колдовстве пустят в какой-то Высший Свет, выше всех трёх миров, — возмущённо сказал Аристей.

— Пустят. Только не наверх, а вниз, к Кулю и Змею Глубин, — улыбнулся Зорни.

Сигвульф рассеянно слушал беседу волхвов. Его снова одолевали сомнения. Кто таков хозяин Тельпосиза? Не бились ли они с многоликим Одним, владыкой бурь? Смог бы он, Сигвульф, сразиться с богом ветра, как двое пермяков? И увидит ли он Валгаллу?

— Пельмени готовы, — объявила Потось. — Угощайтесь, теперь не скоро их поедите: печорцы и сииртя зерна не сеют, муки не мелют.

— И коров тут не держат. А то бы можно было со сметаной, как у нас вареники, — вздохнула Лютица.

Мудрецы и воины дружно принялись за угощение. Аристей, усевшись на край котла, усердно извлекал из пельменей духовную сущность. А двое эллинов за едой обсуждали ещё

один не столь философский, но любопытный для них вопрос.

— Как ты думаешь, Хилиарх, какая из трёх сегодняшних богинь была Медуза?

— Уж конечно, не старуха. Она бы не прельстила Посейдона, который прижил с Медузой Пегаса. Скорее молодая. Ну да, я заметил у неё на горле шрам. Не знаю, приставила себе Триединая голову назад или отрастила заново.

— А я шрама и не запомнил. Одни глаза и лицо. О, Зевс, как оно было страшно... и прекрасно! — воскликнул Харикл.

— Только не мни себя Персеем. Если бы не Милана с её блюдом...

— Персей бы тоже не победил без зеркального щита Афины и алмазного серпа Гермеса...

— И без мужества! А оно у тебя есть, клянусь Гераклом! — хлопнул бронзовщика по плечу Хилиарх.

Собрав по тайге тела своих погибших, росы и их союзники справили тризну у устья Подчерья. Снова показывали своё воинское умение пермяки, росы, манжары. Даже мирные печорцы порадовали всех меткой стрельбой из лука. Ардагаст, уже оправившийся от раны, наблюдал за состязаниями. Наконец пришло время прощаться с пермяками, уходившими на юг. С собой они взяли прах своих воинов, чтобы высыпать его на священном костыще на Гляден-горе. Возвращалась на юг и мудрая шаманка Потось.

— До свидания, царь Ардагаст! — тепло сказал Кудым. — Ты пришёл — словно солнце заглянул в глухую, тёмную парму. Возвращайся с золотой стрелой! А мы, князья, должны стеречь землю коми. Неведомо, куда подались проклятые Медведичи со своей шайкой и кого ещё вокруг себя соберут... Вот видишь, ты и твои росы мне теперь дороже родичей... таких вот!

— Ничего! Вот хоть Медведичи, да наши! — бодро воскликнул Шишок.

— А я бы пошёл с тобой хоть до самого Белого острова! — мечтательно вздохнул Перя. — Только как подумаю, что эти уроды могут сделать с Арвантой, с детьми... Эх, было бы здесь такое сильное царство, как у тебя, не боялись бы мы ни неизвестных, ни сарматов!

— Сильное царство у Фарзоя. А я — только его подручный царь.

— Да ты достоин стать царём всей Сарматии, всей Скифии, от Бактрии до Ледяного моря! — с жаром воскликнул Перя.

— Боюсь, я до этого не доживу, — улыбнулся Зореславич.

— Если не ты, так кто-нибудь из твоих потомков станет великим царём. И если он придёт в нашу землю, то мои потомки — хоть князьями они будут, хоть простыми охотниками — станут ему верно служить. — Перя воздел руки к небу. — Клянусь в том своими предками, медведями и людьми, клянусь светлым Шундой и великим Еном!

Царь росов без слов трижды обнялся с Перей, затем с Кудымом.

Глядя на уходящую вверх по Печоре, в лесную даль рать пермяков, Ларишка вздохнула:

— Перя уходит к Арванте, к детям, а мы... Ядыгар, Санаг, Кудым с Перей — все в своих землях остались. Только мы одни идём на край света за солнечной стрелой.

Ардагаст обнял жену за плечи:

— Вот почему мы и должны добывать стрелу для всех и за всех, что у нас есть такое царство, где нашим детям ничего не грозит, пока мы воюем так далеко от дома.

— Да, первые годы, пока я сидела с детьми, зимой бывали набеги и мне приходилось браться за меч. А с тех пор как я снова стала ездить с тобой в полюдьё — ни одного набега. И в Чаше недавно смотрели: дома всё тихо. А всё равно тревожусь. В полюдьё всё привычно,

даже опасности. Своя земля, свои люди... А тут идём по чужим неведомым местам. На Днепре о них разве только волхвы знают.

— Почему по чужим? По своим! — беззаботно тряхнул волосами Ардагаст. — От Тихого Танаиса до Печоры все племена нас как своих принимают, лучших воинов в дружину дают. Вот и теперь немало пермяков с нами осталось, даже печорцы просятся, хотя верхом ездить не умеют.

— А ведь верно! — враз повеселела Ларишка. — Какие хорошие люди все эти лесовики: добрые, мирные... И вовсе не трусы, хоть и нет у них такой лихости, как у нас, степняков.

— Ох и степняки из нас с тобой! — усмехнулся Зореславич. — Я в лесу вырос, ты — в Бактрии. А в степи — все проездом. Нет, для таких, как мы, родная земля — вся Великая Скифия.

— Греки говорят: для мудрого родной город — весь мир.

— Это любят повторять те мудрецы, что служат кесарю и Риму. Нет! В городах хорошо гостить, но чтобы я пустил на Тясмин, на Рось их мытарей, легионеров, торговцев рабами... Не зря Хилиарх бежал отсюда, а ведь он никогда не был рабом. Пусть соберут все свои золотые авреусы — я им не отдам золотой стрелы!

— Сначала нужно её добыть. Я боюсь не того, что мы погибнем в пути, а того, что Ардафарну, когда вырастет, придётся снова идти на север — чтобы отомстить за нас, вернуть Огненную Чашу и найти стрелу.

— Значит, нельзя нам погибать. Какой же я буду избранник богов, если Чаши не сберегу и стрелы не добуду? Ничего! Вернёмся, как обещал, к Святкам. И придёт к нам в царский дом колядовать вся русальная дружина. А потом пойдём к пещере, где лежат Секира и Плуг. Эх! Куда только забираться приходится, чтобы искупить глупость предков... Ничего! — повторил царь. — До Ледяного моря совсем немного осталось.

— Не забудь только ножик Ардафарна оставить на Священном острове вместо стрелы.

Шайка Медведичей наблюдала из чащи за дружиной пермяков.

— Потрепать бы их ночью... Они обета дурацкого не давали, много золота и камней снимали с незнаемых. Заодно помянем наших человечинкой, — хищно облизнулся Бурмила.

— Потрепать не мешает, — поддержала Лаума. — Больно они разбогатели. Я сорокой подслушала: Перя похвалялся заплатить хорезмийцам, чтобы привезли из самой Ханьской земли шёлковых нитей, а он-де такую сеть сделает — ни одна птица не порвёт.

— Как бы нас самих вконец не растрепали, — покачал головой Шумила. — Нет, нам на север — вслед за Ардагастом. Он там с Андаком непременно схватится, а мы добьём того, кто уцелеет. Говорят ещё, ненцы какие-то в те места с набегом пришли, а с ними — могучий чёрный шаман. С ним бы договориться...

— Было бы зачем туда забираться, — проворчал Бурмила. — Там, на севере, лес кончается, а дальше тундра какая-то — говорят, вроде степи. А дальше и вовсе Ледяное море. Что мы, белые медведи — на льдинах плавать? Пропадём ни за греческий обол, и не узнает никто на Днепре про наши подвиги славные...

— А ведь верно! — потёр лоб Шумила. — Мы же защитники леса. На что нам тундра море? Ты, братец, иногда умные вещи говоришь.

— И на что было лезть в такую даль? — продолжил Бурмила. — Чего мы тут не

видели — ёлок или сосен? Пусть сарматы так далеко от своей земли забираются.

— Было бы для кого стараться, — подхватила Лаума. — Сколько племён прошли — одни трусы да дураки беспросветные. Ни отеческих обычаев не берегут, ни воли. Ложатся под росов, как... — И ведьма добавила такие слова, какими у венедов даже мужики при бабах не лаются.

— Всё! Возвращаемся на Днепр, — махнул рукой Шумила.

— А окаянный Ардагаст всё равно сгинет! Чтоб ему в Ледяном море утонуть! Китурьбе в глотку попасть! В пургу замёрзнуть! Пошли ему Чернобог смерть лютее, чем всем погубленным им! — злобно заклинала ведьма, обернувшись на север.

И Чёрные Медведи повернули на юг. Пермьяков тронуть так и не решились, зато пограбили удмуртов. Потом — мокшан и эрзян, да так ловко, что те поначалу подумали друг на друга. В родные леса «защитники» вернулись к Святкам, наврали и нахвастали с три короба про свои подвиги и про лютые безбожные дела Ардагаста в далёких землях и взялись за привычное дело: мешать полюдью и сеять в лесу смуту и страх.

Глава 5

БОЙ ЗА СВЯЩЕННЫЙ ОСТРОВ

На Священном острове, над большим чумом, покрытым шкурами белых медведей, трепетало знамя росов. В чуме, усевшись на мохнатых шкурах, не спеша пировали Андак с Саузард, Хан-Хаденгота и чёрный шаман. Управившись с олениной, поджаренной на прутиках по-сарматски, они теперь смаковали свежее китовое сало. Им прислуживали красивые девушки-сииртя, чьи стройные татуированные тела прикрывали лишь кожаные пояски. Все четверо были довольны собой и жизнью в покорённой стране.

На острове не было хороших пастбищ, поэтому коней и оленей держали под надёжной охраной на материке, в долине реки Ою. Верхом на них росы и ненцы разъезжали по стране, собирали дань. Пару селений разорили за непокорность, в остальных только секли виновных. Красивых женщин брали себе, натешившись, отпускали, даже с подарками. Чумы-кладовые на острове были полны мехов, моржовых клыков, рогов нарвала и бивней земляных быков. Был даже мешок амбры. Саузард, зная толк в благовониях, с удивлением уведала, что самое дорогое из них находят в желудке кита. Завоеватели охотились — больше для своего удовольствия — на оленей и белых медведей. Андак, чтобы потешить молодечество, отправился даже охотиться на кита, но только опрокинул байдару и чуть не утонул. Зверобоям пришлось вытаскивать за гарпунный ремень вместо кита русского князя.

А сииртя и тундровым печорцам приходилось теперь охотиться гораздо больше, чтобы прокормить и себя, и пришельцев и принести им дань. А ещё нужно было часто возить новых хозяев края в байдарах через пролив. Уйдут они или останутся зимовать? И уйдут ли вообще? Надежды не было даже на богов. Нга оказался сильнее Нума. Мать-Земля и её шаманка Аюни молчали. Не откликались на зов шаманов боги Белого острова. В тундре часто нападали на охотников людоеды-сюдбя, совсем осмелевшие рядом с сюдбя-людьми. Людоедов и других злых духов, чьи истуканы теперь стояли на Мысу Идолов, ублажали жертвами. Съехавшиеся отовсюду чёрные шаманы вымогали себе подарки, пугая всяческими бедами.

Андак, взяв серебряную чашу с кумысом из рук девушки, ласково пощекотал сииртянке поясицу и сказал:

— Венеды говорят: «В гостях хорошо, а дома лучше». Скоро зима, кони могут не прокормиться. И хмельного тут совсем не умеют делать. Хорошо хоть у нас есть дойные кобылицы. Что, сюдбя, поделим дань — и в родные стойбища?

— Поделим, сюдбя, — кивнул Хан-Хаденгота. — Я с дружиной тоже вернусь. А на следующий год снова приду за данью.

— Ой, не уходи, русский сюдбя, — прижалась к ногам Андака сииртянка. — Нас племя презирать будет за то, что спали с чужаками. Или возьми нас с собой. Разве мы тебе надоели?

— Князю росов не надоедаю только я!. — бросила на неё злобный взгляд Саузард.

— Никуда вы не уйдёте. Пока не совершите ещё один поход — самый трудный, самый славный, — неожиданно и спокойно произнёс Чёрный Бык.

— Эй, шаман! Как можешь приказывать воинам? — возмутился вождь ненцев.

— Ты что, великий царь сарматов, что посылаешь в поход князя и царевну росов? —

сверкнула глазами Саузард.

— Не я посылаю, Нга посылает. Что бы вы делали без него и без меня? Гонялись по тундре за печорцами? А сииртя уплыли бы на остров. Но вы взяли их самое святое место, души их душами рабов сделали. Весело жили? Много дани взяли? Теперь делайте, что Нга велит. Когда замёрзнет море, идите в набег на Белый остров.

У Хан-Хаденготы пропала вся его обычная дерзость.

— Что говоришь, Чёрный Бык? На Белый остров только шаманы летать могут, и те белые. Никто не знает, на земле он или на небе.

— И здесь и там. От устья Оби и Ямала на север, отсюда — между севером и востоком.

— Как добраться? Берегом — долго, зима скоро.

— Зачем берегом? Напрямик.

— На чём? Ягель, трава на льду не растут. Чем оленей, коней кормить? Или на собаках ехать?

— На конях, на оленях, — кивнул шаман. — Вместо десяти дней за один доедете, когда я вам золотой стрелой путь открою, что идёт сразу по земле и по небу. Она вам и вход на остров через белые скалы, что как солнце светятся, откроет.

— А там? Мы сюдбя, не боги, даже не черти — с богами воевать! — воскликнул Андак и оглянулся на жену.

Та выглядела как ястреб, раздумывающий, бросаться ли на слишком крупную дичь. А шаман невозмутимо продолжал:

— Белый остров защитит некому. Светловатый Парень и его воины бьются далеко, на восточном краю света. Я вложу в ваше оружие силу Чёрного Солнца, силу грома, силу, что души убивает. Перебьёте святых мудрецов, всё сожжёте, большую добычу возьмёте, а я открою в сердце острова путь подземному огню и морю. Встретятся они — острова не станет.

Андак откинул волосы со лба, вытер испарину. Разграбить святилище, убить жреца... Но ввязаться в битвы богов? Разорить обитель Михра-Гойтосира? А что? Ардагаст вот побеждал богов. Но ведь Тёмных, а не Светлых... А Саузард уже шипит в ухо: «Ты что, трусливец Убийцы Родичей?» А узкие чёрные глаза шамана впиваются в душу.

— Думаешь, князь? Долго не думай. Рассердится Нга — плохо будет. Пошлёт мороз, пургу — кони погибнут, потом люди. Всю добычу бросите и всё равно не спасётесь. И песни о вас никто не сложит, только сииртя... «О гибели росов, железных людей» песню назовут.

Князь чувствовал себя щепкой, уносимой потоком.

— Это все твои слова, а не бога, — нерешительно произнёс он.

— Разве Нга с тобой говорить будет? Ты спроси своего шамана с юга. Два великих шамана одно сказали — всё равно что сам бог сказал.

Дрожащей рукой Андак поднёс к лицу халцедоновый амулет. Чувствуя на себе презрительный взгляд жены, сбивчиво рассказал всё Валенту. А в ответ услышал раздражённый мысленный голос некроманта: «Ты ещё и колеблешься? Исполни волю Повелителя Тьмы!» И князь покорно склонил голову перед шаманом. Тот снисходительно улыбнулся:

— Слушай мудрых шаманов — долго проживёшь, большим вождём станешь. Можешь не спешить. Море ещё не замёрзло. И не во всякий день можно открыть путь на Белый остров.

Клавдий Валент ехал на верблюде в самом скверном расположении духа. Вместо чёрной с серебром хламиды на нём был неприметный серый бурнус. Длинные волосы мага скрывал головной платок. Если что, его трудно будет отличить от обычного бедуина.

Осада Антиохии кончилась полным разгромом армии Нерона. Проклятая чернь так и не поднялась. Немало искусных магов погибло, тщетно пытаясь прельстить её чудесами. Не Тлупая и продажная городская стража одолевала их, а маги Братства Солнца. На базарах, в храмах, в переулках трупп обещалось: чья магия сильнее, чья вера истинна?

А судьями были невежественные горшечники, кожевники, рабы... Возможно ли большее надругательство над тайной мудростью? А тем временем к городу подошли Третий Галльский и Шестой Железный легионы. Не помогла никакая волшебство. Хуже того, чары обращались против употреблявших их. Трещины в земле, изрыгавшие огонь и ядовитый дым, вдруг разрастались в сторону войск Нерона. Грязевой поток, подобный уничтожившему Геркуланум, обрушился на их стан вместо лагерей легионов. Сильнейшие демоны набрасывались на своих или вытворяли нелепые фокусы на потеху легионерам и черни, глазевшей на битву с городских стен.

Во всём этом чувствовалась какая-то молодая сила и дерзость. Похоже, Братство Солнца хорошо заботилось о смене. Говорили о молодом гиперборее, будто бы прилетевшем с севера по воле Аполлона. Впрочем, за гиперборее сейчас выдаёт себя всякий колдун, кое-как обучившийся летать и проходить сквозь огонь и воду. Ещё говорили о некоем юном маге-иудее, незаконнорождённом и происходившем из далёкой Скифии. Не сынок ли это Ноэми? Да, нужно было тогда в Пантикапее умертвить мальчишку, но не отдавать его в руки Аполлония. Незаконных детей у него, Валента, и так хватает. Правда, среди них нет ни одного, столь способного к магии.

А теперь ещё эта новость от Андака! Он, великий иерофант, мнивший себя выше всех богов-архонтов этого мира, не говоря уже об ангелах, демонах и героях, теперь был унижен. Оказывается, он всего лишь младший командир всемирной армии архонта Тьмы. Его солдат запросто передают в подчинение какому-то скифскому колдуну, шлют на рискованное дело. Да захочет ли колдун отдать стрелу Абариса? И вернётся ли Андак живым в царство Фарзоя? А ко всему ещё Ардагаст разгромил подземных обитателей и беспрепятственно идёт на север. Об этом Валент узнал, заглянув на привале в магическое зеркало.

Да, он, Клавдий Валент — солдат, наёмник, раб Разрушителя, Владыки Тьмы. И тот знает: раб не взбунтуется. Потому что для таких, как Валент, опаснее всего архонт Солнца. Этот неуёмный, во все щели лезущий бог не только учит справедливости (как будто она возможна в этом грязном земном мире!), но и насаждает её мечом и чарами через целую армию таких, как Аполлоний и Ардагаст. И если Андаку всё же удастся разгромить Белый остров — тем лучше. Глупые варвары, поди, объявят его героем, если не богом.

Так или иначе, не было надежды закрепиться даже на Евфрате. Царь Абгар, хитрая помесь иудея с армянином, уже переметнулся к Титу и впустил в Эдессу Флавиев легион. Остаётся уходить в Парфию. Там — очередная усобица. Умер царь царей Валарш, поборник Ормазда и Зороастровой веры. Против его наследника Пакора восстал в Месопотамии Артабан. Пакор ушёл на восток поднимать парфян, саков и прочих варваров. За него — зороастрийские маги, занудные блюстители праведности, и, разумеется, Братство Солнца. За Артабана — древние богатые города Вавилонии, вездесущие иудейские и сирийские купцы и ростовщики. Им больше всего нужен в Парфии царь, дружественный Риму. А где все эти

торгаши — там и халдейские маги с их тысячелетним колдовским могуществом.

Значит, Братству Высшего Света нужен союз с халдейскими чарами и иудейским золотом. Эти колдуны и наживалы, погрязшие в плотском, вряд ли поймут, что Братству нет дела не только до их страстишек, но и до самого существования этого гнусного мира. Хорошо бы ещё договориться с наасенами, древним и страшным братством жрецов Змеи, заклятыми врагами слугителей Солнца.

А с остатками армии надо уходить к Артабану. Царь, который скрывается, но ещё вернётся, подобен в глазах толпы богу, возвращения которого ждут каждую весну. И Нерон вернётся — с востока, как Солнце, в сиянии азиатского солнечного царя! Есть, правда, риск, что Артабан выдаст «горшечника-самозванца» ради хороших отношений с Римом. Ничего, попробуем на парфяnine один талисман, подавляющий волю.

Жаль, что от него осталась лишь половина. С другой бежал неведомо куда ещё в царствование Нерона сенатор Публий Либон.

Предстоит ещё убедить во всём Нерона и Менандра Самаритянина, главу Братства. Убедим. Не денутся никуда владыки светский и духовный. Создатель и душа Братства — он, Валент. Да, он будет и дальше служить небесным и земным владыкам в их распрях. Раб? Пусть. Зато духовно свободный. Потому что он не верен и не будет верен никому из них. Не знавший ни рабства, ни бедности Валент не понимал разницы между рабом мятежным и рабом неверным, подлым.

В ущелье у подножия горы Хойдыпэ было тихо и сумрачно. В распахнутые ворота безмолвно вливалась тёмная живая река. Молчаливо, понуро шли пёсиголовцы и волосатые, безголовцы и люди со ртами на темени. Уходил с неизвестными и кое-кто из людей-душегубов, кому теперь не осталось места в мире человеческом. Лесная и болотная нечисть уже успела рассеяться по тайге. Тёмная река исчезала в пещере под скалой. Нижний мир поглощал извергнутый им ужас. Люди неизвестные уходили туда, откуда пришли. Навсегда ли? Легко ведь поддаться соблазну выпустить на своих врагов тех, кому не место в этом мире. Ещё легче дать волю людям-чудовищам в собственной душе.

Когда последний из подземных выходцев скрылся в тёмном зеве пещеры, с горы не спеша спустился могучий зрелый муж с огненно-рыжей бородой, в кожаном переднике, с молотом и клещами в руках. За ним шли двенадцать дюжих молодцов в таких же передниках, с кузнечными и литейными инструментами. Огненнобородый кузнец вздохнул:

— Надо же! Только семнадцать веков и продержалось. Хорошо хоть ворота не сорвали.

Молодцы не без труда закрыли тяжёлые ворота. Потом развели костры, расплавили в глиняных тиглях медь, и главный кузнец принялся спаивать створки ворот. После этого в большом котле сварили чёрную смесь и покрыли ею место спайки. Сварог, бог-кузнец, заново делал работу, которую уже выполнил после того, как его сын Даждьбог загнал под землю тех, кто не принял Огненной Правды и стоял до конца за дикие лесные законы.

Рать Ардагаста забиралась всё дальше на север. Родные днепровские леса стояли в осеннем золоте, а здесь падал снег. Могучую Печору морозу ещё не удавалось сковать, но мелкие речки и болота быстро замёрзли. Обширное болото Усванюрт росы пересекли напрямик и вышли к берегу Усы у устья речки Сыни. Здесь их глазам открылось невиданное. Через реку, замерзшую лишь у берегов, текла другая река — пёстрая, живая, с колышущимся

над ней лесом рогов. Огромное стадо оленей переправлялось через Усу. Олени были необычные: всё больше чёрные и серые, сплошь рогатые, с густой шерстью и гривами.

А вокруг оленей шныряли на лёгких кожаных лодках низкорослые человечки в меховой одежде. Одни били зверей костяными острогами и тут же подтягивали добычу за длинный ремень, привязанный к другому концу остроги. Другие стреляли в оленей из луков. Третьи доставали животных с берега копьями и стрелами. И вся эта охотничья работа шла на редкость слаженно — как у лесных венедов на расчистке леса или в жатву.

— Тундренные печорцы оленей добывают. Каждую осень так. Стада идут из тундры в леса, охотники их тут ждут. Зимой в тундре ни оленям, ни людям не прокормиться, — пояснила ненка Сята-Сава, жена Лунг-отыра.

Росы и манжары, сплошь бывалые охотники, оживились. Ардагаст поднял руку:

— Дружина! Добудем себе мяса в дорогу, а заодно печорцам подсобим! Помогите нам, боже Велесе и Девана-богиня!

С радостным шумом, со свистом устремились всадники на бесконечное стадо. Загудели тетивы, засвистели клинки, длинные копья вонзились в бока оленей. Дружинники не пытались перекрыть дорогу живой реке, только нападали сбоку, растягиваясь по лесу. Вскоре Або ударил в бубен и крикнул неожиданно громко:

— Хватит-убивать! Небесная Олениха велит. Вы уйдёте, а печорцам здесь ещё всю зиму жить.

Тут же остальные волхвы принялись утихомиривать раззадорившихся охотников. Даже Шишок, только что промышлявший оленей на пару с Серячком, теперь во всё лешачье горло покрикивал на увлечёвшихся охотой, а то и вразумлял тумакон. Наконец поредевшее стадо скрылось в лесу, а войско вновь собралось на берегу Усы. Печорцы стали с поклонами приглашать пришельцев в своё стойбище. Казалось, жителей тундры совсем не удивили ни приход росов, ни их вмешательство в охоту.

Стойбище было неподалёку, чуть выше по реке. Невзрачные чумы из жердей, крытых оленьими шкурами, вызвали усмешки даже у сарматов, привычных к юртам. Люди в стойбище, однако, были простые, весёлые и приветливые. О приходе царя росов здесь, похоже, знали заранее. Встречать Ардагаста вышли старейшины и шаманы нескольких родов. Но что-то удивляло в них. Лесные печорцы приветствовали Зореславича, спасшего их от незнаемых, радушно, но с достоинством. Эти же вели себя совсем уж угодливо, заискивающе, словно бы напуганные. Або, всю дорогу державшийся отчуждённо, теперь стал и вовсе угрюм. Небрежно, отрывисто, с каменным лицом переводил он:

— Хвалят тебя. Много хвалят. Говорят, боги послали тебе большое стадо оленей, теперь и печорцы сыты будут. Перед тем подземные люди прошли, всех оленей поели, разогнали, совсем добычи не стало. Просят большую дань не брать, младший вождь росов с вождём ненцев уже много взяли.

Кто такой младший вождь росов, Ардагаст понял сразу. Значит, Андак обирает печорцев, и чуть ли не от его имени. Но при чём тут ненцы? А старейшины уже принялись предлагать ему и другим вождям красивейших девушек племени. Ларишка недовольно нахмурилась. О таком бесстыдном обычае у каких-то далёких племён она слышала, но нигде ещё с ним не сталкивалась.

— Если так нужно, уважь их, только не заводи здесь наложниц, — вполголоса сказала царица мужу.

А Лунг-отыр уже высматривал себе печорку попригоже, не стесняясь стоявшей возле

него Сята-Савы.

Вдруг рядом со старейшинами появилось несколько человек, ещё более низкорослых, узкоглазых и скуластых. Они не носили шапок, но, как и у Або, откидные башлыки были у них пришиты к глухой меховой одежде. Шагнувший вперёд юноша решительно спросил на ломаном сарматском:

— Ты ли Ардагаст, царь росов?

Зореславич кивнул, и тут же ему в горло из рукава юноши полетел костяной нож. Не долетев чуть-чуть, он наткнулся на незримую преграду и, с шипением рассыпая зелёные искры, упал в снег. Выхватив из ножен у пояса второй, кремнёвый нож, парень бросился на царя. Но тут сверкнула секира Ардагунды, и молодой северянин рухнул наземь. Амазонка знала, что таких убийц нужно тщательно допрашивать, и потому была плашмя. Парню ещё повезло: окажись он ближе к Ларишке, уже выхватившей махайру, его голова лежала бы в снегу.

Подоспевшие дружинники скрутили его, подняли на ноги. Вышата подобрал оба ножа, пригляделся.

— Кремнёвый — обычный. А этот — из зуба Змея Глубин. Ещё и с самыми зловредными рунами. Откуда он только попал сюда? Я почувствовал злую силу, успел преграду поставить — еле выдержала.

— Нож перед тем мою преграду пробил, потому слабо ударил, — спокойно заметил Зорни-шаман.

Осознав, на каком волоске только что висела жизнь её мужа (и где — не в бою, а среди такого вроде бы дружелюбного народа!), Ларишка в ярости принялась хлестать юношу плетью по лицу:

— Говори, кто тебя подослал! Змея, шакал, ублюдок дэва!

Парень, не отводя лица, что-то злобно выкрикивал, мешая сарматские слова с сииртянскими. И вдруг оба разом стихли, услышав властный голос безмолвствовавшего до сих пор Або:

— Не нужно его бить. Он храбрый, не скажет. Я, Або-шаман, всё скажу. Твои росы, царь, вместе с ненцами вождя Хан-Хаденготы, на Священный остров напали, великого шамана Сэвсэра-Белоглазого убили. Святилище разорили, идол Нума в провал бросили. Чернущего Идола поставили. Сииртя и печорцев убивали, грабили, жён их бесчестили. — Он обернулся к Ардагасту, бросил ему в лицо гневные, беспощадные слова: — Два мирных племени, свободных племени рабами сделали, трусами сделали! Думаешь, они тебя любят? Нет, боятся: ты — главный вождь росов! Ты искал солнечную стрелу? Она f у ненецкого шамана Паридэ-Хабта, Чёрного Быка! Он теперь хозяин Священного острова. Вот что ты принёс на север, Солнце-Царь!

Услышав имя ненецкого колдуна, Зореславич вздрогнул. Сразу вспомнился бой с быкоголовым демоном Махишей десять лет назад в страшных пещерах Гиндукуша, а потом — в подземельях у Таксилы. А ещё — гуннский шаман Карабуга, Чёрный Бык, под личиной которого прятался маг Чжу-фанши, готовый опустошить целую страну, чтобы сделаться богом. Чёрный Бык, древний зверобог, извечный враг Солнца... Снова и снова встаёт он на пути у него, Ардагаста, словно напоминая: кто обретает на земле власть и славу Солнца, обретает и его врагов.

А возмущённая Ларишка набросилась теперь уже на шамана:

— И когда же ты узнал всё это? Ещё перед битвой, от своих тёмных сородичей? Ты же

видишь: мы не грабим, не притесняем, не берём дани, как Андак и его люди. А злой силы ножа ты что, не заметил? Аристей, разве ты тоже ничего не знал?

Ворон Аполлона безмолвно восседал на плече Або, то ли соглашаясь с ним во всём, то ли чего-то терпеливо выжидая. А шаман спокойно отвечал:

— Андаку нужны богатство, женщины, власть, слава. Вам — только слава. Всё остальное у вас есть. Какое вам дело до сииртя, до печорцев? Давно вы про них услышали, железные люди? Силу ножа я заметил. И решил: пусть боги защитят тебя, Солнце-Царь, если ты чист перед ними. Но тебя защитили два шамана.

— Чист ли я, тебе сейчас скажет сама Огненная Правда, которая сильнее богов. Вышата, дай Колаксаеву Чашу! А заклятый нож отдай этому молодому сииртя. Пусть бросит его сквозь священное пламя.

Все притихли. Ардагаст поднял перед грудью Огненную Чашу. Золотое пламя вырвалось из неё, раздалось в ширину и высоту, скрыв царя за собой. Дружинники отпустили парня. Вышата, поколебавшись, протянул было ему нож, но тут волхва схватил за плечо Сигвульф:

— Стой! Здесь родовой знак Горма Злобного, конунга герулов [\[32\]](#). Этот нож зовётся Пожиратель Душ и убивает навсегда не только тела, но и души. Горм с дружиной исчез сто лет назад на Северном пути [\[33\]](#) после резни, учинённой в Ютландии. Говорят, теперь они служат владыке преисподней.

— Спроси его, откуда этот нож? — обратился Вышата к Або.

Тот перевёл. Юноша ответил:

— Когда-то море принесло к Священному острову льдину. В неё вмёрзла большая байдара — вся из дерева, с головой змея на носу. Много людей на ней было — в железных малицах, с железным оружием. Все мёртвые, друг друга убили. Железо совсем ржавое. У одного в руках был этот нож. Потом долго лежал в святилище, у шаманов. Чёрный Бык нашёл, мне сказал: «Идёт Ардагаст, главный вождь росов. От него сииртя ещё хуже будет. Возьми это, убей его».

— Видишь, конунг! Это оружие проклятое, не рискуй собой, вели лучше волхвам сжечь его! — воскликнул Сигвульф.

— А что, есть такое проклятое оружие, что саму Огненную Правду убьёт? — усмехнулся царь.

— Нет такого даже у самого Чернобога, — твёрдо ответил Вышата и вручил нож молодому сииртя.

Воины косо глядели на печорцев и сииртя, на Або — не он ли всё это подстроил? Ларишка до крови прикусила губу, но не вмешивалась, зная: для дела Ардагаста доверие таких вот безвестных племён значит больше выигранной битвы. Сииртя с трудом поднял нож. Главный вождь росов, добрый и простой, совсем не походил на высокомерного и наглого Андака. Но юноша вспомнил о племени и метнул оружие. Долетев до золотистого пламени, проклятый нож вспыхнул, как солома, и мигом сгорел. С оглушительным шипением из огня вырвалось чёрно-зелёное облако и сгустилось в фигуру омерзительного зубатого змея с нетопырьими крыльями. Призрачная тварь заметалась, бросилась было на воинов, но Вышата одним ударом священной секиры разнёс её в клочья.

Войско разразилось радостными криками. Печорцы повалились на колени. «Светловатый Парень вернулся! Узколиций, волосы золотые, в железной малице!» — неслось между ними. Ардагаст поднял Чашу, по-прежнему полыхавшую золотым огнём, и громко заговорил:

— Люди тундры! Вы видите, какие боги за меня. Я не возьму с вас никакой дани, никому не дам вас обидеть. Ваши женщины никого не будут любить против воли. Я не посылал к вам Андака. Но я изловлю его и накажу за весь его разбой, а награбленное заставлю вернуть вам. Я освобожу Священный остров, и никто больше не посмеет осквернять ваши святилища идолами Тёмных богов. Мой путь — Путь Солнца, и мне нужна лишь его золотая стрела!

Або переводил, и суровое лицо шамана всё более светлело. И на лицах печорцев улыбки теперь были не испуганно-угодливые, а искренние и радостные. Люди поднялись с колен — все, кроме неудачливого убийцы. По его скуластому лицу текли слёзы.

— Как зовут тебя, парень? — спросил его царь.

— Хаторо из рода Моржа. Вели убить меня, солнечный вождь. Этот нож я должен был всадить в чёрное сердце Чёрного Быка. Племя скажет: «Хаторо не воин — дурак, раб ненецкого шамана!»

— Ты воин, Хаторо. Храбрый воин. За племя на смерть пошёл. Напал не ночью, не сзади. Беру тебя в свою дружину! А ездить на коне тебя научат.

Аристей, до сих пор безмолвно восседавший на плече Або, вдруг заговорил:

— Разобрались с земными делами, смертные? Теперь вспомните о делах священных, о судьбе мира. Эти негодяи оказались на Священном острове не только ради добычи. Такие не станут зря глумиться над святилищем и ссориться с богами. Чёрный Бык — самый сильный чёрный шаман на севере. Золотая стрела открывает волшебный путь на Белый остров, а там сейчас почти нет воинов, и неведомо, когда они вернуться с востока. Поняли теперь, что затеяли рабы Разрушителя?

— Неужели они... уже там? — Голос Зореславича дрогнул.

— Не думаю. Разори они Белый остров, по всему миру уже такое творилось бы... К счастью, несведущие в солнечной магии даже с помощью стрелы могут открыть путь на остров лишь в определённые дни. Кажется, мы ещё можем успеть.

Все замолчали, вдруг осознав: Светлые боги не всемогущи. Но разве они, люди из многих племён, собравшиеся под красным знаменем росов, не побеждали уже тех, с кем сражаться впору только богам? Молчание нарушил громкий голос царевича роксоланов:

— Значит, мы дойдём и до Белого острова. Если не опередим этих разбойников, то отомстим им. У них за главаря Чёрный Бык-Олень? А я Сагдев, Олень-Чёрт! И я догоню этого колдуна хоть на краю света и сделаю из его черепа чашу. Клянусь в том Артимпасой-воительницей!

— А если ты погибнешь, побратим, его настигну я и выполню твою клятву! — воскликнул Сорах.

Индийский клинок Ардагаста выскользнул из золотых ножен, блеснул над головами всадников.

— Вперёд, росы! На край света! По Пути Солнца — до самого конца!

Сотни мечей и копий взметнулись к небу. Над ними вспорхнул златоклювый ворон.

Войско росов шло по тундре. Вверх по Усе, потом по Адзьве, затем по Коротайхе, текущей уже в Ледяное море. Сарматы приободрились. Эта бескрайняя равнина, поросшая осокой, покрытая зелёными пятнами оленьего мха — ягеля, хоть немного напоминала им степь. Попробуй тут кто убежать от степняка или напасть из засады! А венеды, удмурты и другие лесовики боязливо оглядывались. Куда попали? Это даже не степь: уныло кругом,

голо, ни людей, ни зверей, всюду болота и болотца. То и дело попадаются сгнившие нарты, а вокруг них обглоданные зверями человеческие кости — это так здесь хоронят. Сколько упырей, поди, шатается! Совсем приуныл обычно неутомимый и жизнерадостный Шишок. Ехал сгорбившись, всё больше помалкивал. Ну какие тут леса? Так, кусты одни. Низкие, корявые берёзки, да ивы, да багульник. А пещорцы ещё и посмеивались:

— Знают росы, когда в тундру приехать. Вы бы летом пришли. Тогда тут комары, гнус злее волков. В глаза лезут, только дымокурами отогнать можно.

Веселее всех была выросшая в тундре ненка Сята-Сава. Носилась на коне, будто степнячка, шутила со всеми, поддразнивала Шишка. И южные пришельцы невольно веселели, понимая: и тут ведь люди живут и не тужат. А снег всё чаще падал, всё роскошнее устилал равнину, делая её совсем похожей на степь. И появлялся то и дело впереди, почти сливаясь со снегом, белый всадник на белом златогривом коне, с золотым копьём и золотым сияющим щитом. Алмазными россыпями переливался снег в расходившихся от всадника золотых лучах. И знали росы: не сбились они с дороги и не кончился их путь, если впереди идёт сам Ярила. А на родном Днепре и снег ещё не выпадал. Начался месяц грудень^[34].

А по тундре от пещорцев к сииртя нёсся слух: «Железные люди идут! Совсем другие: никого не обижают, никакой дани не берут, Чернущему Идолу не молятся. Ведёт их сам Светловатый Парень, в руке его золотая плошка с небесным огнём. С ними сильные белые шаманы. И зовутся те люди — росы».

Однажды белая равнина впереди сменилась другой — седой, серо-зелёной, беспокойной. Большие и малые льдины плыли по ней. Иные из них были огромны — настоящие плавающие острова, белые, скалистые. На льдинах, словно на плотках, плыли белые медведи. А ещё — остромордые лаконогие существа, в которых те, кто бывал у Каспия, признали тюленей. А ещё были похожие на тюленей жуткие твари — громадные, усатые, с парой мощных клыков. Росы придержали коней, замерли, поражённые суровой красотой Ледяного моря. Знакомое им тёплое море Ахшайна даже зимой не было таким неприступно-грозным и всё же прекрасным.

— Вот он, Молочный океан, — с благоговением произнёс Вишвамйтра, почтительно складывая руки перед лицом.

— Дошли... Эх, дошли! — только и сказал Шишок.

Возбуждённо переглядывались Хилиарх с Хариклом.

Они, два не шибко образованных грека из Кизика и Эмесы, достигли Северного океана, о котором величайшие эллинские географы писали и спорили, но сами его не видели, кроме разве что ославленного лжецом Пифея из Массалии^[35]! Не здесь ли таинственный Туле, до которого доплыл Пифей? Нет, вряд ли: там пьют пиво, а здесь не только о ячмене, но и ни о каком земледелии слыхом не слышали.

Недалеко от берега возвышались холмы, похожие на курганы.

— Здесь лежат ваши предки? — спросил Ардагаст Або.

— Нет, — рассмеялся шаман. — Это яранги. Тут живут не мёртвые — живые. Заходите, росы, сииртя ждут вас в гости.

Действительно, над холмами клубились дымки. Подъехав ближе, росы увидели вытасенные на берег кожаные лодки, кучи отбросов, стаи собак. Або ударил в бубен. Откуда-то из-под земли, из недр холмов, появились люди. Хилиарху сразу пришли на ум слышанные им в Британии рассказы о «малом народце» — духах, живущих в холмах. Этих низеньких людей в мохнатой одежде бритты уж точно приняли бы за духов даже среди бела

дня. Мужчины были в наглухо сшитых малицах с откинутыми капюшонами, женщины — в совсем уже странных одеждах: меховая рубаха и штаны, сшитые вместе. Все были настроены весело и приветливо. Росов встретили песнями под звуки бубнов. На лицах не было и тени заискивания, страха, затаённой ненависти. И это после всего, что натворила дружина Андака! Эти люди, видно, попросту не умели подолгу ненавидеть, бояться, подозревать других людей. Не были ещё приучены к тому, что человек может быть человеку врагом хуже зверя или злого духа.

Або гостеприимно указал на низкий, ниже человеческого роста, вход в самый большой из холмов.

— Заходите, гости с юга. Это — летний вход. Есть ещё зимний, подземный, им на четвереньках влезать надо.

Пригнувшись, царь, главные воеводы и волхвы вошли внутрь холма через низкий коридор. В доме-холме было тепло, довольно светло и уютно. Свет падал через дымовое отверстие. Кроме того, тепло и свет давали несколько больших глиняных жаровен, полных жира. Фитилями служили кучки сухого мха. Жир горел без вони и копоти, очагов же в жилище вовсе не было. Судя по числу пологов из оленьих шкур, в доме обитало полдюжины семей.

В первый миг росам показалось, что они попали во чрево какого-то громадного чудовища. Стропилами полукруглой крыши служили исполинские рёбра, подпирали их беззубые челюсти, пол был выложен огромными лопатками, а стены коридора — позвонками. Таких костей не могло быть даже у земляного быка.

— Вы что, убили дракона? — спросил поражённый Сигвульф.

— Зачем дракона? — улыбнулся Або. — Кит-рыба — дорогой гость, сам пришёл, всё нам дал — кости, мясо, жир. В ките живём, кита едим, китом греемся.

Хозяева и гости расселись на мягких шкурах вокруг жирников. Сииртя, мужчины и женщины, разделись, оставшись в одних кожаных повязках на бёдрах. На жёлтых телах синела замысловатая татуировка. Женщин, молодых и старых, похоже, вовсе не смущали взгляды чужих мужчин. При этом держались сииртянки скромно и отнюдь не старались выставить себя напоказ. Заметив это, Волх спросил Вишвамитру:

— Говорят, у вас в Индии святые люди голые ходят. Тут что, все такие?

— В одних набедренных повязках у нас ходят не только святые. Но эти люди и мне кажутся добрыми и праведными, — ответил индеец.

— Да ведь они исподнего не носят, — сообразил Вышата. — Здесь же ни лен, ни крапива не растут. А в меховой одежде в такой землянке быстро вспотеешь, потом выйдешь на холод — простудишься.

— Верно понял, шаман, — кивнул Або. — Нет, мы не святые. Но грехов у нас меньше, чем у вас. Сииртя бывает ленивый, сварливый. Трусом бывает, обманщиком. Но человека первый не убивает, чужое не берёт, другого вместо себя работать не заставляет.

Еда была разложена на больших деревянных блюдах. Ни мучного, ни молочного тут не было и в помине, а мясо и рыбу ели сырыми, в лучшем случае наполовину сваренными. И всё же стол не выглядел однообразным или бедным.

— Угощайтесь, росы, — радушно потчевал гостей Або. — Знаю, венеды сало любят. Вот китовое сало. Макайте в жир — очень вкусно будет. Хлеба у нас нет, вы морской капустой заедайте, ивовым листом квашеным, корешками.

Китовое сало оказалось сладким, душистым. Хороши были на вкус и колочки из смеси

мяса и сала, и уха с икрой, и оленья колбаса. Что до сырого мяса, то сарматы, как и все степняки, были к нему привычны, лесовики же старались не подавать виду: не пристало воину привередничать, да и грех обидеть таких приветливых и щедрых хозяев.

Хотя переводчиками могли служить лишь Або и Сята-Сава, вскоре между гостями и хозяевами завязался непринуждённый разговор. Волхвини, Ларишка с Ардагундой и ненка обсуждали с сииртянками какие-то женские дела. А шаман Або неторопливо рассуждал:

— Мы, сииртя, совсем бедные. Ничего у нас нет. Железа не куём, хлеб не растёт, скотины не держим — только собаки у нас да олени-маншики. Городков у нас нет, дружин нет, царей нет — не воюем мы. Зачем воевать? На севере людей и так мало. Кто будет воинов кормить, их семьи, пока цари и воины подвигов ищут?

— Война — радость мужчины, честь мужчины. От долгого мира мужество пропадает, — возразил Сигвульф.

— Эй, сииртя! Человек в рогатой шапке говорит: вам негде показать свою храбрость! — обратился к старейшинам Або.

Те зашумели, заговорили наперебой:

— Медведи в селение пришли, когда все мужчины охотились. Я один четырёх медведей убил!

— Меня на льдине унесло. Два месяца людей не видел. Однако живой вернулся, ещё и большого моржа добыл.

— Моего рода охотник сюдбья-великана убил: бросил ему в пасть раскалённый камень.

— Кит опрокинул байдару. Я один выплыл. Поймал гарпунный линь, к скале привязал. Кит не ушёл.

Або перевёл их слова, торжествуяще взглянул на германца и продолжил:

— Совсем бедно живём, трудно. Рабов у нас нет, всякую работу сами делаем. Зачем рабы? Они ленивые, злые. Украсть, убить, убежать могут. Как ты, Харикл.

— Зачем человеку люди-враги? Разве мало зверей? — поддержал шамана Вышата.

— И звери нам не враги. Если зверь дал себя убить, накормил нас, одел — он дорогой гость. Звери захотят — шкуру снимут, совсем как мы станут. Смотрите: вот люди-орлы, а вот люди-касатки. Касатки нам друзья: китов на мелководье загоняют.

Среди старейшин трое выделялись орлиными носами, а ещё трое — крупными острыми зубами. У первых на груди были вытатуированы фигуры орлов, у вторых — остроносых зубастых рыб без чешуи и спинных плавников. Волх внимательно пригляделся, принюхался и заметил среди старейшин ещё троих: поджарых, с седеющими волосами цвета волчьего меха и с волчьими мордами, выколотыми на груди. Князь-оборотень негромко завыл по-волчьи, и эти трое ответили ему тем же. Зорни-шаман и Лунг-отыр переглянулись, окинули взглядом собравшихся и развели руками: ни людей-медведей, ни людей-гусей здесь не было.

А шаман-сииртя продолжал, хитро поглядывая на двоих эллинов:

— У нас ещё много чего нет. Тюрем нет, стражников, надсмотрщиков с плётками. Бьют собаку, не человека.

— Но как же вы справляетесь с ворами, лодырями? — спросил Харикл.

— Это у вас в городе вору легко спрятаться. У нас его ни свой, ни чужой род не примет. Вот никто и не ворует. А над лодырем все смеются. Куда ему от насмешек деться? Другим родам лентяй и подавно не нужен. У вас вора и бездельника в носилках носят, сытого, в дорогой одежде: смотрите все, как можно хорошо жить и не работать! Рядом другой лентяй, в драной одежде, весь день сидит без дела, а ему подают. А если ещё и

болтать умеет, говорят: святой человек, мудрый. Вы богатые, зачем столько лодырей кормите? А хорошим работникам пищи не хватает. У нас, если голод — весь род голодный, дичи много — весь род сытый. Кто что добудет — всё в стойбище несёт, одному в тундре есть стыдно. Сииртя голодные — к печорцам в гости идут, печорцы голодные — к сииртя приходят.

Оба эллина пристыженно опустили головы. То, чему учили и не могли научить жителей юга мудрейшие из философов, для дикого и бедного северного племени было так же естественно, как дышать воздухом.

— Какой великий мудрец научил вас столь справедливым законам? — спросил Хилиарх.

Або перевёл его вопрос. Старейшины отвечали вразнобой, потом шаман сказал:

— Каждый из них назвал предка своего рода. А ещё — Нума, отца всех людей. А вас разве Нга создал, не Нум? Столько всего знаете, умеете, одного не можете — жить так, чтобы зла друг другу не делать.

Взгляд Хилиарха остановился на знаке Солнца, вытатуированном на груди Або. Такие же знаки были на теле у других сииртя, на бубнах шаманов. Внезапная догадка вспыхнула в мозгу эллина.

— Не вы ли гипербореи, блаженный народ, любимый Солнцем?

— Наверное, мы, — простовато усмехнулся Або. — Севернее нас никто не живёт. К северу от Священного острова ещё два острова есть. Там людей нет, ледники и летом не тают. А дальше на север — только море и льды, даже шаманы туда не летают.

— Говорят, будто у вас полгода ночь, а полгода день...

— Это там, на севере. А здесь солнце зимой целый месяц не восходит, летом целый месяц не заходит. Если летом много охотился, зимой сиди себе в тепле, песни пой, сказки слушай, из моржовых клыков красивые вещи вырезай. Снаружи пурга, темно, холодно, злые духи воют, а в дом забраться не могут.

— У нас думают, что в Гиперборее тепло, а непогоды вовсе не бывает.

— Кто здесь не был, много чего говорит. Я ваш язык немного знаю.

**Хоры дев, звуки лир, свисты флейт
Мчатся повсюду,
Золотыми лаврами сплетены их волосы,
И благодушен их пир.
Ни болезни, ни губящая старость
Не вмешиваются в святой их род.
Без мук, без битв
Живут они, избежавшие
Давящей правды Немезиды^[36].**

Что, не похоже на нас, а? Лодыри придумали, что у нас работать не надо. Такого и на том свете не бывает, не то что у сииртя.

Або довольно рассмеялся, сощурился и без того узкие глаза. А у греков глаза, наоборот,

расширились. Гиперборейский шаман цитировал Пиндара, без ошибок и почти без акцента! Харикл спросил вовсе невпопад:

— Говорят, вы жертвуете Солнцу ослов и из всех народов лишь вам дозволена такая жертва?

— Почему только нам? Найдёшь здесь осла — принеси его в жертву. Только не двуногого.

Послышались смешки. Греки были ещё более озадачены. Шаман знал не только об ослах, но даже о славе, которой те пользуются. Общался ли он с какими-то греками, приходившими с товаром к пермякам? Или сам бывал на юге?

— Верно ли, что у вас старики добровольно умирают, когда пресытятся блаженной жизнью? — спросил Хилиарх.

— Верно. Здоровья нет, силы нет, ум ослабел — зачем зря род объедать? Особенно в голодный год. Какая тогда от жизни радость?

— А если старик не торопится умирать?..

— Когда умирать человеку — только он решает и Нум. Никто не смеет сказать старику: «Подыхай скорее, кормить тебя не хотим». А сам захочет уйти к предкам — с почестями провожают. Для рода жить, для рода умереть — что может быть лучше для человека?

Хилиарх склонил голову на руки. Не разочарование — светлая грусть опустилась на душу, окутав её лёгкими белыми крыльями. Блаженная Гиперборея всё-таки существовала. Но как не похожа она была на мечту о ней, мечту людей, задавленных тяжким трудом и несправедливостью до того, что самый труд стал казаться несчастьем. Он бежал из городов, полных зла и роскоши, к варварам и был счастлив среди них. Но всё равно каждый год ездил в Ольвию или Пантикапей: купить то, чего варвары делать не умели, побывать в театре, послушать заезжих философов, поговорить со Стратоником, книгоцеем и сочинителем учёных книг. Сколько мудрецов осуждали города — и не могли с ними расстаться! Даже Диоген... Спрятался в бочку, но бочка-то стояла в Фивах! Он бросил взгляд на Харикла. Бронзовщика, похоже, одолевали те же мысли. Медленно, подбирая слова, Хилиарх заговорил:

— Видят боги, вы — лучшие из смертных. Но я не смог бы жить среди вас. Слишком бедна и сурова ваша жизнь и слишком велика добродетель. Но всё равно — хорошо, что вы есть! Без вас люди потеряют веру в самих себя, в лучшее в себе.

— И я не смог бы жить с вами. Ни битв, ни вина, ни пива — что за жизнь для воина! Но, клянусь копьём Одина, я отдам жизнь за вас! Тот, кто смеет вас обидеть, — враг всем людям, хуже тролля, — стиснув тяжёлый кулак, произнёс Сигвульф.

— Троль — это сюдбя? Хан-Хаденгота и его разбойники зовут себя сюдбя. Хотят быть как великаны-людоеды. Но ведь они же люди! Как воевать с ними, чтобы самим не стать сюдбя? Мы даже зверей ненавидеть не умеем. Солнце-Царь, научи нас воевать, научи ненавидеть врагов! — вскинув взгляд на Ардагаста, воскликнул Або.

Зореславич взглянул на Пересвета:

— Спой, гусляр, о нашей битве с людьми неизвестными.

Пересвет положил на колени гусли. Струны зарокотали под умелой рукой, и полилась песня. Гусляр пел по-венедски, иногда переходя на сарматский. Або переводил или скорее пересказывал. Сииртя и печорцы, почти не понимая слов, слушали, словно замороженные сильным, но мягким голосом певца. В песне было возмущение зверствами подземных

выходцев, было спокойное мужество русских воинов и радость победы. Не было лишь злобы и жестокости, хотя речь шла о страшной, кровопролитной войне. И мирные северяне стали понимать, как можно не любить войны, но всегда быть готовыми к ней, побеждать людей-бесов, но не уподобляться им. Теперь охотники и зверобои, прежде редко воевавшие, готовы были идти вместе с росами на войну, как на охоту — бесстрашно и спокойно, с непоколебимой верой в свои силы и свою правоту.

Слушал песню венеда и Харикл, и словно могучая волна смывала с души бронзовщика всё мелкое, подлое, трусливое. Военская слава и добыча никогда не привлекали его, но сейчас он был готов сражаться вместе со всеми этими людьми — только ради того, чтобы мир не погряз во тьме корысти и обмана, чтобы не погас в нём свет Гипербореи. Он понял, что никогда уже не сможет жульничать, подличать и утешать себя тем, что весь мир таков. Мир не так плох, чтобы его нельзя было сделать лучше!

— Я готов умереть за Гиперборею, как за свой родной город. Но скажите мне, мудрейшие из скифов: можно ли в этом мире жить так же справедливо, как на севере, и так же богато, как на юге? — задумчиво произнёс Харикл.

— А что, у вас на юге никто так жить не пробовал? — с простодушным видом спросил Або.

— Пробовали. Ессеи в Палестине уходили ради этого в пустыню. Жили общинами, вместе работали, без рабов, без господ... Их перебили римляне.

— Это те, что все племена хотят своими рабами сделать? И говорят: «Вот вам мир, вот порядок»?

— Да. Я видел, как убивали ессеев, как бросали зверям христиан. И я не знаю, можно ли соединить богатство со справедливостью? Здесь, в этом мире. Скажите, мудрейшие из скифов, — повторил свой вопрос Харикл.

— Можно, — кивнул золотым клювом Аристей. — Так живут на Белом острове. Он — и в среднем мире, и в верхнем.

— Так не он ли и есть настоящая Гиперборея? Или, по-нашему, Шамбала? — вмешался Вишвамित्रа.

— Сколько имён для одного хорошего места! — улыбнулся Або. — Значит, все его ищут. Только там не люди живут — духи. Просто хорошие люди, когда умрут, в страну предков уходят. Там всё как у нас, только голода нет. А на Белый остров — одни великие воины, великие белые шаманы.

— Это те, кто всю жизнь положил на то, чтобы все люди жили богато и праведно, хотя многие из них не увидели ничего, кроме неудач и лишений. Кто готов идти до конца этим путём — тому место в Братстве Солнца, — сказал Вышата.

— Я готов... — вскинул голову Харикл.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но Хилиарх похлопал его по плечу:

— Не торопись. Это тебе не посвятиться в мистерии в захудалом храме. Ты прошёл только одну битву. И то... ну, сам помнишь. Поглядим, каков ты будешь в бою без своего порошка. А биться, может быть, придётся и за сам Белый остров. Я, знаешь ли, говорил с духами тех, кто был в Братстве, но ослабел, разуверился... Сидят теперь где-то... у входа в Аид, что ли. Ни блаженства тебе, ни мук, ни света, ни тьмы, а так себе — серые сумерки.

Пир в доме-холме окончился, и гости вместе с хозяевами заснули вповалку на мягких шкурах. Лишь девять гостей, не проронивших ни одного человеческого слова, но

внимательно всё слушавших, вышли наружу. Трое из них надели волчьи меха, трое — орлиные шкуры необычной величины, трое — безволосые шкуры с лапами и хвостами. И вот уже побежали в тундру три волка, взмыли в небо три огромных орла, а в море уплыли три касатки.

Наутро войско росов выступило в поход. Заснеженная тундра, словно степь, стлалась под ноги закованных в железо всадников. На морозном ветру трепетало красное знамя с золотой тамгой. Вслед за конниками ехали на собаках сииртя и печорцы с копьями и луками. Часть сииртя шла морем на байдарах, а вместе с ними — сарматы Сагдева и Сорака. В особой, расписанной колдовскими знаками байдаре ехали Сигвульф, обе волхвини, Сята-Сава и пятеро дружинников. А впереди всех плыла маленькая кожаная лодка — каяк. В ней, бодро загребая веслом, сидел шаман Або. Края его малицы были пристёгнуты к краям отверстия закрытой со всех сторон лодочки. Из заплечного мешка выглядывал костяной гарпун. Там же, в мешке, лежал бубен с колотушкой. Немолодой и тщедушный на вид шаман не уступал лучшим гребцам.

На Мысу Идолов выстроились обе дружины: конная — росов и оленная — Хан-Хаденготы. Предводители с затаённым недовольством поглядывали на Чёрного Быка: надо же, тянул с походом, пока с юга не подошёл Ардагаст со всей ратью. А колдун в шапке с деревянной совой и оленьими рогами стоял себе с важным видом на нарте с железными полозьями, знаменитой нарте вождя ненцев. Вокруг нарты столпились десять сильнейших чёрных шаманов из четырёх народов — ненцев, сииртя, печорцев и манжар. За их спинами угрюмо возвышалось изваяние Чернущего Идола. Окинув властным взглядом воинов, Паридэ-Хабт ударил в бубен и заговорил:

— Воины Нга! День настал, час настал. Откроется для вас путь между небом и землёй к Белому острову. Раньше нельзя было, позже нельзя будет. Но к проливу уже подходит Ардагаст. Войдёт в святилище — на тот путь выйдет, нас догонит. Потому к Белому острову пойдут только росы и с ними семь шаманов. Чтобы не пустить Ардагаста на Священный остров, здесь останутся ненцы и три шамана, четвёртый — я сам. Так велит Нга!

Гордые воители лишь молча кусали губы, слушая распоряжения чёрного шамана. Даже Саузард не пыталась их оспаривать. Взгляд царевны был прикован к тому, что видела лишь она, да ещё шаманы. Перед строем росов стояла всадница в чёрном кафтане, усыпанном золотыми бляшками поверх панциря, на вороном коне. Её пояс и венец блестели золотом и голубой эмалью. Чёрными распущенными волосами и хищным носом она напоминала саму Саузард. То был призрак Саузарин, Черно-золотой, царицы росов, погибшей почти тридцать лет назад в бою с венедами за Экзампей. Презиравшая всех Саузард уважала лишь её, свою мать.

Андак только горбился и ёжился от холодного ветра, чувствуя присутствие мёртвой тёщи. А та говорила дочери голосом, слышным лишь им двоим:

— Я хотела бы, доченька, чтобы ты сквиталась с этим венедемским ублюдком Ардагастом, убийцей твоего отца. Но так даже лучше: пусть Солнце-Царя убьют не родичи, а какие-то ненцы, о которых на Днепре никто и не слышал. А мы с тобой пойдём разорять Белый остров. Когда сгинет это гнездо Михра-Гойтосира, люди ни во что не будут ставить ни его самого, ни его избранников. Саубараг — вот кто станет богом воинов!

Чёрный Бык тем временем возгласил:

— Кровь тринадцати женщин пусть свяжет три мира! Волей Нга, силой Нга чёрный

столб пусть встанет!

Сииртянки отчаянно завизжали, заплакали, когда дружинники и шаманы принялись бросать их в провал. Но никто из росов и ненцев не вступился за своих недавних любовниц. Вопли женщин заглушал грохот бубнов и мерное злое пение. Последняя жертва скрылась в пасти провала, и оттуда взметнулся к небесам столб густого чёрного тумана, пронизанного языками синего пламени. Чёрный Бык приказал:

— Подойдите, воины Нга! Сила Грома пусть войдёт в ваше оружие из чёрного столба!

Всадники подъезжали к провалу, протягивали к столбу копьё, мечи, пучки стрел. И синие молнии, срываясь со столба, входили в оружие, наделяя страшной силой даже костяные стрелы. Потом Чёрный Бык показал шаманам два больших черепа: один — с длинными зубастыми челюстями, второй — с двумя рогами на носу и остатками чёрной шерсти.

— Череп Ящера бросите в прорубь у берега Белого острова, череп зверобога — на жертвенник в Доме Солнца. Носорог-зверь землю расколет, море в трещину хлынет, до подземного огня дойдёт, и остров совсем утонет.

Оба черепа водрузили на нарты, в которые запрягли коней. Чёрный Бык вынул из ларца золотую стрелу (в последние дни он часто колдовал с ней), положил её на камень остриём на северо-восток и понёсся бешеными скачками вокруг камня, то ударяя в бубен, то потрясая двумя мечами. Это было какое-то страшное подобие древней пляски арьев в честь Митры-Солнца. Змеиное шипение, волчий вой, свиное уханье вырывались из глотки шамана, и остальные десять колдунов, встав в круг, вторили ему. Наконец он упал, корчась и извиваясь, и тут же на северо-востоке, среди тундры, вспыхнула арка, переливавшаяся всеми цветами радуги. Языки золотого пламени трепетали над ней.

Чёрный Бык поднялся и вручил стрелу — не Андаку, но Саузард. Глаза царевны вспыхнули гордостью сильной, самоуверенной хищницы.

— Женщина-вождь! Вот ворота. Скачи через них с дружиной до самого Белого острова. Стрела вам путь укажет. Ударишь ею — белые сияющие скалы расступятся, золотые двери Дома Солнца откроются. Убейте всех мудрецов острова, возьмите сокровищ сколько хотите — всё равно ещё больше останется. Всё остальное шаманы сделают. Вперёд, воины Нга! Вернётесь — мир совсем переменится.

С громким кличем «Мара!», гремя железом, росы понеслись к огненной арке. Огнём пожара трепетал красный стяг, сияла золотая стрела в высоко поднятой руке Саузард. Но впереди всех скакала незримая чёрная всадница — Саузарин. Это она сделала всё, чтобы вместо свадьбы родителей Ардагаста произошла война между росами и венедами. Даже мёртвая, она усердно сеяла зло, подбивая на кровавые подвиги и раздоры сначала мужа, Сауаспа-Черноконного, потом дочь и зятя. А зять её сейчас думал об одном: вернуться живым из этого безумного похода. Но даже это от него уже не зависело. Куда уж думать о судьбе мира такой вот щепке в доспехах, подхваченной чёрным потоком!

Паридэ-Хабт провожал взглядом всадников, исчезавших под пылающей аркой. Он не сказал им главного: что Солнечный Всадник и его воины, разгромив шулмусов и мангусов, уже скачут над степями, горами и тайгой, спеша вернуться на свой остров. Но воинам Нга и незачем всё знать. У Чернущего Идола хватало рабов, даже верных. Не было лишь готовых пожертвовать жизнью ради него.

А из провала вылезали, потрясая дубинами и копьями, существа одно уродливее другого: с громадными головами; вовсе без голов, с лицами на груди; с висящими шарами

вместо глаз; с каменными телами; с хвостами, оканчивавшимися костяным ножом; собакоголовые. То были черти-тунгаки. Из тундры и из-за пролива по льду ехали на белых и бурых медведях волосатые сюдбья-великаны. Глядя на них всех, Хан-Хаденгота приободрился. Теперь он не боялся схватиться с росами и их союзниками, которых было в несколько раз больше, чем его дружинников. Он завалит врагов трупами глупой нечисти, а перед грозовым оружием не устоят и доспехи «железных людей». И тогда он, Хан-Хаденгота, станет не просто вождём. Царём севера, Потрясателем Вселенной, как говорят гунны. А что? Объединить ненцев. Покорить манжар. А потом можно будет потягаться и со степью...

Опоздали! Ардагаст и его воеводы поняли это сразу, выйдя к проливу. Над белыми скалами Священного острова поднимался в небо зловещий чёрный столб. Через пролив, ещё недавно скованный льдом, плыли, с грохотом сталкиваясь, льдины. А среди льдин то появлялись, то исчезали существа, с первого взгляда похожие на исполинских змей с заострёнными головами. Коричневато-серые тела извивались, поднимая волны. Из ноздрей вырывались клубы пара. Иногда показывались перепончатые лапы.

— Кто это? Змей Тлубин? — спросил Ардагаст.

— Нет. Дети Великой Выдры. Они величиной не меньше китов, — ответил Зорнишаман.

Как теперь одолеть пролив? Пробираться на байдарах или плотах среди льдов и чудовищ?

Из-за пролива прилетели златоклювый ворон и трое соколов-нуров. Обернувшись человеком, один из разведчиков доложил:

— Солнце-Царь! На острове ненцы на оленях, в костяных панцирях, сюдбья на медведях и ещё толпа каких-то уродов вроде неизвестных. Распоряжается всем чёрный колдун с деревянной совой и оленьими рогами на шапке.

— Где Андак с дружиной?

— Нигде не видно. Будто в пекло провалились, — развёл руками нур. — Ещё видели мы огненную дугу вроде ворот.

— Это — врата магического пути на Белый остров. Значит, на Священном острове дружины Андака уже нет. А эти все только прикрывают её с тыла. Чёрный Бык — невежда в солнечной магии, не смог даже закрыть врата. Но нас он опередил, — сумрачно произнёс Аристей.

Ардагаст стиснул зубы, сдерживая поднимавшуюся в душе волну отчаяния. Стрела Абариса вместо ключа к огненному сердцу Скифии стала орудием страшного зла! А ведь он мог отправиться за ней и год, и два назад, не дожидаясь, пока Фарзой устроит эту гонку, которую теперь выиграл Андак. Пять лет он, Ардагаст, не бывал дальше Танаиса. Не хотелось далеко уходить от жён, детей, от просторной белой мазанки-дворца на берегу Тясмина. И столько дел было в молодом царстве росов и венедов...

Он забыл, что, кроме этого царства, есть ещё и весь мир. Зато об этом помнило Братство Тьмы. Это братство составляли не только Валент с его колдовской шайкой там, далеко на юге. От греческих городов и днепровских лесов до Ледяного моря, от одного чёрного колдуна к другому тянулась незримая цепь зла. Везде находилось, кому направлять Андака и Медведичей, воздвигать на пути росов чародейские преграды, разжигать войны, способные погубить целые племена. И хоть бы один из них любил Тьму бескорыстно, как Аполлоний и его собратья — Солнце! Нет, каждому хотелось ещё и жить богаче всех в племени, и

упиваться властью, страшной властью над душами запуганных людей. Словно по всему миру расселилось тайком безжалостное племя нелюдей, перед которыми неизвестные и прочие полубесы — только жалкие уроды.

Раздумья царя прервал спокойный голос Зорни-шамана:

— Долго ли идти волшебным путём до Белого острова?

— Верхом — хватит одного дня, — ответил Аристей.

— Ещё утром мои соколы доносили: сарматы уводят коней из долины Ою по льду на остров. Значит, Андак ушёл через врата только сегодня, — сказал Волх.

— И наверняка в полдень. Врата легче всего открыть на восходе, в полдень и на закате, — добавил Вышата.

— Так время ещё есть! — бодро воскликнул Зорни-шаман. — Я такое заклятие для коней знаю — втрое быстрее поскачут. Вы, воины, только разгоните тех, что засели там, на острове.

— И разгоним! — весело осканился князь-оборотень. — А вы, волхвы, хоть пролив заморозьте. Вода больно холодная, а бани на острове, поди, нет.

— Незамерзший пролив — самое безобидное из того, что нас ждёт. Видите этот столб? На нас обрушатся злые силы всех трёх миров, — озабоченно проговорил Аристей.

— Как тогда на Гляден-горе? А мы на них — добрую силу со всех трёх сторон: трое нас, солнечных волхвов, отсюда, да Або с запада, со священного мыса Сииртя-сале, да моя жена с Миланой с севера, с Горы Идолов, — уверенно и легко, словно речь шла об изгнании мелких бесов, а не о смертельном волхвовном поединке, сказал Вышата.

— На женскую магию я не очень-то полагаюсь. Но выгнать эту шайку с Мыса Идолов и рассеять чёрный столб — лучше всего огнём Колаксовой Чаши — мы должны до заката. Здесь север, и ночью тёмные силы так сильны, что придётся думать уже не о победе, — деловито произнёс златоклювый ворон.

Спокойная уверенность волхвов передалась Ардагасту. Да, страшна цепь Тьмы, но через весь мир тянется и другая цепь — Света и Правды. Разве добрались бы они, горстка росов, до края света, если бы рядом с ними в боях не становились все эти добрые, смелые, бескорыстные люди из многих племён? Подкрутив золотистые усы, царь весело взглянул на своих воинов:

— Никак приуныли, ратники? Солнцем клянусь — страшнее смерти тут ничего не увидите. А её пусть боятся те, кого черти в пекле дожидаются. Да вон таких за проливом целая свора! Сказал бы я, что ждёт нас Белый остров, так они и на него руку подняли. Так что придётся нам биться ради одного того, чтобы было куда уходить по смерти праведным воинам и мудрецам.

— Чего там! Одолеем! Отучим в святых местах паскудить! Зря, что ли, столько прошли? — воинственно взмахнул небольшой, но крепкой дубиной Шишок.

Войско одобрительно зашумело.

Отходя от материка, байдары с воинами шли напрямик к юго-западному мысу Священного острова — Сииртя-сале. Здесь находилось небольшое святилище Солнца, куда порой прилетала железнокрылая солнечная птица Минлей. Неожиданно в небе появились три огромные птицы. «Люди-орлы!» — почтительно и не без испуга заговорили сииртя. Они знали: эти могучие существа могут спасти человека, породниться с ним, а могут убить и съесть. Орлы спустились, схватили когтями передовую байдару и взмыли с ней в небо.

Сигвульф с дружинниками не взялись, однако, за оружие, и даже женщины не выказали никакого страха. Перекинувшись несколькими словами с Або, орлы с байдарой полетели на север, к Горе Идолов.

Поначалу волхвини хотели лететь, оборотившись орлицами, и взять с собой, тоже оборотив птицей, лишь Сята-Саву. Ненка нужна была им как переводчица, чтобы договориться с шаманкой Аюни. Но потом Сигвульф не без помощи Або и Вышаты убедил чародеек, что на остров, захваченный разбойными дружинами, без охраны лучше не лететь. Неизвестно было даже, не разорено ли святилище и жива ли шаманка. На мысленный зов Або она не отвечала.

После долгого полёта над седой равниной Ледяного моря орлы достигли острова. Внизу простиралась суровая безлюдная тундра. Голые серые скалы поднимались над замерзшими, покрытыми снегом долинами речек и болотами. Ни яранг, ни чумов, ни оленьих стад. Покинутый людьми остров казался царством смерти. Лютица поёжилась, вспомнив услышанное от мужа учение персидских магов о царстве Ахримана на севере, и украдкой бросала взгляд на Сигвульфа. Г от, положив могучую руку на борт байдары, спокойно озирал белую равнину. Даже если это начало Нифльхейма, страны холода, он не побоится встретиться тут с инеистыми великанами. Говорят, они сильны, но глупы. Люди, возомнившие себя великанами-сюдбя, гораздо опаснее.

Наконец орлы опустили байдару на лёд замерзшей речки в северной части острова и улетели. Если волхвини и их спутники погибнут, весной, быть может, людям встретится в море расписанная волшебными знаками лодка с призраками на ней. Небольшой отряд вышел на берег и двинулся вверх по склону горы между двумя скалистыми грядами. То на скалах, то у их подножия возвышались деревянные идолы. Перед ними торчали на кольях свежие ещё головы и побелевшие черепа оленей и медведей, кучами лежали меха, стрелы, гарпуны. Духовным зрением чародейки видели, как настороженно следят за ними многочисленные духи, по большей части женщины: одни в одежде, как люди, другие — без неё, волосатые, но мирные с виду.

Дорога привела к высокой скале, внутри которой вела широкая трещина. Мать-Идол — так звалась эта скала, вершина Горы Идолов, видом напоминавшая материнское лоно. На верхушке скалы устремлялись в белёсое небо девять идолов, самый большой из них — с семью лицами, другой, чуть пониже, — с большими грудями и животом. Приношения на скале и под ней были самыми обильными и дорогими: бивни земляных быков, черепа моржей с клыками, бронзовые и даже железные ножи.

Только взобравшись на скалу, Сигвульф заметил внизу озеро, а возле него — чум.

— Аюни! Шаманка Аюни! — громко крикнул гот.

— Зачем кричишь? Ты не бог и не шаман, сойди со святого места, — раздался голос из недр скалы.

Германец быстро спустился. Не сама ли богиня говорила с ним? Из расщелины вышла женщина в обычной сииртянской одежде — штанах, сшитых с рубахой, — из шкуры белого медведя. Длинные седые волосы были разбросаны по плечам и спине поверх откинутого капюшона. Немолодое лицо несло на себе следы многих испытаний. Узкие тёмные глаза смотрели спокойно и твёрдо. У пояса висели незамысловатые костяные фигурки оленей, птиц, моржей, медведей.

— Здравствуй, бабушка Аюни! — поклонилась ей ненка. — Я Сята-Сава, что росла в вашем племени. Помнишь ли меня?

— Помню. Тебя нашли в тундре, и я много повозилась, пока отобрала твою душу у чертей. Бойкая ты была девочка и хорошенькая, а стала совсем красавица.

— Я теперь младшая жена Лунг-отыра, славного вождя манжар.

— Это значит: он убивает и грабит много людей, а тебе даёт много подарков.

— Он не только воин, но и сильный шаман.

— То есть мало ему убивать оружием, нужны ещё и чары. Не такого мужа я желала тебе... А кто это с тобой?

— К тебе пришли Лютица и Милана, белые шаманки племени росов. А воины их охраняют.

— Не от меня ли? — иронически улыбнулась сииртянка.

— Здравствуй, Аюни, великая шаманка! — низко, но с достоинством поклонилась ей Лютица. — Слава Земле-Матери, Чёрный Бык и его злодеи не добрались до тебя. Ардагаст царь росов, пришёл покарать их. Помоги же ему и нам. На Мысу Идолов сегодня будет большая битва. Давай вместе вызовем добрые силы Земли и ослабим злые чары Чёрного Быка.

Ненка перевела. Аюни тихо проговорила:

— И сюда пришла война...

Лицо её стало печальным, затем — холодным и отчуждённым.

— Вы не туда пришли, росские шаманки. Это — Лоно Земли-Матери. Когда оленията, медвежата рождаются, птенцы вылупливаются, их души отсюда выходят. А на север отсюда — Малый Мыс Идолов. Там моя богиня — Хозяйка Моря. Она китам, моржам, тюленям, рыбам души даёт. Богине молятся не о смерти — о жизни, чтобы много пищи было, много зверей и детей родилось. В верхнем мире есть Нум и семь его сыновей, — она указала рукой на идолов вверху на скале, — в нижнем — Нга. Им и молитесь о войне. А я не чёрная шаманка, в убийстве никому не помогаю.

— Вижу, тебе тут хорошо и спокойно живётся, великая шаманка, — возмущённо взглянула Лютица в лицо Аюни. — Не видишь отсюда слёз своего племени. Оно скоро голодным станет, потому что охотится ещё и для разбойников-дармоедов. То-то они тебя не трогают. Может, и тебе от них что перепадает?

— Я шаманю дольше, чем ты на свете живёшь. Всё вижу, всё слышу. От голода племя спасала, от холода, от мора. От всякого безумия мужчин лечу, только от войны — не умею. Кто вас послал? Або? Это из-за его дружков с Белого острова к нам война пришла.

— Воины Белого острова вас защищали, теперь им самим помочь надо. Солнце с Тьмой воюет. Тьма победит — всем хуже станет! — горячо воскликнула Милана.

— У нас, германцев, мужчины не колдуют. Но волшебницы и пророчицы помогают воинам защищать племя. Ваши женщины что, совсем трусливы? — вмешался Сигвульф.

— А вы, воины, зачем пришли? Угрожать старухе? Со мной не так легко справиться. — В голосе Аюни появилась угроза. Шаманка перевела взгляд на волхвинь. — Знаю, что вам нужно. Шаманить для войны в Лоно Земли-Матери я вас не пущу. Уходите прочь!

Лютица шагнула вперёд. Её глаза пылали гневом.

— Я такая же жрица Матери Мира, как и ты, и владею мудростью пещерных колдуний времён зверобогов. Гляди!

Миг — и вместо волхвини на снегу стояла большая серовато-жёлтая львица. Из её пасти вырвалось рычание:

— Пусти меня в Лоно Великой Матери!

Милана, оборотившись орлицей, взлетела с грозным клёкотом. Скуластое лицо шаманки даже не дрогнуло. Она упала, свернувшись клубком и поднялась оленихой с огромными раскидистыми рогами. Совсем не похожая на гривастого северного оленя, она напоминала лань, но раза в три больше обычной. Два зверя, давно ушедшие в нижний мир, вновь стояли, готовые к схватке. Львица припала к земле, хвост её колотился по снегу. Олениха выставила исполинские рога. Орлица открыла клюв, расправила когти, готовая поддержать львицу в нападении.

Сигвульф закусил губу, чтобы не выругаться в святилище Матери Богов на венецкий лад — по магушке. Не пристало мужу лезть в драку женщин, даже вовсе озверевших. Но если эти трое погубят друг друга... Сята-Сава хотела крикнуть, броситься между зверями-волхвинями, но вместо этого бессильно оцепенела. Разве великие шаманки слушают её?

И тут ненка и германец увидели то, чего не замечали разъярённые волшебницы. Далеко на севере, над замерзшим проливом, загорелось в небе огромное разноцветное пламя невиданной красоты. Красные, жёлтые, зелёные огни переливались, переходили друг в друга.

— Сполохи! Сполохи! В них — души тех, кто без вести умер, кто себя убил! — отчаянно вскрикнула Сята-Сава.

Сигвульф вздрогнул. На юге, в венецких лесах, нечистые мертвецы становились упырями, а здесь, оказывается, забирались на самое небо. А ненка, упав на колени, кричала, мешая ненецкие слова с сарматскими:

— Вижу: Чёрный Бык Севера идёт. Снегом сыплет, холодным ветром дует, холодным огнём-сполохом дышит. Мать Пурги, Мать Подземного Льда, Мать Смерти на нём едет. Зло идёт с севера, смерть идёт — на воинов Солнца и Грома, на всех добрых людей! Земля-Мать, Мать Солнца, Небесная Олениха, останови северное зло!

Все невольно обернулись на север. Оттуда, со стороны скрытых за горизонтом безлюдных ледяных островов, шёл громадный чёрный олень. Завораживающее сияние сполоха окружало его могучие рога, разноцветным пламенем вырывалось из пасти. Но не тепло — холод волнами накатывался с севера. На оленихе восседала старуха в чёрных потрёпанных мехах, с распущенными седыми космами.

Лед гулко стучал под копытами зверя. Олень шагал всё быстрее, уже не шёл — нёсся вскачь по укрытой снегом тундре. Тёмные тучи следом за ним заволакивали небо. Линялая шерсть с боков оленя, перхоть с волос старухи обильно падали и обращались в снег, который нёс на юг ледяной ветер.

Раздоры враз забылись. Чародейки и воины сгрудились у расщелины. Снег засыпал долину между скальными грядами, от ветра валялись идолы, а сам ветер выл всё громче голосами бесов и нечистых покойников. Поравнявшись со священной скалой, старуха обернулась и захохотала:

— Поздно пришли на север, росы! У вас осень, а здесь зима. Небесные воины вам не помогут: гром не гремит, солнца не видно. Все замёрзнете, не вернётесь! Мир спасти надумали? Попробуйте сами спаситесь, их-хи-хи!

Чёрный зверобог унёс старуху на юг, а пурга осталась бушевать над тундрой.

— Все в расщелину! — громко крикнула Аюни.

Расщелина оказалась входом в обширную, уходившую в глубь земли пещеру. Кромешную тьму внезапно озарил золотисто-красный, будто от костра, свет. На стенах стали видны нарисованные охрой фигуры зверей незапамятных времён: земляных быков, носорогов, львов, оленей с громадными рогами. А свет исходил из глазниц расписанного

красной краской огромного черепа с изогнутыми бивнями. Снаружи бесновалась пурга, но ни одна снежинка не попадала в пещеру.

Дрожащая Сята-Сава прижалась к тёплому боку львицы-Лютицы. Олениха-шаманка ласково коснулась влажным носом лица ненки и сказала:

— Из тебя вышла бы хорошая шаманка. Зря я не взяла тогда тебя в ученицы.

Сята-Сава молча покачала головой. С неё достаточно было мужа-шамана. Ей приходилось видеть всё: как он курил хорезмийское маковое зелье, как с трудом приходил в себя после духовных полётов, а потом, едва отлежавшись, принимался за воинские упражнения. Ведь он — ещё и отыр, его не должны видеть слабым. Когда же он, совсем обессиленный, валился на ложе, старшая жена охотно уступала ненке место возле него. Ещё и посмеивалась над тем, что у бывшей наложницы детей меньше, чем у неё. Зато в походы Лунг-отыр всегда брал младшую жену.

— Орлица в небе, олениха на земле, львица в пещере. Все три мира. Будем шаманить, силой трёх миров помогать мужчинам, — спокойно и деловито произнесла Аюни.

Две рати стояли друг против друга на берегах пролива. А между ними бились две незримые волны колдовства. Льдины то смерзались, то с треском раскалывались. Но белоснежная броня всё надёжнее сковывала поверхность моря. Огромные выдры уже уплыли на восток, чтобы не вмёрзнуть в лёд. Три солнечных шамана и один грозовой могли быть довольны собой: знакомое, но непривычное ледяное волхование выходило неплохо. Однако все четверо чувствовали: их враги борются не в полную силу, скорее, тянут время.

Всё стало ясно, когда над северным горизонтом вспыхнул огонь сполоха.

— Чёрный Бык Севера! Я говорил вам о нём! Быстрее замораживайте пролив! — крикнул Аристей.

В считанные минуты ледяной мост был достроен и присыпан снегом — чтобы копыта коней не скользили. Ардагаст взмахнул мечом, и железный сарматский клин с кличем «Слава!» понёсся к Мысу Идолов. Впереди скакали росы в кольчугах и панцирях, за ними — манжары, следом — сииртя и печорцы на собачьих упряжках. Рядом с людьми бежали две стаи волков: оборотни-нуры и люди-волки из тундры. А в лицо воинам уже бил ледяной ветер, и тёмные тучи заволакивали небо, и белая стена надвигалась с севера. И вот уже вылетел на скалистый берег исполинский чёрный олень в венце холодного пламени, остановился и победно затрубил. Его реву вторил ехидный хохот косматой старухи, рокот бубнов, довольные крики скопища, собравшегося на мысу.

Пролив был узок — пешком за час перейти. Но пересечь его росы не успели. Пурга достигла берега раньше их. Царь приказал всадникам остановиться, зная: ещё немного, и кони начнут падать и обращаться в бегство, не выдержав напора ледяного урагана. Бежать от него бесполезно, укрыться негде.

— Ардагаст! Строй солнечный шатёр, как тогда в Карпатах! — крикнул Вышата.

Даже не слова — ветер уже заглушал их — мысль волхва достигла сознания царя. Он поднял над головой вспыхнувшую золотым огнём Колаксаеву Чашу, потом описал ею круг. И купол струящегося золотистого света охватил всё войско, сбившееся в кучу на льду пролива. Люди, кони, собаки, волки жались друг к другу. А беснующийся снежный хаос уже окружил их со всех сторон, накрыл сверху. Где небо? Где берег? Пурга завывала голосами безвестных мертвецов, в одиночестве и отчаянии погибших среди белой пустыни, голосами самоубийц и чертей-тунгаков. Иногда в снежном вихре проступала то громадная морда чёрного оленя, то

злорадное лицо старухи.

— Что, росы, на край света забрались моржеедов глупых спасать? Вместе с ними вас в снежном кургане похороню!

Золотистая полупрозрачная стена дрожала, колебалась, но ни одна снежинка, ни один порыв ветра не пробивались сквозь неё. Не проникал внутрь купола даже мороз. Чувствуя это, воины приободрились.

— Хорошо в золотом чуме вождя росов, как на самом Белом острове! — сказал по-сииртянски, затем по-сарматски Хаторо. Новый дружинник уже немного овладел языком росов.

Сииртя под бубен запели насмешливую песню о трусливых ненцах, спрятавшихся за спину старухи. Пересвет заиграл другую — о старой ведьме, пытавшейся приворожить молодого парня. Амазонки дружно подхватили её, следом и другие росы. Если бы не теснота, пустились бы и в пляс. Когда же появлялось злорадное лицо старухи, её крыли отборной руганью. Ягу, всех чертей мать, росы сразу узнали. И вспомнили, как их Солнце-Царь восемь лет назад выбил из седла зловредную богиню-ведьму.

Тем временем пурга заметала золотистый купол. Вокруг него и впрямь выросла снеговая курган неведомой величины. Вскоре даже вверху не стало видно ничего, кроме белого снега. Он уже не носился в яростном вихре — просто лежал, похоронив под собой всё войско Ардагаста. Солнечная чаша, однако, по-прежнему давала тепло и свет.

— В золотой яранге ещё лучше, чем в чуме! — сказал неунывающий Хаторо.

Наиболее тревожно чувствовали себя волхвы. Они-то знали: Огненная Чаша не всесильна. Удалось же её три века назад разрубить Секирой Богов (той самой, что, лишённая былой силы, висела теперь у пояса Вышаты). Сколько ещё выдержит солнечный шатёр под натиском сил тьмы и холода? К тому же скоро под снежным курганом станет душно. Лишь наверху, куда бил золотой луч Колаксаевой Чаши, оставалось отверстие, через которое поступал воздух. Волхвы старались сохранить его, а старуха — завалить. Ей усердно помогали Чёрный Бык с его колдовской шайкой.

Но волхвы чувствовали, как с севера, из-за бушующей пурги, всё сильнее и увереннее накатывается поток добрых чар. Сила многоликой и многоимённой богини жизни, вызванная и направленная тремя волхвинями, ослабляла злую силу её сестры, владычицы холода и смерти. Но где же Або с солнечной птицей Минлей, которую он обещал вызвать?

Вышате, поглощённому магическим боем, почему-то слышался мысленный голос его маленького сына Вышеслава: «Тятя, мама! Держитесь!» Совсем тонкий голосок. Нечисте морочит, что ли? Куда там семилетнему мальцу мысленный разговор вести из такой дали? Но такой же голос слышала и Лютица.

Байдары шли к Священному острову. Берег его уже показался вдаль, когда воины увидели на севере три странных движущихся столба из смеси огня, дыма и пара. Столбы вырывались из-под воды, рассыпались и исчезали, чтобы снова появиться, и плыли эти огненные фонтаны наперерез байдарам.

— Огнедышащие киты! — испуганно зашумели сииртя.

Пара байдар повернула было назад, но брань Сагдева, нацеленные луки сарматов и насмешки соплеменников заставили струхнувших было северян вернуться. А впереди уже ясно были видны блестящие тёмные спины китов. Словно три плавучих острова двигались теперь прямо на людей, извергая огонь и пар. Иногда позади чудовищ показывались из воды

их громадные хвосты, похожие на рыбы. Сарматам киты представлялись какими-то огромными помесями каспийских тюленей с рыбами.

А Сагдеву сразу вспомнилась виденная им в Парфии огнедышащая гора Демавенд. Дым и огонь выходили только из небольшого кратера на её склоне, но местные жители трепетали перед мрачной горой, веря, что в её недрах томится скованный царь-дракон, трёхглавый Заххак. Сковал его царь-герой Феридун. Когда же настанет последняя битва сил Света и Тьмы, Заххак вырвется на волю. Но тогда же пробудится от многовекового сна, насланного коварной ведьмой, великий воин Гаршасп, лежащий в пещере здесь же на склоне Демавенда. Только он и сможет победить огнедышащего царя-змея. Сагдев вспоминал древние предания, и душа его наполнялась отвагой и жаждой подвига. Хороши меха и слоновая кость, моржовые клыки и почти нагие узкоглазые девушки, но сердцу воина и царевича приятнее победа над сильным врагом.

Те же чувства переполняли сейчас душу Сорака. Бесславная схватка с раненым Симургом, резня одурманенных греческим зельем неизвестных... О таком не сложат песни, кроме разве что насмешливой. Но вот наконец противник, достойный воина, ищущего славы. Сжимая длинные сарматские копья, царевичи бестрепетно плыли навстречу огнедышащим громадам.

Байдары подошли совсем близко к китам, и началась охота. Только кто был охотником? Киты разинули огромные пасти, изрыгая огонь и дым. Две байдары не успели уйти, и на их месте в волнах закачались обугленные трупы. Остальные зверобои поначалу лишь уклонялись от смертоносного пламени, стараясь подобраться к китам сбоку или сзади. Ещё несколько байдар при этом опрокинулось, попав под удары громадных хвостов. Сарматы в своих железных доспехах почти сразу пошли на дно. Из сииртя спаслись немногие. Один кит, самый молодой, внезапно ушёл под воду, а потом всплыл, обрушившись на зверобоев сзади. Ещё одна байдара была испепелена. А шаман Або на своём каяке бесстрашно шнырял между чудовищами, то отводя им глаза заклятиями, то ослабляя силу огненного дыхания.

Вдруг в небе снова появились три громадных орла. С громким клёкотом они разом устремились на молодого кита, впились в него мощными когтями, подняли в воздух и понесли на юг. Сииртя разразилась радостными криками:

— Люди-орлы, наши братья! Кита съедят и с нами поделятся!

Рядом с другим китом столь же внезапно появилось с полдюжины существ, весьма похожих на него, но гораздо меньших. Огнём они не дышали, зато были очень подвижны и острозубы. Киту враз стало не до людей. Преследуемый стаей морских хищников, он обратился в бегство.

— Люди-касатки тоже наши братья: гонят кита на мелководье! За ним, царевич! — крикнул Або.

Третий кит тоже оставил в покое людей и поплыл прочь, но в другую сторону — на восток, к проливу.

— Сорак! Бери половину байдар и догони его! — приказал Сагдев, а сам с остальными байдарами устремился на север, вслед за китом, убегавшим от касаток.

— Мы ещё встретимся, побратим! — донёсся его голос до Сорака.

Царевич сарматов царских не зря звался Сорак — «преследующий». Он был как никогда уверен в своих силах и полон охотничьего азарта. Пусть под ним не седло, а днище байдары, а вокруг не родная степь, а Ледяное море. Но так же пьянит морозный воздух, так же широк вольный простор, а впереди — сильный и опасный зверь — царская добыча!

Одна из касаток, настигнутая огненным дыханием чудовища, превратилась в почерневший труп. Остальные упорно гнали кита к белым обрывистым скалам Священного острова, то и дело впиваясь ему в бока и вырывая мясо целыми кусками. Иные выскакивали из воды и обрушивались на чудовище сверху. Кровавый шлейф тянулся за китом. Вдруг он развернулся и, разметав касаток, в ярости устремился на людей. Байдары раздались в стороны, и перед пышущей огнём пастью остался один Або. Воздух перед его каяком задрожал, заблестел золотом, и пламя остановилось, наткнувшись на волшебную преграду.

В этот миг байдара Сагдева подошла совсем близко к киту. В тело чудовища вонзились длинные копья царевича и ещё двоих сарматов. Следом полетел гарпун. Израненный великан нырнул, но вокруг был мелководный залив, а гарпунный линь не давал далеко уйти. Вскоре исполин, вконец обессиленный, всплыл. Касатки тут же снова яростно набросились на него. А перед людьми внезапно появился новый враг. Голова, похожая на человеческую, но не меньше китовой, вдруг поднялась из воды и разинула бездонную зубастую пасть. Длинные седые космы, как водоросли, плавали вокруг неё. Словно ещё два чудовища, взметнулись из воды две огромные, когтистые, перепончатые лапы.

— Тунгак! Старейшина тунгаков! — в ужасе закричали сииртя.

Морская вода вдруг стремительно хлынула в пасть исполина, как в огромную воронку. Касатки отплыли прочь от кита. Сииртя усердно гребли назад, но течение властно тянуло их к громадной, как пещера, пасти.

— Труссы! — сплюнул сквозь зубы Сагдев. — Я добуду его. Копья сюда!

С соседней байдары сарматы передали копья, и байдара царевича помчалась к великану.

— Эй, царевич! Стой! Эта добыча — не царская! — закричал Або.

Сагдев хотел зайти к великану сбоку, но байдара не сумела увернуться от громадной лапы морского чёрта. Не помогли и копья. Тунгак взвыл от боли, но не отдернул лапу, а сграбастал лодку вместе с людьми и обратил всё это в кучу раздавленных костей, кровавого мяса, смятого железа, изорванной кожи и деревянных обломков. Спаслись лишь один сииртя да сам Сагдев. Великолепный пловец, царевич в панцире, с мечом и акинаком сумел добраться до берега.

Тем временем вода несла лёгкий каяк Або прямо в пасть исполина. Спокойно и аккуратно шаман достал из-за пазухи пучок сухой травы, зажёг его. В воздухе разнёсся сильный резкий запах. Чудовище тут же перестало втягивать воду и отвернулось, прикрывая лицо лапой. Або выхватил из заплечного мешка гарпун, метнул. Заговорённый гарпун вонзился в шею тунгаку, повернулся в ране. Великан с истошным рёвом бросился к берегу, таща за собой на кожаном лине Або вместе с каяком. Достигнув острова, тунгак по пояс высунулся из воды, ухватился руками за береговые скалы и вдруг.. вошёл в них, словно призрак. Произнеся заклятие, шаман взлетел в воздух вместе с лодочкой и только поэтому не разбился о скалы. А тунгак плыл в толще земли, будто в воде. Огромная голова то вылезала из-под земли, то скрывалась. Шаман же, выбравшись из каяка, бежал следом по земле. Деревянный поплавок на конце лinya надёжно указывал, куда двигался старейшина чертей.

Неуёмный царевич, подобрав выброшенное на берег копьё, также гнался за тунгаком, но пробить толстый череп чудовища так и не смог. Эх, разогнаться бы на верном коне да всадить копьё на скаку! В Парфии он не раз пронзал насквозь всадников в доспехах.

Наконец обессиленный, истекший кровью великан вынырнул из земли по пояс и, бездыханный, уткнулся лицом в камни. Тут же его громадное тело осыпалось бурым прахом. Лишь колоссальный скелет остался лежать на каменистой почве, до половины погребённый

в ней.

Сматывая лить, Або покачал головой и сказал:

— Ты же давно мёртвый, зачем живым столько вредил?

Потом, обернувшись к запыхавшемуся царевичу, укоризненно проговорил:

— Видишь теперь: это дичь не для царя, только для шамана? На неё колдовской гарпун, волшебный лить нужен. Зачем воинов зря погубил?

— Я сам мог погибнуть, — скрипнул зубами Сагдев. — Разве слава не стоит того?

— Зачем только ваша Артimpаса любит таких, как ты и твой отец? — вздохнул шаман.

Потом добыл из-за пазухи ещё одну чародейную траву, зажёг и окурил ею сармата. Насквозь промокший в ледяной воде Сагдев вдруг ощутил себя сухим, согревшимся и полным сил.

— Это чтобы ты от простуды не умер. Что за смерть для великого воина?

Готовый убить шамана, царевич радовался лишь тому, что его, Сагдева, новое унижение никто не видел.

Неторопливым шагом Або вышел на высокий мыс, замыкавший залив с юга. Здесь, в устье небольшой речки, уже высаживались с байдар уцелевшие сииртя и сарматы. Святилище Солнца на мысу было опустошено: идол повергнут, приношения разграблены, черепа жертвенных животных разбросаны и растоптаны.

— Видите? — гневно произнёс, обратившись к воинам, Або. — Кто такое сделал — не только наши враги. Солнца враги, света враги, хуже тунгаков!

Идола снова поставили, развели костёр, и Або, приплясывая и ударяя в бубен, пошёл вокруг идола по ходу солнца.

— Минлей-птица, сын Нума, зову тебя! Спаси нас от холода, от тьмы, от зла, помоги одолеть воинов Нга, людей-сюдбя, людей-тунгаков! — разносился напев солнечного шамана.

А само солнце всё не показывалось из-за серых облаков, и с востока доносился вой пурги... Вдруг с юга прилетел тёплый ветер. Сначала лёгкий, ласковый, потом всё более мощный. Шумя семью парами железных крыльев, в небе появился громадный орёл, которому даже люди-орлы годились бы в птенцы. Оперение гиганта отливало золотом, и сияние золотых перьев отражалось в железных крыльях.

Сагдев и его дружинники вздрогнули: не Симуург ли это в новом обличье? Златопёрый исполин опустился рядом со священным костром. Еле устояв на ногах от поднятого его крыльями вихря, воины приветственно воздели руки. Або вскарабкался по крылу на спину солнечной птицы. Та хитро скосила глаз на царевича: мол, не про тебя такая честь. Над притихшим отрядом разнёсся голос шамана:

— Сииртя и сарматы, воины Солнца! Я, Або-шаман, вижу: сильные враги поднялись на царя росов — Бык Севера, Мать Подземного Льда. Я лечу биться с ними. А вы к Мысу Идолов идите: Паридэ-Хабт вас оттуда не ждёт, думает — вы все в море сгнули. Туда пешком добираться долго — я для вас волшебный путь открою, быстро дойдёте.

Минлей, снова подняв горячий вихрь, взлетел и понёсся на юго-восток. С той же стороны от святилища возникла в воздухе сияющая арка с трепещущими над ней языками пламени. Сагдев поднял меч:

— Вперёд, воины Солнца! Светлые боги с нами!

Широким шагом, с гордо поднятой головой, он первый вошёл под огненную арку.

Сарматы и сииртя дружно двинулись за ним. Все видели: вождь отчаянно храбр, силен и красив. За таким можно идти и на край света. Кругом расстилалась всё та же безлюдная тундра, но скалы, холмы, замерзшие болота проносились мимо так, словно войны не шли пешком, а неслись на конях или самых быстрых собачьих упряжках. Снег под ногами переливался самоцветами, и эта сияющая дорожка не давала сбиться с волшебного пути. А впереди летел, удаляясь к горизонту, но не пропадая из виду, Минлей, и вслед за ним нёсся тёплый ветер, указывая Путь Солнца.

Чёрный Бык действительно не знал, что стало с отрядом Сагдева. С запада не доходили никакие чары — значит, Або сгинул. А вот с севера всё сильнее накатывались волны чародейства, разрушая колдовскую паутину чёрных шаманов. Проклятая старуха Аюни! Сидела у своей щели, никуда не лезла, и вдруг.. Выжидала или только теперь кто-то надоумил? Нужно было сразу разорить её бабье капище и посвятить его Матери Подземного Льда. Ничего, это исправить не поздно...

На север с Мыса Идолов полетел большой тёмно-бурый орёл. То был Тайбари, сииртянский чёрный шаман, издавна соперничавший с Аюни и Сэвсэром. Борьба мировых сил мало тревожила его. Он думал об одном: избавиться от соперников до того, как Чёрный Бык и остальные пришельцы уберутся кто на юг, кто за Урал. И тогда всю долгую северную зиму, среди холода и тьмы полярной ночи хозяином земли сииртя будет он, Тайбари. Лишь бы только прибрать к рукам источники волшебной силы, таящиеся в святилищах острова.

Он уже ясно видел духовным зрением: в расщелине священной скалы шаманят целых три ведьмы. Но не пристало мужчине отступать перед бабами. Не им одним известны чары, дошедшие из времён зверобогов.

Древнее заклятие разнеслось над снежной пустыней. В нескольких местах сразу треснула и расселась мёрзлая земля, и восстали из неё могучие, заросшие шерстью звери с двумя рогами на носу. Один, другой... Вот уже пятеро их бегут, взметая снег, и земля тундры гудит под их копытами. Орёл-Тайбари опустился впереди них, и сам оборотился таким же чёрным двурогим зверем, и понёсся по заснеженной равнине. Чёрному шаману не дано оборотиться сильным и добрым земляным быком. Но для него достаточно соединить ум человека с силой и яростью носорога.

О приближении воскресших зверей Сигвульф уведал по их топоту. Выйдя из пещеры, он разглядел с горы бегущее по тундре стадо носорогов и сразу узнал их. Восемь лет назад Ардагаст и его лучшие дружинники-русальцы в Дебрянских лесах одолели вышедших из преисподней зверобогов, и среди них — двух носорогов. Увидев, что стадо поворачивает к проходу между скальными грядами, германец небрежно бросил волхвиям: «Колдуйте спокойно, женщины, а мы проучим скотину, чтобы в святое место не лезла» — и махнул рукой дружинникам.

Шестеро воинов — против шести разъярённых тварей, готовых смести всё на своём пути. Сигвульф послал двух дружинников на северную гряду, двух — на южную, сам же стал посреди прохода вместе с ещё одним воином — спокойным, могучего сложения пермяком. В руках у всех были сарматские копья с длинными наконечниками, на скаку пробивавшими железные доспехи. Справятся ли они с носорожьей кожей? Вишвамитру бы сюда, он на таких тварей охотился ещё в Индии...

Пронёсшаяся пурга сильно замела проход, и носороги бежали медленно, увязая по грудь в снегу. Всё ближе чёрные лохматые туши, грозно выставленные рога, всё громче злобное,

яростное хрюканье. Взвихренный снег тучей летел перед ними, словно степная пыль перед стадом туров. Куда против таких выстоять орлице, оленихе и львице... Но пусть эти свиньи-переростки сначала одолеют мужчин — не колдунов, а воинов!

С криком «Один!» Сигвульф, отскочив в последний миг в сторону, всадил копьё в грудь зверю. От индийца гот знал: разъярённый носорог не может на бегу ни остановиться, ни свернуть. Железный наконечник, пробив толстую кожу и глыбы мышц, достал до сердца. Ноги могучего зверя подломились, и он рухнул, заливая кровью снег. Отскочил и ударил носорога копьём и пермяк. Но перед ним оказался не зверь, а шаман в зверином обличе. Носорог-Тайбари с неожиданным проворством отклонился сам, и копьё лишь скользнуло по волосатой коже. В следующее мгновение в грудь пермяка вонзился рог, потом тяжёлые ноги вбили воина в снег, круша его кости.

В это же время остальные четыре дружинника с копьями в руках разом устремились вниз со скалистых склонов, и в проходе закипел бой. Лишь одному из воинов удалось первым ударом поразить насмерть носорога. Остальные только ранили или раздражили мохнатых чудовищ, и те, вместо того чтобы бежать к пещере, стали гоняться за росами, которые, ловко уходя от бросавшихся на них носорогов, пытались достать зверей кто мечом, кто уцелевшим копьём.

Носорог-оборотень, покончив с пермяком, обрушился на Сигвульфа, не успевшего извлечь копьё из туши убитого зверя. Почти прижатый к скале, великан-германец обеими руками ухватился за рог и стал гнуть голову чудовища к земле. Стальные мускулы человека напряглись до предела. Ни ему не удавалось сломать шею зверя, ни тому — раздавить воина о скалу.

— Один! Один, дикий охотник, помоги мне! — хрипел Сигвульф.

Орлица-Милана готова была лететь на помощь мужу, но Лютица зарычала:

— Куда, дурёха? Только клюв о кожу носорожьё сломаешь! Чары держать надо втроём, слышишь?

— Твоего Вышату зверь сейчас не давит!

— У него враг страшнее! Не спасём Ардагаста с дружиной — всё пропадёт. Держи чары, Миланушка, Яга к Зореславичу опять сверху ломится!

— Тихо, вы обе! Носороги сюда бегут! — прикрикнула на них Аюни.

Носорог-шаман, борясь с Сигвульфом, следил краем глаза за своими зверями, и ему вовсе не нравилось, что те, забыв о священной пещере, гонялись за дружинниками. Тайбари послал мысленный приказ, и три носорога, оставив людей, устремились к вершине горы. Милана с Лютицей уже готовы были схватиться с первым же рогатым уродом, который сунется в расщелину. Но Аюни спокойно сказала:

— Шаманьте дальше, сёстры, не ослабляйте чар! Нам Земля-Мать защитника пошлёт.

Олениха-шаманка произнесла древнее заклятие, и в долине реки под горой вдруг расселся берег. Из давно заплывшей трещины в земле поднялась рыжая мохнатая голова с хоботом. Косматый слон восстал из оврага, в который свалился тысячелетия назад. Сломанные кости срослись, заработало могучее сердце. Грозно трубя, земляной бык побежал вверх по склону.

Сигвульф уже начал уставать в борьбе с носорогом, когда на помощь готу пришло заклятие Миланы. Короткое и не очень сильное — волхвия не могла надолго отрываться от поединка со зверобогом и старухой. Но его хватило, чтобы великан-германец смог, удерживая противника за рог одной рукой, другой всадить ему меч в шею. Обессиленный

человек и мёртвый зверь разом рухнули в снег. Привалившись спиной к скале, Сигвульф на миг устало прикрыл глаза. Открыв же их, увидел у своих ног вместо косматого чудовища маленького толстоватого человека в малице и медвежьей шапке, увенчанной головой совы. Бронзовая бляха на груди изображала сову верхом на звере, напоминавшем носорога, но с головой ящера.

— Какой из тебя зверь, жалкий колдун! Ты ещё смел сражаться с воинами! — презрительно рассмеялся гот.

Он поднял глаза к священной скале и увидел там битву гигантов. Носороги уже почти достигли расщелины, когда перед ними, вздымая тучи снежной пыли и оглушительно трубя, вырос рыжий косматый исполин. Один носорог от удара бивней отлетел назад и покатился вниз по склону. Прежде чем он успел встать, в него вонзились копья и мечи подоспевших снизу дружинников. Едва они успели вытащить клинки из туши, на них уже катился сверху с переломанными костями ещё один зверь. Земляной бык схватил его хоботом за рог и ногами сокрушил рёбра. Но в это время третий носорог распорол бедро великану, а когда тот осел на задние ноги, всадил ему рог в брюхо. Обливаясь кровью, гигант повалился на бок с жалобным рёвом.

А снизу уже спешили воины. Носорог бросился на них с дикой яростью. Одного дружинника он ударил рогом так, что спасла лишь кольчуга, подбросил в воздух, а сам помчался вниз с торчащим в теле копьём. Другой дружинник, проворный низкорослый аргиппей, вместе с остальными воинами бросился следом. Оказавшись впереди всех, он прыгнул и оказался на спине носорога. Одной рукой аргиппей вцепился в длинную шерсть зверя, другой же вонзил ему в шею меч. Когда подоспели остальные воины, последний носорог уже лежал неподвижно на окровавленном снегу рядом с трупом шамана, вернувшего было его в этот мир.

В большой светлице царского дома в Суботове над Тясмином было тепло и уютно, хотя снаружи холодный ветер с дождём бил в слюдяные окна. В ограждённом каменной стенкой очаге жарко полыхал огонь. Из взрослых в доме была лишь служанка — пожилая голядинка Милда, недавняя рабыня. Она сидела у очага, а на лавке теснились дети: оба царевича, Ардафарн и Доброслав, две их сестрёнки, сын Сигвульфа Валамир, смуглая непоседливая Рада, дочь Вишвамитры, хитроватый Гермий, сын Хилиарха. Старший царевич золотистыми волосами и отвагой напоминал отца, младший же удался в мать, скромную русоволосую венежку Добряню. А вот самым сильным, хотя и не самым старшим среди ребят был белокурый Валамир.

Сейчас глаза всех были устремлены в красный угол. Там на полке, под вышитыми полотенцами, стояли деревянные фигурки богов. А под ней на деревянной скамеечке восседал сын Вышаты Вышеслав — Вышко. Мальчику недавно исполнилось семь лет, но у него уже проснулся волховной дар. Из взрослых об этом ещё никто не знал, кроме Милды. А из детей первым узнал Валамир. Он и собрал ребятшек во дворце после того, как Вышко рассказал ему, что может видеть происходящее с их родителями на далёком севере. Об этом проведали и трое сыновей Андака, известные драчуны и пакостники, но их в дом не пустили.

Глаза Вышко были полузакрыты, но он ясно видел — не светлицу, а далёкий остров на Ледяном море. Сын великого волхва говорил медленно, негромко, то и дело замолкая:

— Вижу море Ледяное, на нём курган большой. Не из земли, из снега... В нём царь Ардагаст и всё его войско. И царица Ларишка там, и твои, Рада, батя с мамой... И Хилиарх

там, и мой тятя...

— Все в кургане? Мёртвые? — вздрогнула Рада.

— В кургане свет... добрый, золотой. Там все живые... А снаружи ветер, метель, сама Яга на большом чёрном олене... И колдуны злые, и черти...

Девочки испуганно заойкали. Валамир спросил:

— А мои мама с тятей где?

— Вижу остров... Большой, весь в снегу... Гора, на ней мёртвые звери — большие, страшные («Мой батя двоих убил, Вышко видел», — вполголоса гордо сказал Валамир)... Пещера... её твой тятя с воинами стережёт. А в ней твоя мама и моя. От них к кургану сила идёт — добрая, солнечная... — Мальчик не без труда подбирал слова. — Ну, словно речка, а вода золотая, и всё видно сквозь неё. И ещё одна речка золотая к кургану течёт — от волхва, он на золотой птице летит... А в кургане горит Огненная Чаша! Свет к свету идёт, огонь к огню... Тятя с мамой хотят курган открыть, рать выпустить!

Мальчик вскочил со скамейки, глаза его возбуждённо сверкали, руки были простёрты вперёд.

— Поможем им! — воскликнул Ардафарн. — А ну, в круг!

Дети спрыгнули с лавки, стали, взявшись за руки, словно в игре. Они знали: так становятся волхвы, когда хотят соединить чародейные силы. Вышеслава за руки взяли, замыкая круг, Ардафарн и Рада. Воин, волхв, женщина — так нужно, это царевич как-то слышал в разговоре отца с Вышатай. Вслед за Вышко дети подняли сцепленные руки и сразу почувствовали, как могучая, но добрая сила входит в них сверху и тут же устремляется далеко на север, сквозь дождь, холод, метель. На миг все увидели снежный курган посреди ледяной пустыни, и своих родных в нём, и две золотые воздушные реки, текущие навстречу солнечному пламени, озаряющему изнутри курган. Золотистый свет озарил божницу, охватил круг детей.

— Боги, Перкунас-Перун, Свайкстикс-Даждьбог, спасите царя Ардагаста, — шёпотом молилась по-голядски Милда. Она думала об одном: что будет, если Зореславич погибнет в северных дебрях, а вернутся Андак с Саузард. Восемь лет назад Ардагаст привёл с верховьев Десны толпу рабов-голяди. За это время они все заработали себе на выкуп. Одни ушли к сородичам в верховья Днепра, другие вернулись на Десну, многие же остались среди росов. Что их всех ждало при царице Саузард? Снова рабство, набеги, невольничий рынок в Ольвии. И Милда звала на помощь Солнце-Царю богов Солнца и Грома.

Вышата был сосредоточен как никогда. Он ясно ощущал, как течёт двумя потоками добрая сила навстречу заточенному в снежном холме огню Колаксовой Чаши. Чувствовал даже слабенький поток, идущий откуда-то с юго-запада. (Почему-то снова мерещилось лицо сынишки.) Сосредоточили свои силы и трое шаманов. Снеговой купол, соприкасаясь с золотистой преградой, созданной Огненной Чашей, подтаивал. Волхвы позаботились о том, чтобы этот купол изнутри покрылся толстым и прочным слоем льда. Теперь можно было не опасаться, что гора снега обрушится на войско, как только Чаша будет убрана.

Всё было готово. Пятеро волхвов и три волхвини соединили свои силы. Их дружественной мысли не могли преградить путь ни расстояния, ни пурга, ни толща снега и льда, ни злая ворожба Чёрного Быка и его своры. И вот чародейный удар огромной силы обрушился на снежный курган у подножия. В снежной толще появился проход в полтора человеческих роста высотой. Воины расступились, пропуская царя к проходу.

— Росы, вперёд! Слава! — разнёсся его голос под ледяным сводом.

И вылетели из снежной могилы сначала конные росы, за ними — манжары, а следом — сииртя и печорцы на собаках. Проход был с южной стороны, и старуха со зверобогом поначалу не поняли, в чём дело. Они-то старались обвалить свод кургана, и это им теперь удалось. Снежный холм стал похож на разграбленную степную могилу с воронкой наверху. Только вот людей в холме уже не осталось.

Увидев выезжавшую из-за кургана рать, Бык Севера разинул пасть. Сейчас он разметаёт этих людишек ледяным ветром, заморозит, занесёт, снегом посиневшие трупы. А самых наглых затопчет громадными копытами. Но в руке у переднего всадника была чаша, и золотой луч бил из неё прямо в морду гигантского зверя. И потеряло силу ледяное дыхание, стих холодный ветер. Разлетелись разноцветными искрами души нечистых покойников, и угас сполох. А сам рогатый великан неуклюже затоптался на месте, отворачивая голову от луча и норовя достать своих врагов копытами. Вскоре ему стало и вовсе не до людей. Сверху на зверобога устремился, гремя четырнадцатью крыльями, Минлей. Чёрный олень отбивался рогами, вставал на дыбы и наконец обратился в бегство под хохот и свист росов и их союзников.

— Что, карга старая на скотине чёрной, слабо тебе росов заморозить? А курган нам и без тебя добрые люди насыплют! — орал Шишок.

Чёрный олень выбрался на берег и бросился в глубь тундры. Солнечный орёл впился бы ему в спину, но старуха, отцепив от пояса тяжёлую дубину, отбивалась ею от птицы. А маленький человечек на спине Минлея ещё и досаждал богине всевозможными заклятиями, способными даже ей отвести глаза или причинить, к примеру, насморк.

Хан-Хаденгота наблюдал с Мыса Идолов, как выстраивались на льду для новой атаки росы, но сердце вождя оставалось бестрепетным. Боги бежали, чары не помогли? Он воин, а не колдун, и надеется на силу оружия и храбрость бойцов. Тем более, что в его оружии теперь сила Грома. Не терял духа и Чёрный Бык. Снова загремел его бубен, понеслось к небу заклятие:

— Зову вас, Сыны Севера! Именем Нга зову: придите с грозой, с тучами, одолейте Минлей-птицу и дерзкого Або-шамана!

А железный клин уже снова нёсся, гремя доспехами, к острову. У основания мыса, там, где берег был наиболее пологим, выстроились ненцы верхом на оленях. Справа и слева от них восседали на своих медведях сюдбья-великаны и жались к берегу кое-как вооружённые тунгаки. Ещё больше чертей толпилось наверху, на скалах, воя и ревя громче всех. На что надеялось это воинство, где и железное-то оружие было лишь у ненцев? На чары шаманов? Чёрный столб по-прежнему возвышался над провалом, но ничего опасного оттуда как будто не исходило.

Чёрные шаманы, однако, не бездействовали. Они прикрыли чарами дружину Хан-Хаденготы так, что духовное зрение солнечных волхвов не смогло различить скрытых в её оружии молний. Лишь Лунг-отыр, грозовой шаман, разглядел опасность, когда враги были уже совсем близко. «У них оружие Грома! Прикройте царя!» — долетел до Аристея с Вышатой его мысленный голос.

А стрелы уже сорвались с тетив. Обычные стрелы с костяными и бронзовыми наконечниками. Но наконечники эти пылали ослепительным синим огнём. С грохотом прожигали они насквозь панцири и кольчуги из лучшей стали, и полные сил, опытные воины без вскрика падали, гремя доспехами, на лёд. От громовых стрел не пострадало лишь остриё

клина, где находились царь и лучшие бойцы. Вышата и шаман-ворон в последний миг успели выставить магический заслон. Да и Ардагаст сразу вспомнил, как восемь лет назад у стен Аркаима в его воинов летели такие же не знающие преград стрелы. Широким взмахом руки с Чашей царь описал полукруг. И вот уже золотистая завеса надёжно прикрыла весь железный клин. От ударов стрел-молний завеса ходила ходуном, но не рвалась, и пылающие наконечники расплёскивались по ней яркими вспышками. Концы завесы слева и справа держали Зорни-шаман и Лунг-отыр.

Царь приказал коннице остановиться. Иные кони, напуганные молниями, рвались назад, и всадники с трудом утихомиривали их.

Вдруг два десятка ненцев прямо из седел взмыли в воздух и понеслись в сторону росов, на лету накладывая стрелы на тетивы. В тот же миг Аристей полетел назад и, прежде чем ненцы оказались над головами росов, золотистый полог защитил клин и сверху. Несколько стрел попали в шамана-ворона и... полетели дальше: духовное тело ворона Аполлона нельзя было поразить даже грозовой стрелой.

А вот стрелам росов, летевшим снизу, магическая завеса вовсе не мешала, и вскоре кое-кто из летунов оказался ранен, один же, которому меткая стрела Ларишки угодила в горло, упал прямо на копья. Ещё один, забросив лук за спину, вынул из сумки что-то белое, замахнулся... Но золотой луч Огненной Чаши опередил его, и ненец свалился с неба грудой пепла и обгорелых костей прямо на царя с царицей.

— Непременно нужно всякую дрянь мне на голову сыпать? — возмущённо произнесла Ларишка, стряхивая пепел с волос.

— Так он же в нас с тобой метил неизвестно чем, — сказал Ардагаст.

— У него в руках череп был. Ясно, что не от доброго человека, — поддержал царя Вышата.

Летуны поспешили убраться назад. От ещё больших потерь их спасли лишь костяные панцири.

— Эй, сюдбя! Не лезьте в золотой чум, он не для таких гостей! — со смехом кричали сииртя.

А Зореславич вспоминал битву за Аркаим, и сердце его тревожно сжималось. Тогда тоже бились между собой воины Солнца и Грома, живые и восставшие из могил, и схватка двух мировых сил, солнечной и грозовой, грозила вызвать огонь, способный выжечь целую страну. Именно это и нужно было ханьскому магу Чжу-фанши, чтобы почерпнуть из чудовищного огня великую силу для себя и своего ставленника — гуннского полководца Бейбарса. Ханец тогда выдавал себя за шамана Карабугу — Чёрного Быка. А теперь снова за спинами хищных воителей прятался Чёрный Бык — Паридэ-Хабт, и одному владыке пекла было известно, на что готов шаман.

Царевич Ардагаст, наверно, бросился бы с дружиной в отчаянную атаку. Но царь росов берег свою рать. Ведь это ему потом отвечать плачущим вдовам и матерям, как погибли их мужья и дети. А впереди ещё бой за Белый остров... И он ждал, пока волхвы (тоже хорошо помнившие о битве за священный город) ослабят чарами силу грозowego оружия ненцев. Куда же подевался Або на своей солнечной птице? И что стало с воинами Сагдева и Сорака? Какие морские чудовища поглотили их?

А маленький шаман на железнокрылом орле сражался в небе над безлюдной тундрой. Грозовые тучи, столь необычные в это время года, обступили его. Из туч летели стрелы-

молнии, а металы их всадники на чёрных оленях — Сыны Севера. Сияющая золотистая сфера, созданная Або, защищала его и птицу от молний, а удары копий Минлей отбивал крыльями, когтями, клювом. Тем временем старуха на чёрном олене-великане, избавившись от обоих своих врагов, скакала к Горе Идолов. Перемахивая через скалистые гряды, Бык Севера подъехал к самой расщелине.

— А ну, вылезайте! — грубо рявкнула старуха. — Ишь, в какое место Земли-Матери забрались! Ничего, людишки, оттуда в этот мир пришли, туда и уйдёте. Многие вас, поди, туда и посылали?

— Я бы послал тебя саму, великанша, ещё дальше, но здесь — святое место, — сурово ответил Сигвульф. — Да, мы уйдём. И придём снова, людьми или небесными воинами, чтобы биться с тобой и твоими отродьями, мать всех троллей!

Чёрный оленьдохнул морозом, но в пещере этого даже не почувствовали. Лишь туман за клубился у входа, не в силах одолеть доброе тепло Земли-Матери. Старуха уже готова была сама лезть в щель с палицей, но тут на скале появилась белая олениха дивной красоты, ростом не уступавшая Быку Севера. Свет и тепло исходили от её золотых рогов.

— Уходи, сестра. Это место — моё, — спокойно и твёрдо произнесла олениха.

— Твоё? Я тоже Земля, нижнего мира хозяйка, и тоже мать. И смертных, как ты, не распускаю.

— Они все — мои дети. А ты кого наплодила, сестра? Кто их любит?

— Ведьмы чертей очень даже любят, их-хи-хи! — грязно захихикала старуха.

— Я не о блюде говорю, о любви.

— Недосуг мне с тобой спорить. Разберусь сначала с Мысом Идолов. Он-то точно не твой. Пошёл, бычок!

Она развернула оленя и поскакала на юг. Бык Севера охотно повиновался. Схватываться с богиней-оленихой, чьи сияющие рога некогда растопили Великий Лед, он побаивался.

А Сагдев и его воины тем временем по-прежнему бодро шагали через остров по пути, проложенному Або, и сарматские песни разносились над тундрой. А воины Сорака на байдарах усердно гребли, догоняя огнедышащего кита. Из-за нападения стаи морских тунгаков они изрядно задержались и даже потеряли кита из виду, но не сомневались: чудовище плывёт наперерез Ардагасту.

Селевкия на Тигре, старая столица эллинских царей, ликовала. Вино лилось рекой, всюду играла музыка, шуты и танцовщицы потешали народ. В театре ставили «Персов» Эсхила, напоминая о поражении иранских варваров. Царь Артабан, друг эллинов и римлян, без боя вступил в город! С ним воскресший Нерон, лучший из императоров. Царь Пакор бежал к восточным варварам, его гарнизон ушёл за реку, в Ктезифон. Было от чего веселиться этому богатому эллинскому городу, немногим уступавшему Антиохии. А всё веселье оплачивали подлинные его хозяева — торгаши и ростовщики, греки, иудеи, сирийцы, вавилоняне. Они точно знали: при царе Артабане наживут больше, чем потратятся. А при кесаре Нероне — ещё больше.

В тронном зале дворца Селевкидов царь и кесарь с величавой небрежностью (цену лести оба хорошо знали) выслушивали приветствия горожан. А в укромной комнате перед зеркалом, обрамленным чёрным драконом, сидел маг в чёрной с серебром хламиде. Предстояло ещё овладеть Ктезифоном. На мосту через Тигр враги установили магическую защиту. К счастью, не очень мощную: чванливые персидские маги, похоже, не позвали ещё

на помощь Братьев Солнца. Тем более следовало спешить. И всё же Валент улучил миг, чтобы взглянуть на далёкий северный остров.

Увиденное если и не обрадовало его, то настроения не испортило. Старуха Геката не оставляла-таки в покое царя росов. Да ещё целая шайка гиперборейских колдунов, да ещё какие-то варвары в костяных доспехах, но с грозovým оружием... Было кому задержать забравшихся на край света спасателей мира (как будто мир того стоил!). Но главное — не было видно ни Андака с дружиной, ни золотой стрелы. Значит, они уже на пути к Белому острову. Увидеть их, правда, не удалось. Ничего, если северное гнездо архонта Солнца погибнет, это отзовется по всему миру. Да, а судьбы мира, похоже, начали решаться не здесь, в древних городах могучих империй, а там, на скифском севере, среди гиперборейских льдов...

Железный клин, прикрытый магической завесой, терпеливо стоял, готовый по первому слову царя обрушиться на ненцев. Те тоже стояли, помахивая оружием и ругаясь по-сарматски. Зато их союзники-бесы не ждали. Тунгаки и сюдбя-великаны, держась подальше от железных стрел росов и манжар, принялись обходить их но льду с двух сторон. Зореславич решил было, что нечисть подбирается к наиболее слабым его бойцам — сииртя и печорцам. Но тут подлетел сокол-нур и доложил:

— Солнце-Царь! В тылу у нас чудища морские. С востока двое змеев-выдр лёд ломают. А с запада — рыба громадная, не иначе кит, огнём дышит, и лёд оттого тает.

Замысел противников стал ясен. Напасть с флангов и тыла, заставить конницу нарушить строй, а тем временем отрезать росов от материкового берега. Чтобы отступить тем было некуда, кроме как в ледяную воду и в пасть к чудовищам.

Вишвамित्रа обратился к Зореславичу:

— Солнце-Царь! Разреши мне с Ардагундой и девочками помочь сииртя и проучить этих чертей. А потом отогнать выдр в море.

— Да. А я сам с Ларишкой, десятком росов и десятком манжар поддержу сииртя на левом крыле и попробую отогнать кита. Остальным всадникам строя не покидать и под молнии не лезть, пока волхвы их не ослабят. Во главе клина вместо меня станет Зорни-отыр. Если у волхвов будет всё готово, а я задержусь — пусть конницу ведёт он. — Ардагаст обвёл взглядом всадников. — Не робейте, дружинники, и не скучайте без меня! Упырей с молниями вы видели под Аркаимом и в Чёртовом лесу, сюдбя и чертей-уродов на Подчерье. Трудно их одолеть, но богом для этого быть не надо. Главное, помните: в бою у каждого своё место. Держи крепко знамя, дрегович!

Знаменосец Всеслав поднял красный стяг повыше. Рядом с дреговичем стоял его неразлучный друг Хоршед-кушан. Он помнил Аркаим и не боялся схватки с самозванными громовержцами.

— Солнце-Царь! Позволь нам с сыном пойти с Вишвамитрой. Мы не зверобои-сииртя но добудем змея-выдру, — сказал сармат Сагсар.

Ардагаст кивнул. Все знали: Сагсар и Неждан Сарматич, его сын от венежки, — славные бойцы и слов на ветер не бросают. А про удачливого человека венежки говорят: «поймал выдру».

— Тогда и мне придётся добыть выдру, и не меньше вашей, — улыбнулся индеец. — Если бы не обет, я бы обещал тебе, Ардагунда, и всем девочкам шубы из этой выдры!

Всадники расступились, давая дорогу Ардагасту и его спутникам. Место царя у знамени занял Зорни-отыр в своём позолоченном шлеме. А на льду уже кипела схватка. Нечисть,

обойдя всадников, с двух сторон набросилась на вооружённых лишь копьями и луками, лишённых доспехов северян. Тяжёлые дубины сюдбя и лапы их медведей валили противников направо и налево, устилая лёд трупами. С истошным воем и рёвом дрались тунгаки, злобно лаяли пёсиголовцы. А конники не двигались с места. Даже манжары, послушные приказу царя, лишь пускали в нечисть стрелы.

А за спинами нечисти без помех разрушали ледяной мост, подбираясь к северянам, покорные воле чёрных шаманов морские гиганты. На востоке стоял оглушительный треск: огромные выдры крушили лёд лапами и всей тяжестью тел. На западе сквозь облако горячего пара проглядывало пламя и бил в небо фонтан огня и дыма. Огненное дыхание кита обращало лёд в воду, а её — в пар.

Но охотники не бежали. Без криков, с тем же спокойным мужеством, с каким охотились на китов и белых медведей, сииртя и печорцы бились с нечистью. Их родина была не далеко на юге, а здесь же, за проливом. Тех, кто остался в стойбищах, ожидали в случае поражения резня или рабство, арканы ненцев, мечи сарматов, клыки прожорливых сюдбя. И северяне упорно сражались, не теряя надежды на помощь «железных людей» и их солнечного вождя.

И помощь пришла. Первыми поспешили на подмогу оборотни Волха и их северные братья, люди-волки. Крепкие волчьи клыки перехватывали глотки пёсиголовцев, рвали бока сюдбя и их медведей. Рядом с верным Серячком гвоздил чертей дубиной Шишок, жалея лишь о том, что не может здесь встать в полный лешачий рост. Другие нуры, в турином обличье, расшвыривали нечисть рогами, топтали копытами.

Справа на бесов обрушились амазонки. Засыпав врагов стрелами, поляницы устремились на них с секирами. Золотым пламенем реяли на ветру волосы Ардагунды, грозно сверкала тяжёлая кханда Вишвамитры. А слева уже мчался на ферганском «небесном» коне сам царь росов, и золотой луч бил из Чаши в его руке. Рядом Ларишка слала в тунгаков стрелу за стрелой. Два десятка отборных дружинников следовало за царём.

Царский отряд врубился с налёта в самую гущу нечисти. Уроды один страшнее другого — волосатые, собакоголовые, безголовые, с шарами вместо глаз — остервенело бросались со всех сторон, напарывались на мечи и копья, горели живьём в пламени Огненной Чаши. «Вот с кем породнились предки незнаемых», — думал Ардагаст, прожигая себе дорогу сквозь ревущее скопище.

Трое сюдбя на белых медведях встали на пути у царя. Глыбы мышц перекатывались под волосатой кожей, в оскаленных пастях белели клыки, не уступавшие медвежьим. Один великан рухнул с прожжённой в груди дырой. Другой подобрался сбоку, взмахнул дубиной — и взревел, хватаясь за обрубок руки, которую вместе с дубиной отсекла махайра Ларишки. На третьего бросился с копьём сииртя Хаторо. Великан дубиной перебил копьё. Второй удар сломал коню хребет, но охотник успел соскочить наземь и в следующий миг, ухватившись за шерсть медведя, оказался за спиной у людоеда и всадил ему в горло нож.

Внезапно над головами сииртя показались трое летящих ненцев. Стрелы-молнии с грохотом ударили в северян и нуров. Волх мигом понял: эти хотят напугать охотников, чтобы бежали, дав друг друга и мешая всадникам; но охотятся летуны за царём. Одни венеды с перепугу бросались наземь, другие пускали стрелы в ответ. Шишок, рядом с которым ударила стрела-молния, тоже упал было. Потом вскочил, выругался и засвистел, загоготал во всё горло. Поднялся ветер, разметал стрелы, подхватил, завертел летунов, и те, бессильно кувыркаясь, рухнули на землю. Лешак довольно подбоченился:

— Что, не ждали? Леший, он и в вашей тундре леший.

Двоих летунов разорвали в клочья волколаки. Третий бросился туда, где сверкал золотой луч Колаксовой Чаши. На пути ненца встал Шишок:

— Куда, коршун? Мы тебе не цыплята.

— Я — сюдбя! — оскалил зубы летун и выхватил из колчана громовую стрелу, метя в грудь лешему. Но зубы Серячка тут же сомкнулись на запястье ненца, а тяжёлый кулак Шишка проломил череп. Царский леший был с виду неказист, но силён даже и при обычном своём росте.

Тем временем Ардагаст пробился наконец к киту. За клубами горячего пара чудовище нельзя было даже разглядеть, не то, что подобраться поближе с копьями. Заметив среди пара проблески огня, Зореславич направил туда пламя Чаши. И вовремя. Кит выдохнул огонь во всю силу исполинских лёгких. От всадников остались бы только обгорелые кости в спёкшихся панцирях. Но красно-чёрное, смешанное с дымом пламя натолкнулось на золотое. Две огненные стены дрожали, не в силах одолеть друг друга. А сюдбя и тунгаки наседали со всех сторон. Дружинники, став полукольцом, отбивались, не пуская их к царю, занятому поединком с невидимым чудовищем. У каждого в бою было своё место.

И место царя было трудным и опасным. Рука уставала, чувствуя напор недоброго пламени. Раскалялись доспехи, трудно было дышать, словно в натопленной не в меру бане. Кто устанет скорее — человек с маленьким солнцем в руке или живой плавучий остров, извергающий огонь? Где царевичи со зверобоями на байдарах? А невдалеке от царя бился Хаторо, и сердце молодого сииртя терзала досада. Были бы у него каяк и гарпун, он бы в одиночку поразил кита. В роду Моржа он, Хаторо, не последний охотник! А среди росов — только неумелый наездник, с трудом управляющийся с лошадьёю и длинным копьём.

В небе творилось что-то вовсе непонятное и грозное. С севера надвигались тёмно-синие тучи, явственно слышались раскаты грома. Гроза в такое время года? Среди туч временами проглядывал сияющий золотой диск, хотя солнце должно было быть на юге. С юга же надвигалась, вспыхивая молниями, другая стена туч. А над островом снова загорелся зловещий огонь сполоха. Разноцветное сияние разрасталось, близилось, и с его приближением всё сильнее налетали порывы холодного ветра. И только шаманы видели, как с севера скачут по небу воины на чёрных оленях, а с юга — на белых, как летят их грозные стрелы, как бьётся окружённый врагами шаман на солнечной птице, а по тундре снова несётся старуха на чёрном быке-олене.

Кшатрий Вишвамित्रа не был волхвом. Он топтал могучим конём чертей, разваливал кхандой великанов-сюдбя и не видел, как скачет за спинами нечисти всадник на чёрном олене. И вовсе не мог он видеть, как перед всадником бежал рогатый волк, за ним — медведь, а над ними летел орёл. Вдруг тунгаки расступились, и новый враг предстал перед индийцем. Поверх чёрной малицы всадника белел костяной панцирь с фигурой бога Нга, стоящего на ящере. Руки уверенно держали большой лук. Загудела тетива, и сияющая стрела с грохотом ударила в грудь кшатрия. Без звука великан-индеец рухнул с коня. Тяжёлая кханда выпала из руки. А чёрный всадник взвился в воздух и с хохотом закричал по-сарматски:

— Ваш бог, Светловатый Парень, слаб! Я, Хан-Хаденгота, сюдбя, лучшего воина Солнца убил! А мои звери его душу убьют!

Две стрелы — Ардагунды и Меланиппы — полетели в него. Одну он поймал рукой, другую отбил древком лука и, нагло смеясь, скрылся за спинами тунгаков. Приободрившаяся нечисть снова бросилась на амазонок и северян. Ардагунда приказала Меланиппе вести

дружину, а сама соскочила с коня и склонилась над телом мужа. Панцирь на груди его был разворочен и оплавлен, в отверстии краснела обожжённая плоть, пахло палёным мясом. Воительница сжала зубами прядь волос, сдерживая рыдания. Вишвамित्रа, её священный царь, такой добрый и сильный, мёртв! Страшнее этого были лишь слова ненца о зверях, убивающих душу. Хуже смерти может быть только полная смерть — когда души не будет нигде, даже в худшей из преисподних.

Ардагунда подняла руки, и свет разлился с её ладоней. Она не была волхвиней, но с помощью этого света иногда могла видеть доступное лишь духовному зрению. И она увидела: недалеко от тела Вишвамитры стоял... он сам и отбивался кхандой и акинаком от трёх хищников: медведя, орла и оленерогого волка величиной со льва. Дух воина сражался с духами-зверями. Сердце амазонки сжалось. В духовном бою бесполезно её оружие, даже свет её рук не слепит глаза духов. Есть лишь один способ оказаться среди духов, если ты не шаманка... Рука воительницы легла на рукоять меча. Но тут она услышала спокойный и заботливый мысленный голос Аристея: «Нет-нет, ни сталь, ни яд для этого не нужны. Угодишь ещё в нижний мир. Постарайся выйти из тела, а я тебе помогу».

Почти бессознательно амазонка поднесла руки к плечам, словно сбрасывая одежду. И вот уже её тело лежало на теле мужа, а она сама, то есть её дух, поднималась на ноги с луком в руках. Вишвамित्रа удерживал на расстоянии волка и орла, но медведь уже подбирался к нему сзади. Первая стрела пронзила пернатого хищника. Вторая попала в бок медведю и лишь разозлила его. Встав на задние лапы, зверь двинулся на Ардагунду. Этого и добивалась воительница. Сильная и быстрая, она словно плясала перед ним с мечом и секирой в руках, и тяжёлые лапы с мощными когтями всякий раз натыкались на острую сталь. Почему-то царице амазонок казалось, что до неё доносится едва слышный голосок Рады: «Тятя, мама! Держитесь!»

Краем глаза амазонка заметила, как рогатый волк бросился на индийца, но в прыжке напоролся на длинную кханду. Оставив меч в теле противника, бившегося на снегу, кшатрий схватил зверя за рога и всадил ему под лопатку акинак. Не теряя ни минуты, Вишвамित्रа высвободил кханду и поспешил на помощь жене, с которой медведь уже сбил шлем. С одного удара двуручный меч рассёк медвежий череп, и могучий зверь рухнул к ногам едва успевшей отскочить Ардагунды.

— Мы и здесь вместе, — печально улыбнулся Вишвамित्रа.

А медвежья туша уже исчезла, рассеялась, словно туманный призрак, и так же исчезли тела волка и орла. Так погибают духи: без следа, без возврата. Воин и амазонка шагнули навстречу друг другу и обнялись. Златоволосая голова женщины устало склонилась на плечо кшатрия. Почувствовав на себе чей-то взгляд, они обернулись. Над ними возвышалась всадница на вороном коне, с распущенными чёрными волосами, в белой сорочке и красном плаще. Её бледное лицо было озарено спокойной, неумолимой красотой Смерти. Оба помнили обещание, данное Мораной Ардагасту и его соратникам: в их последний час за ними придёт она, а не старуха Яга.

— Я пришла только за тобой, Вишвамित्रа. А ты, Ардагунда, ещё не умерла. Дети ждут тебя, — сказала богиня.

Воительница подумала о Раде. Потом о сыне, оставшемся с отцом, царём зихов. Нет, её дети не останутся беззащитными сиротами: у каждого из них есть своё племя. Ещё она подумала о другом сыне, которого так и не родила Вишвамитре, и покачала головой:

— Возьми нас обоих, богиня. Разве мы плохо служили тебе? Никогда мы не были так

счастливы, как в эти шесть лет.

Кшатрий почтительно сложил руки перед лицом:

— О, богиня, если мы исполнили священный долг воинов и есть у нас заслуги перед тобой, позволь нам вместе войти в иной мир. Или хотя бы заново родиться там, где мы сможем встретить друг друга.

Они знали: богиня смерти и воскресения неумолима, но справедлива и не зла. Вот она довольно улыбнулась:

— Вы умеете меня встретить. Когда-нибудь я всё равно приду за вами. А сейчас возвращайтесь. Оба. Дети зовут вас.

Морана простёрла руку к телу Вишвамитры, и луч света с неё коснулся груди кшатрия. Страшная рана тут же затянулась. Миг спустя царь и царица амазонок, помогая друг другу, поднимались со льда. А вокруг кипел бой, и поляницы кричали: «Месть за нашего царя!»

— Рано меня хороните, девочки! — вскакивая в седло, громовым голосом крикнул Вишвамитра.

В царском доме на Тясмине дети были радостно оживлены. Узнав, что рать Ардагаста вышла, не без их помощи, из снежного кургана, а Яга бежала, они пустились в пляс. Милда угостила всех пирогами с зайчатинной и капустой. Потом ребятишки снова уселись на лавку, и Вышко под божницей продолжил описывать им ход боя. А бой становился всё тяжелее.

— Бесы... полно бесов на льду, а в море чудища. Царь бьётся с рыбой огнедышащей... Выехал чёрный воин на олене, пустил громовую стрелу. Тятя Рады упал... И мама её тоже...

— Врёшь ты всё, врёшь! — вдруг отчаянно закричала Рада.

Валамир отвесил ей подзатыльник:

— Цыц, девчонка! Хоть бы ворожить умела!

Девочка бросилась с кулаками на гораздо более сильного Валамира:

— Сам ворожи, у тебя мать ведьма!

Вышко, будто не слыша их ссоры, говорил:

— Они... не совсем мёртвые. Лежат, а сами бьются... души их бьются... с медведем, орлом и волком рогатым.

Ардафарн резко вскочил, схватил подравшихся за руки, толкнул к Вышко:

— В круг все! Быстро!

Не споря, дети стали в круг, соединили руки, и слабый, неумелый поток их чар понёсся на северо-восток, к краю света. Вдруг сын Вышаты, смертельно побледнев, осел на пол. Испуганно вскрикнув, подбежала Милда.

В этот самый миг дверь открылась и в светлицу вошли царица Добряна в тёплой свите и кокошнике и ещё одна молодая женщина — с рыжими волосами, распущенными по плечам поверх белого плаща волхвини. Узнав Мирославу, невестку и лучшую ученицу Лютицы, дети вконец оробели. Тётя Мирослава могла обернуться львицей и защитить в лесу от зверя. Могла чарами заставить сознаться в шалости. А могла без всяких чар отодрать, не глядя, кто чей сын.

Мигом поняв, в чём дело, волхвиня грозно взглянула на детей:

— Вы что это затеяли, чародеи сопливые?

И, не дожидаясь ответа, склонилась над Вышко и принялась уверенно водить руками и нашёптывать. Милда опустилась на колени перед Добряной:

— Прости, царица, меня, глупую голядинку. Вышко всё видит не хуже взрослого

волхва. Мне вот корову помог найти... Я не колдунья, не знала, что так выйдет...

Добряна укоризненно взглянула не на неё — на Ардафарна:

— Твоя затея, наследник? Или тоже скажешь, что не волхв?

— Это я ребят собрал на ворожбу, — поспешил защитить друга Валамир.

— Всё равно. За то, что во дворце творится, отвечает царь. Или наследник.

Мирослава выпрямилась, облегчённо смахнула пот со лба:

— Славе Ладе, всё обошлось. Пусть поспит. А вы рассказывайте, как ворожили. Всё-всё рассказывайте.

Слушая детей, волхвиня едва скрывала удивление, но всё же под конец сказала строго:

— Так далеко в чару глядеть надо. Не знаете — не беритесь. Это же всё равно что гружёную телегу самому вместо вола тащить.

— Ты же сама, тётя, недавно пробовала. И с глиняной чарой, и с деревянной. А видно было плохо. Ты ещё говорила: «Тут разве Колаксаева Чаша поможет», — робко заметил Доброслав.

— А Вышко и без чары всё видел, — подхватил Гермий. — Может, он вроде Громовичей. Они маленькие, а уже сильные, как могуты. Только им нельзя при всех свою силу показывать.

— Так, по-твоему, Вышко от огненного змея летучего родился? — сказал Ардафарн.

— Ну... или от бога какого-нибудь. Как Геракл.

— Скажи ещё — от чёрта, — ухмыльнулся Валамир.

— Вот Вышата тебе покажет и бога, и чёрта. А отец добавит, — с трудом сдерживая улыбку, сказала Мирослава. Потом, взглянув на спящего, всё ещё бледного Вышко, вздохнула: — Ну, что с ним делать? Забрать в Почеп, в храм Лады, от вас, сорванцов, подальше? Так я только женской волшбе могу научить. Вот с его сестричкой всё понятно: с хвостиком родилась. Значит, ведьма, хоть и маленькая совсем.

— Пусть он остаётся у нас. А заняться с ним может Авхафарн. Тот ведь тоже солнечный волхв, — предложила Добряна.

Мудрый старик Авхафарн был верховным жрецом росов и наравне с Вышатой хранителем Колаксаевой Чаши.

— Да, мама, пусть Вышко остаётся с нами! — горячо подхватил Ардафарн. — А волхвовать без спроса я ему больше не дам.

— Верно, так лучше, — согласилась волхвиня. — И чтобы никаких чародейских кругов. Вы же чары свои всемером через него, как воду сквозь протоку, прогоняли!

Дети довольно переглядывались: Вышко не заберут от них в глухие Дебрянские леса. Рада робко тронула волхвиню за рукав:

— Тётя Мирослава, посмотри, пожалуйста, в чару: что с моими тятей и мамой? Может, выйдет?

Чёрные глаза девочки с трепетной надеждой глядели на волшебницу.

— Попробую, — вздохнула та. — Милда, поищи берёзовую чару. В прошлый раз она здесь, во дворце осталась.

Лучшие воины двух парфянских царей стояли, оцетинившись копьями, друг против друга на мосту через Тигр. Стояли — и не начинали боя. Сейчас первые их шеренги лишь прикрывали особых бойцов. Тех, что не носили никакого оружия, но обладали силой, делавшей каждого из них опасным для целого войска.

За шеренгой отборных воинов Артабана стоял длинноволосый человек в чёрной с серебром хламиде. Духовным зрением он ясно видел за шеренгой воинов Пакора своих противников — десятерых персидских магов в башлыках, с барсманами — связками прутьев — в руках. Валент усмехнулся. Ему не страшны эти священные веники. За его спиной — десять лучших магов Братства Высшего Света, но их задача — лишь усиливать его чары. Его оружие — семь перстней, дающих власть над семью космическими силами. Менандр Самаритянин, глава Братства и сильнейший маг, предпочёл держаться поближе к царю. А вперёд выставил его, Валента. Пусть! Ощущать себя выше всех земных интриг — наслаждение для духовно совершенного.

Стена огня внезапно взметнулась посреди моста. Валент, словно кулачный боец, выставил вперёд руки с перстнями. Огонь? На него есть вода. Перстень Луны, серебряный с сапфиром. И вот уже пламя, зашипев, погасло. Вместо него замерцала золотистая завеса. Братья Солнца умеют её ставить получше... Тот же перстень Луны. Тонкие серебряные клинья прорезали золотую преграду. Они растут, сливаются, рвут её в клочья. Теперь железный перстень с рубином. Из камня вырывается пучок молний, и первая шеренга воинов Пакора валится замертво. Следом золотое кольцо с гелиотропом порождает яркую вспышку. Пусть не думают, что только им подвластна сила Солнца. А пока полуослепшие маги не пришли в себя — главный удар. В свинцовом перстне с гранатом — сила тьмы и смерти, сила Сатурна и Ахримана.

Чёрный мрак внезапно окутал персидских магов. Когда же рассеялся — все десять служителей Ормазда лежали мёртвыми. Все! Десять чёрных магов неторопливо отошли в сторону. Просто убивать железом воины могут и без них. Заревели трубы, и защитники Ктезифона бросились бежать, давя друг друга, а воины Артабана нещадно разили их. Некромант в чёрной с серебром хламиде с величавой небрежностью взирал на это. Он чувствовал себя владыкой мира, превосходящим силой всех семерых архонтов и стоящим выше всех данных ими законов.

А на Ктезифон уже летели стаяй стервятников вызванные чёрными магами демоны. Летели убивать, увечить, насиловать презираемых ими смертных, жечь и разрушать плоды их труда. Демоны знали своё место в мироздании. Они, конечно, не боги. Бог — это сильный, которому всё можно. Но по сравнению с людишками они, демоны, высшие существа. И законы людей им не писаны.

Хан-Хаденгота, нахлёстывая оленя, мчался к своей дружине. Вместо обычной дерзости его душой овладел страх. Погибли все три зверя-духа, его многолетние покровители! А убитый им лучший воин росов, великан с огромным мечом, воскрешён неведомой богиней! Вождь ненцев ясно видел всё это, хотя и не был шаманом. Он готов был бросить всё и бежать в снежную пустыню. И что дальше? Скрываться в тундре или тайге, охотиться в одиночку, голодать? Не быть больше грозным воином и вождём? Нет, он — сюдбья и умрёт как сюдбья. Не сказав никому ни слова, вождь снова занял своё место в середине строя оленей дружины.

А с неба разом падали снег, дождь и град. Две облачные рати столкнулись над проливом, с грохотом осыпая друг друга молниями, и лишь иногда среди них проглядывало словно маленькое золотое солнце. Но сииртя и печорцы, видя это буйство стихий, лишь приободрились.

— Сыны Юга бьются с Сынами Севера! А вот и Минлей-птица! Нум не забыл нас! —

кричали северяне и ещё усерднее теснили нечисть.

Воины Вишвамитры не заметили бегства вождя ненцев. Они пробивались навстречу крушившим лёд гигантским выдрам. Первыми это сумели Сагсар с Нежданом. Острая голова чудовища на длинной толстой шее нависала над ними, извергая пар из ноздрей. Из зубастой пасти вырывалось злобное шипение. Сагсар метнул аркан. Выдра недовольно замотала головой, легко сбросила человека с коня, потащила по льду. Но сармат не отпускал аркана. Ловко забравшись за трупы сюдбья-великана и его медведя, Сагсар упёрся ногами в снег и, напрягая до боли мышцы, тянул на себя морского исполина.

— Давай, сынок! Орта-а-гн! — разом звал сармат на помощь сына и бога войны.

Неждан разогнал коня и всадил копьё в шею гиганта. Кровь фонтаном ударила из перебитой артерии, хлынула рекой из пасти. Громадный хвост вздымал волны, могучие перепончатые лапы пытались достать людей. Но вот уже голова выдры-змея бессильно легла на залитый кровью снег. Сагсар свистом подозвал коня, как ни в чём не бывало вскочил в седло, подъехал к сыну и похлопал его по плечу:

— Молодец, сынок! Если бы не обет, я бы такую выдровую шубу справил твоей матери! Давай хоть отрубим голову этой твари, чтобы не говорили, будто Сагсар накурился конопли и принял речную выдру за невесту какое чудище!

Неждан радостно улыбался. Немало подвигов совершил Сарматич, прежде чем отец перед всем родом признал его своим сыном, а мать Неждана взял в жёны. Сарматки и венежки охотно сплетничали насчёт того, где Сагсар чаще бывает: в юрте со старшей женой или в мазанке с младшей.

Навстречу второй выдре скакали Вишвамитра с Ардагундой. Нечисть шарахалась в стороны при виде воскресшего русского великана. И вот уже перед ним выросла громада, покрытая серой лоснящейся шерстью. Только эта шерсть и напоминала, что перед ними не дракон, а родич речной выдры, опасной лишь для рыбы. Однако зубастые челюсти твари могли сокрушить не только самую большую рыбу, но и всадника с конём. А мощные перепончатые лапы были способны этого всадника размазать по льду.

— Отвлеки её! — бросил индеец жене.

Амазонка принялась слать стрелу за стрелой в морду выдры. Стрелы не могли пробить толстую кожу, но разозлили чудовище. Яростно шипя и выбрасывая клубы пара, оно двинулось на Ардагунду. Лёд трещал и проваливался под тяжестью исполинского тела. Внезапно лошадь поскользнулась, и поляница оказалась на снегу. Зубастая пасть метнулась к ней сверху. Ардагунда выбросила вперёд руки, и выдра, ослеплённая их светом, отпрянула. И в этот же миг на шею твари обрушилась тяжёлая кханда. Не часто гигант индеец брал свой двуручный меч обеими руками. В этот раз одного удара хватило, чтобы голова чудовища отлетела. Горячая кровь ударила фонтаном, облив амазонку с головы до ног. Длинная шея поникла, и алая река потекла по льду. Ардагунда проворно вскочила, рукавом вытерла лицо и, набрав пригоршню чистого снега, стала оттирать им кровь со своих пышных волос.

А в это время Хаторо из рода Моржа, потеряв коня, бился с нечистью непривычным длинным копьём. Досада рвала сердце молодого сииртя. Рядом Солнце-Царь сражается с огненным китом, а он, опытный зверобой, ничем не может помочь вождю, великодушно подарившему ему жизнь. Внезапно на глаза юноше попался оброненный кем-то щит. Тут же молнией вспыхнула хитрая и смелая мысль. Он быстро и сноровисто привязал щит к копьё. Получилось что-то вроде длинного весла. Охотник прыгнул на небольшую льдину и принялся грести, направляясь прямо к киту. Едва не задохнувшись от дыма и горячего пара,

он вдруг увидел перед собой чёрный блестящий бок гиганта. Хаторо ножом отрезал ремни щита и с силой всадил копьё, надеясь достать до сердца. Уже нанося удар, он ясно услышал голоса людей и плеск весел. В следующий миг волна, поднятая уходящим в глубину китом, перевернула льдину и отбросила юношу далеко от берега. Мокрая одежда потянула на дно. Он отчаянно забарахтался, и тут увидел перед собой байдару, и услышал: «Эй, держи!» Сарматский аркан полетел к нему, и сииртя крепко ухватился за кожаную петлю...

Ардагаст с тревогой замечал, как растёт над островом злое пламя сполоха. Он был уже готов оставить поединок с китом и поспешить навстречу Быку Севера, когда услышал сквозь туман голоса сииртя и сарматов. Взметнулся к небу огромный хвостовой плавник, солёная вода брызнула в лицо Зореславичу. Когда же пар и дым рассеялись, он увидел вместо чудовища байдары с людьми. В передней лодке, удерживая обеими руками гарпунный линь, стоял Сорака.

— Видишь, царь: от Сорака-Преследующего никто не уйдёт! — радостно кричал царевич.

— Нет, это я, русский дружинник, убил кита! — громко возразил ему из другой лодки Хаторо.

Гарпун царевича и копьё сииртя поразили добычу почти одновременно, но смертельную рану нанёс именно северянин. Это выяснилось уже потом, когда разделявали тушу.

Увидев гибель морских чудовищ, нечисть дрогнула и стала отступать к острову. А всадники на конях и оленях по-прежнему стояли друг против друга, выжидая, чьи же волхвы окажутся сильнее. И по-прежнему поднимался над святилищем чёрный столб — источник силы Паридэ-Хабта и его шайки. Неожиданная и на редкость дерзкая мысль посетила царя росов.

— Сорака! Оставь кита сииртя и плыви сюда! — крикнул он.

Взяв с собой лишь Ларишку, Ардагаст сел в байдару. Царь с царицей гребли наравне со всеми, стараясь не выделяться. Весь расчёт был на то, что чёрные шаманы, поглощённые магическим поединком, не придадут значения тому, что несколько байдар зачем-то поплыли обратно. Сначала лодки двинулись на запад: пусть враги думают, что сииртя испугались боя и убегают. Потом, описав широкую дугу, стали заходить к Мысу Идолов. Западный берег его был высоким и обрывистым, восточный, где находилось святилище, — более пологим, и оттуда нельзя было разглядеть плывущих к западу от мыса. Если смотреть обычным зрением...

В мозгу Зореславича вдруг зазвучал голос Аристея: «Понимаю твой замысел, царь. Смело, но неосмотрительно. Постараюсь прикрыть тебя и Огненную Чашу от духовного зренья Чёрного Быка». Заклятие невидимости, употреблённое шаманом-вороном, было не столь уж сильным, зато своевременным. Увидев гибель чудовищ и отступление тунгаков, Паридэ-Хабт стал искать духовным взором Чашу. Так и не заметив её, он решил, что кит успел сжечь царя росов и расплавить солнечный сосуд.

Холодный ветер нёс в лицо гребцам то снег, то дождь, то мелкие градины. В небе гремела битва. Огненные стрелы Сынов Юга летели не только в Сынов Севера, но и в старуху и её оленя. Лишь это не давало злобной богине и зверобогу снова вырваться на лёд пролива и обрушить всю мощь северной непогоды на росов и их союзников. Но всё это было нипочём Сораку, сидевшему на самом носу байдары. Хмельная радость боя переполняла его душу. Царевич готов был сразиться с чудовищами, колдунами, бесами, добывая себе честь,

Солнце-Царю — славу, а их священному делу — победу.

Лицо самого царя росов было сурово и сосредоточенно. Он рисковал, отчаянно рисковал, и понимал это. С ним не было сейчас ни одного волхва, чтобы защитить маленький отряд от колдовской силы Чёрного Быка, и стоит тому заметить их... Но только он, Солнце-Царь, избранник богов, мог и должен был так рисковать в этой битве. Ибо только в его руках Огненная Чаша обращалась в оружие, способное сокрушить проклятый чёрный столб.

Белые обрывистые скалы Священного острова, летом усеянные птичьими базарами, сейчас были пусты и безмолвны. Северный ветер мешал пристать, но южный ветер той же силы просто разбил бы байдары о скалы. Ардагаст хотел уже высаживаться у основания мыса, где берег был пониже и на него можно было с трудом вскарабкаться. Или лучше обогнуть мыс и ринуться на берег на глазах у колдунов, уповая на внезапность да на пламя Чаши? Вдруг царь заметил недалеко от оконечности мыса острый скальный зубец. Тут ветер ненадолго стих, и Зореславичу удалось с нескольких попыток набросить на зубец аркан.

Первым полез наверх сам Ардагаст. За ним — Ларишка. Следом — Сорак. Никакой стражи на скалах не было заметно. Нападения отсюда, похоже, и не ожидали. Вдруг, когда Зореславич преодолел уже большую часть пути, над зубцом появилась уродливая, с шарами вместо глаз, голова тунгака. Туповатый бес от удивления замер, разинув пасть, и это стоило ему жизни. Несколько стрел полетело в него снизу, но попала лишь одна. Хаторо, и прежде бывший отличным лучником, не зря усердно упражнялся со скифским луком — небольшим, но хитро изогнутым. И запасную тетиву завернул и припрятал так, что та и в море не промокла. Даже ветер не помешал стреле молодого сииртя попасть прямо в глаз-шар тунгака. Железный наконечник глубоко вошёл в мозг, и чёрт без звука свалился наземь рядом с зубцом.

А сверху явственно доносились шум, крики. Ардагаст стал перебирать ремень ещё быстрее. И тут возле зубца выросла волосатая громада. Сюдбя-великан, сразу поняв, в чём дело, злобно заворчал, отбросил труп тунгака и нагнулся, чтобы разорвать аркан. Стрела Хаторо попала в его широкую грудь, но застряла в могучих мышцах. Взревев, судбя рванул стрелу. За это время Зореславич, держась одной рукой за скользкий намокший ремень, успел другой вынуть Колаксаеву Чашу из сумки у пояса и направить золотой луч в лицо великану. Островерхая голова судбя обратилась в обугленный череп, и косматая туша полетела вниз, задев по дороге Ларишку и едва не опрокинув одну из байдар. Ардагаст спрятал Чашу и одним рывком взобрался на скалу. В святилище шёл бой.

Сагдев со своим отрядом шли бодро и весело, не подозревая о том, что творилось возле Мыса Идолов. Лишь под конец пути погода испортилась. Воины с удивлением прислушивались к раскатам грома. Но вот впереди загорелась ещё одна огненная арка. За ней даже сквозь снег с дождём были видны истуканы и среди них самый большой — Чернущий Идол. А за ними — уходящий в небо чёрный столб. Сагдев выхватил меч. Вот он, час подвига!

— Воины, вперёд! Мара!

Магия Або надёжно прикрывала волшебный путь от хищного духовного взора Чёрного Быка. Колдун заметил новых врагов лишь тогда, когда они, словно возникнув из воздуха, устремились к святилищу. Опешившие бесы и великаны падали, пронзённые стрелами и копьями, зарубленные на месте мечами. Паридэ-Хабт резко обернулся. Он сразу понял: среди напавших ни одного шамана. И эти глупые вояки смеют бросаться на него, Чёрного

Быка? Да он их прогонит, как стаю собак, в тундру одним только заклятием страха!

Железным клином, хотя и не конным, сарматы в своих доспехах врезались в толпу нечисти. Следом спешили сииртя, засыпали врагов стрелами, кололи копьями. Сагдев весело и ловко уходил от неуклюжих ударов дубин, длинным мечом отсекал руки тунгакам, сносил уродливые головы. Сюдбья на белом медведе вырос перед ним. Какой-то северянин всадил в медведя копьё, и волосатый великан оказался на земле. Его дубина тут же размозжила голову сииртя. Но меч царевича уже рассёк толстую шею сюдбья. Сагдев шагнул вперёд и увидел перед собой шамана с деревянной совой и оленьими рогами на шапке.

Сильное колдовство требует времени, и защититься чарами от одного врага легче, чем заморозить много людей сразу. И Чёрный Бык обрушил на дерзкого молодого сармата заклятие, предназначавшееся всему его отряду.

Прожив неполную четверть века, Сагдев уже видел смерть во многих обличьях: медведей и тигров, боевых слонов и парфянской конницы, закованной в сталь, а в последние месяцы — ещё и Симурга, людей неизвестных, сюдбья-великанов, змееволосой горгоны. Но сейчас... Всё пропало: заснеженная тундра, верная дружина, враги-бесы, сильные, злобные, но понятные. Вместо них царевича окружил полумрак. И из этого полумрака тянулись к нему лапы со стальными когтями, острыми, как бритвы, змеиные головы с источающими жёлтый яд клыками, железные клювы. И нельзя было понять, что это — морок или вызванные шаманом духи, от которого из чудищ ждать смерти. Лишь один просвет был в полутьме. Оттуда на Сагдева глядело злорадное, безжалостное лицо старухи, обрамленное длинными седыми космами. Могучая, грозная, восседала она на чёрном, как ночь, коне и сжимала в руке боевой молот.

Страх сковал молодого сармата. Страх не смерти, а неведения. Ведь он был воин, а не колдун, знающий все тёмные миры и их обитателей. Да в этом ли он мире или там, откуда без чар не вернёшься? Жив он ещё или мёртв? Тело его или душа погибнут сейчас? Неведомо откуда звучал властный, беспощадный голос:

— Вот Артимпаса, которой ты молишься, воин. Ты в её царстве. Никто тебя отсюда не выведет, только я — Чёрный Бык, великий шаман Нга. Оружие брось, на колени стань, пояс на шею повесь — тогда жив будешь.

Артимпаса? Та, что давала ему и его отцу Роксагу удачу в войне и любви? Но ведь он видел её в долине Дайка, у Золотой горы — грозную и прекрасную воительницу. И Сагдеву вспомнились слова Лютицы: «Есть две Артимпасы, две богини войны и смерти: старая и молодая. Мы их зовём Ягой и Мораной. Яга несёт лишь зиму и смерть, Морана — ещё и весну, жизнь, воскресение. Кто из вас, сарматов, идёт на войну ради зла и молится Артимпасе, того слышит Яга. Кто же идёт воевать за правду, того слышит молодая богиня, сестра и жена Солнца». Ледяные цепи страха вдруг ослабли, и с уст царевича сорвался крик: «Артимпаса-а-а!» Он не думал в этот миг ни о славе, ни о добыче — лишь о том, чтобы очистить землю от всей этой шайки, способной обратить Священный остров в земное пекло.

Образ старухи воительницы померк, и вместо неё Сагдев увидел молодую черноволосую всадницу в красном плаще, с бледным, но прекрасным лицом. Голос её был спокоен и приветлив:

— Я здесь, воин Сагдев. А старухе сейчас не до тебя. Её гоняет молниями по тундре небесная грозная дружина. А вот твой враг.

Стена мрака и чудовищ в одном месте раздвинулась, и сармат увидел перед собой шамана в чёрной малице. Но голова у того была чёрная, бычья, ветвистые рога сияли

мертвенным светом, а на голове восседала сова с горящими зелёными глазами. Царевич лихо рассмеялся:

— Снова морочишь? Я знаю, ты не бог, ты — только колдун!

Твёрдой рукой Сагдев послал меч вперёд, в грудь шамана. И тут же зажмурился от неяркого, но привычного дневного света. Полутьма со всеми её чудищами мигом развеялась. Руку с мечом тянула к земле тяжесть трупа. Голова у трупа была обычная, человеческая. Царевич высвободил клинок. Потом одним ударом отсёк мертвецу голову и высоко поднял её за длинные полуседые волосы. Другой рукой он поднял к небу меч, а на нём — шаманскую шапку с рогами и совой.

— Воины! Чёрный Бык мёртв! Слава Артимпасе!

Появись Ардагаст на мысу раньше Сагдева, Паридэ-Хабт обрушил бы на царя чарь гораздо более сильные. Но царевич роксоланов первым столкнулся с шаманом. Ардагаст заметил их схватку, но поспешил в другую сторону — туда, где из провала тянулся в небо чёрный столб. Двое вставших на дороге тунгаков упали — один с выжженной грудной клеткой, другой — с обугленной головой. Царь наотмашь ударил золотым лучом по чёрному стволу. Сияющий клинок легко вошёл в черноту, но затем словно завяз в ней. Зореславич видел и чувствовал, что перед ним — всего лишь туман. Но туман этот был вязок, словно густая смола. Приходилось напрягать все силы, чтобы понемногу разрезать его.

А тунгаки с воем и лаем уже бежали к столбу. На пути их встала Ларишка. Без шлема, с растрёпанными волосами, царица вертелась вихрем, отбиваясь махайрой и акинаком от полудюжины врагов. Вскоре на помощь ей пришёл Сорак с акинаком и мечом, и четыре клинка засверкали молниями, преграждая бесам дорогу к Солнце-Царю. А ненцы уже заметили новых врагов. С десятков летунов поднялось в воздух. Хан-Хаденгота не видел Ардагаста из-за столба, а то бы сам полетел, чтобы сразить своего главного врага. Зато Зореславича увидели его воины, стоявшие внизу на льду. Приветственные крики росов, манжар, сииртя разнеслись над замерзшим проливом, и это придало новые силы царю. С огромными усилиями шёл он вдоль края провала, разрезая проклятый столб, пока наконец золотой луч не вышел из черноты полностью. И в тот же миг сам зловеющий столб рассеялся, будто унесённый ветром.

А в небе грохотал гром. Всадники на оленях осыпали друг друга молниями. Сияющая золотая птица била клювом и железными крыльями чёрных всадников, а внизу по тундре металась под огненными стрелами старуха на чёрном олене.

Пылающие синим огнём стрелы летунов с треском полетели в Ардагаста и его воинов. Но эти стрелы были теперь немногим опаснее обычных: поток питавшей их злой силы прервался. Они ещё могли прожечь одежду и даже доспехи, но не тело. К тому же их сносил ветер. Две направленные в него стрелы Зореславич сжёг на лету. Одна попала в шлем. Индийская сталь оплавилась, но выдержала. Боль, однако, была такова, что царь потерял сознание.

А внизу Вышата, мысленно обменявшись парой слов с тремя шаманами, сказал Зорниотыру:

— Пора.

Манжар поднял меч:

— Росы, вперёд! Слава!

Словно стрела с давно натянутой тетивы, понёсся вперёд железный клин. Ослабевшие громовые стрелы и копьё, обжигая воинов и пронзая всё тело болью, только ещё больше

разъярили их. Строй оленней дружины был протаранен насквозь. Одни из ненцев поскакали в тундру, другие вместе с нечистью были оттеснены к береговым обрывам. Прижатые к скалам, люди-сюдбя сражались люто и упорно, зная: пощады не будет, особенно от сииртя. Тунгаки и сюдбя-великаны рвались к провалу, думая об одном — вернуться в преисподнюю. Но их встречали мечи сарматов, копья и стрелы северян и пламя Огненной Чаши. Стрелами и секирами разили нечисть подоспевшие амазонки. Рядом с их златоволосой царицей бился гигант индеец, и его грозная кханда разваливала надвое сюдбя-великанов и сюдбя-людей.

Далеко на юге это видели в деревянной чаре рыжая волхвиня и сгрудившиеся вокруг неё дети, и черноволосая девочка в восторге кричала: «Живы тятя с мамой, живы!» А волхвиня с тревогой думала: «Живы — значит, ещё не убиты. Хоть бы до конца боя дожили!»

Увидев мужа неподвижно лежащим на снегу, Ларишка бросилась к нему. А над ними уже навис новый летун, нацелившийся, будто коршун, на бесценную добычу — волшебную чашу вождя росов. Но на пути к ней стояла женщина с кривым мечом. Три грозные стрелы она отбила махайрой. Когда же разозлённый ненец устремился на неё с копьём, ловко перерубила древко так, что пылающий наконечник отлетел прочь. Биться с такими грозными воителями Ларишка научилась ещё в Аркаиме. А добыча была так близко... Защищаясь обломком древца, ненец метнулся к Чаше. Но палка его наткнулась на акинак, а изогнутый клинок срубил уже протянувшуюся к Колаксаевой Чаше руку. Следующий удар махайры снёс добытчику голову.

Царица склонилась над мужем, сняла с него шлем, принялась натирать виски снегом. Ардагаст открыл глаза, медленно проговорил:

— Ну вот, опять по голове.

— А ты снова мне на голову какую-то уродину сбросил. Я чуть в море не упала, — сквозь слёзы улыбнулась Ларишка.

Ардагаст приподнялся на локте, глянул вниз. Там толпа нечисти, отпихивая друг друга и ненцев, карабкалась вверх по склону. Царь попытался встать, но со стоном опустился на снег.

— Ларишка, возьми Чашу! Она тебя слушается. Не пускай их к провалу, в святое место!

Тохарка подняла солнечный сосуд и почувствовала, как теплеет под кольчугой и рубахой золотой амулет — солнечная птица, несущая Мать Мира. Бесы, словно насекомые, тучей лезли вверх — и падали на головы своих сородичей, обожжённые золотым пламенем. Рвавшихся к провалу сверху рубили и кололи воины Сагдева и Сорака.

Двое оставшихся чёрных шаманов бросились наутёк. Один оборотился оленем, даже уздечку и седло надел перед тем, но был настигнут Волхом. У князя-волколака был отличный нюх на всякого, бегающего не в своей шкуре. Второй улетел вороном. Его догнал и после недолгой схватки сбросил с неба прямо в гущу сражавшихся другой ворон — златоклювый.

Часть ненцев тоже пыталась улететь, и среди них — сам Хан-Хаденгота. Вслед ему нёсся голос:

— Стой, раб подземных богов! Сразись, как подобает отыру!

Вождь ненцев обернулся. За ним летел Лунг-отыр. Меч и акинак в руках манжара полыхали грозным пламенем. Послушные зову своего вождя, летуны всей стаей набросились на отыра, но их быстро разогнали молнии Сынов Юга. Ни одна молния не ударила лишь в Хан-Хаденготу, и он понял: ему оставили одно — умереть как сюдбя. Да, это

лучше, чем жить дальше просто человеком-изгоем. Вождь-сюдбья почувствовал, как в нём пробуждается сила, подобная силе грозового шамана. Его копьё пылало синим огнём, меч и кинжал дрожали и гудели в ножнах.

Два грозовых воина сошлись в небе. Ненец ударил, копьём в грудь манжару, в панцирь с серебряными драконами. Двумя клинками, как клещами, Лунг-отыр перехватил копьё. Наконечник полыхал у самого его лица, но полетел вниз, когда перегорело древко. Хан-Хаденгота выхватил сарматский меч и кинжал. Четыре клинка замелькали, скрещиваясь с грохотом и вспышками, и эта маленькая гроза сливалась с бушевавшей над ней битвой небесных всадников на оленях. Только грозовые шаманы и могли выдержать всё это, не ослепнув и не оглохнув. Ненец владел оружием не хуже манжара, и храбрость не покинула Хан-Хаденготу. Но отчаяние всё больше заполняло его сердце. Он остался один, совсем один! Ненцы ненавидят его, грабителя и насильника, не меньше, чем сииртя или манжары. Новой дружины ему уже не собрать. Удары вождя становились всё более слабыми и неточными, пока наконец пылающий клинок Лунг-отыра не вонзился ему в грудь, прожигая насквозь костяной панцирь вместе с телом. Там, где на кости была вырезана фигура Нга на ящере, осталась лишь дыра с почерневшими краями. Труп вождя-сюдбья, наводившего страх на всю тундру, камнем полетел к земле.

А небесная битва стихала. Сыны Севера, окутанные чёрными тучами, бежали туда, откуда пришли. Туда же, в ледяные пустыни, ускакал и Бык Севера, а косматая старуха исчезла под землёй. К святилищу слетел с неба черноволосый всадник на белом крылатом олене и приветственно помахал рукой уже вставшему на ноги Ардагасту:

— Здравствуй, племянник! Я тут гнался с дружиной за дикой охотой Торольва Бешеного, гляжу, а на тебя вся северная нечисть навалилась. Дай, думаю, помогу.

— Спасибо, дядя Гремислав! Храни тебя Перун!

— Храни тебя Дажьбог, племянник! Я бы тебе ещё помог, да некогда: скоро ночь, для диких охотников самое раздолье. Береги наш род и племя, Ардагаст, и всё царство росов! Эх, не могу привыкнуть: я от росов погиб, а ты теперь — их царь!

И Гремислав взмыл обратно в небо. В синих тучах понеслась на юго-восток, к Уралу, его дружина — Сыны Юга. На землю опустился, сияя золотым светом, Минлей. С нег сошёл Або. Рядом оказались Харикл с Хилиархом. Любознательные элины уже успели взглянуть на морских чудовищ и сразиться с ними и теперь спешили разглядеть поближе многокрылую солнечную птицу. Заметив изуродованный труп Хан-Хаденготы, солнечный шаман покачал головой и сказал будто невзначай:

— Спросил я одного греческого шамана: «Что ты видел небывалого?» Он ответил: «Злого вождя, что дожил до старости». Мудрый был шаман. Не грек даже, финикиец. Знал, когда маслины хорошо уродят, когда черти солнце затемнят. Совсем старый он тогда был. Звёзды хорошо видел, а то, что под рукой, — плохо. Раз пошёл звёзды смотреть и в яму свалился.

— Ты... видел великого Фалеса? — медленно, с изумлением проговорил Хилиарх. — Не ты ли...

— У вас, греков, меня зовут Абарисом, — спокойно произнёс Або.

Элины застыли, в изумлении открыв рты. Абарис, гиперборейский маг, пришедший в Грецию шесть веков назад, во времена Семи Мудрецов! Хозяин золотой стрелы! Если они и ожидали увидеть его, то не иначе как летящим по воздуху величественным призраком в белых одеждах. А он... Даже не дух, как Аристей, а невзрачный, насмешливый, не старый на

вид шаман, много дней деливший с ними трудности похода. Такой же мирный, добрый и терпеливый, как все сииртя. А они, многознающие пришельцы с юга, ещё и посмеивались над суждениями гиперборея, простыми, как жизнь его племени...

Вопросы вертелись на языках элинов, теснились, мешая друг другу. Абарис довольно улыбнулся:

— Вижу, много спросить хотите. Вам, грекам, всегда надо или много иметь, или много знать. Это хорошо. Я думал, вы броситесь искать склады с данью, себе стянуть хоть по паре шкур. А вы пошли к солнечной птице. Подождите, всем всё расскажу. А сейчас...

Он простёр руку к небу. Там впервые за долгие дни разошлась белёсая пелена, открывая чистый голубой простор. Солнце, красное, заходящее, нежаркое, показало свой лик, заиграло в снегах, не залитых ещё кровью, не заваленных трупами. И сердца воинов наполнились радостью и верой в себя, во всё доброе и чистое в этом мире. Они не просто убивали и погибали сами — спасали весь север, весь мир от богов тьмы, холода и зла. Вон чумы и ямы, полные мехов, бивней, моржовых клыков — всего, за что хищные пришельцы сделали рабами Нга. Но кто из воинов Солнца думал об этих богатствах, когда бился с морскими чудовищами, стоял в снежном кургане или под молниями летунов?

Росы и манжары, сииртя и печорцы разом опустили на колени, простирая руки к западу, и запели на нескольких языках хвалебные песни Солнцу, другу людей, защитнику добра и правды в этом бурном, но прекрасном мире.

С севера прилетели люди-орлы, опустили на снег байдару. Из неё вышли важно, будто богини, три чародейки, а за ними — Сята-Сава и Сигвульф с дружинниками. Радостно обнимая мужа, Лютица чуть слышно сказала:

— Я там без тебя справилась, на то и женские чары... Только... прости меня, Лада... лучше бы мы были вместе. Слушай, мне то и дело голос Вышко чудился. Морок, что ли?

— Нет. Я тоже слышал. И сила волшебная оттуда шла. Слабенькая, правда, но добрая. Ну и сынка мы с тобой породили, даром что поздно! Вернёмся — начну учить.

Дружину Хан-Хаденготы перебили, оставив, по северному обычаю, лишь одного воина, чтобы донёс своим весть. Вдруг из-за пролива появился ещё один отряд на оленях и собаках. Узнав ненцев, сииртя схватились за оружие. Изготовились к бою и всадники, но Ардагаст велел первыми не нападать. Отряд приблизился к острову. Вперёд выехал молодой ненец в костяном панцире, на рыжем олене и громко спросил:

— Где Хан-Хаденгота?

— В царстве Нга-Чернобога. Вместе со всеми своими разбойниками, — ответил Ардагаст. — А кто ты и чего здесь ищешь? Если дани, то лучше возвращайся назад. Тут её больше не дают. Никому.

— Я Яр, сын старейшины селения Ябта-Сале. Хан-Хаденгота моё селение разорил отца убил. Надо мной и сёстрами издевался, говорил: «Сегодня не убью, завтра убивать приеду». Я вырос, дружину собрал, поднял роды против Хан-Хаденготы, разорил его стойбище. Кто ты, что отнял у меня мечь?

— Я Ардагаст, царь росов. Я иду Путём Солнца и мщу за всех обиженных без вины.

— Я этой мечью жил. Теперь скажут: «Яр — не сюдбя. Он слабый, за него другие мстят». Где мой подвиг? — Голос юноши дрожал.

— Зачем тебе быть сюдбя? Вот сюдбя мёртвые лежат, души их у Нга, имена их прокляты. Будь лучше человеком. Это труднее, — сказал Абарис.

Ардагаст подъехал к ненцу, взглянул в его упрямые раскосые глаза, заговорил спокойно,

доверительно:

— Ты не сюдбья. Ты храбр — так зовут у нас отважного воина, если он стоит за Правду. А свой подвиг ты уже совершил. Не потому, что не побоялся идти на Хан-Хаденготу, не испугался ни чёрных шаманов, ни «железных людей». А потому, что теперь сииртя будут знать: не все ненцы такие, как этот лиходей и его свора. И люди ваших племён снова смогут ходить друг к другу с миром.

Абарис переводил. Ненец уважительно произнёс:

— Ты, верно, сам Светловатый Парень, что заботишься обо всех людях?

— Я только его избранник. Сейчас мой путь — к Белому острову. Его воины далеко, а на остров идёт с набегом мой родич Андак. С ним семь чёрных шаманов. Хан-Хаденгота только прикрывал его отход. Лишь мы можем сейчас спасти Белый остров. Он не нужен сюдбья. Он нужен нам, людям. Пойдёшь со мной?

Лицо ненца просияло радостной улыбкой.

— Пойду! Ты славный вождь, щедрый. Один подвиг у меня забрал, два новых дал.

Глава 6

БЕЛЫЙ ОСТРОВ

Дорог был каждый час, но Ардагаст объявил измученному битвой войску привал. Ратники повалили Чернущего Идола и истуканов злых духов, развели костры. Коней отпустили пастись. Волхвини с волхвами стали в круг, проговорили заклятия, и посреди тундры внезапно появился луг с сочной травой и густым ягелем. На миг показалась бледная черноволосая всадница в красном плаще и с улыбкой произнесла:

— Видите, я умею не только убивать.

Вышата и две волхвини понимающе вздохнули. Им тоже больше нравилось показывать волшебную силу в мирных делах. Наворожить хороший урожай, отогнать град, отвратить засуху, мор, скотский падеж, увидеть в волхвовой чаре прежде недоступное — мало ли это даёт людям счастья, а волхвам славы? Ехать бы вот так от племени к племени до края света, узнавать новое, делиться знаниями, помогать людям. Но из-за всяких Чёрных Быков, Медведичей, Валентов приходится снова и снова тратить чародейский дар на то, чтобы убивать или защищать от убийства.

Волколаки-нуры и люди-волки принялись за трупы тунгаков. Известно ведь: черти весь свет заволокли бы, если бы их Перуновы стрелы не били и волки не ели. Трупов людей оборотни не трогали. Сииртя, привязав длинными ремнями к байдарам огромные туши кита и змеев-выдр, тянули их на юг, к своим селениям. Волхвы ради этого даже растопили ледяной мост через пролив.

Предводители войска собрались в святилище. Тот, кого они до сих пор звали Або-шаманом, восседал на покрытом шкурой белого медведя черепе земляного быка, положив руки на могучие бивни. На груди его сиял в лучах заходящего солнца золотой оберег в виде орла, несущего в лапах Солнечного Всадника. Огненно-рыжую лисью шапку увенчивали оленье рога и золотой грифон с раскинутыми крыльями. Невзрачный шаман словно стал выше ростом, его сарматская речь звучала негромко, но величаво:

— Я, Або-Абарис, солнечный шаман, среди многих племён бываю, многими именами зовусь. Знают меня от греков до сииртя, от сарматов до эскимосов. Духом и телом летаю по всей Скифии. Шесть веков назад чума, посланная Нга, от сииртя до греков людей губила. Ни чары шаманов, ни жертвы, ни зимний холод остановить её не могли. Волки заходили в яранги, полные трупов, и сами там же сдыхали. Никогда столько злых духов в воздухе не летало. Самые сильные шаманы сииртя собрались. До неба, до белого чума отца Нума долетел на золотой стреле один я, молодой шаман Або. Сказал мне мира творец: «Много зла стало в среднем мире, и всё из-за самих людей. С этим злом воюет Светловатый Парень. К нему лети». Снова лечу — на Белый остров, в железный чум. Сказал мне Светловатый: «Чёрные шаманы разных племён друг на друга мор отсылают. На юг лети, к грекам, что мира не знают, железом одетые, железом бьются. Цепь добра, цепь мудрости протяни отсюда до моего дома в Дельфах».

Шёл я, летел я от белых шаманов сииртя к белым шаманам пермяков, к скифским жрецам Солнца, к мудрецам греков. С золотой стрелой я все языки понимаю, быстро им учусь, потом и без стрелы говорить могу. Чем дальше на юг, тем больше богатства видел — и больше зла. Видел: хуже тунгаков люди друг друга терзают. Но видел и другое: везде есть те,

кто в добро верит, добру учит, добро делает. Нет племени без таких людей! А если бы и было — лучше ему от чумы вымереть.

Жрецы Экзампея указали мне путь в Дельфы. Там собрались мудрецы, шаманы со всей Греции и Скифии. Вошли в Дом Солнца. В нём расщелина до самого нижнего мира, из неё Змей Глубин дышит огнём, дымом. Над расщелиной шаманка сидит, в дыму голос Солнца слышит. Она говорит, другие шаманы толкуют. Вдруг заговорила на чужом языке. Никто его не знал, только я. Языком сииртя Бог Солнца сказал: «Пусть афиняне помолятся за всех греков, за всех людей, тогда мора не будет». Поехали мы в Афины. Афиняне сначала говорят: «За кого молиться — за варваров, за врагов? Мегарцы, соседи, и то нам враги. Пусть каждый город сам спасается». Анахарсис, скифский шаман, тогда сказал: «Скифский хлеб едите, а молиться за скифов не хотите? Со всем миром торгуете, а до сих пор не поняли: всюду люди живут. Если бы не этот гиперборей, вы бы и не узнали, что бог велел». Зашумели, заспорили. А послушали своего старейшину Солона. «Афиняне, — говорит, — мы же всех славнее в Элладе станем. Когда ещё такой случай будет?» Помолились, и кончился мор.

Я обратно летел, однако думал: есть ещё сииртя на свете или все вымерли? Что буду один в тундре делать? Зачем тогда вся моя мудрость? Гляжу: дымки над ярангами... Встретили меня сииртя, будто само Солнце. А Нум дал бессмертие моему телу. Аристей — дух, я — человек, ем, пью, болею даже, только не старею, — подмигнул шаман златоклювому ворону и продолжил: — Я ещё не раз у греков бывал. Многому научился и сам других учил. Лечил, гадал, храмы ставил. Спарту такими чарами окружил — никакой мор ей с тех пор не страшен. Через два века меня повсюду кляли — когда спартанцы хозяевами Греции стали... Нигде я не видел столько зла, сколько в Греции. Лучше живым к сюдбья-людоедам попасть, чем к грекам в рабы. Великаны хоть сразу съедят. Решил я: пусть не знают сииртя ни богатства юга, ни его зла.

Гордо и непреклонно взирал бессмертный шаман на собравшихся. Хилиарх негромко произнёс:

— Ты обошёл мир, Абарис, и спас его. Но ты не стал гражданином мира. Ты остался сииртя и думаешь лишь о своём племени.

— Я берег сииртя от зла для всего мира. Всем людям нужна Гиперборея — чтобы людьми остаться, не сравняться с тунгаками. А теперь пришли вы, росы...

— Мы пришли по пути, проложенному тобой. За твоей стрелой, — сказал Ардагаст.

— Вообще-то путь первым проложил я, — заметил Аристей. — Я с юга, ты, Абарис, с севера. Только меня подвигла благородная любовь к знаниям, а тебя — страх за своё племя.

Абарис резко обернулся к шаману-ворону, готовый заспорить. Но тут вмешался Вышата:

— Мне порой тоже хотелось оградить венецов волшебной стеной от всех — сарматов, греков, римлян. Только... сами венецы не захотят.

— Было бы у сииртя железное оружие, не посмели бы над ними так глумиться Андак с Хан-Хаденготой, — поглаживая акинак, сказал Лунг-отыр.

— Видишь теперь, Або: от зла нельзя укрыться. Даже и на краю света, — мягко сказал Вышата.

— То же самое я твержу ему. Но куда мне, залётному греку, до него, великого шамана, хоть я старше на целый век, — ворчливо проговорил Аристей.

Абарис склонил голову, увенчанную золотым грифоном. Опустив взгляд, он молчал, будто прощался с дорогим покойником. Потом заговорил медленно и твёрдо:

— Я долго приглядывался к тебе, Ардагаст. Твои росы... все, кто с тобой... Вы не похожи на всех этих хищников с юга. И ты не просто сарматский царь. Вы за всех людей стоять готовы. Огненная Правда вам дороже добычи. Боги ошибиться могут, когда человека избирают. Не ошибается Огненная Чаша. Я открою вам путь к Белому острову и отдам золотую стрелу, когда покончим с Андаком.

Откуда-то сбоку донёлся голос Шишка:

— До края света дошли? Теперь за край пойдём. Дойдём, пёсик? — Волк бодро взлаял, и леший погладил его. — Дойдём! На то мы и росы.

Великий шаман улыбнулся, сошёл с трона- черепа и подсел к костру. Все стали непринуждённо веселы, хотя понимали, что это — лишь передышка между двумя тяжёлыми битвами. Воители поджаривали куски мяса на кончиках акинаков, перешучивались. У костра амазонок звенели гусли Пересвета, звонкие девичьи голоса выводили венецкую песню. А двое любознательных эллинов уже набросились с вопросами на Абариса:

— Скажи, о мудрейший из гипербореев: знал ли ты всех семерых великих мудрецов Эллады? А Креза, их покровителя? Погиб ли он на костре или был спасён Аполлоном?

— Из семи мудрецов пятеро ещё живы были: Фалес, Солон, Хилон-спартанец, Биант из Приены, Клеобул из Линда. А Питтак Митиленский и Периандр, коринфский вождь, уже умерли. Хорошие были люди! Власть, богатство когда имели, когда нет, а жили не для них — для племени, для всех людей. Биант девушек-рабынь у спартанцев выкупил, воспитал и к родным вернул. Питтак в Митилене десять лет вождём был, тираном по-вашему, власть отдал, ещё десять лет прожил, и никого не боялся: все его уважали.

— Но Периандр, коринфский тиран, убил беременную жену, сожительствовал с матерью, велел убить даже своих могильщиков... Или было два Периандра — тиран и мудрец? — спросил Харикл.

— Почему два? Один. Я про него ещё и не то слышал, только всё от знатных. А простые коринфяне мне о нём плохого слова не сказали. И мудрецы тоже. Что про вашего Ардагаста Медведичи говорят? Или Андак с женой?

Хилиарху сразу припомнилось, как подвыпивший Андак, говоря с греками, называл Зореславича не иначе как «тираном» и «венецким ублюдком». А шаман продолжал:

— Периандр щедрый был. Мудрецов принимал, певцов, храмы строил.

— Не за счёт ли ограбленных граждан был он так щедр к вам, мудрецам? — хитро прищурился Харикл.

— У народа он ничего не забирал, только у знатных. Город при нём не беднее, а богаче стал... Это у нас, сииртя, хорошо старейшиной быть: ни простых, ни знатных, весь род заодно. И законов, как Солону, придумывать не надо: все законы предки дали.

— Ну а что же Крез? — спросил Хилиарх. — Он был законный царь, а не тиран.

— Тоже щедрый. Как угощал нас! Мне столько денег дал — до сих пор осталось. Добрый был, справедливый. Только не умный. Думал, деньги всё могут. Золотом так и сыпал. Нет, на хорошие дела. А мы с Анахарсисом его сокровища посмотрели и сказали: «Гляди, здесь всё золото земное, солнечного, такого, как у скифов, совсем нет. Не будет прочным твоё царство. Берегись Солнце-Царя!» Так и случилось. Пришёл Кир, персидский Солнце-Царь, что великое царство создал не золотом и не страхом — справедливостью. И не стало Лидии, царства Креза.

— Одни говорят, Кир держал Креза в чести, другие — сжёг его на костре, — сказал Харикл.

— Разве станет перс святой огонь осквернять трупами! — рассмеялся Абарис. — Это сам Крез хотел сжечь себя вместе с дворцом. А я его спас: вместе с семьёй перенёс из огня прямо на Белый остров. Так он давай самого Светловатого Парня упрекать: «Я ли добро людям не делал, я ли тебе богатые дары не приносил». А бог ему: «Рано тебе сюда, если так думаешь. Неси его, Абарис, обратно. Пусть попробует добро делать без богатства, без власти». Перенёс я Креза назад. Грозу наколдовал, пожар потушил. Увидел Кир, что Солнце лидийского царя любит, и взял его в советники. Много добра Крез потом сделал. Не богатством — мудростью: не зря всё-таки мудрецов принимал.

— А верно ли, что ты учил великого Пифагора? Или правда, что сам Пифагор — это Аполлон Гиперборейский? — продолжал любопытствовать Харикл.

Но тут Ардагаст велел войску строиться для похода, и великий шаман сказал:

— Мы их увидим на Белом острове. И Креза, и Кира, и Пифагора.

Уже совсем стемнело. Ночную тьму рассеивал лишь слабый свет звёзд да пламя огненной арки. К ней и подошли воины Ардагаста. Вышата заклил коней, Зорни — оленей и собак. Теперь животные могли бежать без усталости в два раза быстрее. Ардагаст окинул взглядом свою рать, поднял меч:

— Воины Солнца! Вперёд, к Белому острову! Настигнем и покараем тех, кто не достоин носить имя росов! Слава!

«Слава!» — отозвалась венедским кличем вся разноязычная рать. В этот миг всё ясно увидели, как въезжает под арку белый всадник на белом коне, с золотым щитом и сияющим копьём. Ярила по-прежнему вёл свой народ к северной обители своего брата.

Зореславич похлопал своего «небесного» ферганского коня по роскошной золотистой гриве и первым влетел вслед за богом в огненные ворота. Следом понеслись конные росы и манжары, за ними — северяне на оленях и собаках. Над ними летел на огромной, сияющей маленьким солнцем птице Абарис. Вихрем промчались они через тундру и, оставив позади Священный остров, понеслись на северо-восток по замерзшему морю.

Теперь вокруг не было ничего, кроме бескрайней ледяной пустыни. Лишь причудливые нагромождения ледяных скал-торосов нарушали её белую гладь. Ни зверей, ни птиц, ни растений, ни камней. Только белая равнина под тёмно-синим куполом неба, усеянным звёздами. И звёзды эти сияли удивительно ярко. Никогда ещё воины Ардагаста не видели, как, обволакивая звёзды, просвечивают гигантские тела двух златорогих оленей. Порой они казались двумя горбоносими лосихами, порой — хвостатыми медведицами. Мимо них, надёжно указывая путь, текла на северо-восток звёздная река Млечного Пути — дорога птиц, дорога душ. Лыжной Светловатого Парня звали её северяне.

Не птицы и не души предков неслись сейчас этим путём, а живые, земные воины. И вёл их не бог с златосияющими волосами, а молодой всадник на ферганском коне, в панцире и помятом шлеме. Но в свете звёзд золотом блестели его волосы, падавшие из-под шлема на плечи, и чеканные ножны меча, и шерсть коня. И шептались северяне: «Сам Светловатый Парень нас ведёт. Вождь росов тоже узколицый. И тоже сиротой на земле вырос — сами росы говорят».

Ещё ярче звёзд светили серебряные рога месяца. И под ними люди ясно видели доброе и лукавое лицо старика с бородкой. Прадед Велес, Хозяин Зверей, пастух небесных стад, смотрел на людей. Вот так же когда-то двигались они на север за стадами оленей, за отступавшим ледником. Только не было у них ни боевых коней, ни доспехов, ни стальных мечей. И не воевали между собой за Правду, потому что не умели ещё жить не по ней.

— Глядите: вот путь великих героев! — нёсся сверху голос Аристея. — Им шёл Персей с головой горгоны, чтобы принести на Белом острове жертву Солнцу. Им бежал за золаторогой ланью Геракл, пока не достиг Белого острова. Оттуда он принёс священную оливу и посадил её в Олимпии.

Острый взгляд двух эллинов различал на небе Геракла и Персея, а ещё Андромеду и её родителей — Цефея и Кассиопею.

А чистый снег переливался самоцветами в лунном и звёздном свете, алмазной пылью разлетался из-под конских копыт. И не было вокруг ничего грязного, уродливого, злого.

— Красота-то какая... неземная! — восхищённо произнёс Шишок. — Да мы по земле скачем или по небу?

— И по земле, и по небу, — отозвался сверху Абарис. — Белый остров — сразу в двух мирах, верхнем и среднем.

— Так мы сейчас... вроде богов? — удивлённо проговорил леший.

— Богов среди нас нет, — рассмеялся Вышата. — А из боженят — ты один.

Шишок приосанился в седле, важно погладил косматую бороду. Этот невзрачный коренастый мужичок в сером полушубке как-никак был лесным богом. Маленьким, смертным, но исправно получавшим жертвы от охотников и пастухов.

— Видишь, друг Харикл: мир воистину прекрасен и добр! А кто-то ещё зовёт его грязным и презренным, — сказал Хилиарх.

— Таким философам лучше провалиться в Тартар! — горячо откликнулся бронзовщик. — Мир делают грязным люди с грязными душами.

А ведь где-то впереди вот так же скакала среди звёздных чудес шайка Андака. Рука Братства Тьмы тянулась к солнечному острову. Боги, не надо никаких богатств, ни даже славы, только бы успеть обрубить эту чёрную руку!

Забыв о времени, мчались росы по волшебному пути. Вдруг впереди послышались крики, ржание, засверкали вспышки. Воины принялись подгонять коней, оленей, собак. Но вскоре всё стихло. А на горизонте ясно показались вершины белых гор, озарённые каким-то удивительным чистым светом. Белый остров близко! Неужели шайка одолела его защитников? Всё равно — нужно остановить её или всем погибнуть. Если росы не спасут Дом Солнца — тщетны все их подвиги. Спокойны оставались лишь волхвы, духовным зрением видевшие дальше воинов.

А белые горы приближались, росли, всё выше поднимались из-за гряд торосов. Миновав очередную гряду, воины увидели снежное поле, усеянное телами людей и коней. Прожжённые доспехи, оплавленные мечи, рассечённые, обгорелые трупы, белые кости, торчащие из обугленной плоти... Уцелевшие лошади с жалобным ржанием поспешили навстречу росам, зная: люди не дадут пропасть в ледяной пустыне.

Воины остановили коней. Среди трупов Зореславич сразу заметил Суазард. Царевна лежала, сжимая меч и акинак в раскинутых руках. Обращённое к звёздам лицо даже в смерти оставалось красивым и яростным. Между высоких грудей в кольчуге чернело оплавленное отверстие. У тела жены сидел Андак. Шлема на нём не было, обломок меча валялся рядом, тёмные, наполовину обгоревшие волосы падали на лицо. Князь не поднял головы, даже когда царь подъехал к нему.

— Довоевался, Чернобожий холоп, тать ночной? Кто вас разбил? Где стрела Абариса? Отвечай! — Зореславич вытянул Андака плетью по спине.

Тот медленно обернулся к царю. На бледном, как у мертвеца, лице князя не было ни

страха, ни злобы — только печаль и обречённость.

— Воины Белого острова. В их оружии сила Солнца. А наше оружие вдруг ослабло. И вождь... совсем как ты, только моложе.

Ардагаст сразу понял: это его отец Зореслав, павший под Экзампеем. Мёртвые не стареют... А князь продолжал:

— На горах стояли их мудрецы, колдовали. Если наши шаманы погибли. Этот вождь... он убил Саузард. Потом ударил меня по шлему. Вспыхнуло... Чуть не ослеп. Когда очнулся, стрелы уже не было.

— Видишь, моя стрела вору счастья не приносит, — раздался сверху голос Абариса.

А воины уже обступили князя, негодуя шумели. Предводители с трудом их сдерживали. Над Андаком грозно навис Вишвамित्रа.

— Понимал ли ты, на что поднял руку, раб Разрушителя? Мы — воины Солнца и готовы умереть за него, и не ради награды. Наша награда — торжество Правды. Предан ли ты так же Тьме и Разрушителю? — сурово допытывался кшатрий.

Андак покачал головой. Он поклонялся Саубарагу ради удачи, побед, добычи, славы. Потом к этому прибавился страх. Ему, Андаку, не было дела до Света и Тьмы, до борьбы богов, и он не подозревал, сколь могуществен и многолик Чёрный Всадник.

— Да кто он такой? За него всё решала Саузард! — презрительно бросила Ларишка.

Индиец с пренебрежением взглянул на Князя:

— Какой ты воин Тьмы? Раб глупой и злобной женщины! Всё, чего ты достоин, — умереть рабом в чуме ненца и возродиться навозным червём.

Андак вскинул голову. В его глазах сверкнула отчаянная, дерзкая гордость.

— Да, без Саузард я бы не совершил ничего славного. Но с ней я дошёл до края света и ещё дальше. Дошёл раньше тебя, Солнце-Царь! Я, Андак из рода Сауата! Никто из росов не совершал такого далёкого похода, не брал такой добычи.

— Ты сам не знаешь, какое зло натворил. Само имя росов ты опозорил перед всеми племенами от мордвинов до сииртя. Кому ты сделал добро в этом походе, какие подвиги совершил, какого сильного врага победил? Если бы я не шёл следом... — Ардагаст махнул рукой и замолчал.

— Ты победил, Солнце-Царь. Я не понимал тебя и уже не пойму. Убей меня, но не мсти моим детям. Ведь мы родичи!

— Твоим детям... А ведь у тебя, кроме детей от Саузард, есть сын от Милуши, моей двоюродной сестры. Когда-то я вышвырнул тебя из её дома. Но её отец вам встречаться не мешал и не мешает. Ты для него и так вроде знатного родича. Дядей царя ему быть мало. Хочет со всеми ладить. А ты боишься взять её в свою юрту даже наложницей...

— Прости меня, Солнце-Царь! — всхлипнул Андак. — Ведь я не убил и не обидел никого из росов, даже из венедов...

— Ты ещё не понял, что все люди — одно племя? Те, кого ты убивал и притеснял, и будут тебя судить.

Росы и манжары расступились, давая дорогу сииртя и печорцам. При виде Андака северяне зашумели, схватились за копья, Ардагаст поднял руку:

— Вот тот, кто обирал вас, убивал, осквернял святилища. Я не посылал его к вам. Судите его!

— Убить его! Выгнать во льды, в тундру! Продать в рабы ненцам! Бросить в священный провал!

Зореславич снова поднял руку, и крики стихли.

— Люди севера! Я избавил вас от разбойников и за это ничего не прошу. Кроме одного: оставьте жизнь этому человеку. Он — мой родич. Там, налоге, у него большая и сильная родня. Если я позволю его казнить, она должна будет мстить мне. И тогда храбрейшие росы истребят друг друга.

Перед северянами появился Абарис, уже сошедший с Минлея. Все смолкли, устремив на него взгляды.

— Люди сииртя! Кто из вас думает: «Земля росов далеко, какое нам дело», — тот думает, как этот. — Шаман указал пальцем на Андака. — Такие, как он, не знают — средний мир маленький, совсем маленький. Росы от нас совсем близко. Не дайте Нга погубить это племя Солнца раздорами. Оно нужно Нуму, нужно нам всем.

Бледный, коленопреклонённый, Андак с трудом проговорил:

— Простите меня, люди сииртя!

Притихшие северяне смотрели на него, и в этих взглядах уже не было ненависти. Добрые и мирные гипербореи не умели кого-либо долго ненавидеть. Тем более такого жалкого, лишённого силы врага.

— Ты и так уже наказан богами. Иди прочь и никогда не служи Нга. И не делай ни одному племени того, что делал нам, — сказал Абарис, и северяне согласно закивали.

Андак медленно поднялся, сорвал с шеи халцедоновый амулет, поднёс его к лицу и произнёс:

— Клавдий Валент! У меня больше нет ни жены, ни дружины. А Белый остров цел. Не тебе его одолеть. Будь ты проклят вместе со своим богом! Я вам обоим больше не раб!

Князь швырнул оземь мутно-чёрный камень и раздавил его сапогом.

Голос Андака достиг мысленного слуха Валента как раз тогда, когда тот, придя с царского пира, собирался напоследок насладиться прекрасной рабыней-пленницей из знатного парфянского рода, не покорившегося Артабану. Услышанное так огорчило некроманта, что он отослал прочь рабыню, так и не попробовав на ней силу медного с изумрудом перстня Венеры.

А в это время две призрачные всадницы мчались в ночи над тундрой, лесами, реками на юго-запад, к берегам Днепра. Тёмными распущенными волосами, гордыми лицами и ястребиными носами они походили друг на друга. Та, что выглядела моложе, на самом деле была старше другой — ведь мёртвые не стареют.

— Будь он проклят, этот Зореслав! Нищий, безродный венед! Убил тебя, теперь меня! А мне ещё и тридцати нет!

— Нашла о чём жалеть, доченька! Мы же с тобой воительницы. Пожелай умереть от старости этим двум стервам — жене и сестрице Ардагаста. А вот с мужем тебе повезло ещё меньше, чем мне.

— Да! Тряпка, бездельник, бабник! Даже не отомстил за меня! Зато остался жив, когда вся дружина погибла...

— Тем хуже для него, милая! Убийца Родичей ему лёгкой смерти не даст. Главное, у тебя есть дети. Без жертв мы с тобой не останемся. Поедем в Экзампей и будем вместе его хранительницами.

— Мама, но мы же теперь враги Светлых богов! Мы сражались с воинами Гойтосира.

— Положись на меня. Обе Артимпасы — и старая, и молодая — меня знают. И я их хорошо знаю. Младшая сейчас примется мирить двух своих мужей — небесного и

подземного. А Гойтосир добр и отходчив. Вот если бы мы прогневили его брата — Громовника... Ничего! Мы нужны богам — стеречь Экзампей, чтобы никто не приносил там жертв, пока не найдётся достойный возродить Великую Скифию и обрести все три Колаксаевых дара.

— Вдруг это будет Зореславов ублюдок?! Мама, он, наверно, может всё! — со всхлипом выкрикнула Саузард.

— Не реви, глупая! И не принимай его за земного Гойтосира, как все эти тупые лесовики. Ничего, кроме подручного царя, из него никогда не выйдет. А вот из наших с тобой потомков могут выйти великие цари. Если только они завладеют царством, которое создал Ардагаст.

— Конечно завладеют! Законные цари росов — мы, Сауата, а не какие-то ублюдки с нечистой кровью!

— Только не торопись. Спешить нам с тобой теперь незачем. Пусть живые спешат. А направлять их будем мы.

Под ними расстилалась огромная страна. Тундра осталась позади, леса редели и сменялись степями. Серебрились в лунном свете ленты широких рек.

— И всё это мы прошли с какой-то сотней воинов, — задумчиво произнесла Саузард.

— Вы только начали, — хищно усмехнулась Саузарин. — Погоди, ещё придёт великий царь и покорит всё, от Чёрного моря до Ледяного. А мы постараемся, чтобы этот царь был из нашего рода.

Как две хищные птицы, высматривающие добычу, летели мать и дочь над бескрайней Скифией.

Войско Ардагаста шло к Белому острову. Становилось всё светлее. Ночь оказалась удивительно короткой: ведь они шли навстречу Солнцу. Белые горы приближались, росли на глазах. Всё ярче становился свет над ними, белый и чистый. Вишвамित्रа уже не шутил насчёт неуловимых Рипеев. Если эти горы и ниже Гималаев, то таких крутых и неприступных склонов, притом совершенно белых, он и в Гималаях не видел. Ни единого прохода — ни ущелья, ни пещеры, ни тропинки. Можно ли вообще преодолеть такие горы, если ты не дух и не летающий шаман?

Несколько раз на льду попадались изуродованные, обгорелые трупы в чёрных малицах, иные со звериными или птичьими головами и когтями. То были тела чёрных шаманов, отправившихся вместе с Андаком.

Огненная арка сияла у самого подножия гор. Волшебный путь был окончен. Что дальше: искать проход или просить богов открыть его? Взгляды всех обратились к царю и волхвам. А солнце уже поднималось над белыми вершинами, словно голова царя-великана в алом сияющем венце. Воздев руки, приветствовали его воины и волхвы, священными песнями на многих языках славили самого доброго и справедливого из младших богов.

Словно подхваченные волнами человеческих голосов, всё выше взлетали Абарис на Минлее и златоклювый ворон. Потом вдруг понеслись вниз. А вместе с ними летели на крылатых конях два всадника, появившиеся из-за гор. Они опустили прямо перед царём. Оба были с мечами и акинаками, в иссечённых доспехах. Один — седой, но крепкий старик с мудрым, непреклонным взглядом. Второй — молодой воин, удивительно похожий на Ардагаста. Такие же золотые волосы, простое весёлое лицо, неунывающий взгляд голубых глаз. Только усы не закручены на кушанский лад. И не было у этого воина ни ферганского

коня под тигровым чепраком, ни меча индийской стали в золотых ножнах. Зореслав, как и его отец Властимир, великий старейшина полян, никогда не ездил дальше Ольвии.

Ардагаст и Ардагунда приветственно подняли руки:

— Здравствуй, отец! Здравствуй, дед!

— Здравствуйте, детки!

Зореслав подъехал ближе и трижды обнялся сначала с сыном, затем с дочерью. Это не были объятия ни призрака, ни мертвеца: духи могут на время становиться телесными. Властимир, поглаживая седую бороду, проговорил:

— По-царски здороваются, по-сарматски. А надо бы с коней слезть да батюшке с дедом поклониться. Ну да вы теперь царь с царицей, а я только великий старейшина.

— А я как был воин молодой, непутёвый, так и остался. — На лице Зореслава была улыбка, но в глазах блестели слёзы. — Простите, дети, что бросил вас в жизнь, словно щенят в реку. А мама ваша меня уже простила. Недавно видел её после битвы с шулмусами.

— Что с ней? — разом воскликнули брат с сестрой.

— Жива и здорова. И муж её, и братья ваши. А вот сестричка... У неё теперь шрам через всё лицо, хуже, чем у матери. Думает: теперь замуж возьмут только за то, что княжна. А она гордая, не хочет так.

— Главное, что вы, внуки мои, не разбойниками и не бродягами всесветными выросли. За то спасибо тебе, Вышата, и всему Братству Солнца. — Властимир с благодарностью взглянул на волхва.

— А что же стрела Абариса, отец? — спросил Ардагаст.

— Она теперь у самого Дажьбога. Он решит, достоин ли ты ею владеть. Но прежде скажут своё слово великие мудрецы и воины Белого острова.

— Вы, верно, считаете нас плохими воинами. Мы спешили, хотели спасти от этих разбойников ваш остров и золотую стрелу, а вы управились и без нас, — виновато сказала Ардагунда.

— Ну уж нет, — возразил Зореслав. — Это я еле успел с передовым отрядом. Нам бы туго пришлось, не удержи вы на Священном острове шайку Хан-Хаденготы и самого Паридэ-Хабта с тремя сильными колдунами.

— Да ещё целое полчище нечисти, да саму Ягу с рогатым зверобогом, — подхватил Властимир. — Спасибо вам, внуки, и всему вашему праведному войску!

— Слышите, воины? — обернулся к рати Ардагаст. — Мы не зря бились на краю света, не зря спешили за край его. Мы только смертные, но и бессмертным трудно без нас!

Росы, манжары, северяне, подняв оружие, радостно зашумели. Счастливо улыбался молодой ненецкий вождь Яр: к этому подвигу и он был причастен.

Между двумя белыми вершинами вдруг появилась расщелина и быстро пошла вниз, до самого подножия. Не раздалось ни звука, ни один камень не упал. Однако внизу через расщелину могли проехать трое всадников в ряд. За расщелиной зеленела лесистая долина.

— Это — Долина Ожидания. Она могла стать могилой для Андака и его шайки. Входите, — указал рукой Зореслав.

В почтительном молчании войско Ардагаста проследовало через узкий проход. Впереди, следом за двумя небесными всадниками, шёл пешком Абарис. Минлей уже улетел за горы. В долине было тепло, как на Днепре ранней осенью. Журчали ручьи. Рядом с елями, соснами и кедрами росли дубы и берёзы, всё ещё не сбросившие багряных одежд. Северяне только качали головами: золотых деревьев они и в тайге не видели, а уж чтобы берёза была

деревом, а не корявым деревцом, как в тундре... Лес делила надвое прогалина, в конце которой блестели в лучах солнца золотые ворота. Недалеко от них Абарис сделал всем знак остановиться.

Сами собой медленно открылись створки, покрытые изображениями львов и грифонов. Воины благоговейно замерли, поражённые открывавшейся величественной картиной. К горизонту убегала дорога, вымощенная золотыми плитами. По сторонам её зеленели леса и сады, желтели поля. Постепенно поднимаясь, она упиралась в холм, увенчанный ослепительно сияющим белым зданием с куполом. «Железный чум!» — шептали северяне. «Дом Солнца», — сказал Зорни-шаман. Далеко за холмом вздымались горы, такие же белые и островерхие, как на берегу острова. А на их вершинах, будто на троне, восседало утреннее солнце. И всё это, словно купол храма, покрывал чистый голубой небосвод.

Из ворот вышли два старца в длинных белых одеждах. У одного, прекрасно сложенного, на седых кудрях лежал небольшой красный тюрбан. Курчавая борода обрамляла мудрое и спокойное лицо. Второй был лысоватый, с большими натруженными руками и добродушным лицом пожилого еврея. Первый произнёс по-гречески:

— Пусть войдут Ардагаст, царь росов, и великий волхв Вышата. И конечно, Аристей с Абарисом. Остальные пусть ждут их возвращения здесь, в долине. Так велит Аполлон.

Абарис перевёл по-сарматски. Никто не посмел возразить. Лучший воин и лучший волхв из всех них, смертных, дошедших до Белого острова. Только эти двое могли, оставаясь смертными, пройти Путь Солнца до самого конца. Остальным наградой служило то, что они смогли, быть может, раз в земной жизни увидеть блаженную страну, обитель тех, кто всю жизнь боролся за добро и правду.

Все спешили и с достоинством поклонились сияющей стране и её посланцам. Никто не опускался на колени, не ползал на брюхе, сразу поняв: здесь уважают, но не унижают. Вдруг к старцу в тюрбане подошёл Хилиарх и сказал:

— Приветствую тебя, мудрейший Пифагор! Скажи мне, Хилиарху из Кизика, скромному ученику многих философов: верно ли, что ты — сам Аполлон Гиперборейский?

— Я не мудрейший, — усмехнулся старец. — И даже не мудрый. Я только любитель мудрости, то есть философ. А от Аполлона у меня сейчас разве что золотое бедро. Надеюсь, ты не заставишь меня задирать хитон, чтобы убедиться в этом? Некогда в меня вошла через стрелу Абариса часть силы и воли Аполлона. И это сделало мою жизнь столь трудной... Со злым богом смертному сравняться легко, но с добрым! Ведь что прощается человеку, особенно великому, не прощается богу. Нет, не советую никому становиться воплощением бога, даже частичным!

— Так тебе и надо: не воруй мою стрелу! — насмешливо сощурил узкие глаза Абарис.

— Ты же сам этого хотел, хитрый шаман! — в тон ему ответил Пифагор.

— Ну а меня, Симона бар-Зеведея по прозвищу Пётр, ты помнишь? — взглянул на Хилиарха иудей. — У нас в общине ты хорошо рассуждал о Боге и высшем благе, а потом удрал с изрядной суммой денег.

Эллин виновато опустил голову:

— Увы, эти деньги у меня выманили ещё большие негодяи и мошенники. Я, глупец, полагал тогда, что мир слишком скверен, чтобы следовать в нём заповедям философов. И только став скифом, убедился: мир гораздо больше и лучше, чем о нём думают. — Хилиарх вздохнул. — А вообще-то мне у вас было хорошо. Всё общее, каждому помогают, никто никого не обманывает... Не вас я обокрал, а самого себя!

— Я знаю, свой грех ты давно искупил добрыми делами. Да удержит Бог от нового греха тебя, казначея царства росов.

— Клянусь Аполлоном, доверие росов стоит больше, чем вся казна их царя!

— Хилярх делает великое благо для всех эллинов: своим примером доказывает скифам, что гречин может обойтись без воровства и обмана, — с усмешкой сказал Аристей. Он был уже в своём человеческом виде — черноволосого грека с острой бородой, похожей на клюв.

Ардагаст, Вышата и оба шамана пешком вошли в золотые ворота вслед за обитателями острова, и чеканные створки закрылись сами собой.

— Свои тела оставьте вот здесь, — указал Пифагор на скрытый среди пышных ёлочек грот.

Зореславич послушно лёг на мягкие еловые лапы, устилавшие грот, рядом с Абарисом и Вышатой. Пифагор с Аристеем пошли вокруг них, ударяя в тимпаны, и вскоре Ардагаст почувствовал, как всё тело немеет, сердце и дыхание останавливаются. На миг в глазах потемнело, и вот он уже стоял, глядя на самого себя, лежащего между двумя волхвами, которые в то же время стояли рядом. Снаружи Зореслав с Властимиром держали в поводу пятерых крылатых коней. Пифагор гостеприимно повёл рукой:

— Добро пожаловать на Остров Неудачников. Так мы его порой зовём между собой. Все мы пытались сделать так, чтобы люди хотя бы не угнетали друг друга, и никто из нас этого в земном мире не добился.

— Но никто из нас не пожалел о том, что посвятил этому всю жизнь, земную и загробную, — бодро заметил Пётр.

— Судьба умерших не одинакова, — пояснил Аристей. — Те, кто просто соблюдал заветы предков и не слишком грешил, попадают в Элизиум — вы, венеды, зовёте его раем или Приём. Там всё как на земле, только нет голода, болезней, усобиц. Пахари сеют хлеб, кочевники пасут скот, жрецы служат богам, а воины в грозовой дружине охраняют рай от нечисти. Отчаянных вояк Повелитель Ветров берёт к себе в Валгаллу. Тех, кто пакостил ближним и норовил сделать мир ещё хуже, Разрушитель забирает в преисподнюю. Ну а сюда попадают чудачки, что пытаются сделать мир чище, а людей — добрее и справедливее.

— Да вы садитесь на коней. Поедем верхом, потом полетим. Посмотрите наш остров. Клянусь Дажьдбогом, стоит жить и умереть, чтобы сюда попасть! — сказал Властимир.

— Остров гораздо больше, чем кажется, когда глядишь от золотых ворот. На обычных конях до Дома Солнца добираться целый день, — заметил Аристей.

И копыта коней застучали по золотым плитам дороги. Тенистые леса по сторонам её скорее напоминали сад, где искусный садовник собрал деревья со всего мира. Лавр соседствовал с северным кедром, дубравы — с пальмовыми рощами. Столь же разнообразны были обитатели лесов. Северные олени шли к водопою вместе с газелями. Семейство львов дремало у останков лося. Копытные, однако, не опасались сытых хищников. Тем более никого не боялись могучие слоны, которым уступали дорогу даже нежившиеся на берегу бегемоты. В воздухе летали удивительные существа: грифоны, крылатые и рогатые львы, драконы. И даже драконы с орлиными крыльями и золотыми перьями и чешуями не выглядели здесь чудовищами, вызывая удивление, но не страх. Вслед за красавцами единорогами с золотыми гривами и витым рогом во лбу дорогу пересекал неуклюжий носорог.

Было тепло, как летом, но не жарко. Душу наполняла тихая и светлая радость — за то,

что мир так прекрасен, велик и богат чудесами. Между лесами были видны ухоженные сады, недавно убранные поля. На зелёных лугах паслись стада златорогих быков и оленей, табуны крылатых коней. В пастухах нетрудно было признать степняков и горцев, в садовниках — греков, венедов, индийцев...

— Видите? — насмешливо подмигнул Абарис. — Скажите своим грекам, что в блаженной Гиперборее тоже работать надо.

— Мы тут все — воины, мудрецы — по очереди работаем на земле. Полезно для здоровья, и не только телесного. А вообще здесь каждый занимается тем, что у него лучше выходит. Пётр, например, у нас лучший рыбак, — сказал Пифагор.

Аристей помахал рукой старому лысому греку, старательно подрезавшему виноградную лозу:

— Эй, Диоген! Поехали в Дом Солнца. Помнишь, сегодня будем решать насчёт стрелы Абариса.

— Успею ещё. Пусть мой грифон после охоты отдохнёт, — ответил грек, не отрываясь от работы.

— Скажи лучше — ждёшь Анахарсиса с пастбища. Выпьете, тогда можно и на собрание, — улыбнулся Аристей.

— Он трудится усерднее многих. Похоже, стыдится тех бездельников и попрошаек, что нынче зовут себя киниками^[37], — тихо сказал Пифагор.

— И напрасно. Истинные киники стремятся к простоте и бедности, а не к безделью и не идут к богачам в шуты и прихлебатели, — заметил Пётр.

Венедам всё это было не в новинку. Сам царь росов каждую весну первым начинал пахоту, если только не был в очередном походе.

— И какой лодырь придумал, что в раю всё само в рот падает! — воскликнул Ардагаст.

— Не лодырь, а несчастный раб или бедняк, не видевший в жизни ничего, кроме тяжкого труда, — мягко возразил Пётр.

— А всё-таки бывает, что и само падает. Вы, к примеру, поминаете нас блинами на Масленицу, а они — ну, то есть дух от них — сразу к нам на стол. Хорошие блины готовит твоя младшая царица, внучек, и кутью с мёдом тоже, — довольно разгладил бороду Властимир. — Ну что, поглядели на наш остров снизу? А сверху он ещё лучше. Летим!

Послушные кони поскакали быстрее, на бегу расправляя крылья, и наконец взмыли в воздух. Ардагаст, опытный наездник, держался в седле крепко, хотя в первое мгновение и перехватило дух так, что чуть не прижался к конской шее, будто испуганный мальчонка.

— Ничего, сынок, если и упадёшь, не разобьёшься. Ты ведь сейчас дух, — ободряюще заметил Зореслав.

Рядом Вышата спокойно правил крылатым конём. Волхву духовные полёты были не в диковинку. Зореслав и Вышата, отец и воспитатель, любовались тем, как хорошо владеет небесным скакуном Ардагаст, прежде не летавший. Отец царя росов был благодарен волхву, но втайне завидовал ему. Сам-то он мог приходить к своему сыну лишь призраком или незримым духом.

А внизу простиралась обширная и прекрасная страна. Она была прекрасна, как сон, но не казалась миражом, способным исчезнуть от порыва ветра. Синие озера таились в зелёной оправе лесов. Голубые ленты рек вились среди желтизны полей и зелени садов. Словно тучи по небу, брели по лугам большие стада. Будто жемчужины, разбросанные щедрым богачом,

усеивали страну небольшие селения. Сверху можно было различить и белые мазанки под соломой, и рубленые избы, и дома из тёсаного камня, и вовсе невиданные строения, сложенные не то из стекла, не то из самоцветов и крытые золотом и серебром. От селения тянулись прямые мощёные дороги.

— Смотри, Ардагаст, смотри хорошенько! Всё тут есть, чем мир богат. Всё Дажьбог собрал. Всё, да не всё...

Зореславич пригляделся. Да, кое-чего не было. Ни крепостей, ни городков, вообще никаких защитных стен или валов. Только ограды от животных. Здесь не знали войн! А ещё не было межей, словно вся страна составляла поместье одного владельца.

— Кто живёт в этих домах из золота и самоцветов? Ваши знатные? — спросил Ардагаст.

— Это не самоцветы, а стекло. Гибкое, небьющееся — у смертных такого ещё нет. А у нас оно — только для общинных зданий. В них — храмы, библиотеки, залы для собраний, — ответил Пифагор.

— А знатные мы все. Все от Адама, по-вашему Сварога, — продолжил Пётр. — Ни царей, ни рабов у нас нет, а начальников мы выбираем. Работаем вместе. Добудем мало — делим поровну, много — даём кому сколько нужно. Кто хочет — работает в одиночку, но с общиной делится, а община — с ним.

— И при этом никто не ворует, не лодырничает, не норовит урвать побольше. Поистине, рассуждающие о порочности и греховности человека судят по себе! — с чувством произнёс Аристей.

— Всё как у нас, сииртя. Только не так холодно, а люди мудрее и живут богаче, — невозмутимо кивнул Абарис.

— А нас, Братьев Солнца, ещё попрекают: вам-де больше всех надо. Да, нам много надо — для всех людей. А для себя — мало, — сказал Вышата.

— Да, с нами тут легко, — вздохнул Пётр. — Мы ведь все жизнь положили за добро и справедливость. А там, в земном мире... словно среди ядовитого болота. Ессеи, чтобы жить, как здесь, бежали в пустыню. Римляне и там их нашли и перебили... А к нам в иерусалимскую общину как-то вступила богатенькая парочка, Анания и Сапфора. Имущество продали, деньги отдали общине, только вот часть их утаили, и немалую. Для чего — подкупом прибрать общину к рукам? — Голос рыбака стал неожиданно суровым. — Я применил к этим пройдохам Заклятие Истины — то, что убивает ложно клянущихся на месте. Оба упали мёртвыми.

— Ты, Пётр, не иудей, а жестокий скиф, — иронически произнёс Аристей. — Когда за твоим горе-мессией пришли стражники, ты один схватился за меч и отсёк какому-то бедняге ухо.

— Разве скиф предаст своего вождя? — махнул рукой рыбак. — А я отрёкся от нашего рабби трижды за одну ночь.

— Какой из него вождь? — презрительно хмыкнул Зореслав. — Собрался в цари, велел вам купить оружие. А как дошло до дела, перетрусил и сдался. Вы тогда могли все с честью погибнуть в бою, как мы под Экзампеем! Или прорваться с боем...

Пётр опустил голову. Некоторое время они летели молча. Потом Пифагор заговорил:

— Да, здесь хорошо, но не торопитесь сюда. Нелегко быть мёртвым, даже великим. Живёшь тут, споришь, набираешься ума и вдруг понимаешь, какую чушь говорил ученикам. А их потомки эту чушь повторяют и приговаривают: «Сам сказал». «Сам» — это я, Пифагор

с Самоса! Я гордился своими общинами. Всё общее, не только у нас, избранных, власть — нам, осчастливив свои города нашим мудрым правлением, а мудрейший, конечно, я, воплощённый Аполлон... Вот наши общины и превратились в шайки аристократов-заговорщиков.

Боги, не я ли проложил дорогу этому мерзкому Братству Тьмы?

— Плохой ты был ученик, — отозвался Абарис. — Славы хотел, власти. И сам таких же собрал. Говорил я тебе: поживи у сииртя или хоть у скифов. Душу очисти, тогда иди учить. А ты в Египет к жрецам подался, потом к халдеям, к персидским магам. Искал, кто всех чванливее?

— Нас зовут Учителями человечества, — вздохнул Пифагор. — А Учитель не может переучивать. И он в ответе за своих учеников. Сократ это понимал. Потому и не стал бежать от суда и казни.

— Ты понял свои ошибки постепенно. А на меня всё обрушилось сразу, как только попал сюда, — печально проговорил рыбак. — Тот, кого я считал Мессией и сыном Бога, оказывается, в преисподней — за то, что учил не противиться злу. Одно утешение, что там же этот, убийца праведников и самозванный апостол Павел из Тарса, который учил рабов повиноваться господам, а господ — откупаться от бедняков подачками. А я, выходит, заслужил блаженство здесь. Тем, что создавал общины, как у ессеев, правда, не в пустыне, а в городах. Но ведь у нашего рабби Иешуа тоже была такая община, только странствующая... ну, кочевая...

— Бродячая! — безжалостно произнёс Абарис. — Печорцы по тундре кочуют, летом рыбу ловят, осенью оленей бьют, зимой в тайге охотятся. А вы с чего жили? То рыбачили, то у богатых шлюх деньги брали. А денежный ящик доверили вору. Он вашего рабби и продал. Бродяги вы были, а не кочевники.

— Волхвы тоже странствуют, — возразил Вышата. — Не больше, чем по двенадцать человек вместе. Вас ведь было двенадцать? Так мне говорил Андрей бар-Зеведей. Твой брат, Пётр. Я и сам был странствующим волхвом.

Но странник должен вернуться к людям и принести им то, что добыл, — новую мудрость, новую правду. Или старую, но забытую. Иначе он и впрямь не странник, а бродяга и дармоед.

— Вот потому нам и не сидится на нашем острове, — усмехнулся Пифагор. — То сражаемся с нечистью, то являемся добрым людям, то рождаемся заново среди них. Если где-то царит зло, значит, мы ещё мало потрудились. Такие уж мы чудачки: не можем блаженствовать, пока другие там, внизу, страдают.

— А разве можно, живя здесь, не хотеть, чтобы другие так жили... не помочь им? — взволнованно воскликнул Ардагаст.

— Явился мне как-то тунгак. И говорит: «Нга, мой повелитель, вашего острова не тронет, только сидите там, носа не показывайте. Зачем вам средний мир? Он плохой, грешный, люди в нём злые, глупые. Кто хочет на Белый остров, пусть сам заслужит». Что бы ты ему сказал, Вышата? — взглянул Абарис на волхва.

— Послал бы его туда, куда венеды всю нечисть шлют! Врал ведь, и бог его врал. Чернобогу ненавистно всё, что на его пекло не похоже, и острова он в покое всё равно не оставит, — убеждённо сказал Вышата.

Беседа, они летели к центру острова. По пути всё чаще встречались люди верхом на крылатых конях, грифонах, орлах. Все они стремились туда, где белел купол Дома Солнца.

Холм, на котором он стоял, был тесно застроен разнообразными зданиями, многие из которых блестели золотыми крышами и стенами из стекла, то прозрачного, как чистая вода, то разноцветного. К этому городку сходились все главные дороги острова.

Ардагаст и его спутники опустились на площади у самого храма. Его стены и купол были словно бы разом отлиты из неведомого металла, белого и блестящего. Его покрывал узор, напоминавший птичьи перья, никаких же швов не было видно. Недаром сииртя называли храм «железным чумом», а греки уверяли, что он построен из воска и лебязьих перьев. Из белой стены выступали стройные полуколонны, соединённые арками. Между ними стены прорезали узкие окна и широкие входы с золотыми и серебряными дверями. Белизной и стройностью Дом Солнца напоминал Ардагасту греческие здания, обилием же рельефов — храмы Индии. Колонны походили на деревья, под арками восседали на тронах боги, а к ним обращали свои взоры люди, птицы, звери: воины и музыканты, лебеди и орлы, львы, олени, грифоны... И все они, даже хищники, выглядели миролюбивыми, добрыми, весёлыми. Не было тут ничего уродливого, страшного, злобного. Это был не просто мир, а всё хорошее и светлое в нём.

Площадь была полна народа. Среди толпы Зореславич замечал греков, индийцев, Скифов, венедов, узкоглазых ханьцев, людей из многих вовсе незнакомых ему племён. Одевались здесь кто просто, кто нарядно, но за роскошью явно не гонялись. Люди вели себя живо и непринуждённо, общались просто, но без наглости. Никто не чванился, не отвешивал подобострастных поклонов, не дерзил и не грубил. Для смертных они были Учителями, пророками, героями, между собою же — друзьями и братьями по духу.

— Я гляжу, люди тут белые да жёлтые, а чёрных муринов вовсе нет. Ведь говорят, эфиопы тоже блаженные, как гипербореи? — тихо спросил Аристея Зореславич.

— На юге есть другой солнечный остров — Панхайя, или Тапробана. Праведники из южных народов попадают туда. Соседние эфиопы — добрый народ, не хуже сииртя. Об этом острове писали грек Эвгемер и араб Ямбул^[38], хотя и много присочинили, — ответил Аристей.

С увлекательными книгами Эвгемера и Ямбула Ардагаста познакомил Стратоник, добродушный мудрец из Пантикапея, уже написавший книгу о нём самом.

У самых дверей храма стоял бородатый старик с широкими плечами атлета, в белом хитоне и красном плаще. Кивнув Пифагору, он внимательно поглядел на Зореславича и величаво произнёс:

— Ты и есть Ардагаст, сын Зореслава? Приветствую тебя, рождённый создать новый народ и царствовать над ним.

— Ты, Платон, упрямый аристократ: всюду ищешь рождённых властвовать, и только среди знатных, — возразил ему Пётр. — Да если бы не этот достойный муж, Вышата, и не Братство Солнца, из Ардагаста вышел бы разве что бродяга наёмник!

Платон смерил рыбака слегка высокомерным взглядом и ответил так же медленно и важно, с видом человека, знающего себе цену:

— Я всегда утверждал лишь то, что править должны имеющие к этому призвание. А с ним нужно родиться, и не обязательно в знатной семье. Если же способностей нет, то что может развить даже самый искусный воспитатель? — Он снова обернулся к Ардагасту: — Ты — сын венедов и сарматки. Чтобы соединить два столь непохожих народа, нужно обладать достоинствами их обоих. Разве эти достоинства у тебя не от твоих почтенных родителей и не от их предков? А ты ещё и потомок скифских царей.

— А если бы меня подобрал на поле боя не Вышата, а какой-нибудь простой сармат или венед? И пас бы я до сих пор баранов или пахал землю, — возразил Ардагаст.

В их разговор непринуждённо вмешался перс средних лет, в тиаре и с акинаком в золотых ножнах:

— Думаешь, таким младенцам, как мы с тобой, легко потеряться? Я вот рос среди пастухов и не знал, что я — царевич, а мой воспитатель Митридат — не просто пастух, а служитель Митры весьма высокого посвящения. Зато Гарпаг, другой мой наставник, хорошо знал, где меня прятать от деда и индийских магов. Митра видит всё, что есть, а его слуги — всё, что нужно. — Перс приветственно поднял руку. — Здравствуй, Солнце-Царь росов! Я — Кир Ахеменид по прозвищу Отец Персов. Слушая своих наставников, и сам не заметишь, как станешь великим царём.

— А вот его не слушай, хоть он тоже Солнце-Царь, — улыбнулся Вышата. — Ну разве я учил тебя жить чужим умом? Плохой бы я тогда был наставник.

— Цари-воины вроде вас и не должны править сами, — обратился к обоим царям Платон. — Защищайте государство, а правят им пусть мудрецы.

Ардагасту вдруг вспомнилась Индия, где коварные жрецы Шивы и Будды губили и возводили на престол царей. Ещё он подумал о Братстве Тьмы, одна незримая рука которого вела к трону Империи Нерона, а другая проталкивала в цари росов Андака. Смог бы он Ардагаст, противостоять этим «мудрецам», если бы не другая, добрая мудрость Братьев Солнца?

Размышления его прервал вынырнувший из толпы Диоген:

— Да хранят тебя боги, царь росов! Особенно от таких вот философов. Этот выдумщик Платон ещё не подбивал тебя построить идеальный город? У мудрецов и воинов всё общее, а остальные, рабы и свободные, пусть на них работают... Сицилийскому тирану Дионисию он этими планами так надоед, что тот его продал в рабство.

— Планы эти он, кстати, списал у моих учеников, — с ехидцей заметил Пифагор. — И попался на этом. А с одним сицилийским тираном я тоже имел дело. Только не угодничал перед ним, а обличал. Помнишь, Абарис?

— Ага, — кивнул шаман. — Ты обличал, а я прикидывал: с какими чарами удирать будем, если он стражу позовёт?

— Нет, зря тебя, Платон, на невольничьем базаре сразу выкупили, — не унимался Диоген. — Побыл бы рабом с моё, так подумал бы, нужны ли в идеальном городе рабы.

— И нужны ли вообще города. И царства. И ещё многое другое, ради чего люди делают друг друга рабами, — добавил мрачноватый худой скиф. — Пойдём отсюда, Диоген. Этих, с мечами в золотых ножнах, мы ничему не научим.

— Диоген! Анахарсис! Идите сюда!

Услышав этот оклик, киник со скифом поспешили к стоявшей у другого входа кучке людей, среди которых выделялся мужчина с курчавой русой бородой и великолепным телом воина. Он и собравшиеся вокруг него, не считая одного скифа, были одеты по-гречески. На головах у всех краснели фригийские колпаки вольноотпущенников.

— Вот те, кто больше всех настроен против тебя, Ардагаст, — указал на них Платон. — Спартак, Аристоник, Савмак, ещё Евн и другие сицилийцы.

Зореславич замер, поражённый. Те, кем он восхищался ещё в детстве, слушая рассказы Вышаты! Отважный Спартак, гроза Рима... Савмак, Солнце-Царь боспорских рабов.. Аристоник, первым создавший Царство Солнца в Пергаме... Евн-Антиох, царь сицилийски:

рабов... Да не оклеветал ли кто-нибудь его перед ними?

— Не удивляйся, — невозмутимо продолжил Платон. — Для всех этих рабских царей мы с тобой — господа. И этим всё сказано...

— Что-то не видно Атарфарна. С ним они считаются, — озабоченно произнёс Аристей.

Это имя тоже было знакомо Ардагасту. Атарфарн-Огнеслав, великий солнечный маг, предок Вышаты...

Тут к ним подошли ещё трое. Одеты они были по-скифски, но из вырезов кафтанов выглядывали расшитые сорочки. Волосы у самого младшего из них блестели чистым золотом, у двух же других, тронутые сединой, напоминали электр — благородный сплав золота с серебром. Из двух старших один был в золотом венце-диадеме, с золотой гривной с львиными головами на концах и мечом в золотых ножнах, второй же выглядел гораздо скромнее и носил короткий сарматский плащ с тамгой сарматов царских. Диадему и золотую гривну имел и молодой. Старший венценосец приветственно поднял руку:

— Здравствуй, потомок! Я — Лют, первый царь сколотов-пахарей.

У Ардагаста перехватило дыхание.

— Говорят, ты и был Даждьбог-Колаксай, и тебе первому дались золотые дары? — с трудом произнёс Зореславич.

Лют со смехом хлопнул его по плечу:

— Да я такой же бог, как и ты! Дары упали с неба за десять веков до меня, а я только добыл их для нашего народа и для всей Великой Скифии.

— А я — тот, на ком кончилось и царство пахарей, и сама Великая Скифия, — печально произнёс молодой. — Я, царь Слав, не сумел сплотить наши племена против сарматов, зато начал усобицу из-за даров. Всё, что я смог, — отнять Колаксаеву Чашу у жрецов и увести часть сколотое за Дунай. Там по наущению моего брата Горислава Котис, царь Фракии, убил меня и разрубил Чашу.. Нет, я попал в Иррий, а не в пекло. Но хуже пекла было знать, во что обратился наш народ. И сюда, на Белый остров, меня не пускали — пока Чаша не возродилась в твоих руках. Спасибо тебе, Ардагаст, царь росов!

— Ну а я — не царь, хоть и царский сын, — сказал человек в сарматском плаще. — Я — Яромир, сын Сайтафарна, великого царя сарматов, и первый сарматский наместник над венедами. Меня, верно, до сих пор зовут предателем и сарматским ублюдком?

— Так говорят только чванливые экзапейские жрецы. А наше племя знает: ты спас его от гибели, а Колаксаевы Секиру и Плуг — от бесов! — горячо сказал Ардагаст.

— Спасибо тебе, потомок, за Чашу и за царство твоё! Теперь вижу: не зря я жил, не зря разрывался между двумя народами. — И Яромир крепко обнял царя росов.

— И от меня спасибо! — сказал Лют. — Я ведь тоже мучился, думал: не на погибель ли нашему племени создал я царство? Сидели бы тихо в лесах, как нуры... Теперь знаю: мы, сколоты, венеда, росы, можем и больше, и большего заслужили.

— Да что я... — смущённо произнёс Зореславич. — Если бы не Вышата...

— А я только искупаю грех моего предка, великого жреца Солнцеслава, что схватился из-за даров с тобой, Слав, — скромно проговорил волхв.

— Светловатый Парень уже летит сюда, — взглянув в небо, сказал Абарис. — Пойдёмте все в храм.

С востока, от солнечного диска, летело по небу как будто маленькое солнце. Оно приближалось, росло, и вот уже можно было разглядеть окружённого сиянием всадника на

грифоне. А впереди него летела огромная стая белых лебедей. С громким криком опустились они на купол храма, и тогда люди разом двинулись ко входам.

Вместе со всеми Зореславич вошёл в Дом Солнца. Двенадцать дверей имел храм и столько же окон, а ещё большое отверстие на самом верху купола. Двенадцать статуй богов и богинь стояли в нишах, и перед каждой ярко горел огонь на золотом жертвеннике. Здесь не было обычной в храмах таинственной полутьмы. Нетрудно было узнать Мать Мира с растениями в воздетых руках, Громовника с пучком молний, самого Бога Солнца в лучистом венце... Не было здесь лишь богов зла, смерти, тьмы. Купол состоял из семи поясов, выложенных семью металлами и инкрустированных самоцветами семи пород. Посреди храма на возвышении с семью ступенями стоял золотой трон.

— Помнишь, Ардагаст? Через врата семи светил возносится душа человека к небу — если только ищет там истину и добро, — тихо сказал Вышата.

В ярком свете переливались изумруды на меди, рубины на железе, сапфиры на серебре... Любуясь их игрой, Ардагаст вдруг вспомнил страшные перстни Валента. Какую же грязную, мелкую душонку нужно быть иметь, чтобы такое знание обратить на службу своим порокам? И при этом ещё мнить себя превыше всего «грязного» мира, всех людей и богов...

Вдруг ещё более яркий свет залил сверху весь храм. Жрецы у алтарей заиграли на лирах и гусях. Слаженный хор множества голосов запел гимн Солнцу. Пели на разных языках, но на одну мелодию — стройную, даже суровую, но радостную. То была радость обретения Правды и борьбы за неё, борьбы, в которой уже не страшно ни погибнуть, ни потерпеть поражение.

В этот хор вливался и голос Ардагаста, сразу узнавшего Михр-Яшт, древний арийский гимн, придававший ему силы в самых тяжёлых битвах от Индии до Золотой горы.

Под эти торжественные звуки в храм через верхнее отверстие влетел грифон. Его перья и шерсть излучали золотое сияние. На спине его восседал юный златоволосый бог в белой одежде, похожей на венецкую. На его лице, добром и приветливом, выделялись тонкие золотые усы. В руке бог сжимал золотую секиру. Мерно взмахивая крыльями, грифон опустился посреди храма. Бог взошёл на трон, а крылатый зверь улёгся у него в ногах. Он поднял руку, и в храме всё стихло. В руке у бога была золотая стрела.

— Мудрецы и воины Белого острова! — заговорил Дажьбог. — Вот стрела Абариса, великого шамана севера. Она попала в нечистые руки, и воины Тьмы едва не погубили наш остров. Но она к тому же открывает пещеру, где скрыты два священных дара: Секира и Плуг, скованные моим отцом из солнечного пламени. Третий дар — Чаша. Эти три дара дадут великое благоденствие великому царству, пока это царство будет верно Огненной Правде. Чаша даёт мудрость и справедливость, Секира — победу, Плуг — обилие. Чашу добыл Ардагаст, сын Зореслава, и она возродилась в его руках. Ответьте: достоин ли он получить стрелу и хотя бы увидеть два остальных дара? Ибо взять небесное золото может лишь тот, кого оно само примет. Мы, боги, можем лишь открыть достойному путь к нему, а недостойному — преградить.

Дажьбог сделал знак Вышате, и тот с поклоном поставил Огненную Чашу на верхнюю ступень трона. Бог простёр руку, и золотое пламя взметнулось к ней, охватило языками, но не обожгло — так же, как в те дни, когда младший Сварожич стал первым Колаксаем, Солнце-Царём.

Аристей вполголоса сказал Зореславичу:

— Сейчас молчи и слушай. Здесь есть кому и защищать, и порицать тебя. Я буду

называть тебе тех, кто станет говорить.

Ардагаст почувствовал себя неудобно. Будто под суд попал... Но разве не подсуден он, царь, собственному племени? А здесь собрались лучшие из великого и святого племени Солнца.

Первым нетерпеливо шагнул вперёд Спартак:

— О, Небесный Всадник, кого ты сделал своим избранником? Это же самый обычный сарматский царёк. Ходит в набеги, покоряет племена, дерёт с них дань, чтобы прокутить её в Ольвии и Пантикапее. Я воевал за свободу рабов, а этот угнал в рабство целое племя!

Анахарсис, худой, подчёркнуто скромно одетый — без единого украшения, — заговорил сурово и резко:

— Что за царство он сотворил, что за народ? Скифия погибла от излишней роскоши. Венеды, потомки скифов-пахарей, жили бедно, но праведно, никого не притесняли. А теперь они переняли все пороки сарматов. Рыщут в поисках добычи от Карпат до Ледяного моря, порабащают племя за племенем, гоняются за роскошью. Серебряные зеркала, тонкие ткани, шёлк, вино... А ради этого — новые и новые войны. Сарматы хоть в лесах воевать не умели, а эти росы-венеды заберутся в любую глушь!

— Хоть бы он был сам себе хозяин! А то ведь верный раб Фарзоя, подручный царь. Отдаст ему все дары и не пикнет, — пренебрежительно сказал Евн, жизнерадостный чернявый сириец. — Мы в Сицилии продержались пять лет, зато хоть никому не кланялись.

Аристоник, живой темноволосый южанин, взглянул на Ардагаста осуждающе, в упор:

— Наше Царство Солнца в Пергаме прожило четыре года, но там не было ни рабов, ни господ — только свободные гелиополиты, граждане Солнца. На нас навалились три царя, ещё и могучий Рим. А тебе кто мешал построить неприступный Город Солнца в ваших лесах?

Столь же непреклонно глядел на Зореславича Савмак, молодой русобородый скиф:

— Пантикапей был Городом Солнца всего три месяца, но я бы не променял моего царствования на твоё. Я нёс людям свободу, а ты, словно чуму, разносишь по всей Скифии рабство, дань, набеги, войны.

Только теперь Ардагаст заметил, как молоды были все эти вожди рабов. Ни один не прожил больше сорока лет. Все славно погибли вместе со своими царствами. А он... Пожалуй, доживёт до старости, сильным и богатым царём, благословляемым росами. Только далеко ли он ушёл от Андака? Или от своего жестокого дяди, Сауаспа-Черноконного? А Савмак безжалостно продолжал:

— Твои потомки могут покорить всю Скифию, особенно с золотыми дарами, но они не сделают её Царством Солнца. Да у тебя ведь хороший наставник — потомок Митридата, утопившего в крови моё царство! — Он простёр руки к богу. — О Гойтосир! Об одном молю тебя: побереги солнечные дары для грядущего Царства Солнца!

— А то ведь не на пользу росам пойдут эти дары. Чаша, к примеру, мудрость даёт, а царь росов ею только людей жечь умеет, — ехидно заметил Диоген.

Неожиданно рядом с Савмаком появился седой человек в скифской одежде и греческом плаще. Аккуратная борода обрамляла его спокойное и мудрое лицо.

— Ты забыл, Савмак, — мягко обратился он к скифу, — Вышата — потомок не только Митридата, вернее, его сестры, но и мой.

— Прости, учитель Атарфарн, — виновато склонил голову Савмак.

Пришелец заговорил громко, обращаясь к Спартаку и его друзьям, но так, чтобы

слышали все:

— Вы избрали самый тяжёлый и славный путь, но не слишком ли вы возгордились перед остальными? — Он обвёл рукой храм. — Глядите: здесь братья Гракхи — они всего лишь вернули крестьянам землю, захваченную богачами. Здесь Кир — он всего-то создал великое царство, где с людей не сдирали кожу и не сажали тысячами на колья, как в Ассирии. Тут все, кто пытался сделать мир справедливее, а значит — ближе к Царству Солнца. Да, хотелось бы изменить всё разом, но всегда ли это возможно? И всякий ли на это способен?

— Да, я вот только и сумел что создать несколько общин. Маленьких таких, мирных, — смущённо развёл своими крупными натруженными руками Пётр. — А царства, народы создавать... Это дело для таких, как Кир и Ардагаст.

— Разве мало, — продолжил Атарфарн, — что росы теперь в лесах только собирают дань, а не грабят, не насильничают, не жгут? Разве мало, что росы и венеды уже друг другу братья, а не господа и рабы?

— Не мало. Я ради этого жил. Только теперь вижу — жил не зря, — твёрдо произнёс Яромир.

— Но они угнали в рабство целое племя — деснинскую голядь, — возразил Спартак.

— Это племя воины Ардагаста хотели истребить за людоедство. Он же не только остановил их, но и не продал грекам ни одного голядина. Ольвийские работорговцы ненавидят царя росов — за то, что с севера больше не идут невольничьи караваны, — ответил Атарфарн.

— Блюдут ли ещё венеды мой закон: никого в рабстве вечно не держать, кто отработает свой выкуп — принимать в племя как свободного и друга? — спросил Лют.

— Да, теперь его блюдут и росы. Голядины уже все свободны. Одни вернулись на север, другие остались среди росов, — ответил Ардагаст.

— Значит, и я не зря трудился, раз закон мой пережил великое царство, — довольно произнёс Лют.

— Но он мог сделать гораздо больше. Братство Солнца воспитывало и опекало его. Почему же нет на Днепре Города Солнца? — упрямо спросил Аристоник.

«Хорошо вам тут судить нас, грешных смертных, с вашего блаженного острова», — раздражённо подумал Зореславич. Он уже готов был ответить какой-нибудь резкостью, но тут собравшиеся расступились, пропуская вперёд полного лысого старика в жёлтом халате. Жёлтое узкоглазое лицо обличало в нём ханьца.

— Это Лао-цзы, Старый Учитель, рождённый от солнечной жемчужины, — тихо сказал Аристей.

Старик окинул ироническим взглядом собрание и неторопливо заговорил:

— Многие тут почитают меня за учителя безделья и покорности. А я всего лишь учил не делать ничего, противоречащего Дао — необходимости, или всеобщему закону. Кстати, моих учеников в Поднебесной считают самыми опасными бунтовщиками. Ибо они хорошо знают, когда и ради чего бунтовать.

Ардагаст неожиданно осознал, что ясно понимает речь ханьца, хотя тот говорит на своём языке. Видно, таково было свойство Белого острова — делать понятными для всех добрые мысли. А Старый Учитель уже обращался к нему:

— Сынок, я не чиновник из загробного царства, чтобы тебя судить, да и ты ещё не умер. Я хочу лишь понять, насколько ты способен постичь Дао. Дао своего времени, Дао

царской власти. То, что вы зовёте Огненной Правдой. Скажи, смог бы ты вовсе отменить рабство в своём царстве?

— Нет, — подумав, ответил Зореславич. — Даже венеды меня не поймут и не послушают. Рабы у нас были издавна. Ещё тогда, когда пленные киммерийцы строили для наших предков первые городки на Тясмине.

— Ну а мог бы ты сделать так, чтобы в твоём царстве, или хоть в одном городе, всё было общее и не было ни простолюдинов, ни знатных, но все работали бы вместе?

— Нет. Старейшины и князья не согласятся, а народ их уважает. Земля у нас общая. Но вместе на ней трудятся только нуры в своих чащобах. Все мы живём так, как заведено предками. Даже я, Солнце-Царь, не могу переменить их заветы.

— Ну, кое-что ты уже переменял, — улыбнулся ханец.

— Да, и за это меня зовут окаянным и безбожным... всякие лесные колдуны и глупцы в медвежьих шкурах!

— Но тех, кто принял перемены, ведь больше? Значит, ты следовал Дао своего времени и своего народа.

Спартак и его друзья не вмешивались в разговор. Они лишь смотрели на ханьского мудреца и Ардагаста с такой иронией, что Зореславич, не выдержав, с горечью сказал:

— Город Солнца... Да сарматы нам вовсе не позволяют строить городов! Великие скифские города стоят пустые. Их нечем заселить.

— А мог бы ты отвергнуть власть Фарзоя, восстановить царство скифов-пахарей? — спросил Лао-цзы.

Ардагаст чувствовал на себе напряжённые взгляды Люта, Слава, Яромира, деда, отца. Как хотелось бы ему сказать: «Да!» Возродить славу предков или погибнуть со славой! Погибнуть — вместе с царством? Превозмогая себя, он ответил спокойно и твёрдо:

— Нет. Сарматы нас сметут. Слишком мало пахарей на Днепре. Но становится всё больше...

Рядом с ханьцем встал суровый на вид старик в одежде хорезмийского жреца-мага. Чёрная, с обильной проседью борода странно сочеталась с голубыми глазами — большими, чистыми, беспокойными.

— Я, Спитама Заратуштра, учил людей одному: выбирать между Тьмой и Светом. Ардагасту приходилось выбирать не раз. Он мог стать наёмником, царьком-разбойником, охотником за рабами, римским наместником. Даже богом, как сулил ему маг Чжу-фанши. А он всякий раз выбирал Свет и Огненную Правду. Потому он теперь всего лишь подручный царь. Но разве мы доверили бы стрелу и дары одному из тех, кем он не стал?

Молчавший до сих пор Абарис обратился к Дажьбогу:

— Светлый бог! Я долго прятал свою стрелу от зла, и всё равно не спрятал. Отдай её Ардагасту. Там, на юге, она нужнее будет.

Шамана поддержал Аристей:

— О Аполлон! Я прошёл с росами от Золотой горы до Белого острова и увидел: они достойны зваться святыми воинами Солнца. Они и все, кого они увлекают за собой. Отдай солнечную стрелу Ардагасту. Да, он не возродит Великой Скифии и не построит Города Солнца. Но это сделают его потомки, если ты дашь им ключ к золотым дарам.

— Некогда Огненная Чаша была рассечена Секирой Богов. Если пещера с дарами откроется хоть ненадолго, не дотянется ли до них рука Тьмы? — озабоченно произнёс Пифагор.

Вышата отцепил от пояса топор со знаком Солнца и Грома и сказал:

— Вот эта Секира. Мы нашли её в Черном Храме в Карпатах и сумели лишить прежней силы. Теперь с ней можно лишь сражаться с духами и вызывать богов.

— А Солнечная Чаша придала-таки вам мудрости, раз вы, воинственные скифы, сами отказались от злой мощи этого оружия, — с удовлетворением проговорил Диоген.

Солнечный бог встал, взял в руки Чашу и стрелу.

— Ардагаст, сын Зореслава, из царского рода сколотов-пахарей, подойди!

С приветственно поднятой рукой, как царь к царю, поднялся Зореславич по семи ступеням трона. Бог протянул ему оба враз запыхавших золотым пламенем предмета, и небесный огонь не обжѐг рук человека. Светлая, спокойная радость переполняла сердце Ардагаста. Значит, не зря он возмутил покой стольких племѐн, не зря вѐл людей за край света. И кто теперь назовѐт этот поход набегом, а их самих — добытчиками? Только тот, чьи глаза не способны различить в свете Солнца свет добра и правды, хотя для этого-вовсе не нужно духовное зрение волхва.

Теперь всем стало заметно, насколько похожи бог и царь. Оба молодые, золотоволосые, с тонкими золотыми усами. Отважные, весѐлые и добрые, они внушали к себе у добрых людей не страх, а любовь. А что один могущественнее другого, то ведь всяким могуществом нужно уметь распорядиться. Можно следовать своей прихоти. А можно — той великой и доброй силе, что превышает богов и людей. Силе Огненной Правды.

— Братец Ярила за тебя рад. И сестрица Морана, и отец Сварог с матушкой Ладой. Не ошиблись мы, видно, когда тебя избрали. А дяде Чернобогу сейчас не до тебя: отлѐживается после битвы на востоке, а Морана с тѐтушкой Ягой его выхаживают... Только ты не спеши ни радоваться, ни зазнаваться, — с улыбкой сказал бог.

— Понимаю. Это ведь только начало. Я же все гадючники разворошил от Днепра до Ледяного моря, всё Братство Тьмы разозлил, всех рабов Чернобожьих. А разозлю и разворошу ещё больше! — лихо тряхнул золотыми волосами царь. Потом он протянул богу детский ножик. На простой деревянной рукоятке была выжжена тамга росов. — Вот, не побрезгуй даром. Это ножик моего сына Ардафарна. Я обещал положить его там, где найду золотую стрелу.

— Дар твой для меня ценнее золотого меча. В нём теперь судьба твоего рода. Он ещё вернѐтся к тому из твоих потомков, кто окажется достоин обрести все три золотых дара.

На Священном острове было шумно и весело. Одни сииртя разделявали туши морских чудовищ, другие готовили пир для войска, вернувшегося с Белого острова. Из добычи, награбленной Андаком и Хан-Хаденготой, благодарные северяне щедро одарили росов и манжар. Особенно довольны были Ардагунда и лучшие из поляниц: им поднесли большие куски шкуры громадной выдры — на шубы. Шаманы во главе с Абарисом колдовали, очищая святилище от скверны, нанесѐнной Чѐрным Быком и его шайкой.

А у края провала стояли Вышата и два эллина.

— Вот теперь, друг Харикл, тебя можно посвящать в Братья Солнца. Ну как, не тянет тебя больше гоняться за самоцветами, золотом, слоновой костью и прочим, из-за чего на юге режут глотки и обманывают? — спросил Хилиарх.

— По правде сказать, богато жить лучше, чем бедно, — откровенно ответил бронзовщик, — но если я ещё совершу ради богатства хоть одно недостойное дело или заберусь снова в такую даль только из-за богатства... Пусть тогда явятся духи тех, кто погиб в

этом походе, и низвергнут меня в Тартар! Чтобы, глядя на меня, никто не сказал, что даже храбрейшие из людей подлы и корыстны. Только с вами я понял, что может человек и для чего ему стоит жить!

— А раз понял, то милости прошу в нижний мир — завершать посвящение. В горнем мире ты, считай, уже побывал. — Хилиарх закрепил гарпунный ремень на выступе скалы и первым принялся спускаться в пропасть.

На дне провала было темно и холодно. Где-то вверху белел клочок затянутого облаками неба. Под ногами хрустели кости, в темноте горели чьи-то глаза. Вышата зажгёт площадку с китовым жиром. Старый, облезлый волк зло зарычал. Сердито затявкала стая песцов. Увидев мечи, звери разом бросились в тёмный ход, из которого доносился шум моря. Всё дно было завалено останками оленей и людей. Растерзанные, обглоданные тела молодых сииртянок выглядели страшно и омерзительно. Кто пожирал трупы — песцы, волки, тунгаки?

— Сейчас тут ещё ничего. Холодно, трупы не смердят. И ветра нет. А вот в бурю так ревёт и воет: бесы рвутся наверх, — буднично произнёс Вышата.

Хилиарх велел Хариклу встать лицом к проходу, дал ему в руки площадку. Потом завязал глаза. Полумрак сменился полной тьмой. Через некоторое время впереди послышался голос Вышаты:

— Кто ты? Чего ищешь в царстве мрака?

— Я — ищущий света и Царства Солнца.

— Что есть свет?

— Правда, добро, истина. Он един, как и огонь, — в солнце, луне и звёздах, в пламени очага и костра, в душах добрых людей.

— Где Царство Солнца?

— На небе, на Белом острове, в сердцах чистых и праведных.

— Кто достоин войти в него?

— Тот, кто, как я, стремится перенести его в этот мир.

— Тогда иди вперёд.

Харикл шёл пригнувшись, то и дело задевая головой за свод, обдирая руки и одежду о выступы стен. Ноги вязли в мокром песке, под ними хрустели кости. Из тьмы доносились вой, рычание, клёкот, хлопанье крыльев. Ехидный скрипучий голос произнёс:

— Ищешь света в земном мире? Этот мир грязен, страшен, мерзок. Разве ты не знаешь жизни?

— Знаю. Но если мир грязен, его надо очистить. Если тьмен — осветить. На это стоит потратить жизнь.

— Ты так уверен? Почему? Что даст тебе для этого сил, да ещё на всю жизнь? Смотри, потеряешь в этой жизни много приятного. Ты же слаб, алчен, труслив. Как и все люди, — издавался голос, чем-то похожий на голос Хилиарха.

— Я видел свет Белого острова, — просто и твёрдо ответил бронзовщик.

И снова он шёл вперёд. К жутким звукам добавился запах хищников, горячее дыхание у самого лица. Было холодно и сыро. Лишь светильник, вырезанный из мягкого камня, согревал руку, и это тепло вселяло уверенность. Харикл знал: огонёк горит. И вдруг он увидел этот огонёк, увидел сквозь плотную повязку! Теперь он шёл всё увереннее. В свете площадки из тьмы выступали то львиная морда, то голова орла, но грек уже знал: это — обличья Солнца. Всё ближе шумело море, воздух свежел. Наконец стены расступились, и чья-то рука сняла повязку с глаз бронзовщика.

Он даже не зажмурился от неяркого осеннего солнца, еле выглядывавшего из-за туч. Море плескалось у самого выхода из пещеры. На волнах покачивалась байдара, и в ней сидели Вышата с Хилиархом, добродушно и хитро посмеиваясь. Что же он, Харикл, видел, слышал, ощущал в подземелье? Волхв умеет и морочить, и обораживать, и вызывать духов.

— Приветствуем тебя, брат. Теперь ты один из нас. Да светит тебе Солнце, Харикл из Эмесы! — сказал Вышата.

— Да светит оно всем людям! — ответил бронзовщик.

Раньше он показался бы себе щепкой, выброшенной на суровый гиперборейский берег. Но теперь недавний пройдоха и раб знал: щепкой он никогда уже не будет.

Глава 7

РУКА БРАТСТВА ТЬМЫ

Войско Ардагаста возвращалось на юг. Оно становилось всё меньше. В тундре остались сииртя, в тайге — печорцы. Ненцы ушли за Урал по берегу моря, манжары — по Чусовой и Исети. Из оставшихся русских дружинников меньше половины было тех, кто выступал летом с Тясмина. Места погибших заняли мордвины, удмурты, аргиппеи, пермяки, манжары, даже один сииртя — Хаторо. И все они стали росами.

По льду Печоры, Камы, Ра-реки конники шли быстро. Не нужно было пробираться через леса, сражаться, опасаться засад. Да и кто посмел бы тронуть воинов Солнца, дошедших до края света! Радужно принимали их пермяки и удмурты. Ядыгар, вождь удмуртов, сохранил добычу, взятую росами и манжарами у Золотой горы, и даже доставил её в землю пермяков, чтобы манжары не делали крюк по пути домой. Табун коней привёл Санаг, царь аргиппеев. Тепло прощались росы с Лунг-отыром и обоими Зорни, отыром и шаманом, с Кудымом и Перей, Хэсте и Арвантой, с Санагом, Зариной, Ядыгаром. Улетели на Белый остров Абарис и Аристей. Понимали: вряд ли удастся ещё свидеться в этой жизни. Бескрайняя Скифия — не Империя с её мощёными дорогами. И всё же... Ведь все они теперь знали: мир велик — и мал.

Однажды вечером к костру перед царским шатром подошли трое: седовласый старец, белокурый зрелый муж и златоволосый юноша.

Одежда их напоминала скифскую. Башлыки и длинные плащи были снежно-белыми. Как пришельцы вошли в стан — не заметил никто.

— Здравствуй, Ардагаст, царь росов! Рахманы, жрецы арьев, шлют тебе привет из недр Урала! — торжественно произнёс старик.

Царь с Вышатой отвесили гостям земной поклон, а Вишвамитра почтительно сложил ладони. Сев у костра на еловые лапы, старец продолжил:

— Некогда мы владели священным городом Аркаимом и пытались научить людей ценить мир и знание больше битв и добычи. Вражда двух безумных царей, арья и тохара, обратила город в руины. Небо покарало оба племени суровой зимой и потопом, и они ушли на юг и восток. Мы же удалились в нижний мир, чтобы не нести вместе с ними грозу и пламя народам. А два царя даже мёртвые продолжали сеять вражду и разжигать войны среди живых.

— Этих царей больше нет. Девять лет назад мы сразили их на развалинах Аркаима, — сказал Зореславич.

— Мы знали об этом, — кивнул средний рахман. — И следили за тобой. Много спорили: кто ты? Ещё один искатель подвигов и сокровищ? Теперь мы рады, что ты с честью прошёл Путь Солнца. Но скажи, что ты вынес из этого похода, кроме того, что умещается в седельных сумах?

— Знание, — подумав, ответил царь. — Я узнал мир, а ещё — себя и пределы своей силы. Много славного и доброго я не свершу никогда — потому лишь, что не настало время. Но с Пути Солнца меня не свернут ни слава, ни хула. Он — на всю жизнь... Говорят, вы открываете будущее. Достоин ли я этого? — пылливо взглянул он на подземных мудрецов.

— Если ты знаешь свою судьбу, это прибавит тебе мужества? Или убавит? Мы не

уличные гадалышки из каменных городов, — хитро прищурился молодой рахман, чем-то похожий на самого Ардагаста.

— Я хочу знать судьбу росов — своего племени и царства. Смогут ли они свершить то, что не дано мне? Или пронесутся над миром, как киммерийцы или скифы?

— Если росы останутся такими, как сейчас, они превзойдут все народы степи, леса и гор. Они соберут в одно могучее царство всю Скифию от Ледяного моря до Бактрии, от венецких лесов до неведомого тебе восточного моря. И будут перед ним малы величайшие из нынешних царств, — ответил юноша.

— Но будет ли оно подобно Белому острову? И построят ли в нём Город Солнца? Или мы словно те духи с огоньками на головах, что манят людей в болото? — спросил Вышата.

— Трудно смертным сделать хоть один город подобным верхнему миру. Но если они перестанут к этому стремиться — придут те, кто готов средний мир обратить в преисподнюю. Вы их уже видели. И ещё не раз увидите, — сказал средний рахман.

Великий волхв окинул взглядом троих и спросил — смело, но без дерзости, как равных:

— А свою судьбу-то вы знаете? Когда выйдете на белый свет и перестанете таить от людей свою мудрость? Не загордились ли вы перед нами, земными да грешными?

Старик спокойно, без обиды ответил:

— Наше знание слишком велико и потому опасно. Мы делимся им понемногу с лучшими из земных мудрецов. Иначе мир может погибнуть по нашей вине.

Ардагаст кивнул. Он помнил ещё по Индии, что такое оружие богов в руках честолюбивого негодяя. А старец продолжал:

— Но если мир преисполнится злом так, что очистит его лишь вселенский пожар — мы выйдем из-под земли и вступим в великую битву Света и Тьмы со всеми своими знаниями.

— А пока нам дел и там, внизу, хватает. Те, с кем вы бились на Печоре, — ещё не самые злые в нижнем мире и не самые сильные, — добавил молодой рахман.

Трое гостей поели пельменей, выпили по чашке парного молока, попрощались и ушли в ночь. Как они покинули стан — снова никто не заметил.

От места, где западная Ра-река сливалась с восточной, росы двинулись напрямик через степь, по землям сарматов царских и роксоланов. Сорок и Сагдев с уцелевшими дружинниками вернулись к отцам и были встречены соплеменниками как великие герои. Даже злосчастную битву с Симургом им ставили не в вину, а в заслугу. Царь Уархаг, забыв былую вражду с росами, устроил для Ардагаста роскошный пир и даже отказался от выкупа за гибель своего брата Амбазука. На удивление всем, на том пиру гостил царь мордвы-эрзян Тюштень, старый враг степняков, а с недавних пор — друг росов и Ардагаста. Столь же пышно и щедро принял росов на берегу Танаиса царь роксоланов Роксаг, Сияющий Олень. Харикл поехал оттуда на Боспор — поведать Стратонику о чудесах Севера и о невиданном походе росов за край Скифии.

Ардагаст, однако, нигде подолгу не задерживался. Отряд делал длинные переходы, особенно в степи. Нужно было успеть до Рождества к днепровским порогам. Здесь, на Перун-острове, и лежали в пещере Секира и Плуг из солнечного золота, укрытые Мораной, сестрой и женой Дажьбога. Именно день рождения Солнца был наиболее благоприятен для их открытия.

Степное «длинное ухо» уже донесло весть до Тясмина, и там с радостью ждали

возвращения царя и его храброе. Но об их возвращении знали и далеко на жарком юге, откуда тянуло свои длинные руки Братство Тьмы.

Ночь опустилась на древний Вавилон. Великий город давно запустел. Большинство горожан перебралось в новые столицы — Селевкию и Ктезифон. Осыпалась цветная плитка с городских ворот. В холм, поросший кустарником, обратились знаменитые висячие сады. Разваливались и оплывали заброшенные дворцы. Но по-прежнему высились увенчанные храмами зиккураты. Оттуда, как и века назад, наблюдали звёзды и плели паутину колдовства и интриг духовные владыки древней страны, хранители тысячелетней мудрости — халдейские жрецы. Горожане хорошо помнили это и с трепетом глядели на черневшие под сапфировым небом рукотворные ступенчатые горы. Иные, впрочем, злорадно поглядывали на руины главного зиккурата Этеменанки, оплавленные ударом молнии, низведённой не то персидскими магами, не то еврейскими мудрецами.

Наибольший трепет вызывал у жителей города зиккурат Нергала, повелителя подземного мира. Здесь, в комнате, глубоко укрытой в глиняной толще башни, собрался высший совет Братства Тьмы. Со стен глядели, ухмыляясь, зубастые и когтистые демоны, нагие крылатые демоницы-лилит, драконы со львиными и орлиными лапами. Среди собравшихся были надменные римляне, бородатые греки, чернявые горбоносые сирийцы и иудеи. Именуя себя Братством Высшего Света, все они носили тёмные одежды — в знак того, что материальный мир, в коем они вынуждены жить, тёмнен, грязен и неисправим по самой своей природе. В кресле эбенового дерева восседал седовласый благообразный Менандр Самаритянин, в чародействе превзошедший даже своего учителя Симона Мага. В народе верили, что Менандр дарует избранным бессмертие и вечную молодость (сами избранные, впрочем, понимали это в духовном смысле: увековечивать нужно дух, а не низменное тело).

Высшие члены Братства, однако, не были здесь хозяевами. Об этом им напоминал вид сидевших тут же двоих халдеев с завитыми бородами, в длинных одеждах с бахромой. За спинами халдеев два высеченных на стене змееголовых демона охраняли закрытую дверь. Туда вход пришельцам из Империи был и вовсе закрыт. За ней начинался ход в подземелья, где собирались жрецы Змеи, служители древнейших богов-драконов. Даже Валенту не удавалось заручиться их доверием, а некоторые его чересчур любознательные и пронырливые ученики поплатились жизнью за попытки проникнуть в змеиные тайны.

Тем более Менандр старался сохранить перед халдеями величественный вид и говорил медленно и важно:

— Итак, братья, войска царя Артабана по-прежнему победоносны. Они уже взяли Экбатаны и подступили к Персеполю и к Каспийским Воротам у Демавенда. Маги Ормазде с трудом удерживают святыни Персеполя, а демавендские маги Ахримана на нашей стороне. Однако Пакор привёл к Воротам орды саков и парфян. С ними — люди Братства Солнца и какие-то сильные скифские колдуны. Полагаю, лучшие из наших магов понадобятся именно там. Особенно ты, Валент, как знаток Скифии.

Валент, озабоченно перебиравший связку талисманов из человеческих костей, кивнул:

— Да, битва за Ворота весьма важна. И всё же я прошу разрешить мне отправиться, и срочно, в Сарматию. После происшедшего в Гиперборее...

— Один дикий сармат помешал другому напасть на Белый остров. Ты просто не на того поставил, — заметил один из иудеев.

— На Ардагаста уже поставило Братство Солнца, и не ошиблось! Если он завладеет всеми тремя золотыми дарами, огненным сердцем Скифии...

— Разве там решаются судьбы мира? — пожал плечами Менандр.

— Отныне — там! — Валент обвёл пристальным взглядом собравшихся. — Вы ещё не поняли, какой соблазн для черни — Царство Солнца, или хоть его подобие, рядом, через Дунай? А когда эти скифы-росы перейдут Дунай, это будет не просто набег.

— Приберём к рукам и скифов, — ухмыльнулся один сириец. — Мы, могущественные маги, нужны всем рабам плоти.

— Воинам архонта Солнца не нужны ни мы, ни сам Высший Свет. Союз с нами для них — грех, а мы сами — вроде тех демонов, которых вызываем силой нашего знания, — возразил Валент.

— Скифы бушевали здесь семь веков назад, — вмешался в разговор халдей. — В те дни от них зависело, какое из царств погибнет, а какое станет великим. И тогда они были глухи к нашей тайной мудрости и лишены почтения к нам и нашим храмам. Вы должны остановить этот народ! — Жрец властно взглянул на Менандра.

— Гог из земли Магог, князь Рос — не он ли рвётся к золотым дарам? — выдавил из себя побледневший вдруг иудей.

Менандр заговорил всё так же медленно и величаво:

— Знание... Из-за него нас, избранных, почитают, ненавидят и боятся. Да, у нас много врагов. Но опаснее всех те, кто презирает силу тайного знания. Они — враги Высшего Неизъяснимого Бога, к которому мы стремимся, ибо он выше Солнца и прочих архонтов со всеми их законами. И потому ничтожный царёк росов может стать для нас страшнее Тита и Пакора. Брат Валент, лети немедля на север и сделай всё, чтобы небесное золото не дало варварам процветания и могущества.

Над тёмными бурными водами моря Ахшайна, Чёрного, в ночи летел с юга чёрный дракон. На спине его уверенно сидел человек в сарматской одежде и греческом плаще. Ветер развевал выбившиеся из-под башлыка длинные волосы, вздувал чёрный с серебром плащ, обёрнутый вокруг тела. За спиной человека уныло горбился демон — толстый, клыкастый, свиногожий. Демон по имени Мовшаэль, из войска Луны, был за грехи свои отдан на семь лет в рабство к Валенту. Хозяин не мешал духу предаваться пьянству и иным порокам, коим тот был привержен ещё в александрийских притонах в бытность свою человеком. Зато постоянно посылал своего раба на всякие опасные дела, в которых запросто можно было погибнуть духовно, то есть окончательно. Вот и в этот раз пришлось лететь в дебри Скифии, навстречу Ардагасту, от которого Мовшаэль еле унёс ноги шестнадцать лет назад. Из двоих летевших на драконе демона сейчас больше напоминал Валент, надменно и безжалостно взиравший на грешную землю внизу и столь же грешное материальное небо над собой.

Чёрная равнина моря сменилась белизной заснеженной степи. Тёмные полосы прибрежной растительности окаймляли долины Днепра и Гипаниса, лиман, Белое озеро. Опустившись возле озера, Валент отослал дракона. Потом послал демона украсть коня из табуна. Лететь на драконе в Мадирканд-Метрополь, столицу Фарзоя, не стоило, чтобы не привлекать внимания. Прийти же в царскую ставку пешком означало унижить себя перед степняками: пешего бродягу могли и не пустить к царю.

В небольшой, жарко натопленной комнате мадиркандского дворца не спеша попивали

из расписных чаш хиосское вино царь и маг. Фарзой был одет почти по-домашнему: при золотой гривне, но в простом тёмно-синем кафтане. На насмешливом курносом лице царя было написано, что все хитрости и интриги гостя он знает наперёд.

— «Длинное ухо» опередило тебя, колдун! Я уже знаю, что Ардагаст возвращается со стрелой.

— Возвращается, — кивнул Валент. — Только кем? И зачем? Кто ты теперь, царь Фарзой? Разве ты дошёл до Белого острова или хоть до Золотой горы? Сражался с демонами аримаспами, морскими чудовищами? Или тебя принимал Аполлон-Гойтосир в Доме Солнца? Ты владеешь половиной Великой Скифии, но ты не избранник богов и даже не потомок её царей.

Лицо царя постепенно мрачнело, а маг продолжал:

— Куда он идёт с дружиной? Не на Тясмин, к младшей жене и детям. А напрямик к порогам, к острову Перуна-Ортагна. Поспеет как раз в день рождения Митры-Гойтосира. Войдёт в пещеру... Если Чаша далась ему, могут даваться и Плуг с Секирой. И тогда...

— Этот простоватый венед никогда не умышлял против меня. И он хорошо знает: его войску не сравниться с моим.

— Этот простак, а вернее, Вышата, предусмотрителен. Не убил Сорака с Сагдевом, не держал их в плену ради выкупа, а дал возможность сделаться великими героями. И тем самым приобрёл дружбу двух могущественных царей. Втроём они могут смести твою Аорсию. Тебе, конечно, может помочь великий царь Алании. А им — таврические скифы и Рескупорид Боспорский, давний дружок Ардагаста. Даки тоже не останутся в стороне...

— Знаю, что нужно тебе, то есть Риму: сравить меня с моим лучшим полководцем и разжечь в степи большую войну! — сверкнул глазами Фарзой.

Некромант со скучающим видом вертел чашу в руке.

— Мне уже нет дела до Рима: Тит обещал распять меня за связь с Нероном, а Нерон потерял все и скрывается в Парфии. Мало трогает меня судьба и твоего царства, да и всей Сарматии. Какое дело до всех этих битв мышей с лягушками ищущему пути к Высшему Свету? О, не верь мне, великий царь, и не слушай! Через пороги — прямой путь к Мадирканду. Жди, пока к тебе придет твой верный подручный царь со стрелой Абариса. Или новый великий царь Скифии... Возможно, он даже оставит тебе твою Аорсию.

— Какой выгоды ищешь ты, человек без племени? — хрипло произнёс царь.

— Что может искать гражданин мира, постигающий Непостижимого Бога, если не знания? Мне интересно наблюдать вблизи свойства трёх золотых даров, к которым меня Ардагаст конечно же близко не подпустит. Как знать, не дадутся ли они тебе, почитающему Меч Ортагна?

Чёрные глаза некроманта испытующе глядели на Фарзоя. В оловянном перстне жёлтым огнём вспыхнул топаз — камень Юпитера и власти. Чтобы подчинить человека чарам, нужно знать, на какую страсть в его душе опереться. Царь криво усмехнулся:

— А ещё ты хочешь отомстить Ардагасту за своего учителя, Захарию Самаритянина, такого же чернокнижника и пройдоху, как сам.

Фарзой был всё ещё уверен, что видит колдуна насквозь. Он медленно встал, толкнул дверь и громко произнёс:

— Скажите Инисмею, пусть немедля готовит моих аланов к походу. Выступаем сегодня же.

За его спиной незримый Мовшаэль ухмыльнулся и отхлебнул духовной сущности вина

прямо из амфоры.

Из ворот Мадирканда выезжали аланы — лучшие дружинники Фарзоя, пришедшие с ним из-за Каспия, и их дети, выросшие уже здесь. Не только всадники, но и кони были закованы в броню. Тяжело колыхалось багровое знамя с царской тамгой. Впереди ехал сам царь: на «небесном» коне в серебряной сбруе, в красном шёлковом кафтане и таких же шароварах. Поверх кафтана — панцирь маргианской стали, на плечах — красный плащ. Золотом и бирюзой сверкали пояс и ножны меча и акинака. Меч с нефритовой скобой на ножнах некогда поднёс молодому аланскому князю Фарзою посол Сына Неба. Во всём красном был и царевич Инисмей. Упрямое скуластое лицо наследника было сумрачно. Он гордо отворачивался от ехавшего за спиной царя чародея в чёрном с серебром плаще.

Рядом с Фарзоем ехал надменный и суровый старик Умабий. Он именовался царём верхних аорсов, хотя правил всего тремя слабыми родами, а его великое племя в низовьях Ра давно покорило аланам. Тридцать лет тому назад, когда в степи рушились и возникали царства, молодому и отважному Фарзою повезло больше, чем ему. Но слово Умабия много значило в совете знати Аорсии.

У ворот стояли три женщины в дорогих шубах: великая царица Айгуль и жёны Инисмея — горделивая Уацират, дочь Умабия, и тихая венедка Миловида. Внезапно из лесистого оврага донеслось громкое противное тьяканье лисиц. Стая ворон с криком заметалась над отрядом. Миловида вздрогнула, обернулась к Айгуль:

— Матушка, это злые знамения! Скажи царю, пусть вернётся или хоть отложит поход.

— Нашла чем пугать воинов степи, трусиха из леса! — фыркнула Уацират.

С одинокого могучего дуба раздался странный, зловещий звук: орлиный клёкот, переходивший во львиный рёв. Старый воин-привратник сумрачно произнёс:

— Голос грифона. Из тех, кто его услышит, немногие вернутся из похода.

Теперь побледнела и сарматка. Но Айгуль остановила невесток:

— Не вздумайте, доченьки, бросаться, хвататься за поводья. Позор мужчинам, если женщины их заставят повернуть назад, не увидев врага.

— Кто враг-то? Ардагаст? — всхлипнула венедка. — Меха, что на нас, все из его подарков.

— Меньше заглядывайся на него, хоть он тоже лесовик! — ехидно отозвалась Уацират. — Такой себе хитрый золотистый лис... Не его ли родичи лают?

— Слышите, воины? Это злой знак. Будет много трупов. А чьих — это уже зависит от нас, — загремел голос Фарзоя.

Дружинники одобрительно зашумели. Понимать царя каждый был волен по-своему.

— Их не остановишь, — вздохнула царица. — Будем, доченьки, молиться Матери Мира. Только она может спасти всех достойных: и наших мужей, и росов. Видите: я дала её оберег Ларишке, и росы вернулись со стрелой.

Отряд Фарзоя шёл вверх по Днепру, мимо каменных скифских городов. Сейчас все они покорны ему. Но как поведёт себя пёстрый городской люд — скифы, сарматы, венеды, — если священное золото засияет в руках потомка сколотских царей? Хотя бы Сар — родной город Ардагаста?

Кончились города, сёла, сады, заснеженные пашни. Дорога пошла степью мимо громадных курганов скифских царей. Инисмей всю дорогу угрюмо молчал.

— Нахохлился, будто подручный царёк, что едет к римскому наместнику на расправу, — недовольно проворчал Фарзой. — Жалеешь, что не ходил с Ардагастом в гости к Солнцу? Да, он великий герой, славнее нас с тобой. Но послал его туда я! Там, у порогов, решится судьба нашего царства. В Аорсии должны повелевать аорсы, а не какие-то лесовики.

— Стоит ли царство бесчестных дел? Эврисфей, царь Микен, слал Геракла на подвиги, но теперь греки славят Геракла, а Эврисфея презирают. Л Микенское царство разрушили потомки Геракла.

— Что с тебя взять! — махнул рукой царь. — Ты не создавал этого царства, как я. Получил готовеньким. Выучился у греков всякой там диалектике — у меня на это времени не было... Да что мы, среди ночи нападаем на твоего Ардагаста? Просто напомним ему, кто здесь великий царь, а кто подручный.

— Ты идёшь тягаться не с Ардагастом — с богами.

Царь выдвинул клинок из ножен:

— Боги любят смелых и сильных. Вот наш бог: Меч-Ортагн, бог войны и грома. Он дал мне царство.

— Гойтосир тоже даёт царства. Но требует справедливости.

— Разве я её не блюду? Но — не в ущерб царству. Вот и посмотрим, кто из богов сильнее: Гром или Солнце. А колдун, что так напугал тебя в детстве, напишет обо всём этом книжку.

Царь и наследник улыбнулись: оба помнили, что напугал-то Валента четырнадцатилетний Инисмей. От его акинака еле спасся молодой маг. А Захария Самаритянин тогда погиб от руки Ардагаста.

Между курганами показалось стадо овец. Пастухи были одеты по-скифски, без плащей, и волосы носили длиннее, чем у сарматов. То был род герров — остаток племени хранителей царских курганов Скифии. Длиннобородый старик в белом кафтане выехал вперёд и поднял руку — то ли приветственно, то ли предостерегающе.

— Царь Фарзой! Я Авхадайн, жрец герров. Мы знаем, куда ты идёшь, но знаешь ли ты сам, на что замахнулся? Если и Солнца не боишься, ведай: дары стережёт трёхглавый змей. Он лежит бездыханный, но в его тело может войти сам Ортагн. Готов ли ты с ним сразиться? Тогда ты станешь подобен бесам, врагам Громовника.

Фарзой заколебался на миг. Потом дерзко рассмеялся:

— Бесам? А может, самому Громовнику-Змееборцу? Вдруг Ортагн захочет испытать мою силу и отвагу? А наградой будут золотые дары. Мой подручный царь сражался с чудовищами и богами, а я, по-твоему, трусливее его?

— Да кто вы такие, чтобы пугать царей? — напустился на старика Умабий. — Жалкий остаток разбитого племени, сторожа разграбленных курганов! Вашего царства давно нет!

— Где твоё великое племя, Умабий? И где будет твоё великое царство, Фарзой? Иди сам, выбери его и свою судьбу! — Жрец указал на восток и освободил дорогу отряду. — Идите! А мы, герры, переживём ещё не одно сарматское царство. Не всё ещё курганы великих царей разграблены, не сгинула память о них, и нам есть что хранить.

С маячившей впереди земляной горы заклекотал, заревел на всю степь незримый грифон. Безмолвно ехали аланы на этот крик. Никто не смел повернуть назад: ведь все они были сарматы, и трусов среди них не было.

Заночевали у громадного, в десять человеческих ростов, кургана. Стена из дикого камня

опоясывала его подножие, не давая насыпи расползаться. Развели костры. Неожиданно к огню вышел грязный и оборванный человек в скифской одежде. Дружинник огрел бродягу плетью, но та, свистнув, прошла сквозь тело пришельца.

— Царь Фарзой! — заговорил оборванец. — Я, вор, пытался ограбить могилу Атея, самого могущественного из царей Скифии, но был завален землёй вместе с полным ведром золота. С тех пор мои кости лежат там, глубоко внизу, а дух стережёт курган и даже не получает жертв. Я знаю, ты тоже ищешь золото под землёй, царское золото... Не ищи там, где не положил, если только сами боги не дадут!

Не удостаивая могильного вора ответом, Фарзой сделал плетью знак Огня и Солнца — крестом, и призрак пропал. Умабий и Инисмей лишь презрительно сплюнули.

И тут в бледном свете луны показался отряд в полсотни всадников. Одеты по-скифски, длинноволосые, молодые, сильные — на подбор. Все в добротных панцирях, на породистых конях. Впереди ехал седой как лунь, но ещё крепкий старик. Его красный кафтан и башлык были усыпаны золотыми бляшками. Золотом сияла сбруя рыжего, почти красного коня. Чеканное золото покрывало ножны и рукоять меча, горит и даже рукояти точила и плети. Кони тихо ржали, но снег не скрипел под копытами.

Два царя и царевич невольно подняли первыми руки в степном приветствии. Старик ответил тем же и заговорил:

— Я — Атей, царь всех скифов. Половиной моей страны ныне владеете вы, аорсы и аланы...

— Мы отвоевали её у сарматов царских, погубивших твоё царство, — не отводя взгляда, сказал Фарзой.

Старик покачал головой:

— Великую Скифию погубил я. Девяносто лет я прожил, шестьдесят лет правил, и не было у скифов царя богаче и могущественней меня. Мы, скифы царские, купались в золоте, плавали в дорогом вине, но алчность наша только росла. И я тогда был не умнее своего племени. В Скифии все знали своё место и своё дело, и тем она была сильна. Скифы царские правили и защищали всех, скифы-пахари и скифы-кочевники всех кормили, герры и алазоны, хранители Эксампея, служили богам. Но мы стали требовать с пахарей всё большей дани, пока они не отказались её давать и не сказали, что я — хищный волк, а не царь. Тогда я повёл орду на север и разорил их великие города.

— Правильно сделал. Наглые рабы! — хищно осклабился Умабий.

— Я тоже так думал. Мы ведь привыкли мнить всех остальных скифов своими рабами. Пахари смирились. Их стало меньше, они обеднели и не могли выставить много воинов, особенно всадников в доспехах. «Тем лучше: не взбунтуются», — думалось мне. Я одержал ещё много побед. Фракийцы и греки трепетали предо мной. Осталось победить царя македонян Филиппа, отца Александра. Но в битве на Дунае самыми слабыми и нестойкими оказались пахари. Пока мои всадники бились с фалангой, пахари побежали от македонской конницы. В том бою я потерял войско и жизнь, а семена раздора между племенами, посеянные мною, взошли почти через век. Тогда одной неудачной битвы с сарматами хватило, чтобы все племена перессорились и были потом разбиты по одному.

— Надо было не давать этим землероям строить города, а золотые дары у них забрать. Тогда бы они не возомнили о себе, — сказал Умабий.

— Великая Скифия началась не с меня. Отыскал Колаксыевы дары и начал строить города Лют, первый царь пахарей, который брал Ниневию вместе с Мадаем, царём всех

скифов. Пахари владели небесным золотом, но оно давало благоденствие всей Скифии. Пока я не попрал в ней справедливость, — горько вздохнул Атей. — Не ссорься с пахарями, Фарзой, и не шути с огненным золотом! Оставь его им, если того хотят боги.

— Но ты ведь не отдал бы пахарям верховную власть в Скифии? — взглянул прямо в глаза призрака Фарзой.

— Они и не хотели её. И не хотят.

— Пока что... Да, твоё царство началось не с тебя. Но моё создал я сам! Вот этим мечом. — Фарзой положил руку на обложенную золотом рукоять. — И меч Грозы в нём будет выше золота Солнца, а степняки — выше пахарей!

— Верно, сват! А если росы сами сделались вроде венедов, значит, им тоже место ниже нас, — поддержал великого царя Умабий.

Атей с сожалением взглянул на Фарзю:

— Когда-то и я так думал. Сколько степных родов осело среди пахарей, слилось с ними... А мы глядели на них всех свысока. Тогда я был глуп, а теперь ты.

Призрак махнул рукой, повернул коня к кургану и беззвучно исчез в заснеженной насыпи вместе с несколькими дружинниками. Остальные стали вокруг подножия кургана и застыли недвижно — так же, как четыре века назад, когда их мёртвые тела вместе с телами коней, насаженные на колья, были поставлены охранять царскую могилу. Все они, лучшие дружинники царя, избранные от всех родов и племён Великой Скифии, умерли добровольно на годовых поминках по Атею.

Луна скрылась за тучей, и призрачные всадники снова стали незримыми. Живые войны молчали, подавленные величием вдруг открывшегося им прошлого. Молчание нарушил Умабий:

— Хороши тут покойники, сват. Один обозвал тебя могильным воров, другой дураком.

Фарзой обвёл взглядом притихших дружинников:

— Они мертвецы, но мы-то с вами ещё живые. Аланы! Мы не боялись ни сарматов царских, ни скифов, ни даков, ни легионеров, так неужто повернём назад от ночных призраков? Моя держава ещё станет не меньше Великой Скифии, и вы насыплете мне курган не ниже этого. Только не нужно умирать ради меня иначе, как в славной битве, а их будет много, клянусь Мечом Ортагна!

Он поднял меч, и следом две сотни клинков блеснули в свете костров. Инисмей глядел в суровые, бесстрашные лица дружинников. И вдруг все они показались наследнику Аорсии похожими на стремящихся пожрать Солнце и Месяц небесных волколаков, о которых со страхом рассказывала ему Миловида. Но и он поднял меч вместе со всеми.

А за спиной царя, почти невидимый в своём чёрном плаще, стоял некромант. На его руке горели глазами хищника два камня: красный рубин в железном перстне и жёлтый топаз — в оловянном. Камни Марса и Юпитера, Войны и Власти. Рука Братства Тьмы направляла лучших воинов степи.

Утром отряд двинулся дальше. Но не к острову Перуна, а гораздо севернее, к Лысой горе у начала порогов. Так велел маг, заглянув в своё серебряное зеркало, обвитое чёрным драконом.

Возле устья Самары, к северу от первого порога, прозванного «Не Спи», поднимается над Днепром Лысая гора. Сарматы обходили её стороной, считая нечистым местом. Лишь

герры приносили здесь жертвы раз в году, в день Папая-Громовержца. Сюда и вышел, уклонившись от прямого пути к Перун-острову, отряд Ардагаста. Оставив дружину за Днепром, на Самаре, царь с царицей, Вышата и Лютица поднялись на гору.

С горы была хорошо видна скованная льдом долина Днепра. На юге её перегораживала гряда скал, выглядывавшая из-под льда. Оттуда доносился глухой шум. Казалось, громадный змей лёг поперёк реки, да и вмёрз в лёд спинным гребнем, и теперь, недовольно ревя, копит силы, чтобы вырваться. А по обе стороны долины белоснежным безлюдным морем раскинулась степь. Ни селений, ни стойбищ. Только вздымавшиеся, словно застывшие волны, курганы напоминали о некогда живших здесь арях, киммерийцах, скифах...

Вершину горы окружало обширное кольцо из камней. Царь с волхвом расчистили необработанную плиту-жертвенник и принялись вкапывать рядом в снег принесённый с собой дубовый столб. Ларишка, поглаживая жертвенную овцу, настороженно смотрела на вертевшихся вокруг ворон: то ли птицы, то ли ведьмы. Ей вспоминалась другая Лысая гора, над Днепром у Почайны, где пришлось брать приступом колдовской городок — гнездо ведунов, ведьм и всяческой нечисти.

— Почему-то у вас, волхвов, эти Лысые горы то проклятые, то святые. А эта ещё в таком месте: безлюдье, пороги начинаются — говорят, под каждым черти сидят, — сказала царица.

Вышата, утаптывая снег, пояснил:

— А это смотря кто и чего на горе ищет. На таких горах волхву легко приобщаться ко всем трём мирам, брать силу хоть небесную, хоть пекельную. Вот и выходит: соберутся пару раз ведьмы, скличут чертей с упырями, и готово нечистое место. А если огородят волхвы вершину от нечисти, станут собирать народ на праздники — место уже святое.

Он разгрёб снег рядом с жертвенником, прошептал заклятие, приложил к земле разрыв-траву. Мёрзлая почва расступилась, обнажив каменную плиту. Под ней оказался ящик из таких же плит. Волхв бережно вынул оттуда бронзовое навершие грубоватой скифской работы: изготовление столь священной вещи грекам не доверяли. Навершие изображало дерево с четырьмя ветвями, на котором стоял обнажённый бородатый бог. Четыре орла восседали на ветвях, пятый — на голове у бога. По ветвям взбирались волки. Дерево было увешано кружками, полумесяцами, колокольчиками. То был не Ортагн-Перун, воинственный и непостоянный, но отец богов, владыка четырёх сторон света, повелитель Солнца, Луны и Грома, — Папай, Зевс, Род. Только его могли называть просто Богом или Богом Богов.

— Морана заклала пещеру на Перун-острове силой Рода. Кто туда сунется даже и со стрелой Абариса — накличет на себя силы всех трёх миров, а золото уйдёт в нижний мир. Здесь, на горе, северные врата Герроса — страны царских курганов. Только через эти врата и можно открыть путь в недра курганов или в священные пещеры, чтобы взять там что-нибудь — для добра, конечно. Сарматы царские лезли в курганы для грабежа — вот и сгнуло их царство, хоть и через триста лет. — Говоря это, Вышата деловито готовился к обряду.

Он достал из каменного ящика пару бронзовых ножей и ещё два навершия: одно в виде трезубца, на концах которого восседали три птицы с бубенчиками в клювах, другое — с крылатой и змееногой богиней. Надел эти навершия на принесённые с собой посохи. Поставил на жертвенник большое навершие и Колаксаеву Чашу. Потом сказал:

— Ну вот. Небо — муж, Земля — жена. Потому мы с тобой, Ардагаст, будем волхвовать на горе, а вы, бабы, — под горой. Вызовем силу Рода, а Лютица её направит к пещере с дарами. Эх, сколького не знают дураки, что лезут клады добывать! Вот золото от

них и уходит...

Лютица взяла наверх с богиней и вместе с царицей спустилась к подножию горы. Волхв и царь водрузили наверх с Папаем на столб. Воздев руки, Вышата заговорил нараспев:

— Встану благословись, пойду помолясь в восточную сторону, к середине мира. Ты, Небо, — отец, ты, Земля, — мать. Стоит гора выше всех гор, на ней дуб, вершина его в Ирии, корни в пекле. На дубу — сам Род-Белбог, всем богам и людям отец, всему доброму в мире творец. Власть его — на все четыре стороны, на три мира. Мы, царь и волхв, Роду помолимся и поклонимся.

Зоркий взгляд Ардагаста вдруг заметил на белой равнине движущийся с запада закованный в железо конный отряд под темно-красным знаменем. Аланы Фарзоя! «Вышата! Великий царь едет сюда. В его отряде один колдун и один бес!» — долетел до волхва мысленный голос Лютицы. Вышата напряг духовное зрение, но никакой нечисти среди всадников не разглядел. Переполошилась зря баба? Или здесь такой чародей, что и ему, великому волхву, глаза отводит? Обо всём этом Вышата откровенно сказал Зореславичу и спросил:

— Не прервать ли нам обряд? Я в этом мире не самый могучий волшебник. А ты — только подручный царь.

Царь росов нахмурил брови, задумался. Потом решительно сказал:

— Хуже всего, если Фарзой с колдуном станут ломиться в пещеру, а солнечное золото уйдёт в преисподнюю. Оттуда его не всякий бог вызволит. Куда уж там моим потомкам... Продолжай обряд! Дары, если надо, сами себя защитят, а мы поможем. Лишь бы не ушли они из этого мира. Чтобы не погас в нём для росов золотой добрый свет впереди!

У подножия горы Лютица вздохнула:

— Что мужики затеяли-то! Хотела их остеречь, а только раззадорила. Не приведи Лада, заратятся Ардагаст с Фарзоем...

— А что? — тряхнула волосами Ларишка. — Разве аорсы с аланами страшнее аримаспов, судьба, неизвестных?

— Тебе, полянице, всё нипочём. Не видела, поди, войны на своей земле, не знаешь, каково с малыми детьми бежать неведомо куда...

Царица обняла чародейку за плечи:

— Лютица, ну когда ты чего-нибудь боялась? Ты же львица! А детей наших мы защитим. Не допустим войны между росами и Фарзоем. Довольно того, что Ардагаст с сестрой сиротами выросли.

Ларишка прошла полмира и была привычна к жизни в походных шатрах. Но выросла она всё-таки в сложенном из сырцовых кирпичей дворце отца, бактрийского князя. А теперь самым родным местом для неё была царская мазанка над Тясмином.

Наверху Вышата бронзовым ножом зарезал овцу. Такую же жертву внизу принесла Лютица. Ардагаст возлил из Колаксовой Чаши на жертвенник кровь овцы, затем молоко, красное вино и хмельной мёд. Питьё жрецов, воинов и поселян: ведь царь молится не за одного себя — за весь народ. Вышата взмахнул посохом с трезубцем. Зазвенели колокольчики, им откликнулись сами собой подвески на большом наверхи. Волхв пошёл вокруг стола и жертвенника, приплясывая и потрясая посохом и священной секирой. Внезапно поднялся ветер, закружила метель. Бесы, видимые лишь волхву, заскакали вокруг святилища, скаля зубы и выставив когти. Но ни один бес и ни одна снежинка не могли

преодолеть незримой стены, поднимавшейся над каменной оградой святилища.

Наконец Вышата поднял посох и заговорил:

— Есть посреди Днепра, на Перун-острове, пещера. В ней за дверями золотыми и железными, будто солнышко за тучами, золотой плуг с золотой секирой — огненное сердце Скифии. Силою Рода-вседержителя — не уходите, дары Колаксаевы, ни на небо, ни в пекло! Волею Дажьбога-Колаксы — да увидит вас нынешний Солнце-Царь Ардагаст, сын Зореслава, из рода царей скелотских! Откройтесь, дары, на добро, на счастье всему народу росов!

Царь росов вынул из золотых ножен меч и скрестил его с посохом, образуя крест. Снова зазвенели колокольчики в клювах трёх бронзовых птиц. Внизу так же скрестились махайра Ларишки и посох с богиней в руке Лютицы. Всё, как в начале времён, когда на Мировом Дубе сидели и творили мир три птицы — Белбог, Чернобог и отец их Велес, а внизу Дуба обитала Мать Мира. И пробудились снова великие добрые силы. Белое чистое сияние охватило наверх с Родом на столбе. Луч от него протянулся к трезубцу, оттуда, вспыхнув с двойной силой, — к наверх с богиней, а оттуда понёсся на юг, за горизонт, к самому Перун-острову.

А железная дружина аланов уже подъезжала к самой горе. С замирающими сердцами глядели опытные, бесстрашные воины на три сияющих огня и соединивший их луч. Белое сияние вдруг налилось цветом бронзы, затем — золота. Мелодичный звон, словно от больших колоколов, разливался над степью. Что-то доброе и светлое, чему грех мешать, совершается на горе — это поняли все воины.

Но вот умолк звон, погас свет, и всадники, повинувшись Фарзою, стали железным кольцом окружать гору. Ларишка бросила взгляд за Днепр. Вскочить на коня, поскакать туда, привести дружину? Нет. Усобицы в Аорсии не хотел и Ардагаст — царица это хорошо знала. Значит, рассчитывать он сейчас мог лишь на силу убеждения. Фарзой бесстрашен, но умён и осторожен. А уж против чар неведомого колдуна дружина вряд ли могла помочь. Разве что Волх со своими оборотнями... Двенадцать из них, впрочем, улетели соколами вместе с Миланой в Суботов, за волшебными русальными жезлами.

Главное же — царица не хотела, не могла оставить мужа в этот тяжёлый и опасный час. Заметив её колебания, Лютица сказала:

— Иди к Ардагасту. А я уж найду, кем оборотиться. И предупредить кого надо сумею.

С посохом в руке Ларишка быстро пошла в гору. А вслед за ней побежала неприметная белая зайчиха.

Окружив гору всадниками, Фарзой спешил и пошёл наверх в сопровождении Инисмея, Умабия, Валента и двух десятков дружинников. Рядом с людьми понуро брёл невидимый демон Мовшаэль. В святилище великого царя уже ждали. У жертвенника стояли трое: Вышата сжимал посох с трезубцем, Ларишка — с богиней, Ардагаст — Огненную Чашу. Все трое выглядели дружелюбно, но гордо и бесстрашно. Фарзой приветственно поднял руку:

— Здравствуй, Ардагаст! Я рад за тебя. Теперь я точно знаю, кто лучший воин Аорсии. Давай же мне то, за чем я тебя посылал. Стрелу Абариса!

Великий царь Аорсии выглядел радушно и был полон самого искреннего благоволения к царю росов. А солнечная стрела — вот она за пазухой. Отдай её — и сохранишь мир для росов и всей Аорсии, и будешь наслаждаться славой и богатством, добытыми в далёком походе, и обретёшь ещё большие милости и доверие Фарзой. И сможешь спокойно вернуться

в Суботов, к Добряне и детям, отдохнуть от битв, чудес, чудовищ.. Как и всякий венец, Зореславич любил мир и согласие между людьми. Но Вышата тихо произнёс всего два слова: «Здесь Валент»...

И мирные желания отступили, скрылись, как скрываются женщины и дети за спины воинов в час вражеского набега. Рука Братства Тьмы вновь тянулась к небесному золоту,, готовая сдавить и вырвать огненное сердце Скифии! Предать всех живых и погибших участников великого похода на север, всех своих предков и потомков, всю открывшуюся ему бескрайнюю страну? Нет таких благ во всём мире, за которые он, Ардагаст, мог бы совершить подобное. Воин Солнца снова был готов к бою. Спокойно, но твёрдо Зореславич произнёс:

— Эту стрелу Дажьбог-Гойтосир в Доме Солнца дал мне. Ни о тебе, ни о ком другом из земных царей он не сказал.

— А разве это нужно говорить? Ты забыл, кто из нас великий царь, а кто подручный. Вспомни, даже в Великой Скифии твои предки-цари были подвластны скифам царским.

— Главными землями скифов царских на реке Герр владеешь не ты, а Роксаг. А потомками их в Таврике правит Ходарз. Кому же я должен подчиняться?

— Тому, кто сделал тебя царём! — В голосе Фарзоя раскатом далёкой ещё грозы зазвучал гнев.

— Царём тебя избрало собрание росов. Но ведь там был я с аланской дружиной. А послал меня отец, — вмешался Инисмей.

— Я это помню и верен вам, царю и другу. Но эту Чашу и эту стрелу дали мне не вы, а боги, — мирно, с достоинством ответил Ардагаст.

— Да он обнаглел не хуже Роксага! — рявкнул Умабий. — Но тот хоть сармат, а этот? Лесной медведь, убийца родного дяди! Сарматы с венецками таких каждый год сотнями приживают...

— Не позорь своих седин бранью, — смело отозвалась Ларишка. — Мы всё это уже слышали. От медведей... вернее, полумедведей. А ещё от одной дуры, что нашла свою смерть во льдах у самого Белого острова. Её муж после этого поумнел, хоть он и моложе тебя.

Умабий возмущённо засопел, рука его легла на меч. Фарзой довольно погладил золотую пряжку пояса. На ней бог охоты, хитро ухмыляясь, удерживал двух готовых вцепиться друг в друга грифонов. Но Ардагаст, словно не замечая перепалки, спокойно сказал:

— Зачем тебе стрела Абариса, великий царь? Она — ключ от пещеры с Колаксаевыми Плугом и Секирой. Но нет сейчас царя, достойного овладеть ими. Так решили боги на своём совете в Экзампее. Мне дозволено лишь увидеть эти дары. Для того мне и дана стрела.

— Ты не спрашивал богов, когда добывал Чашу! — возразил Фарзой. — А теперь удачи попытаю я. Увидишь, боги будут за меня.

— Ты не знаешь, к чему рвёшься, великий царь, — вмешался Вышата. — Эти дары — фарн, священное счастье царства. В них — сила Огненной Правды, а она выше богов. Сами боги не могут дать или отнять фарн, а могут лишь допустить или не допустить к испытанию. Достойного же выбирает сам фарн. А недостойный может завладеть властью, но не фарном.

Ларишка с насмешливым видом сказала:

— Был в Туране, у восточных скифов, неправедный царь Афрасиаб. Боги спрятали от него фарн на дне моря. Он тогда снял штаны и стал нырять за счастьем. Три раза нырнул и ничего не поймал, только ругался хуже Умабия.

За спиной у Фарзоя послышались приглушённые смешки. Вышата с сожалением

произнёс:

— Бойся потерять и тот фарн, что имеешь, царь Фарзой! А он у тебя есть, я вижу. Станешь неправду творить — улетит он от тебя соколом, убежит золотым бараном. Только мы, волхвы, и увидим. Помни же: несправедливый царь — не царь! — грозно воскликнул волхв, потрясая посохом с трезубцем.

— Больно вы все праведные! — процедил Фарзой. — Гойтосира чтите, зато с Ваю драться не боитесь. А я вот чту Ветер и Меч, Ваю и Ортагна. И вы покоритесь моим богам, если живете в моём царстве! — Царь обнажил меч, с силой всадил его в снег.

— Отдай стрелу, Ардагаст, не ввергай царство в усобицу! — отчаянно воскликнул Инисмей.

— Отдам, если велят Светлые боги. Они выше нас обоих, а выше их Огненная Правда Без неё царство твоё — Чернобожье! — непреклонно ответил Зореславич.

— Кто тобою правит, царь Фарзой? Богов за тобой не вижу, а вижу беса и чернокнижника! — воскликнул Вышата.

Царь Аорсии махнул рукой, и из-за его спины вышел Валент. На лице некроманта играла снисходительная улыбка.

— Всё служишь Солнцу, Вышата. А я — никому. В этом грязном мире нет бога, достойного того, чтобы истинно мудрый служил ему. А какого духовного совершенства ты мог бы достичь! Какой власти над материей!

— А ты сам сколько добра мог бы сделать людям! Иначе для чего совершенство, власть? — простовато развёл руками волхв.

— Уж конечно не для этого мира, не заслуживающего спасения, и его тупых обитателей. Духовно совершенный — это тот, кого мир не достоин. Разбить столь прекрасный сосуд, чтобы из его черепков поить, — Валент презрительно скривился, — «ближних»? Их дух могут возвысить разве что страдания плоти.

— Твоя-то плоть не страдала ни от труда, ни от голода. Разве только от пресыщения.

— Ошибаешься. Я прошёл суровые испытания, и теперь моё тело равно способно предаваться оргиям и аскезе без ущерба для духовной силы. Пока ты растрачивал себя ради ближних и дальних, я умножал свою духовную мощь.

— Человек ты или бес надменный? — вырвалось у Ларишки. — Только дэвы так презирают людей. А герои и мудрецы людей любят.

— Телом я человек. А духом я выше людей и демонов, героев и богов, ибо стремлюсь выше всех семи небес, к Высшему Свету, которого нет в ваших золотых игрушках. Я сильнее вас, скифы, и сейчас вы в этом убедитесь!

Валент рывком выбросил вперёд руки. Вспыхнул сапфир в серебряном перстне, и словно кокон из мертвенного белого света окутал некроманта. В следующий миг из перстней с топазом и рубином ударили жёлтые и красные молнии. Но на их пути уже встала золотистая завеса, и молнии растеклись по ней, будто вода по стеклу.

В ответ зазвенели колокольчики в клювах орлов на трезубце и большом навершии, и звон их перерос в раскаты грома. Из клювов бронзовых птиц вырывались молнии — и гасли в белом коконе, окружавшем Валента. Ардагаст направил на мага Огненную Чашу, но даже её пламя не могло одолеть силу чар Луны, надёжно защищавших владельца Перстней Зла. Но и силы, которые некромант извлекал из перстней, не могли пробиться сквозь завесу, которую питали добрые силы четырёх сторон света и трёх миров, силы Рода, Матери-Земли и Солнца.

— Что, слаб, чернокнижник? Мировой Дуб сруби, Солнце погаси, тогда нас одолеешь! — кричал Вышата.

Лунный кокон защищал лишь самого Валента, но ни одна молния не ударила мимо него, в стоявших за его спиной аланов. А те и не думали отойти подальше от опасности. Фарзой с удовольствием наблюдал за поединком чародеев. Инисмей же боролся с желанием одним ударом меча снести длинноволосую голову мага. Ведь это от него, отрока-царевича, бежал шестнадцать лет назад хитрый молодой колдун. Обморочил, прикинулся обгорелым трупом и скрылся вместе с проклятыми перстнями. Избавить бы от него мир хоть теперь! Но ведь сейчас чёрный маг защищал царство — молодое царство отца Инисмея...

А прятавшаяся среди камней белая зайчиха, не замеченная никем, обернулась кукушкой и полетела за Днепр, в стан росов, где воины уже с тревогой приглядывались к вспышкам на вершине Лысой горы. Выслушав Лютицу, Вишвамित्रа построил дружину. Росы рвались на выручку своему царю, но индеец настоял на том, чтобы без приказа Ардагаста не нападать на дружину великого царя. Кшатрий знал: нет большего греха для воина, чем измена царю. И кукушка-волхвия полетела обратно.

Мовшаэль из воинства Луны стоял ни жив ни мёртв, моля Сатану об одном: остаться в стороне от этого страшного поединка. Но в мозгу прозвучал безжалостный приказ хозяина: свалить священный столб с навершием. По-прежнему незримый и духовный, демон принялся подбираться к столбу сбоку. Но Вышата быстро заметил беса и крикнул Ларишке:

— Прикрой столб сзади!

Стоило Мовшаэлю протянуть лапу, как в него полетели молнии с большого навершия. А поток святой силы, лившейся на него из другого навершия — на посохе в руке царицы, был так силен, что заставил демона провалиться сквозь землю. Молодой бесёнок после этого стремглав бросился бы в преисподнюю, но Мовшаэль хорошо знал, какой приём ждёт его у Люцифера, владыки лунных демонов. Превозмогая страх, он стал телесным и принялся усердно рыть землю когтями и свиным рылом. Только бы не попасться на глаза Ардагасту! Тот ведь знал его имя и обличье. Быть же одновременно телесным и незримым у Мовшаэля всегда плохо получалось, особенно на нетрезвую голову. А он с утра как раз хлебнул храбрости ради духовной сущности крепкого колхидского вина из чьего-то бурдюка.

Ларишка недоумевала: куда пропал демон, только что явившийся в свете молний? Жаль, что она не волхвия... Царица прижалась спиной к столбу, сжимая посох и махайру и каждый миг ожидая нападения незримого врага. Вдруг земля под её ногами осела, и Ларишка упала. Следом рухнул столб. А из-под земли, разбрасывая в стороны снег и мёрзлые комья, восстал мерзкий свинорожий демон. Одна когтистая лапа вырвала из руки и отбросила посох. Другая вцепилась царице в грудь. Колено демона вдавило в снег руку с мечом. На клыкастой морде была написана самая гнусная похоть.

— Анахита! Ардагаст! — отчаянно крикнула молодая женщина.

Её услышали и богиня, и муж. Золотой оберег на груди под рубахой вдруг полыхнул жаром. Царица его почти не ощутила, но демон почувствовал и сквозь кольчугу так, что с визгом отдёргнул лапу. Зореславич обернулся. Толстобрюхого клыкастого демона он узнал сразу. И потому даже не стал жечь его огнём Чаши, а громко послал туда, куда бесу меньше всего хотелось попасть. С детства Ардагаст помнил: чтобы изгнать беса, главное — знать его имя.

Чаша в руке царя росов по-прежнему была направлена на Валента. Но некромант уже ощутил, как ослабли противостоявшие ему магические силы, когда упали наземь два из трёх

наверший. А ведь каждое из них, укреплённое на посохе или столбе, было подобием Мирового Дерева. Чернокнижник чувствовал себя титаном, потрясающим Вселенную. Он уже не игрался в громовержца. В свинцовом перстне темно-красным глазом вспыхнул гранат, испуская самую опасную силу — силу Сатурна-Смерти.

Медленно, из последних сил сопротивляясь злым чарам, осели наземь Ардагаст и Вышата. Рухнула в снег вставшая было Ларишка. Из руки Зореславича выпала Колаксаева Чаша. Разжались пальцы волхва, сжимавшие посох и священную секиру. Валент шагнул вперёд, ногой отбил секиру и посох. Оба его врага не только не погибли, но и не потеряли сознания. В обмороке была лишь женщина.

— Не убивай их, — тихо, но властно произнёс Фарзой.

В руке Инисмея блеснул акинак. Но это не могло уже остановить чародея. Валент приготовился нанести ещё один, смертельный магический удар. И тут на камень ограды опустилась кукушка. В следующий миг большая серо-жёлтая львица с рёвом прыгнула на колдуна. Тот едва успел развернуться навстречу ей. Удар колдовской силы, способный умертвить человека, лишь отбросил назад зверя изначальных времён. Вспыхнул топаз, и сила Юпитера-Власти прижала к земле готовую снова прыгнуть львицу-Лютицу. Валент обернулся к Вышате. Злая, надменная улыбка сияла на лице некроманта.

— Я убил одну твою женщину, варвар. Тогда, в Херсонесе. И ты не смог помешать. Убью и эту.

Волхв, с трудом приподнявшись на локте, произнёс одно лишь слово: «Попробуй». И маг почувствовал: если он и впрямь попробует, отчаяние и ярость высвободят у скифского чародея такие силы, с которыми могут не совладать и все семь перстней. А акинак Инисмея уже коснулся шеи Валента, и Фарзой, чеканя слова, проговорил:

— Ты никого не убьёшь, колдун. Предавать смерти здесь могу только я.

У некроманта руки чесались проучить разом всех варваров, но он превосходно владел своими чувствами и лишь высокомерно усмехнулся:

— Зачем убивать? С них хватит и рабства.

Он шевельнул рукой, и на запястье повис круглый железный амулет. На нём из перевёрнутой пентаграммы ехидно ухмылялась козлиная морда Самаэля, злого ангела запада. Полыхнул рубин, и свет его, отражённый амулетом, упал на Ардагаста и Вышату. Те бессильно замерли на снегу. Некромант достал из сумки у пояса лёгкие на вид цепи и надел на руки Зореславичу золотые оковы, а Вышате — серебряные. Потом коснулся их амулетом и сказал:

— Всё. Без магии эти цепи не снимаются. Теперь ты, царёк, не сможешь сражаться, а ты, волхв, колдовать.

С Ларишки, едва пришедшей в чувство, дружинники только сняли оружие. Валент обернулся к Лютице, но не увидел её. Волхвиня успела обернуться мышью, пробраться под снегом и кукушкой улететь прочь. Не тратя сил на преследование её, Валент вытащил из-за пазухи у Ардагаста солнечную стрелу и с небрежным поклоном вручил её Фарзой.

А Огненная Чаша лежала на снегу, манящая и опасная. Если она сейчас не дастся великому царю... Он ведь и не собирался отнимать её у Ардагаста, не заупрямься тот со стрелой. Затруднения Фарзой вмиг разрешил некромант:

— Полагаю, о, владыка Аорсии, что взять Чашу для тебя лучше всего будет на острове, вместе с двумя остальными дарами. А пока я помещу её в этот магический ларец.

Ларец был эбенового дерева, с выложенными серебром надписями и колдовскими

знаками. Маг раскрыл его, поставил на снег. Потом вызвал Мовшаэля. Вид у демона был самый жалкий. Весь в грязи и пепле, исцарапанный, искусанный какими-то подземными тварями, он дрожал всем своим толстым телом и униженно благодарил «величайшего из магов» за своё спасение. Видел его и слышал, впрочем, один Валент. Прервав излишние беса, чернокнижник мысленно произнёс:

«Похотливая свинья, тебя стоило бы лишить желания лезть к женщинам. Оботри свои грязные лапы, возьми Чашу и положи в ларец»:

Бледная рожа демона стала белой, как у ледяной статуи. Лучше уж снова провалиться туда, где он только что побывал! Правда, здесь он сгорит вмиг, а там... Несчастный бес рухнул на колени.

«Да не голыми лапами, а через мой платок», — брезгливо добавил Валент.

На клыкастой физиономии засияла радость и беспредельная преданность могучему и милостивому магу.

Все, кроме Валента, увидели лишь, как чёрный шёлковый платок, расшитый магическими знаками, сам собой опустился на Чашу и как она сама по себе поднялась и опустилась в ларец. Один лишь Вышата мог бы разглядеть беса, но волхв ещё не пришёл в себя после колдовского удара. Когда же опомнился, то сразу понял всё и лишь глухо простонал. Ардагаст же не издал ни звука и только с упрёком взглянул на Фарзоя.

На крышке ларца было изображено существо с головой петуха, руками человека и ногами-змеями. По стенкам извивался змей, державший во рту конец своего хвоста. Валент с торжествующим видом указал на ларец, на поваленный столб и оба посоха:

— Я срубил ваше Мировое Дерево, я погасил ваше солнце! Вот он, ваш мир, который вы всю жизнь спасаете. Его пространством владеет Уроборос, Змей Глубин, его временем — Абрахас, чьё число — триста шестьдесят пять. И нет в нём ничего, кроме тьмы, ибо вся материя — грязь и тьма!

Вышата медленно с трудом проговорил:

— Ты не погасил Солнца. Даже этого, маленького. И не путай этот мир со своей тёмной и грязной душой.

— Кроме души, есть ещё и дух. Только он способен стремиться к Высшему Свету. — Валент поднял священную секиру и, с сожалением оглядев, отбросил. — Испортить такое оружие! Секиру Богов, способную опустошить целые страны! Из-за вашего варварского невежества и страха перед высшим знанием...

— Так кто же варвары — мы или такие, как ты? — взглянул в глаза магу Ардагаст. — Дай вам оружие богов — весь мир сожжёте.

— Мир именно этого и заслуживает. Хуже всего, если им завладеете вы с вашей варварской жадной земной жизни и какой-то там правды в ней.

— Слышал, великий царь? Понял теперь, с кем связался и кто мы все для него? — обратился Ардагаст к Фарзою.

Тот лишь загадочно посмеивался и поглаживал золотую пряжку с хитрым богом и двумя грифонами. Царя Аорсии волновали судьбы не всего мира, а его царства. Пусть грызутся цари и волхвы — последнее слово будет за ним.

И тут снизу, из-за Днепра, донеслись конский топот и ржание. Зореславич с трудом поднялся. Его испытанная дружина, выстроившись боевым клином, ехала рысью к горе, окружённой аланами, уже выставившими вперёд копья.

— Отец! Ардагаст! Остановите их! Не губите царства... вы оба! — отчаянно выкрикнул

Инисмей.

— Дружина! Строиться клином! — зычно приказал Фарзой и обернулся к царю росов: — Это *ты* сейчас велишь своим остановиться.

Они спустились к подножию горы, сели на коней. Закованный в железо аланский клин уже выстроился, и царь с царевичем заняли место во главе его. Вздывая снежную пыль, к нему быстро приближался русский клин. Впереди — Вишвамитра. Над замерзшим Днепром разносился его громовой голос:

— Фарзой! Освободи нашего царя!

Уже натянули тетивы амазонки, несутся волками и турами Волх и его оборотни, вьётся на ветру красное знамя, реявшее над Золотой горой и Священным островом. Сейчас лучшие воины Аорсии перебьют друг друга, как герои Эллады под Троей. Перебьют на радость негодяю в чёрной хламиде и тем, кто его послал. И кто бы ни победил в этой схватке — не будет он достоин даже и взглянуть на Колаксаевы дары. Сгинет в водовороте усобиц Фарзоево царство, и веками будут сарматы в промежутках между набегами слушать песни о последнем бое Фарзоя... Или Ардагаста, какая разница!

Эти мысли вихрем пронеслись в голове Зореславича. И тогда он поднял скованные руки и крикнул во всю силу лёгких:

— Стойте! Именем Солнца приказываю вам!

Только голос вождя смог остановить русских всадников, разогнавшихся для атаки. Они замерли, по-прежнему готовые к бою, а вид Ардагаста в цепях разъярил их ещё больше. Выехавший вперёд индеец вскричал:

— Кто посмел сковать тебя, Солнце-Царь?

Весь в красном, величавый и непреклонный, навстречу росам выехал Фарзой. Золотом и бирюзой сверкали гривна с конскими головами и пояс.

— Ваш царь скован по моей воле! И так будет со всяким, кто возомнит себя выше великого царя. А кому это не нравится — пусть откочёвывает из Аорсии.

— Мы, венецы-росы, не кочуем, — сказал дрегович Всеслав.

— А мы, сарматы-росы, не убегаем от царей, как побитые собаки, — гордо тряхнула золотыми волосами Ардагунда. — Мы и потомки скелотое — теперь один народ. Эта земля — наша земля, Колаксаевы дары — наши дары, и никуда мы отсюда не уйдём.

— А не уйдёте — покоритесь мне. Пока я правлю Аорсией, мною не будет править ни один наглый царёк, — властно произнёс Фарзой.

— Тобою уже правит римский чернокнижник, — взглянул в глаза Фарзою Вышата. — И его чары ты употребил не против римлян, а против нас. Я знал его молодым негодяем, но теперь это самый опасный негодяй во всей Империи.

— Ты не посмел сразиться с Ардагастом и одолел его мерзкими чарами, — бросила в лицо Фарзою Ардагунда. — Так, может быть, выйдешь не поединок со мной, женщиной и царицей?

— Царица над сорока распутными девками! — взревел Умабий.

— Если бы не твоя седина, царь верхних аорсов, я, священный царь мужеубийц, вызвал бы на бой тебя, — с достоинством, не давая гневу овладеть собой, ответил ему Вишвамитра.

— Попробуй лучше одолеть меня. Мне для боя хватит зубов и когтей, — оскалил клыки Седой Волк — Волх Велеславич.

— Степной волк лесному не чета, — горделиво отозвался Умабий. — Да кто вы все

такие, чтобы вызывать на поединок царей? Шайка бродяг со всего света! Где бы вы были, если бы не наше царство?

Ардагаст стиснул кулаки. Поединок! Это значит — Инисмею придётся мстить кому-то за смерть отца или тестя. Одна месть будет звать за собой другую, пока не разьест царство хуже ядовитого зелья. И он громко сказал:

— Хватит! Никаких поединков! Хотите, чтобы с Аорсией стало то же, что с Великой Скифией? Тогда Колаксаевы дары вовсе уйдут из этого мира, а вина за это ляжет на всех нас.

— Да, — склонил голову Вишвамитра. — Все наши подвиги обратятся в ничто, и мы будем достойны возродиться стервятниками. Но если мы не помешаем беззаконию, то отяготим свою карму не меньше.

Ардагаст обернулся к Фарзою:

— Пусть нас с тобой рассудит сама Огненная Правда. Войди в пещеру с дарами — мы не станем на твоём пути. Но если солнечное золото тебе не дастся...

— Я выйду из пещеры со всеми тремя дарами. Или не выйду живым, — с суровой решимостью обречённого произнёс Фарзой и добавил: — Только тогда вам с Вышатой вернут свободу.

— Наша дружина пойдёт вместе с вашей. И если что-нибудь случится с Ардагастом или Вышатой — ты нам больше не царь, — столь же решительно сказал индеец.

— А ты, мерзкий колдун, — указал Хилярх пальцем на Валента, — тогда не скроешься во всех трёх мирах. Об этом позаботится Братство Солнца.

С юга донёсся крик грифона — грозный и манящий, словно бездна. Кому он вещал гибель? Никто из аланов и росов не ведал. И никто даже не подумал повернуть назад.

Было уже поздно, потому решили заночевать тут же, у горы, чтобы с утра идти к Перун-острову. Аланы и росы разбили два отдельных стана. Стемнело. В обоих станах не слышно было песен. Часовые настороженно поглядывали, в любой миг готовые поднять тревогу. Не полезут ли росы среди ночи отбивать своего царя? Не нападут ли аланы на сонных росов, не сделают ли что ночью с пленниками?

Пленных держали в одной юрте, под надёжной охраной. На ужин принесли жареной баранины и вина. Трое ели молча, без охоты. Потом Вышата сказал с невесёлой усмешкой:

— Побывали на Острове Неудачников и сами неудачниками сделались. Дотянулась-таки рука Братства Тьмы. Я думал, им не до нас, на юге завязли. А этот ворон чёрный сам явился. — Волхв с досадой тряхнул серебряной цепью. — Всё помню, а ничего не смогу. Зубов не заговорю, чёрта рядом с собой не увижу. А Лютица, бедная, всю ночь будет вокруг юрты — мышкой, заюшкой, птицей. Ведь непременно Валент какую-нибудь пакость устроит.

Ардагаст угрюмо напрягал мускулы, в который раз пытаясь порвать с виду больше похожую на украшение золотую цепь или хоть разогнуть кольца на запястьях.

Волхв покачал головой:

— Не старайся зря. Сила твоя не убывла, только цепи заклётой не разорвёшь и никакого оружия не удержишь, даже ножа.

— Зато на мне заклётых оков нет. Пусть только сунутся — успею выхватить у кого-нибудь оружие! — воинственно сверкнула узкими чёрными глазами Ларишка.

Сказала — и тут не пожалела. Хуже всего для мужчины — здорового, не раненого, — когда не он защищает женщину, а она его. Почувствовав это, она заговорила по-другому — тихо и виновато:

— Всё из-за меня. Завопила, как девчонка, которую впервые лапают. А этот урод даже кольчуги не смог порвать. Просто меня столько лет... никто не пытался... После того зверобога из гиндукушских пещер. Я думала, он за мной пришёл.

Ардагаст расхохотался от души:

— Какой там зверобог? Это же Мовшаэль, которого я мальцом в Пантикапее гонял! Трус, обжора и пьяница. Плохи дела у Валента, если он себе получше беса не нашёл! — Он неловко привлёк к себе жену скованными руками. — А я не жалею, что обернулся. И за тебя буду биться хоть голыми руками, хоть в оковах!

Вышата с отцовской улыбкой взглянул на них:

— Нет, никто вас не одолеет. Ни живых, ни мёртвых. Убить только могут.

— Ничего! — бодро расправил усы Ардагаст. — Лишь бы там не оказаться в одном месте с такими, как Валент.

— Не окажетесь, если будете такими, как сейчас. Вы ведь дорогу на Белый остров уже знаете. Не только ту, что прошли. Но и другую, длиной во всю жизнь, — уверенно сказал Вышата. — А теперь давайте-ка спать. Завтра весь день ехать. А потом — ночь на Рождество Дажьбожье. Самая святая и страшная во всём году, кроме Купальской.

Укрывшись белым плащом волхва, он отвернулся к стенке. Ларишка стащила кольчугу, с сожалением взглянула на мужа:

— Из-за этой цепи даже панцирь снять не можешь. Ничего! Эта ночь будет наша — им всем назло. А следующая — как Дажьбог даст. Подними-ка руки.

Миг спустя они уже лежали, крепко обнявшись, и жадно ласкали друг друга. Даже панцирь не мешал им, не охлаждал тела — рядом был горячий очаг, — только глухо шуршал железными пластинами под тёплым плащом.

А стерёгшие юрту аланы долго смотрели, как пришелец в чёрном с серебром плаще бродил вокруг неё, что-то нашёптывая и водя руками. Ему то и дело мешали: то зайчиха, то кукушка, томышь, а то вдруг появлялась неведомо откуда большая серовато-жёлтая львица и грозно урчала, оскалив зубы. Всё это продолжалось, пока из своей юрты не вышел Инисмей и не тряхнул чародея за шиворот, проговорив так, чтобы и дружинники слышали:

— А ну, иди, не мешай добрым людям спать. И знай: если что, я до тебя доберусь прежде Братства Солнца. Не забыл ещё Пантикапей?

Только после этого львица обернуласьмышкой и прошмыгнула в юрту с пленниками.

Глава 8

ОСТРОВ ГРОМОВОГО ЗМЕЯ

В царском доме в Суботове ужинали. За столом сидели царица Добряна, её отец, великий старейшина северян Доброгост, дядя царя — великий старейшина бужан Добромир, и царский наместник, оседлый сармат Ардабур. Детей царица уже уложила спать.

Низенький лысый северянин выглядел совсем потешно рядом с дородным, с седой бородой во всю грудь Добромиром и столь же могучим чернобородым наместником. Дядя Ардабур, как все его называли, уже девять лет в отсутствие царя поддерживал строгий порядок в землях по Роси и Тясмину. Рачительный хозяин, он был верной опорой Добряне. Знатные сарматы уважали его, а венедские старейшины — хитрого многоопытного Добромира. Все трое не отличались военными подвигами, зато пользовались славой людей степенных, хозяйственных и рассудительных.

До рождественского Святого Вечера с его двенадцатью блюдами были ещё целые сутки, но на столе уже стояли и пироги с зайчатинной, и рыбный холодец, и голубцы, и ячмень с мёдом. Ели из простых, от руки вылепленных глиняных мисок, пили пиво из глиняных кружек, зато вино — из кубков цветного стекла. Рассуждали о том, что мог бы царь после стольких славных подвигов и уважить главную землю своего царства и знатнейших её людей — вернуться домой к Рождеству. А то ведь царская русальная дружина ни разу ещё на Святки здесь не плясала, не колядовала, а все в полюдьё, у нуров-волколаков.

Вдруг за окном послышался шум крыльев. Одиннадцать соколов и орлица опустились посреди двора и оборотились дружинниками-нурами и Миланой. Царица бросилась открывать, радостно обнялась с волхвиней. Хотела угостить нуров, но Милана неожиданно сказала:

— Добрянюшка, нам бы только перехватить чего, да забрать русальные жезлы, да обратно лететь.

— Где же тогда царь будет Рождество праздновать? И к чему спешка такая? — Голос Добряны дрогнул.

— Ох, подруженька! Беда: Ардагаста с Вышатой Фарзой в цепи заковал! Мы узнали, только когда сюда летели.

И Милана рассказала то, что ей мысленно передала Лютица. Оба старейшины замерли разинув рты. Доброгост испуганно съёжился, выронил дорогой стеклянный кубок, но быстро подхватил. Ардабур тихо ругнулся в бороду. Добряна побледнела, стиснула руки и если не заголосила, то только чтобы не разбудить детей. С дрожью в голосе проговорила:

— И впрямь беда! В Суботове из волхвов только старый Авхафарн, да и тот приболел. Мирослава в Почепе, а Вышко мал ещё. — Ощувив направленные на неё взгляды, царица с неожиданной для самой себя твёрдостью произнесла: — Пойдём к Авхафарну. Жезлы у него. А утром — к экзапейским жрецам. Если он не сможет — сама поеду. А вам, соколы-молодцы, мы сейчас хоть хлеба да сала нарежем да по чарке вина нальём.

Когда женщины и дружинники выпили, Добромир первым нарушил молчание:

— Ну, племянник, натворил дел! Непутёвый, как и отец его. Тот спутался с царевной росов, вот и дошло дело до войны. Разогнали нас тогда сарматы: кого на Буг, кого в чащи Дебрянские. А мы ему, братцу моему, жертвы приносили, неразумным юношам во соблазн.

— Ну чего ему, зятю моему, надо было! — сокрушённо всхлипнул Доброгост. — Ведь всё так наладилось: царство своё, богатство, почёт... В своей земле мир, в чужой — слава и добыча. И что ему стоило отдать стрелу!

— Возгордился больно, с богами сравняться захотел! — осуждающе воздел перст Добромир. — Так ведь и боги не всеильны. Ярила был живьём погребён, Даждьбог братьями убит, а Перун неверной женой опоен и распят... Верно говорил нам еврей Андрей, Зеведеев сын: гордость да непокорность — самый большой грех, с сильным не борись, царю покорствуй — не зря его Род терпит. Ещё говорил, помню, об учителе своём. Тот был царского рода и от бога родился. Однако казнь претерпел, лишь бы мятеж не поднимать на погибель всему племени. Ибо чтит только Рода, отца своего, а не младших богов, что больно любят войну, да смуту, да пьянку-гулянку...

— А нам теперь каким богам молиться, чтобы отвратили от наших племён гнев Фарзоев? — Северский старейшина бросил испуганный взгляд в красный угол, на божницу. — О своём бы народе подумал, Солнце-Царь, прежде чем в распри богов лезть. А боги-то всегда за сильного, дары непременно великому царю достанутся. Да ещё чародей с ним такой — самого Вышаты сильнее. Ох, сколько теперь сарматов на наше богатство позарится!

Добромир наклонился вперёд, выставив могучую бороду, заговорил вполголоса:

— Одно нас, грешных, может спасти: если выбрать другого царя росов. И венедов, конечно. Ну хотя бы Андака. Гульнуть, правда, любит и умом не богат, зато против великого царя никогда не пойдёт. Да и Саузард, ведьму злобную, Морана прибрала.

Щуплый северянин понимающе ухмыльнулся:

— Тебе-то что? Из царского дяди царским тестем сделаешься. Известно, от кого у тебя внук. Да уж уступлю тебе такую честь. Лишь бы мою Добрянюшку не тронули. Я её с детьми к нам в Дебрянщину заберу. А ты как думаешь, дядя Ардабур?

Тяжёлый кулак сармата опустился на стол так, что опрокинулись не только кубки, но и глиняные кружки.

— Труссы! В тяжёлый час от царя готовы отречься, чуть не от богов! За богатство своё трясётесь, а при ком вы его нажили? Кто нашу землю мечом и Огненной Чашей ограждал от всех бед?

— Так ведь сила-то солому ломит! — возразил Доброгост.

— Росские мужи — не солома, а железо! Погибнет Ардагаст — его дружина либо прорвётся к нам, либо дорого за свои жизни возьмёт. Да на севере Хор-алдар с дружиной в полюдые, да здесь воинов немало найдётся. В степи не удержимся — в леса отойдём, они теперь свои для всех росов. Лишь бы никто из вас, венедов, сдуру не стал звать Андака на царство, поняли, старейшины? Да он без Саузард и сам не захочет.

— Дедушки, разве тятя вас чем обидел?

В дверях стоял в одной рубашке Ардафарн. Его голубые глаза с недетским упрёком смотрели на старейшин. Ардабур встал, погладил могучей, как медвежья лапа, рукой золотые волосы царевича:

— Всё слышал, наследник? Не бойся, дядя Ардабур тебя с братцем и сёстрами не предаст, и дедушки твои тоже. Царями росов и венедов могут быть только дети Ардагаста — того, кто наше царство создал. А боги не в силе — в правде.

— Мой тятя никого не боится. За это его боги любят! — с жаром сказал мальчик.

— Отчаянный твой тятя, — вздохнул Доброгост. — И моя Добрянюшка при нём такой же сделалась. К экзапейским жрецам идти! Никто не знает, люди они или духи сколотских

жрецов.

Ардабур махнул рукой, отправил в рот пирог с капустой и сказал:

— Какие там духи! Одни из них в Черном лесу живут, на древнем городище царя Огняна, а другие — среди нас, только тайно. Кто среди волхвов экзампейский жрец — это знают разве что Вышата да Авхафарн.

Авхафарн, верховный жрец росов, летом жил в юрте, а зимой — в добротной мазанке своего зятя-венета. Многие называли самого жреца на венедакский лад Доброславом, а царица Добряна назвала в его честь своего первенца. Несмотря на поздний час, старик не спал. Закутавшись в медвежью шкуру, он читал книгу, присланную пантикапейским мудрецом Стратоником. Выслушав рассказ Миланы, жрец покачал головой:

— Вот ведь разболелся не ко времени! Нет, колядовать завтра вечером выйду, а до того... Волхование требует сил и здоровья. Разве что в чаре погляжу, что там с царём. А русальные жезлы — вот они, в сундуке. Я в них новые травы вложил, заговорил, окурив.

— Что, если позвать на помощь экзампейских жрецов? Их предки хранили Колакшаевы дары, — сказала Добряна.

— В эту ночь они будут в подземельях Эксампея. Но со мной и говорить не станут, — покачал головой Авхафарн. — Я сармат.

— И со мной не станут. Кто я? Лесная ведьма. Хоть и не злая: не учёная, а природная, — вздохнула Милана.

— Они душой-в прошлом: Великая Скифия, цари в золоте, великие города, несметные богатства сколотов-пахарей... Лелеют память о том, чего их предки не сберегли. Ведь они — последний остаток авхатов, что были у пахарей жреческим племенем, — сказал старик.

— Тогда пойду я, — тихо, но решительно сказала Добряна. — Мы, северяне, — от пахарей. У меня в роду сарматов нет. И не ведьма я, а законная царица, и дети мои — потомки сколотских царей.

— Ой, что задумала, подруженька! — всплеснула руками волхвиня. — В Эксампее четыре входа, а стерегут их Солнце, Огонь, Месяц и Вий-смертоносец. А в Виёвом входе — семь врат из семи горящих металлов. Сгоришь, и косточек не останется! Давай уж я с тобой, хоть моя лесная волшба тут мало поможет.

— Ты лучше лети с дружинниками. Несите скорее жезлы нашим русальцам. Там ты нужнее. А я понадеюсь на Ладуньку.

Жрец внимательно взглянул в глаза царицы и медленно заговорил:

— Да. Душа твоя чиста и тверда. Потому надейся на Мать Мира. Я дам тебе её скифский оберег. Попробуй пройти с ним через вход Огня — юго-западный, или Солнца — юго-восточный. Северо-восточный вход посвящён Месяцу, владыке ночи. Самый трудный — северо-западный, вход Ваю. Вы, венедакы, зовёте его Виём или Стрибогом. Тот проход открыт лишь магу, прошедшему семь степеней посвящения.

— А женщине? — спросила царица.

— Я не слышал, чтобы какая-нибудь волхвиня пробовала им пройти. Но... помни: все боги пошли от Матери Мира. И ещё: Эксампей стерегут духи Властимира, Гремислава и Зореслава, павших в бою за святилище. Но они бывают там не всегда. А четвёртый страж — дух Саузарин, жены Сауаспа, погребённой в самом Эксампее. Берегись её, но не бойся, иначе погибнешь, как тот молодой волхв, что вздумал провести три ночи на её могиле. А теперь возьми оберег, и да хранят тебя все Светлые боги!

Он достал из ларца круглый золотой талисман на цепочке и надел на шею царице. На золоте была искусно изображена крылатая богиня с воздетыми к небу руками. Ноги ей заменяли шесть змей с головами грифонов, львов и драконов. Над всем живым в трёх мирах была властна Великая Богиня, породившая творцов Вселенной. Поцеловав древний оберег, царица спрятала его под шубку.

На юго-восток, к Перун-острову, летели над ночной степью одиннадцать соколов и орлица. Черти и ведьмы стремглав улетали прочь, завидев в их лапах резные деревянные жезлы. Эти жезлы со скрытыми в навершиях чародейными травами были оружием русальцев — двенадцати лучших воинов Ардагаста. На Святки и на Купалу, в самые святые и страшные ночи года, русальцы плясали, готовые в любой миг перейти от пляски к бою с нечистью и её слугами.

А на юг из Суботова мчались через лес, через степь сани, сопровождаемые пятью конными дружинниками. Царица сама правила конями. Сердце её невольно сжималось, когда издали доносился волчий вой или уханье совы. До сих пор она жила за мужем, Ларишкой, Вышатой, как за каменной стеной. Не воительница, не волхвиня. Просто хорошая хозяйка, верная и скромная жена, заботливая мать. Это ради таких, как она, совершали они все свои подвиги. И теперь могла бы сидеть дома и молиться за них. Но именно потому, что оказалось — и они не всеильны, и должна была она сделать всё, что могла, и ещё больше, чтобы помочь им выстоять.

Так летите же, кони! Не на край света — всего лишь в середину его, в середину Скифии. Не в проклятое — в святое место. Недаром светит так ярко Месяц-Велес, озаряя безлюдную дорогу среди белых снегов, и не смеют его в эту ночь ни ведьмы скрыть, ни оборотни пожрать.

Дорога вывела на водораздел, к перекрёстку двух древних путей. Здесь, замыкая цепочку курганов, возвышался круглый вал с четырьмя проходами. От каждого прохода, будто клешни, вытягивалось ещё по два вала, а от северо-западного — даже три пары валов, между которыми возвышались четыре пары небольших курганов. Внутри большого вала поднимался высокий курган, где некогда стоял громадный бронзовый котёл, для которого каждый скиф дал по наконечнику стрелы. Экзампей, Святые Пути, сердце Скифии, главное её святилище...

Три века назад сарматы разграбили святиню, перебили её защитников, разломали котёл. С тех пор не приносилось здесь торжественных жертв, ибо не было великих царей, достойных их принести. Сарматские цари не владели Колаксаевыми дарами, у венедов же царей вовсе не было. Лишь уцелевшие жрецы племени авхатов тайно совершали тут свои обряды. Властимир, великий старейшина полян, хотел возродить царство скелотов, но пал вместе с сыновьями под мечами росов. Его внук Ардагаст овладел лишь одним из даров.

Царица повернула коней, чтобы подъехать к юго-восточному входу в святилище. И тут навстречу ей выехали две всадницы на чёрных конях в серебряной сбруе. В одной Добряна сразу узнала Саузард. Вторая, с таким же ястребиным носом и чёрными волосами, но роскошнее одетая, в чёрном кафтане с золотыми бляшками и золотом венце, была Саузарин.

— Куда, глупая венедка? — голосом, полным презрения, проговорила старшая всадница. — Мы с дочерью стережём Святые Пути от таких, как ты. Вы, лесовики, недостойны приносить тут жертвы.

— Да-да, я теперь тоже хранительница Экзампея. Так велела Морана-Артимпаса! — с торжеством взглянула на Добрянку Саузард.

— Я иду не для жертвоприношений, а говорить со жрецами-авхатами. Они ведь сюда ходят без вашего позволения? И не вы одни стережёте святилище, — с достоинством ответила северянка.

— Ты о своём тесте с его братцем и об их отце, старом дураке Властимире? — ухмыльнулась Саузарин. — Их тут нет. Видно, Гойтосир и Ортагн снова нашли с кем воевать.

— Собралась к жрецам? Неужели сделалась мудрой волхвиней? — издевалась, поигрывая плетью, Саузард. — Небось все семь степеней посвящения прошла? Так нечего лезть в солнечный проход, хоть ты и жена Солнца-Царя! Иди-ка в проход Ваю, через семь врат!

— Глумишься, нежить? Прочь с дороги! — схватился за меч один из дружинников.

В руках чёрных всадниц вспыхнули мертвенным белым светом два клинка. Добряна знаком остановила своих возмущённых воинов и тихо произнесла:

— Я пойду путём Вия.

Она встала с саней и пошла пешком вдоль вала, а вслед ей нёсся зловеший голос Саузард:

— Иди, иди! Семь раз сгореть можешь, а не сгоришь — увидишь Самого...

Царица медленно подошла к северо-западному проходу. Внезапно перед самым её лицом между концами двух первых валов возникла стена из серебристого, струящегося с зеркальным блеском металла. Ртуть, металл Меркурия-Велеса, вспомнила она. А всего семь металлов, семь светил, семь небесных врат, через которые проходит праведная душа на пути в небесное Царство Солнца. Об этом Добряне рассказывал добродушный мудрец Стратоник в Пантикапее. Ведь она не знает ни одного заклятия, открывающего врата! Расступится ли перед ней хотя бы эта стена из ядовитой ртути? А если злой колдун вызубрит все нужные заклятия, он что, пройдёт до самого Царства Солнца?

Добряна вынула из-под шубки золотой оберег со змееной богиней и зашептала:

— Лада-матушка, всему миру владычица, заступница, богов родительница! Не за себя молю — за мужа и детей, за всё царство росов: открой мне путь через семь врат. Не дай свершиться злему делу, не дай Чернобожьим слугам погасить земное Солнце!

И она увидела, как сквозь серебристую преграду (металл это или особый свет?) проступил лик женщины средних лет в высоком кокошнике, с большими, ласковыми и слегка грустными глазами. Взгляд их манил, ободрял, избавлял от страха. Царица шагнула вперёд — и стена ртути расступилась, а потом пропала. Но между следующей парой валов уже выросла другая — из жарко пылающей красной меди. Это было ещё страшнее. Не морок ведь — вон снег тает. Превратиться в обугленный труп? Но добрый лик выглядывал из красного пекла ещё явственнее. Ведь это врата её, Лады-Венеры! Ну, смелее, царица! Ларишка бы наверняка не отступила. Шаг вперёд, прямо в невыносимый жар — и вот уже нет медной стены.

А впереди серая, холодная, непроницаемая стена железа, по краям раскалённого добела, как в кузнице. Потом были стены из тусклого олова, спокойно сияющего серебра, нестерпимо горящего расплавленного золота, угрюмого мертвенного свинца. Марс-Ярила, Юпитер-Перун (или Род, волхвы спорят), Месяц-Велес, Солнце-Даждьбог, Сатурн-Чернобог. И всякий раз сквозь металл проглядывал знакомый лик той, что всем была матерью или женой. Легко ли это — быть Матерью Богов, всех, злых и добрых? Не давать им и их избранникам в беспощадной борьбе погубить мир? Царствовать над людьми легче.

Но вот пала последняя стена. Проход в главном валу, а за ним — курган. И тут перед северянкой восстало из-под земли самое страшное: уродливый чёрный карлик, приземистый, но могучий. Громадные мохнатые веки были опущены, но даже сквозь них леденил кровь смертоносный взгляд. Глухой, безжалостный голос пророкотал:

— Всё прошла? Хорошо. Мимо меня не пройдёшь.

Мощный холодный ветер ударил в лицо, повалил в снег. Чёрные остроголовые бесы с глумливым хохотом бросились поднимать вилами веки карлика. А от кургана две черноволосые всадницы кричали уже без всякой издёвки:

— Беги, дура, спасайся!

Бежать? А они всё что, следом? Куда — в землю росов? Ларишку бы на вас всех с махайрой! Или Ардагаста с Огненной Чашей... А сзади голоса дружинников: «Держись царица!» Преодолевая холод, ветер, страх, Добряна встала. Прикрыла лицо от ветра вздувшимся, как парус, платком. И направила скифский оберег прямо в лицо карлику. В уже открывшиеся, вспыхнувшие мертвящим белёсым светом глаза ударил золотой луч. Карлик взревел, скорчился, пряча глаза от света, и провалился сквозь землю вместе с чертями. Скрылись и призрачные всадницы.

Пошатываясь, Добряна подошла к кургану. Вдруг насыпь расселась, и из неё вышел высокий старик в скифской одежде из белой шерсти. Из-под башлыка выглядывала белая жреческая повязка. Старик опирался на посох с золотым навершием — трезубцем с тремя птицами. Худощавое лицо было сурово и непреклонно. Призрак? Или волхв, владеющий разрыв-травой? Подземный выходец сказал гордо и величаво:

— Я Златослав, великий жрец авхатов. Знаю, кто ты, женщина, и не стал бы с тобой говорить, если бы Лада не провела тебя сюда путём Ваю. Чего ищешь ты в самом святом месте Скифии?

Добряна поклонилась в пояс жрецу:

— Ищу я помощи у вас, экзапейских жрецов. Фарзой нашёл себе лихого советника — чернокнижника Валента. Они сковали Ардагаста и Вышату, забрали Колаксаеву Чашу и теперь идут к Перун-острову, чтобы захватить Плуги Секиру. Вы когда-то хранили солнечные дары. Не дайте же ими завладеть Чернобожьим слугам! Спасите наше царство и мужа моего Ардагаста!

— Мы уже всё знаем. И обратим всю мощь наших чар на защиту Колаксаевых даров. Валент с Фарзоем сами не знают, куда сунулись. Но ради Ардагаста с Вышатой и вашего царства мы и пальцем не пошевелим. На них — проклятие богов и наше!

Обрадовавшаяся было Добряна побледнела и вскрикнула:

— Как же так? Разве мы, росы, не потомки скелотов-пахарей?

— «Мы, росы»! — надменно скривился старик. — Росы — сарматская орда, осквернители Эксампея. А вы, венеды, — их рабы. С чьей кровью смешала благородную кровь скелотое? Ардагаст — потомок святотатца царя Слава и Яромира, ублюдка и прислужника сарматского царя Сайтафарна. Это Слав с Яромиром украли у нас небесное золото! Сам Ардагаст рождён от сарматки-распутницы. А Вышата — отступник от нашей светлой веры, ученик чёрных колдунов. Да сгинет это царство предателей и сарматских ублюдков!

Добряна смело взглянула в пылавшие праведным гневом глаза Златослава:

— Мои дети — не ублюдки. А мой муж — избранник богов.

— Он не достоин избранничества! Чем кончились его разбойничьи подвиги?

Рабскими оковами! Пророчество гласит: тот, кто восстановит великое царство сколотое, придёт с юга. Только там, в Таврике, ещё сохранилось сколотское царство.

— А что делать нам, венедам, пока не придёт ваш восстановитель? Ютиться в дебрях, с медведями, лешими и чертями болотными?

— Да. А земля пахарей пусть лучше лежит пустой, чем населяется полусарматами и рабами сарматов. Вам же в лесах легче будет сохранить себя от сарматской скверны.

«Он говорит почти как лесной колдун», — подумала Добряна. А вслух сказала:

— За то, что помогаете хранить Колаксаевы дары, — спасибо. А за бессердечие ваше и упрямство пусть вас судят Даждьбог и мать его Лада! Смотрите, будет ещё в земле нашей царство великое и светлое, только вас, чистых и гордых, туда не позовут!

Обратно царица ехала смертельно усталая, править санями велела дружиннику. Никому-то она не помогла, ничего не изменила... кроме себя самой. Не пугали её больше ни волчий вой, ни совиный крик. Теперь она была готова, случись наихудшее, принять на себя всю тяжесть царства.

Две дружины, русская и аланская, ехали на юг высоким правым берегом Днепра. А по другую сторону скованной льдом великой реки двигалась ещё одна отборная дружина — под красным знаменем с похожей на русскую золотой роксоланской тамгой. Роксаг, Сияющий Олень, Любимец Артимпасы, всё знал, за всем следил, как волк за добычей, но ни во что не вмешивался — пока ещё. И ещё одна, совсем маленькая дружина следовала по пятам за аланами: Авхадайн, жрец герров, с десятком воинов. На Лысой горе они подобрали брошенные там Валентом скифские наверхия и священную секиру. Вскоре их нагнали орлица и соколы с русальными жезлами.

Аланы и росы миновали четыре порога: Не Спи, Сурский, Островной, Звонецкий Пороги — каменные змеи — дремали подо льдом, напоминая о себе лишь глухим рёвом. Придёт весна — и драконы пробудятся, взломают лёд, жадно набросятся на всех отваживающихся плыть по реке или через неё. Пятый порог, Неясыть — Ненастный, не могла сковать даже зима. Лишь гранитные стены скал сдерживали громадную массу воды, устремляющуюся через узкий проход под высокой скалой на правом берегу прямо в водоворот, прозванный Пеклом.

Выехав на вершину скалы, Валент с восхищением взирал на бушующую, клокочущую, будто в котле, воду.

— Какая сила! Какая мощь! Даже бог холода и смерти не может её сковать.

— Это сила бесов. Они тут под каждым порогом гнездятся и людям пакостят, — отозвался Вышата.

Словно в ответ на его слова, из водоворота вынырнули, потрясая вилами, трое чёрных остроголовых чертей.

Валент презрительно усмехнулся, загнал их в пучину магическим знаком и сказал:

— Что эти жалкие демоны? Здесь таится сила Змея Глубин, владыки Хаоса, того, кто древнее всех богов и стихий. Этой силой владеют жрецы Змеи. Я искал пути к ним, но они не желают делиться тайным знанием с нашим Братством.

— Не дивно, что и такие лиходеи чураются вас. Вы же любое знание можете обратить во зло.

— Добро, зло... Оставим эти понятия для тупых крестьян и меднолобых вояк. Мы же с тобой маги, философы! Пусть толпа мнит нас благодетелями или злодеями. Знание выше

всего этого вздора. Разве ты не искал мудрости у лесных чёрных магов и пещерных колдунов? Я знаю о Змеёвой пещере у третьего порога, о змее, стерегущем дары. Если мы объединим свои силы, то можем найти ключ к изначальной силе Змея Глубин.

Некромант говорил с волхвом без издёвки, как равный с равным. Но Вышата покачал головой:

— Ты не знаешь, к чему рвёшься. Эта сила способна разрушить мир.

— Тем лучше! Этот грязный мир заслуживает только гибели. Тебе не надоело пытаться его исправить? Ради чего — чтобы попасть в небесный мир вместо подземного? Пусть они оба сгинут вместе с земным миром. Твой дух достоин большего — Высшего Света!

— Сам-то ты не торопишься покинуть этот презренный мир. Ещё и норовишь властвовать над ним, — усмехнулся Вышата.

— Да, властвовать над материей — лишь затем, чтобы стать выше её. А упиваться земной властью — оставим это нашим игрушкам и рабам, всем этим Ардагастам, Неронам, Фарзоям...

Гневно сверкнув глазами, Вышата указал на клокочущее Пекло:

— Это ты — раб и игрушка тех, кто там! Раб своих пороков! А я живу ради таких, как Ардагаст. Холодно и темно мне будет без них в твоём Высшем Свете.

«А не столкнут ли бессильного скифского мага туда, вниз?» — подумалось Валенту. Неизвестно только, как поведут себя безмолвные аланы, стерегущие волхва. Ещё и эти две орлицы над головами...

Обе дружины миновали ещё два шумевших подо льдом порога: Вольный и Виручий — бурлящий. Уже темнело, когда показался высокий и длинный, поросший густым лесом остров Таволжаный. Здесь была главная переправа через Днепр для едущих из Аорсии в земли роксоланов. Зимняя ставка Роксага находилась на реке Герр, среди богатых пастбищ. Как раз там, где некогда зимовали великие цари скифов царских. Фарзой тихо выругался, глядя, как роксоланская дружина на левом берегу скрывается за высокой «головой» острова. Граница двух царств — Днепр. Летом на Таволжаном рыбачат герры, на Перуне — роксоланы. Чей же он, остров Громового Змея? Нет, война сейчас Фарзою не нужна. Но и золотых даров он никому не отдаст! Клёкот и рёв грифонов раздался совсем близко.

Вслед за царём аланы пустили своих коней вскачь. За ними поспешили росы. Наезженным путём всадники рысью переехали реку, пересекли по глубокой балке Таволжаный, и вот между двумя высокими скалами им открылся вид на Перун-остров. Высокий и лесистый, он напоминал огромного змея-ящера, лежащего заострённой головой на север. Самое высокое место острова — макушка чудовища, самое низкое — загривок. Говорят, это и есть дракон, то ли свергнутый Громовником с неба и окаменевший, то ли всплывший из неведомых глубин и поражённый молниями.

Выехавшие было на лёд аланы придержали коней. На острове теснились закованные в броню всадники. Над «загривком» развевалось роксоланское знамя. А на «макушке» сидел, воздев к темнеющему небу орлиные крылья, грифон. Сияние его шерсти и перьев золотым костром озаряло остров, рассеивая зимние сумерки. И летел над Днепром и степью, над всей замершей в ожидании чего-то невиданного страной крик диво-зверя, зловещий и призывный.

Рядом с грифоном стоял столб, а возле него — двое людей. Валент напряг духовное зрение. Те же три наверхия. Скифский Зевс — на столбе, трезубец держит старый герр, а богиню — какая-то колдунья.

— Видите? — Вышата указал скованными руками на сияющего зверя. — Это и есть небесное золото, которое вы ищете. Оно — из солнечного пламени, а потому может оборотиться и зверем, и птицей, и человеком. Может в нижний мир уйти или в верхний улететь. Что, чернокнижник, сумеешь его удержать?

Некромант досадливо прикусил губу. Кладоискательской магией он занимался мало, считая её достоянием корыстолюбивой черни, вроде тех египтян, что, рискуя жизнью, добывали для его Братства магические предметы и папирусы из гробниц и заброшенных храмов.

— Не сумеешь? — продолжал волхв. — А мы сумеем. Авхадайн, Милана — вот они на острове, — Лютица, ну и я, если царь изволит меня расковать.

— Так ты поможешь мне овладеть дарами? — обернулся к Вышате Фарзой.

— Мы всё сделаем, чтобы Колаксаевы дары не ушли из этого мира: они нужны всей Скифии. Ничем другим тебе помогать не станем: нет таких чар, чтобы Огненную Правду изменить.

Валент с ехидной усмешкой похлопал по чёрному ларцу с Огненной Чашей. Волхв, не смутившись, сказал:

— Правду можно скрыть от людей, но лишь на время. Она прожжёт все ваши колдовские доски и плиты и явится тем, кто её ищет.

— Нет, я не раскую тебя, волхв. Ты служишь не мне, а своей Правде. Как бы ты ни стал мешать мне, — хитро прищурился Фарзой, — а золото вы всё равно удержите. Это ведь нужно вам самим.

Узкоглазый бог на поясе царя тоже весело прищурился, держа двух грифонов. Царь был доволен собой: он может повелевать даже могущественными магами.

Фарзой тронул коня и доехал до середины реки. С ним были лишь Инисмей и Умабий. Навстречу им выехали Роксаг с Сагдевом. Во всём красном, с золотыми гривнами на шеях, со сверкающими золотом и бирюзой поясами, отец и сын очень походили друг на друга. Оба темноволосые, с плохо закрученными чёрными усами, оба красивые, наглые и уверенные в себе и в милости Артимпасы. Сагдева мало изменил даже северный подход. Хотя и заставил кое над чем призадуматься. Роксаг приветственно поднял руку:

— Здравствуй, Фарзой! А где же Ардагаст, лучший воин Аорсии? Говорят, будто ты его заковал. Не могу поверить такому!

— Да, я велел его заковать. Он посмел не отдать мне то, за чем я его послал, а это в моём царстве никому не прощается.

— Ты неблагоприятен. «Длинное ухо» уже разнесло весть. Я говорил кое с кем из аорских князей. Они сочувствуют царю росов и порицают тебя, — самым небрежным тоном заметил Роксаг.

— В чём виновен Ардагаст? Что совершил то, чего не смог никто из нас? — горячо воскликнул Сагдев.

— А что ты, сосед, делаешь на этом острове? — столь же небрежно спросил царь роксоланов. — Он мой. И пещера на нём тоже моя.

— Уже видишь себя великим царём Скифии? — вспыхнул Фарзой. — Так не ты ли это подстрекал Ардагаста? Только в пещеру вам не войти без стрелы Абариса, а она у меня! А спор из-за острова мы можем разрешить в поединке. Или в бою.

— Сарматские цари будут убивать друг друга из-за какого-то лесовика? Позор! — возмутился Умабий.

— И на чьей стороне будет его дружина? Не губи себя и царство, отец! — вмешался Инисмей.

— Ардагаста привёл сюда Путь Солнца. Я шёл с ним и знаю: с этого Пути нельзя свернуть, а кто его преграждает — враг Светлым богам, — сказал Сагдев.

Глаза Фарзоя полыхнули гневом. Хитрый, осмотрительный царь Аорсии пропал, и вернулся молодой аланский князь, готовый дерзко создавать и крушить царства. Выдвинув меч из ножен, он громко сказал:

— А меня привёл путь Меча-Ортагна, и я с него не сверну! На нём я создал Аорсию, и она — за мной.

Роксаг пожал плечами и преспокойно произнёс:

— Иди. Тебя остановят боги, если захотят.

Рубин и топаз горели в перстнях на холёных пальцах Валента.

Три конные дружины — шесть сотен всадников — едва уместились на небольшом лесистом острове. Предводители и лучшие воины собрались на западном берегу, у «головы» острова-змея. Здесь, у самой воды, скалу рассекал вход в пещеру. В свете разведённых на берегу костров была видна ржавая, до половины занесённая песком железная дверь. Берег был крут, и воины столпились на льду, освободив место у двери. Цепкий взгляд Валента заметил, что главных соратников Ардагаста, кроме оборотня Волхва, не было. Вдруг раздалось:

— Дорогу дружине Дажьбожьей, русальной!

Росские дружинники расступились, пропуская в круг двенадцать человек в личинах, при оружии, с жезлами в руках. Предводитель в маске льва держал шест, увенчанный ярко раскрашенным, весёлым ликом Дажьбога-Солнца. Ещё тут были тур, медведь, коза, волк, олень, старик, грек, римский солдат... Двое ряженых вместе изображали коня.

Валент был наслышан о русальцах — отборных воинах Ардагаста, одинаково хорошо владевших мечом и магическим жезлом. Правда, жезлы эти имели силу лишь в дни главных венецких праздников — Святок и Купалы, но именно тогда ни один демон или колдун не мог одолеть священной дружины скифского Аполлона. Некромант знал, что Вышата рядится львом, индеец — туром, а гот — медведем. Да, этих двух гигантов трудно не узнать даже под масками, но кто же тогда лев? Вышата стоит скованный рядом с Ардагастом и Ларишкой. Амазонка, кстати, успела принарядиться. Красное шёлковое покрывало, синий плащ, сколотый золотой застёжкой, золотые с бирюзой серьги в виде эротов на дельфинах...

«Лев» заговорил сильным женским голосом:

— Люди добрые! Сегодня праздник, Святой Вечер. Этой ночью рождается Дажьбог-Солнце. Он, Божич златорукий, златоволосый — в лоне Матери-Земли, Лады. Огненное золото его — в пещере. Без колядования, без пляски русальной не родится Божич, не откроется пещера, не отступят тьма и холод. Дозвольте, цари могучие, спеть вам коляду!

«Колдунья, жена Вышаты», — догадался Валент. А сверху зазвенели колокольчики и раздался голос Авхадайна:

— Вижу: нечисть обступила Священный остров. Оградите его чарами, оградите обрядами!

Даже телесные глаза видели, как на Таволжаном шевелятся в лунном свете чёрные тени, вспыхивают в зарослях огоньки глаз. Духовному же взору южного мага было видно гораздо больше. Что же, если невежественные скифские колдуны укротят скифских же демонов и не дадут небесному золоту исчезнуть, это только на руку Валенту. Он же сбережёт магические

силы для более важного: поединка с архонтами Юпитера и Солнца. Сначала руками Фарзоя уничтожить змея-стража. Затем сдержать огненную силу даров. Совсем ненадолго (иначе и не выйдет): лишь бы Фарзой смог их взять. Потом три царя перегрызутся из-за даров, и тут-то высвобожденное солнечное пламя превратит остров в гигантский костёр. Он, великий маг, успеет улететь: Мовшаэль вынесет, а дракон ждёт в лесу на Таволжаном. На страшное пепелище лет сто не сунется ни один варвар. Если дары не расплавятся, можно будет спокойно поискать способ подчинить их или уничтожить.

Суботов с утра гудел растревоженным ульем. Узнав о пленении Ардагаста, люди ждали самого худшего: набегов, войны, угона в рабство. Знатные сарматы, в основном родичи Андака и Сауаспа, поносили самоуверенного царя-выскочку и призывали избрать царём Андака, даже заочно, и поклониться Фарзою богатыми дарами, разграбив имущество Ардагаста и его соратников. Дядя Ардабур с дружинниками разъезжали по селу и охаживали самых рьяных крикунов плетьюми. Многие сарматы его поддерживали, тем более что уже дошёл слух о гибели дружины Андака. Одни из венедов грозили крикунам кольями, другие же робко оглядывались на старейшин. А те расхаживали с посохами и увещевали не осквернять праздник кровопролитием, не спешить менять царей, полагаться же на волю и милость богов. На стариков не смели поднять руку и самые буйные сарматы. Когда же появлялась Добряна, смолкали все и лишь тихо шептали: «Семь Врат Прошедшая!»

Когда же настал вечер, на улицу вышли Авхафарн и колядники. Не чета царской русальной дружине, но вымолить хороший урожай и приплод умели, и разогнать наглевшую в эти дни нечисть тоже. Увидев их, люди успокаивались и расходились по домам — встречать дорогих гостей, несущих благословение богов на весь год.

Праздновали и на Перун-острове. Русальцы первым делом пропели колядку Ардагасту и Ларишке. Царя величали ясным месяцем, царицу — красным солнышком, их детей — частыми звёздочками. Валент с тревогой замечал, как почтительно глядят на Ардагаста не только росы, но и аланы. И всю дорогу никто не насмехался над пленником. Даже скованный, он оставался для них всех Солнце-Царём. А на себе чернокнижник постоянно ловил неприязненные взгляды. Особенно эти нуры-оборотни. Вот и сейчас готовы наброситься в любой миг всей стаей. Некромант чувствовал себя среди варваров, хуже одинокого волка. Даже Андак не желал с ним говорить, глядел злобно и презрительно. Жалкий князёк, подкаблучник, после гибели жены подчинился первому же сильному — Ардагасту...

А русальцы величали остальных царей. Желали овец, как звёзд на небе, пшеничных снопов, как частого дождя. Роксагу спели о том, как ходил он за Дунай и не могли откупиться от него римляне ни золотом, ни серебром, а только красной девицей. Любимец Артимпасы так и сиял. Воспевали молодецкую отвагу Инисмея и Сагдева. Перед Фарзоем восхваляли его богатые города и бесчисленные стада и вдруг запели суровыми голосами о худом и грешном времени, когда брат на брата меч поднимает, царь на царя чары ищет, сосед соседу беду готовит. Колядников обильно одаряли, зная: для скупого и нечестивого хозяина у них есть в запасе совсем другие песни, накликающие несчастья и разорение.

Но вот смолкло стройное, мирное пение колядников. Резко зазвенели гусли, загремел бубен, и русальцы с мечами и жезлами в руках понеслись по кругу, высоко подскакивая и вертясь волчком. Грозно скрещивались мечи, образуя знак Солнца и Огня — косой крест. Такой же знак был нашит на вывороченных шерстью наружу кожихах Даждьбожьих воинов.

Мовшаэль обливался холодным потом, видя, как мелькает в руках Лютицы священная секира, страшная для демонов. За рекой злобно выла и ухала нечисть, не смея сунуться на Священный остров.

В круг вышла златорогая коза и забегала, заметалась. А за ней гнался длиннобородый старик с луком и булавой, следом — волк, медведь, грек и римский солдат. То Мороз-Чернобог и его слуги преследовали Ладу, готовившуюся родить Дажьбога. Гнались, хотели убить, чтобы никогда не кончилась самая длинная ночь в году, чтобы вечным стало царство холода, тьмы и смерти. Козу изображал Неждан, а старика Чернобога — Хилиарх. Этот старик, путавшийся в длинной бороде и потрясавший оружием, был смешон и страшен. Упала коза, сражённая его стрелой, а он, отогнав волка и медведя, подозвал гречина. На гречине был чёрный плащ и колпак, размалёванный магическими знаками. Колдун пытался взять козу за золотые рога, но отдёргивал руки, обжигаясь. А легионер подгонял его пинками, бранился и кричал, что его повелитель Нерон не любит ждать. Валент скрипел зубами: невежественные варвары насмеялись над ним, великим иерофантом!

Вдруг гусли Пересвета заиграли весело, зажигаяще, и полетели в огненном танце златорогий олень, лев и тур — воплощения новорождённого Божича, и разбежалась вся нечистая свора, а коза встала и пустилась в пляс. Росы, аланы и роксоланы бурно веселились, азартно били в ладоши. Одного лишь Валента не радовало это варварское веселье, и он каждый миг ожидал, что дикие скифы разом бросятся на него и изрубят во славу Солнца. Будь он неладен, этот русский аэд, всю дорогу услаждавший аланов песнями о подвигах своего царя! Если ещё и Фарзой отступится от него, Валента... Тогда варвары испробуют на себе чародейную силу семи перстней!

Среди веселья воины не сразу заметили, как исчез со скалы златосияющий грифон. А в небе ещё ярче засияло созвездие, которое венеды зовут Плугом, а греки — Орионом. Не ушёл ли на небеса сколотский клад? Взгляды всех обратились к Вышате. Воздев скованные руки к звёздам, он возгласил громко, уверенно:

— Вот Колаксаев Плуг — на небе. И он же — в этой пещере, вместе с Солнечной Секирой. Здесь и Чаша Колаксаева. Не ушёл от нас солнечный клад ни к богам, ни к бесам. Кто считает себя достойным овладеть кладом или хоть увидеть его — пусть дерзнёт! Но пусть знает, — голос волхва зазвучал грозно, — великие силы разбудит он, и недостойного они сметут!

Зависть когтями стервятника стиснула сердце Валента. Маг-недоучка, далёкий от духовного совершенства, даже в оковах оставался духовным вождём этих варваров, и не только из своего племени! А он, великий иерофант, кому будет нужен здесь, лишённый силы магическими цепями? Раньше надо было избавиться от волхва и царька росов, и любой ценой! А теперь их обступили двенадцать воинов с магическими жезлами. Силу двенадцати знаков зодиака не одолеть и силой семи светил, сокрытой в перстнях.

Чёрными тенями над островом носились на нетопырьих крыльях бесы. Гася звёзды, пылая огненными глазами, тёмным призраком пролетел дракон. Нечисть скапливалась на Таволжаном, на левом берегу Днепра, на соседних островках, злобно шумела, но реки не переходила.

Твёрдыми шагами вышел в круг Фарзой, вонзил в снег свой меч и, простирая к нему руки, заговорил:

— Меч-Ортагн! Всем я обязан тебе и своей отваге. Испытай же мою силу! Открой мне путь к золотым дарам или прегради его в любом обличье. С боем или без боя я пройду к ним

и возьму — для блага моей Аорсии, мною созданной!

На одной из скал Таволжаного стояли два всадника. Один — молодой, златоволосый, на белом золотогривом коне. Другой — зрелый муж с буйными чёрными волосами и золотой бородой, на могучем буром коне.

— Столкнулись мой избранник с твоим, — усмехнулся в бороду старший. — А что? Оба сильны, отважны, каждый по царству создал...

— И могут сейчас оба царства разрушить. На радость дядюшке Чернобогу. Вот он ждёт, руки потирает, — сказал младший.

На другой скале, прозванной Волчьей, безмолвно возвышался третий всадник — длиннобородый старик на чёрном коне.

— Вот пусть твой моему дары и уступит, если такой праведный, — ответил старший.

— Эти дары не могу уступить даже я. Они сами выбирают достойного.

— Чем же твой достойнее?

— Даже во имя царства он не звал на помощь бесов. А рядом с твоим сейчас чёрный колдун и чёрт.

— Вот этого я никому не прощаю, — безжалостно произнёс старший, огненной искрой взмыл в воздух, перелетел реку, упал на «голову» священного острова-змея и исчез под землёй — там, где большой камень со священными знаками прикрывал ещё один, верхний вход в пещеру.

С мечом и золотой стрелой в руках Фарзой подошёл к железной двери, уже расчищенной дружинниками. По правую руку от него шёл, ловя на себе косые взгляды, Валент с Колаксаевой Чашей в чёрном ларце. По левую — видимый лишь волхвам толстый лысый демон. Великий царь чувствовал себя как зверь, умело загоняемый в охотничью ловушку. Тем хуже для охотников!

Фарзой коснулся стрелой Абариса двери, и та сама собой отворилась — медленно, со скрежетом. За ней блестела в свете костров другая дверь — золотая. Стрела заставила открыться и её. Удивительный золотистый свет озарял пещеру изнутри. Завидев его, вся нечисть, обступившая остров, яростно завывала, зарычала, словно стая хищников, учуявшая добычу. Дружинники выставили копья, наложили стрелы на тетивы. Ярким светом вдруг озарились три скифских навершия на «голове» острова, а колокольчики на них тревожно загудели, будто огромные колокола.

Царь, маг и бес вступили в пещеру. Подземелье с высоким сводом напоминало юрту. В нём стояли золотые и серебряные столы, накрытые скатертями с золотыми кистями и уставленные золотой и серебряной посудой. Кубки, рога, чаши... Искусной рукой грека на них были изображены суровые лица скифских царей и богов, подвиги родоначальников скифских племён. На пёстрых коврах, покрывавших стены, висели мечи и акинаки в золотых ножнах, золотые гориты. Некогда здесь было тайное святилище Ортагна-Перуна, скифского Арея, где порой сам грозный бог пировал вместе с лучшими из воинов Великой Скифии.

Но дивный свет исходил не от этого золотого великолепия. В самой глубине пещеры, на алтаре, покрытом парчой, лежали Секира и Плуг с ярмом. Золото, из которого они были отлиты, само собой ярко сияло, но не слепило глаз. Этот добрый свет невольно внушал человеку спокойную отвагу, уверенность в своих силах, готовность следовать до конца предназначенным богами и предками путём. Алтарь окружал своим телом, положив три головы на конец хвоста, крылатый змей. Аспидно-чёрная чешуя его тускло блестела в свете небесного золота. Чёрными, как у ворона, были и перья на его крыльях. Недвижный,

бездыханный, змей казался статуей, высеченной из чёрного камня.

«Да он, видно, давно издох. Иначе наводил бы страх на всю округу. Мёртвый страж сокровищ сгинувшего царства», — подумал Фарзой и шагнул вперёд. С алтаря взметнулось к потолку пещеры золотистое пламя. Взметнулось — и стало медленно опадать, борясь с неведомой силой. Валент сделал царю знак подождать. Пока что всё идёт по плану, думал чародей. Лишь бы сковать огненную силу даров совсем ненадолго — покуда торжествующий Фарзой не вынесет их из пещеры к столпившимся снаружи варварам. А потом... Смерть его будет поистине прекрасной — в солнечном пламени, в миг величайшего наслаждения славой и властью. И в этом же пламени сгорят посрамлённые Ардагаст с Вышатай и вся их шайка, видевшая свет Белого острова, чересчур отвлекающий людей от Высшего Света.

Валент чувствовал, как извне в пещеру проникают потоки чар, поддерживающих силу даров, — от оставшихся снаружи русских и геррских колдунов, а ещё — со стороны Экзампея. Потоки мощные, но не настолько, чтобы превзойти силу семи перстней.

А Чернобожье племя уже бросилось со всех сторон на Перун-остров. На льду бесов встретили копья и стрелы дружинников, зубы волколаков. Из наверхия с фигурой Папая вырывались молнии и разили летающую нечисть. Волхвам пришлось отвлекать силы для защиты острова. Валенту это было лишь на руку.

Вдруг некромант ясно ощутил присутствие одного из архонтов. Огненная искра слетела из-под свода пещеры, коснулась головы змея. И чудовище ожило. Вспыхнули красным огнём глаза. Чешуя и перья внезапно из чёрных стали золотисто-красными, сияющими. Когтистые лапы распрямились, поднимая могучее тело. Грозно взметнулись все три головы. Три зубастые пасти открылись, исторгая вой и рёв.

Фарзой выставил вперёд меч и акинак. Клинки запылали синим пламенем, исполнившись силой Грома. Из самой большой, средней пасти змея вырывались молнии, из двух остальных — языки пламени. Но, немного не долетев до царя, погасли. Незримый щит на их пути держали Валент с Мовшаэлем. Толстый бес дрожал всем телом. Он был рад бежать, но куда? Путь вверх преграждал камень со священными знаками и сыплющее молниями Папаево наверхие. Пройти сквозь пол или стены пещеры-святилища бес не мог. А у входа его ждали русальные жезлы и священная секира. Ещё и карающее заклятие Валента настигнет, куда ни побеги.

А душу Фарзоя переполнял дикий, отчаянный восторг. Он сражался с самим Ортагном! Страх и благоразумие равно покинули царя. Погибнуть ему теперь было легче, чем отступить.

— Орта-агн! — в этом крике было всё: вызов и мольба.

Хочешь потехи, грозный бог? Прими! Твой воин верен тебе и в бою с тобой!

Быстро и ловко, не уступая в подвижности молодому бойцу, царь уклонялся от нападений трёх змеиных голов и сам атаковал. Молнии с грохотом и вспышками срывались с его клинков, и под их ударами трескалась златоогненная чешуя. Он не думал о том, кто дал его оружию грозную силу, чьи чары прикрывают его от драконьих молний и пламени.

Внезапно чёрный ларец, оставленный Валентом на столе среди дорогой утвари, вспыхнул и обратился в пепел. Огненным цветком расцвела Колаксаева Чаша. Снова взметнулось пламя над Секирой и Плугом. Ещё сильнее хлынул поток чар из Экзампея. И треснул невидимый щит, воздвигнутый Валентом. Молния из пасти змея ударила в грудь Фарзою, прожигая насквозь железный панцирь. Царь упал, широко раскинув руки, по-прежнему крепко сжимавшие меч и акинак.

Валент молниеносно осознал: ещё несколько мгновений, и от него, великого мага, не останется даже обгорелых костей. «Выноси меня!» — приказал он демону. Став телесным, демон обхватил хозяина лапами и со всех ног помчался к выходу, отчаянно призывая Люцифера.

Вырвавшийся из пещеры вихрь разбросал воинов, но волколаки, мигом почувывшие, в чём дело, стаей бросились на беса и чернокнижника. Оставив в зубах оборотней куски своих икр и клочки чёрного с серебром плаща своего господина, Мовшаэль взмыл в воздух. Несколько стрел попали в беса, из них, на его счастье, ни одной заговорённой. К вящей досаде Валента, его дракон, дожидавшийся в лесу на Таволжаном, ввязался вместе с сородичами в драку на острове. Пришлось заклятиями укрощать глупую тварь, чтобы оседлать её.

Что произошло в пещере, первыми поняли волхвы. Не спрашивая никого, Лютица разрубила священной секирой колдовские оковы Ардагаста и Вышаты. Увидев это, Инисмей понял: отца больше нет. Если царь росов мог освободиться столь легко — значит, не хотел этого делать вопреки воле Фарзоя, не хотел становиться изгоем и мятежником. Непокорный рос заботился о царстве больше, чем его гордый и властный повелитель. Царевич сделал давно стоявшему наготове дружиннику знак — вернуть Ардагасту и Ларишке их оружие. Русальцы дружно выкрикнули: «Слава!»

Вышата, к которому теперь вернулась острота духовного зрения, громко закричал:

— Уходите все со льда! Поднимаются отродья Змея Глубин!

Лёд вокруг всего острова оглушительно затрещал, превращаясь в хаос больших и малых обломков. Не успевшие отойти на берег всадники проваливались в воду. Одних тянули на дно тяжёлые доспехи, других хватали огромные клешни, щупальца, зубастые пасти. Из ледяного крошева всплывали и устремлялись на берег громадные змеи, раки, скорпионы, ещё какие-то невиданные мерзкие твари. За ними спешили толпами черти днепровских порогов — чёрные, волосатые, с перепончатыми когтистыми лапами. Прямо напротив пещеры из воды поднялись семь змей с волчьими головами и клыкастыми пастями. Следом показалось громадное чешуйчатое тело, которому и принадлежали семь голов. Вдоль хребта торчал могучий гребень.

Строй всадников перед пещерой оцетинился копьями. Из семи плоток вырвалось злобное шипение, затем — синие молнии. Несколько всадников упало с коней.

— Расступитесь! Дорогу русальцам! — приказал Ардагаст.

Конный строй раздался. Теперь вход в пещеру защищали лишь двенадцать Дажьбожьих воинов. Вышата в маске льва снова встал среди них. Русальцы вытянули вперёд жезлы — и посреди реки на пути у семиглавого змея встала стена огня, в которой гасли синие молнии. Вода в Днепре закипела, отгоняя яростно ревящее чудовище. Вдруг из пещеры раздался ответный рёв и вой. Теперь расступились и русальцы. Из-под земли, вздымая могучий ветер, вылетел трёхглавый златоогненный змей. Оглушительно ревя и шипя, два змея принялись осыпать друг друга молниями.

Рождественская ночь обратилась в ад. Спасаясь от кипящей воды, черти и чудовища ещё яростнее устремились на берег. «Не настал ли Рагнарёк, последняя битва богов и их воинов с чудовищами?» — думал Сигвульф. Сверху на людей бросались летающие черти и драконы. Росы, аланы, роксоланы плечом к плечу защищали Священный остров, в недрах которого таилось огненное сердце Скифии. Рядом бились Андак и Сагдев, думая об одном: не уступить в мужестве недавнему сопернику — Ардагасту. Встав в полный рост, крушил водяную нечисть дубовым стволом Шишок. Сииртя Хаторо орудовал теперь длинным

копьем так же ловко, как гарпуном. Амазонки метко сбивали стрелами чертей-летунов.

В далёком Суботове знатные росы, севшие было в царском доме за праздничный стол, по зову Авхафарна вышли на улицу и узрели в небе видение: гибель царя в бою со змеем, а потом — битву двух змеев. И то же видели в эту ночь в Мадирканде.

Наконец полчища Змея Глубин не выдержали и устремились обратно в пучины. Скрылся с бессильно повисшими четырьмя головами семиглавый змей. Лёд снова сковал поверхность реки, сделав добычей волков тела вмерзших в него тварей. Валент, покружив на драконе над островом, улетел прочь ещё до окончания битвы. Молнии летели и в него, главное же — солнечное пламя так и не вырвалось из пещеры. Увы, скифская солнечная магия оказалась гораздо сильнее, чем полагали маги Братства Высшего Света.

Ардагаст окинул взглядом свою рать. Из его многоопытной дружины погибли совсем немногие, но как же было жаль именно этих, павших совсем недалеко от дома, в самом конце славного северного похода!

Трёхглавый змей-Перун улетел обратно в свою пещеру, и возле неё снова собрались предводители и лучшие воины трёх племён. Никто теперь не оспаривал права Ардагаста войти в хранилище Колаксаевых даров, и никто не смел последовать за ним. Твёрдым, уверенным шагом вошёл Зореславич в пещеру. Среди опрокинутых столов и разбросанных дорогих сосудов увидел он тело Фарзоя. В царском панцире на груди была прожжена большая дыра. Оплавились золотые украшения на кафтане и поясе. Посинели и почернели клинки. Не пострадала лишь стрела Абариса. А лицо царя словно помолодело. Вместо обычной хитрой осторожности и насмешливости, оно светилось теперь лихой отвагой степняка.

Полыхала огнём на столе Колаксаева Чаша. Трёхглавый змей обвивал алтарь, и тело чудовища из красно-золотого на глазах становилось чёрным: грозный бог покинул его. А на алтаре, покрытом парчой, лежало то, ради чего Зореславич совершил самый трудный и далёкий из своих походов, повёл за собой сотни лучших воинов Скифии к великой славе, а многих и к славной гибели. Колаксаевы Секира и Плуг.

У Секиры даже лезвие было золотым, но не приходилось сомневаться, что в бою это оружие не уступит бывшей Секире Богов. На рукояти были изображены один над другими тридцать зверей: конь, вепрь, олень, козерог, слон... Многие звериные обличья мог принимать Дажьбог. Но не было здесь самых грозных его воплощений — льва и грифона. Зато было Дерево Жизни с двумя козерогами, объедающими его листву. А обух украшали фигурки двух мирно лежащих коней. Ибо Огненная Секира была предназначена не для грабителей, покорителей, «потрясателей» Вселенной, а для защитников мирной жизни. Только им давала она силу и мужество.

Колаксаев Плуг был с виду самым обычным ралом, какое делают из толстой ветви, вырубленной вместе с частью ствола. Но вдоль дышла извивался змей, некогда запряжённый в плуг Сварогом, отцом Дажьбога. А на самом конце дышла устремлялся в полет, прижав рога к спине и вытянув голову, крылатый конь. И ярмо было обычное, для двух волов. Таким вот ралом, только деревянным, позолоченным, Ардагаст проводил первую борозду каждый год на Велик-день. Огненный Плуг давал изобилие и богатство, но лишь тому, кто был трудолюбив, щедр и изгонял зло из мира, а не служил ему. Хорошо ли быть бедным — не странствующему волхву, а целому племени? И в богатстве ли зло? Или в людях, что ради него делаются рабами Чернобога?

Чаша, Секира, Плуг. Справедливость, отвага, труд. Мудрость, победа, изобилие. Как

трудно обрести всё это и как легко потерять — человеку, царю, народу!

Ардагаст не взял в пещере ничего, кроме Огненной Чаши, а Секире и Плугу отдал земной поклон. Поднявшись же, увидел в золотом сиянии даров знакомый лик хозяина Белого острова. Довольно улыбаясь, Дажьбог сказал:

— Вижу — я не зря избрал тебя. Пусть Чаша и стрела останутся твоему роду. Кто в нём превзойдёт тебя — войдёт сюда и возьмёт остальные два дара. Но перед тобой сюда посмели зайти ещё двое смертных. Одного покарал мой брат. Другой бежал и натворит ещё много злых дел. Избавь мир от него и от его Перстней Зла. В том тебе поможет всё Братство Солнца.

Когда Ардагаст вышел из пещеры, на руках у него было тело Фарзоя, а в руках — пылающая огнём Чаша и сияющая золотая стрела. Обе двери, золотая и железная, сами собой закрылись за ним. Бесстрашные воины молчали, словно увидев самого Дажьбога-Гойтосира. В наступившей тишине разнёсся голос царя росов:

— Воины Аорсии! Великий царь Фарзой пал. Он совершил самый большой свой подвиг и самый большой грех: сразился со Змеем-Ортагном за дары, которых не был достоин. Ныне его душа стережёт Ирий.

Зореславич опустил тело на лёд. По небу грохотом копыт прокатился гром, и на миг все увидели там всадника в красной одежде, на красном коне, с пылающим синим светом клинком в руке. Инисмей поднял меч:

— Вечная слава Фарзою, отцу нашего царства!

Сотни мечей и копий взметнулись к звёздному небу. Потом взгляды всех снова обратились к Ардагасту. И вот уже послышались среди росов и даже аланов всё более громкие голоса:

— Пусть правит Аорсией Солнце-Царь! Быть Ардагасту великим царём!

Инисмей стоял над телом отца, безмолвно опустив голову. Зореславич окинул взглядом собравшихся. Заметил угрюмое лицо Умабия, хитрую ухмылку Роксага. А что скажут знатнейшие роды аорсов, когда соберутся в Мадиркан-де? Разжечь в Сарматии усобицу на радость Риму и Братству Тьмы? Не на то он зовётся Солнце-Царём. Подняв меч и Огненную Чашу, Ардагаст громко возгласил:

— Инисмей — великий царь! Слава Инисмею, сыну Фарзоя!

Радость и печаль вместе пришли на Тясмин. Вернулся ещё до Нового года, до Щедрого вечера царь Ардагаст с дружиной. Вернулись все его главные храбры. Но больше половины ушедших летом в поход навсегда остались в бескрайних просторах от Днепра до Ледяного моря. Вместо них пришли люди из доброго десятка неведомых прежде племён. Но никого из них не сочли чужаком: все они стали росами. Мало кто вернулся из дружины Андака. Князя одни славил, чуть ли не наравне с Ардагастом, другие проклинали за погубленное войско. Сам же князь первым делом ещё с дороги послал сватов к Милуше, дочери Добромира, и был радушно встречен знатными венедами.

Красивейшие девушки и женщины во главе с Добрянной встретили царя песнями и хлебом-солью. Ардагаст спрыгнул с коня, крепко обнял младшую царицу.

— Вернулся, родимый! Скажи хоть, надолго?

— Надолго! До конца Святков. Потом — в Мадирканд, на выборы великого царя. Хон, там и так знают, за кого росы. Потом — на север, в полюдьё. А в березозоле^[39], как всегда, вернусь. — Он заметил слёзы в её глазах. — Намучилась, верно, из-за меня? Ну, заковал

меня Фарзой. А теперь вот и самого Фарзоя нет...

— Да разве ты мог иначе? Не по правде?

— И верно! Я бы тогда и на Тясмин явиться не посмел.

Вот и белая мазанка под камышом. Резные ворота со знаками Солнца и царской тамгой, крыльцо с резными же столбами, похожими на коринфские колонны. Весело потрескивают дрова в очаге, обильно накрыт стол. С божницы знакомо улыбается златоусый, златоволосый Дажьбог, похожий на хозяина дома. Ардагаст с Ларишкой сняли пояса с оружием, сбросили башлыки, тёплые кафтаны, оставшись в вышитых сорочках: вышивать тохарка тоже умела — причудливо, по-восточному. Тут они с Добрянной многое переняли друг у друга.

А к ним уже бежали, радостно смеясь, отталкивая друг друга, дети.

— Тётя! А где мой ножик? На Золотой горе? — спросил Ардафарн.

— Ещё дальше: у самого Дажьбога на Белом острове. А ты, наследник, как без меня управлялся?

— А мы с Валамиром всех троих Андаковичей побили. Они перед Рождеством, как в селе смута была, хотели Доброслава побить. А ещё они тебя и маму Ларишку плохими словами ругали и кричали, что вас Фарзой в темницу посадит, к крысам.

— Проучили их — и ладно. Только зря не обижайте, они теперь сироты.

— У них скоро мачеха будет. Тётя Милуша! — поспешила поделиться новостью одна из царевен.

Ардагаст развернул шкуру белого медведя:

— Угадайте, что за зверь?

— А белых медведей не бывает, — озадаченно произнёс Доброслав.

— У нас в Скифии всё бывает, только поискать надо.

Зореславич бросил шкуру на пол и растянулся на ней, привалившись спиной к стене. Обе женщины устроились рядом, прижавшись к нему, а дети затеяли весёлую возню друг с другом и со взрослыми.

— Эх! До края света дошёл и ещё дальше, всякие чудеса видел, а лучше нашего дома ничего не нашёл.

Ардагасту, царю росов и венедов, было всего двадцать девять лет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Словарь божеств, упоминаемых в романе

Анахита — великое женское божество, богиня воды, солнца, плодородия, войны (*иран.*).

Аорсбараг (Белый Всадник)^[40] — бог воинов-мужчин (*сарм.*). Соответствует Яриле.

Артимпаса — богиня любви и войны (*скифо-сарм.*). Соответствует Моране и Яге.

Ахриман — бог тьмы и зла (*иран.*). Соответствует Чернобогу.

Белбог — см. Род.

Ваю — бог ветра и смерти (*иран.*).

Велес — бог луны, супруг Солнца (Лады)^[41], праотец богов, отец Белбога-Рода и Чернобога, бог животных, плодородия, магии, поэзии (*слав.*).

Войпель — бог северного ветра (*коми*).

Гойтосир — бог солнца (*скифо-сарм.*). См. Митра, Михр.

Дажьдбог — бог солнца, первый царь людей, сын Сварога и Лады, супруг Мораны (*слав.*). Соответствует сарматскому Хорсу и скифскому Колаксаю.

Девана — богиня охоты, дочь Перуна (*слав.*).

Ен — добрый бог неба, творец мира (*коми*). Соответствует Белбогу, Инмару, Нуму и т. д.

Золотая Баба — верховная богиня солнца, супруга бога неба (*коми, угор.*). Соответствует Ладе.

Индра — бог грома и войны, царь богов (*инд.*). Соответствует Перуну, Ортагну.

Инмар — добрый бог неба, творец мира (*удм.*).

Йома — богиня зла, смерти, колдовства (*коми*). Соответствует Яге.

Кереметь — бог зла, брат Инмара (*удм.*). Соответствует Чернобогу, Кулю, Нга.

Колаксай (Солнце-Царь) — солнечный первоцарь (*скиф.*), славянский Дажьдбог. Земное воплощение Гойтосира. Сын Таргитая (славянского Сварога).

Кришна — одно из главных воплощений бога солнца Вишну (*инд.*).

Куль (*Куль-отыр*) — бог зла, брат бога неба (Ена, Нуми-Торума) (*коми, угор.*). Соответствует Чернобогу, Кереметю.

Лада (Правда) — верховная богиня, супруга Велеса, Рода, Сварога, мать богов, сестра Яги (Кривды), богиня солнца, земли, хозяйка зверей (*слав.*).

Мир-сусне-хум (За Людьми Смотрящий Человек) солнечный бог-всадник, сын Пуми Горума и Золотой Бабы (*угор.*), индоиранский Митра.

Митра (*Михр*) — бог солнца, защитник добра и справедливости (*инд., иран.*); скифо-

сарматский Гойтосир.

Морана — богиня весны, смерти, войны, жена Дажьбога и Чернобога, дочь Сварога и Лады (слав.). Соответствует Артимпасе, Анахите.

Нга — бог зла (ненец.). Соответствует Чернобогу, Кулю и т. д.

Нум — верховный добрый бог неба (ненец.).

Нуми-Торум — верховный бог, брат Куль-отыра, творец мира (угор.). Соответствует Белбогу, Ену и т. д.

Один — верховный бог, отец богов, бог бури, войны, магии (герм.).

Ормазд — верховный бог неба, брат Ахримана (иран.). Соответствует Папаю, Роду и т. д.

Ортагн — бог войны и грозы (скифо-сарм., кушан.). Соответствует Перуну, Индре.

Папай — верховный небесный бог, отец богов (скиф.). Соответствует Ормазду, Роду и т. д.

Перун — бог грома и войны, сын Сварога и Лады (слав.).

Род (Белбог, Бог) — верховный бог неба, творец мира, отец богов, сын Велеса и Лады, брат Чернобога (слав.).

Саубараг (Чёрный Всадник) — бог ночных набегов (сарм.). Близок Чернобогу.

Сварог — небесный бог-кузнец, сын Рода и Лады, отец Перуна, Дажьбога, Ярилы (слав.).

Святовит — см. Род.

Стрибог — бог ветра и подземного мира (слав.). Близок Чернобогу, Ваю, Одину.

Хорс — см. Дажьбог.

Чернобог — бог зла и подземного мира, сын Велеса и Лады (слав.).

Шунда — бог солнца (удм., коми).

Яга (Кривда) — богиня зла, смерти, подземного мира, войны, сестра Лады (слав.). Отчасти соответствует Артимпасе.

Ярила — бог весны, плодородия, войны, сын Сварога и Лады (слав.).

Осроена — небольшое царство в северо-западной Месопотамии.

Иерофант — посвящающий в тайные учения.

Виндекс (ум. 68 г.) — наместник Галлии, первым восставший против Нерона.

Веспасиан — римский император (69—79 гг.), основатель династии Флавиев.

Борисфен — Днепр.

Pa — нижняя Волга.

Вересень — сентябрь.

Аристей Проконнеский (VII в. до н. э.) — греческий путешественник, поэт и солнечный маг.

Детинец — кремль, цитадель.

Экзампей — главное святилище Скифии (в верховьях р. Тясмин).

Рос — один из вариантов названия реки Ра (Рас, Рангха).

Зихи — адыгское племя на Черноморском побережье Кавказа.

Лютица — лъвица (*слав.*).

Башкирские названия рек Белой и Уфы — Агидель (Белая Волга) и Караидель (Чёрная Волга).

Даик — р. Урал.

Мобед — зороастрийский жрец.

Риши — мудрец (*инд.*).

Крыша Мира — Памир.

Перевод И.М. Стеблин-Каменского.

Посолонь — по ходу солнца (по часовой стрелке).

Индрик — мамонт (*слав.*).

Ханьский — китайский.

Перевод И.М. Стеблин-Каменского.

Полюдье — регулярные поездки князя за данью.

Небесные горы — Тяньшань.

Ашрам — обитель мудрецов-отшельников (*инд.*).

Оксианское озеро — Аральское море.

Вахш — здесь Амударья и её каспийский рукав — Узбой (ныне сухое русло).

Чаганиан — часть Бактрии (на юге нынешнего Узбекистана).

Аристоник, Савмак — предводители восстаний рабов и бедноты в Малой Азии и на Боспоре (II в. до н. э.).

Тьма — десять тысяч (*слав.*).

Герулы — германское племя, обитавшее в начале н. э. на датских островах.

Северный путь — путь на север вдоль берегов Норвегии.

Грудень — ноябрь (*слав.*).

Пифей из Массалии (Марсея) — греческий путешественник IV в. до н. э., достигший Туле (Норвегии).

Перевод М.Л. Гаспарова.

Киники — последователи философии Диогена и Антисфена (IV в. до н. э.). Вели простой образ жизни, отвергали рабство и роскошь.

Эвгемер и Ямбул (кон. IV — нач. III вв. до н. э.) — авторы древнейших утопических романов.

Березозол — апрель.

Имя восстанавливается условно.

Родословная славянских богов восстанавливается отчасти предположительно.